АЭТЕРНА
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

ISSN 2541-8076

№ 10-2/2026

НАУЧНЫЙ

ЭЛЕКТРОННЫЙ

ЖУРНАЛ

Академическая Публицистика

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА»

ISSN 2541-8076

Главный редактор:
Сукиасян Асатур Альбертович, к.э.н.

Редакционный совет:
Абдуллин Тимур Зуфарович, к.т.н.
Абидова Гулмира Шухратовна, д.т.н.
Авазов Сардоржон Эркин угли, д.с.-х.н.
Агафонов Юрий Алексеевич, д.м.н.
Алейникова Елена Владимировна, д.гос.упр.
Алиев Закир Гусейн оглы, д.фил.агр.н.
Андрейчев Алексей Владимирович, к.б.н.
Бабаян Анжела Владиславовна, д.пед.н.
Баишева Зиля Вагизовна, д.фил.н.
Байгузина Люза Закиевна, к.э.н.
Булатова Айсылу Ильдаровна, к.соц.н.
Бурак Леонид Чеславович, к.т.н., PhD
Ванесян Ашот Саркисович, д.м.н.
Васильев Федор Петрович, д.ю.н., член РАЮН
Вельчинская Елена Васильевна, д.фарм.н.
Виневская Анна Вячеславовна, к.пед.н.
Габрусь Андрей Александрович, к.э.н.
Галимова Гузалия Абкадировна, к.э.н.
Гетманская Елена Валентиновна, д.пед.н.
Гимранова Гузель Хамидулловна, к.э.н.
Григорьев Михаил Федосеевич, д.с.-х.н.
Грузинская Екатерина Игоревна, к.ю.н.
Гулиев Игбал Адилевич, к.э.н.
Датий Алексей Васильевич, д.м.н.
Долгов Дмитрий Иванович, к.э.н.
Дусматов Абдурахим Дусматович, к. т. н.
Ежкова Нина Сергеевна, д.пед.н.,
Екшикеев Тагер Кадырович, к.э.н.
Епхиева Марина Константиновна, к.пед.н., проф. РАЕ
Ефременко Евгений Сергеевич, к.м.н.
Закиров Мунавир Закиевич, к.т.н.
Зарипов Хусан Баходирович, PhD.
Иванова Нионила Ивановна, д.с.-х.н.
Калужина Светлана Анатольевна, д.х.н.
Канарейкин Александр Иванович, к.т.н.
Касимова Дилара Фаритовна, к.э.н.
Киракосян Сусана Арсеновна, к.ю.н.
Киркимбаева Жумагуль Слямбековна, д.вет.н.
Кленина Елена Анатольевна, к.филос.н.
Клещина Марина Геннадьевна, к.э.н.,
Козлов Юрий Павлович, д.б.н., заслуженный эколог РФ
Кондрашихин Андрей Борисович, д.э.н.
Кониковская Наталья Олеговна, к.э.н.
Конопацкова Ольга Михайловна, д.м.н.
Куликова Татьяна Ивановна, к.псих.н.
Курбанаева Лилия Хамматовна, к.э.н.
Курманова Лилия Рашидовна, д.э.н.
Ларионов Максим Викторович, д.б.н.
Малышкина Елена Владимировна, к.и. н.
Маркова Надежда Григорьевна, д.пед.н.
Мещерякова Алла Брониславовна, к.э.н.
Мухамадеева Зинфира Фанисовна, к.соц.н.
Мухамедова Гулчехра Рихсибаевна, к.пед.н.
Набиев Тухтамурод Сахобович, д.т.н.
Нурдавлятова Эльвира Фанизовна, к.э.н.
Песков Аркадий Евгеньевич, к.полит.н.
Половеня Сергей Иванович, к.т.н.
Пономарева Лариса Николаевна, к.э.н.
Почивалов Александр Владимирович, д.м.н.
Прошин Иван Александрович, д.т.н.
Равшанов Махмуд, д.филол. н.
Саттарова Рано Кадыровна, к.биол.н.,
Сафина Зиля Забировна, к.э.н.
Симонович Надежда Николаевна, к.псих. н.
Симонович Николай Евгеньевич, д.псих. н., академик РАЕН
Сирик Марина Сергеевна, к.ю.н.
Смирнов Павел Геннадьевич, к.пед.н.
Старцев Андрей Васильевич, д.т.н.
Танаева Замфира Рафисовна, д.пед.н.
Терзиев Венелин Кръстев, д.э.н., член РАЕ
Трифонова Елена Николаевна, к.э.н.
Умаров Бехзод Тургунпулатович, д.т.н.
Хайров Расим Золимхон углы, к.пед.н.
Хамзаев Иномжон Хамзаевич, к. т. н.
Хасанов Сайдинаби Сайдивалиевич, д.с.-х.н.
Чернышев Андрей Валентинович, д.э.н.
Чиладзе Георгий Бидзинович, д.э.н., д.ю.н., член РАЕ
Шилкина Елена Леонидовна, д.соц.н.
Шкирмонтов Александр Прокопьевич, д.т.н., член-РАЕ
Шляхов Станислав Михайлович, д.физ.-мат.н.
Шошин Сергей Владимирович, к.ю.н.
Юсупов Рахимьян Галимьянович, д.и. н.
Яковишина Татьяна Федоровна, д.т.н.
Янгиров Азат Вазирович, д.э.н.
Яруллин Рауль Рафаэллович, д.э.н., член РАЕ

Учредитель, издатель и редакция научного электронного журнала «Академическая публицистика»:
Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна»

450057, г. Уфа, ул. Пушкина 120 +7 347 266 60 68 https://aeterna-ufa.ru info@aeterna-ufa.ru

Верстка / корректура: Мартиросян О.В. / Некрасова Е.В.

Подписано для публикации на сайте https://aeterna-ufa.ru 27.10.2026 г.
Формат 60x90/8. Электронные текстовые данные (6.20 Мб). Усл. печ. л. 52.20.

Цена свободная. Распространяется по подписке.

Все статьи проходят экспертную оценку.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Учредитель, издатель и редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бабешко В.А., Мартынова С.С. 11
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Гончаров И.В. 14
РАЗВИТИЕ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ: МЕТОДИКИ, ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Чепурных Е.М. 18
ПРИКЛАДНЫЕ ЗАДАЧИ ПО МАТЕМАТИКЕ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ВЕТЕРИНАРИЯ» (СПО)

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мартынова С.С., Бабешко В.А. 22
ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Мартынова С.С., Бабешко В.А. 25
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Труфанова А.В. 28
БИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ И ПОЛЕВЫЕ ПРАКТИКИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Amangeldiyeva G., Amanmuhammedov S., Amanov V. 32
MODERN METHODOLOGIES IN TELECOMMUNICATIONS EDUCATION

Atayev M., Gylyjov G., Hayitkulyyev B. 37
METHODOLOGICAL FRAMEWORKS, LABORATORY SIMULATION ARCHITECTURES, AND APPLIED PEDAGOGICAL MODELS IN TELECOMMUNICATIONS ENGINEERING EDUCATION

Gurbanova Sh., Agajanov S., Pirliyev M. 43
PEDAGOGICAL MODELS, INTERACTIVE SIMULATION FRAMEWORKS, AND METHODOLOGICAL INNOVATIONS IN TELECOMMUNICATIONS EDUCATION

Penayeva O., Muhammetjumayev E., Muhammedov M. 48
PEDAGOGICAL STRATEGIES, INSTRUCTIONAL METHODOLOGIES, AND TECHNICAL TRAINING FRAMEWORKS IN TELECOMMUNICATIONS ENGINEERING

Saryyev N., Atayev B., Orazov Y. 53
PEDAGOGICAL MODELS, INTERACTIVE SIMULATION FRAMEWORKS, AND METHODOLOGICAL INNOVATIONS IN TELECOMMUNICATIONS EDUCATION

Азизов Б., Гошлыева М., Овезова Г., Гелдимырадова А. 58
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: КАТАЛИЗАТОР СОВРЕМЕННОГО ПРОГРЕССА

Байрамкулыева Б., Язмурадова А., Халмырадова А., Язлыев С. 62
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XXI ВЕКА

Гельдиева А.С., Деряева Н. Н., Башимов А.Ш. 65
SMART GOVERNMENT: ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Иванова А. 68
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ УСЛОВИЙ ТРУДА И ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ КОНДИТЕРСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Мартынова С.С., Бабешко В.А. 76
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ

Сарыбекова Л., Гочгулыева Г., Ризаева Н., Халназарова О. 79
IT-ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО: КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНЯТ МИР

Фирсов В.Д. 83
ЭЛЕКТРОЭРОЗИОННАЯ ОБРАБОТКА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

Hojamyradov R., Bayramgulyyeva O., Atayeva L. 90
INNOVATIVE METHODOLOGIES, DIGITAL TECHNOLOGIES, AND APPLIED PEDAGOGICAL MODELS IN AGRONOMIC AND AGRICULTURAL EDUCATION

Мередов М., Мыратмухаммедов Б. 96
НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫХ ПОЛУПРОВОДНИКОВЫХ ДАТЧИКОВ ДЛЯ ПРОВЕРКИ ВЛАЖНОСТИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Девяткина Ю.П. 102
ЦИФРОВИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ПЕРЕХОД НА ПЛАТФОРМУ «ЭЛЕКТРОННЫЙ БЮДЖЕТ»

Козинец Ю.М. 107
МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО ЭФФЕКТА

Ревенко А.А. 112
ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ ПО РАЗВИТИЮ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ПРАКТИЧЕСКИЕ РАСЧЁТЫ

Савчук А.А. 123
ФОРМЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ ПО ТРУДУ КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА АНАЛИЗА И ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ

Савчук А.А. 129
МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ АПК В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ЗАТРАТ НА ОПЛАТУ ТРУДА

Усикова А.В. 141
ОЦЕНКА И ЭТАПЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ КРЕДИТНОГО ПОРТФЕЛЯ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Усикова А.В. 148
СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ КРЕДИТНЫМ ПОРТФЕЛЕМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Яцукова А.Г. 154
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПРОГРАММАМИ И ОЦЕНКА ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И Г. СЕВАСТОПОЛЯ»

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Орлов А.С., Лаврикова В.В. 168
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Abamov J., Rejebova O., Atayeva G., Rejebova Z. 177
METHODOLOGICAL FRAMEWORKS, APPLIED PEDAGOGICAL MODELS, AND MODERN INSTRUCTIONAL STRATEGIES IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Begenjova M. 182
METHODOLOGICAL INNOVATIONS, APPLIED PEDAGOGICAL FRAMEWORKS, AND MODERN INSTRUCTIONAL STRATEGIES IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Nepesova L., Seyitmuhammedov D., Illekov Y. 187
INNOVATIVE METHODOLOGIES, INTERACTIVE PEDAGOGICAL FRAMEWORKS, AND MODERN INSTRUCTIONAL TECHNOLOGIES IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Валиева А.Н. 192
МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

Лесовщикова А.А., Мощева С.В. 197
РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС: ДЕКЛАРАТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андрющенко К.А. 202
ОБЖАЛОВАНИЕ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СРОКИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Володина М.А. 207
ПРЕДМЕТ ВЗЯТКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Дручинина Т.А. 212
ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Дручинина Т.А. 217
ЗАЩИТА КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ: ФОРМЫ, СПОСОБЫ И ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Конзор С.И. 221
ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕР РЕАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ

Конзор С.И. 227
СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОССИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ МЕР

Недина М.А. 233
ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Недина М.А. 238
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ГРАЖДАН В БЕЛАРУСИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВНЕСУДЕБНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Рогальская Е.А. 243
РАССМОТРЕНИЕ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рогальская Е.А. 248
ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБОЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Сбитнева И.В. 255
ДОГОВОР ОБ ОКАЗАНИИ АУДИТОРСКИХ УСЛУГ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ

Читах Ю.А. 269
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ УЧЁТА ЛИЦ, ЛИШЁННЫХ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Астафьева И.А. 282
РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРАНТОВ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Демьянова И.В., Леонтьева А.А. 293
ФОРМИРОВАНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ УМЕНИЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ШКОЛЬНОГО КУРСА ГЕОГРАФИИ

Керимова Дж.Х. 298
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Кузнецова Е.В. 301
ОТ «НАДО» К «ХОЧУ И МОГУ»: МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Мельникова Н.С., Елиференко Н.В. 306
СИСТЕМА КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ РЕЧИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗАИКАНИЕМ

Перепелкина К.А. 310
МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЦИФРОВЫМ ЗАДАНИЯМ ФОРМИРУЮЩЕГО ОЦЕНИВАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ (УГЛУБЛЕННЫЙ УРОВЕНЬ)

Сапаргельдиева Л. 318
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Сатдарова М., Ягмуров Б. 324
МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ИМЕНА В РУССКИХ И ТУРКМЕНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Толстова Ю.Ю., Ткачева С.А. 327
ПЕРЕМЕНКА БЕЗ СЛЕЗ: КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ДОСУГ РЕБЕНКА РАС СРЕДИ НЕЙРОТИПИЧНЫХ СВЕРСТНИКОВ

Худобина М.А., Хмара О.А. 331
НЕТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ С РОДИТЕЛЯМИ В СТАРШЕЙ ГРУППЕ

Ширяева Е.Н. 335
МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Аллаярова Р. 340
ОКАЗАНИЕ ПЕРВОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ НЕОТЛОЖНЫХ СОСТОЯНИЯХ

Гуллыева А.М. 345
АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕКА: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Гылыджова М. 348
ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ (IN SILICO / QSAR) В ДИЗАЙНЕ ПРОТИВООПУХОЛЕВЫХ СРЕДСТВ

Ёлдашова М. 351
МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ БИОСОВМЕСТИМОСТИ И АКТИВНОСТИ ПРИ СИНТЕЗЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СОЕДИНЕНИЙ

Какабаев Ш. 354
ПРАВИЛА НАЗНАЧЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЛЕКАРСТВ

Мяликгулыева Г. 359
ДИЗАЙН И СИНТЕЗ НОВЫХ АНТИБАКТЕРИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ НА ОСНОВЕ ГЕТЕРОЦИКЛИЧЕСКИХ СОЕДИНЕНИЙ

Нурмухаммедова А. 362
ПОЛУЧЕНИЕ НОВЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ВЕЩЕСТВ НА ОСНОВЕ ПРИРОДНЫХ РАСТИТЕЛЬНЫХ ЭКСТРАКТОВ И ИССЛЕДОВАНИЕ ИХ ХИМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Нурмырадов Ы. 365
ПРОФЕССИЯ ВРАЧА. ЛИЧНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

Сапарова Х. 370
НАНОСТРУКТУРИРОВАННЫЕ НОСИТЕЛИ ДЛЯ НАПРАВЛЕННОЙ ДОСТАВКИ И КОНТРОЛИРУЕМОГО ВЫСВОБОЖДЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ВЕЩЕСТВ

Хыдырова Г.Ч. 373
РЕГИОНАРНАЯ АНЕСТЕЗИЯ

Чурменов А. 377
МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАЦИЕНТА. АНАЛИЗЫ, ДИАГНОСТИКА И ПОСТАНОВКА ДИАГНОЗА

Шакулиев С.А. 382
ОСТРЫЙ ПАРАНЕФРИТ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ВОЗМОЖНЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ И МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Белова С.Г. 387
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОСТАВОК СЫРЬЯ И МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: РИСКИ, АДАПТАЦИЯ ЦЕПОЧЕК И СИСТЕМА КВАЛИФИКАЦИИ ПОСТАВЩИКОВ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Зайкова А.А. 394
ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИК ТАНЦА МОДЕРН КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО МАСТЕРСТВА ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сытдыхов Я. 404
ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО НА КАНУНЕ

АРХИТЕКТУРА

Гылычтаганова Б. 408
ИНЖЕНЕРНАЯ ГРАФИКА И СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ В АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лубинец О.А., Елиференко Н.В. 412
АЗБУКА ЧУВСТВ: КАК НАУЧИТЬ ОСОБОГО РЕБЁНКА (С ОВЗ) ПОНИМАТЬ СВОИ И ЧУЖИЕ ЭМОЦИИ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рожков Е.В. 417
ГДЕ МОЖНО СИСТЕМАТИЧЕСКИ ЗАНИМАТЬСЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ПЕРМИ)

Сергазиев А.О. 426
МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В АСПЕКТАХ ИНТЕГРАЦИИ УЧЕБНЫХ МИГРАНТОВ

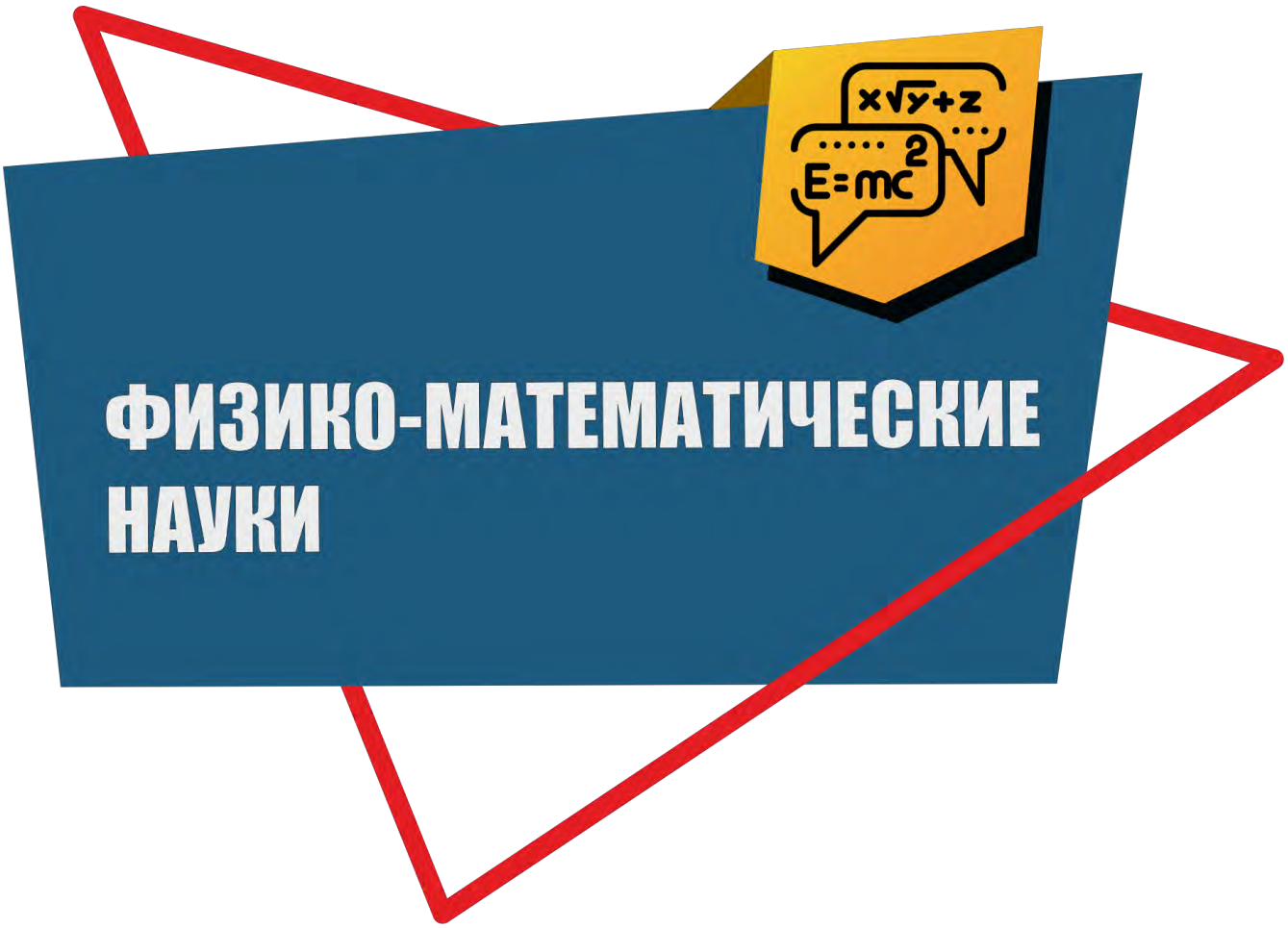
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Hajymuhammedov I. 432
PEDAGOGICAL MODELS, TECHNICAL CAPACITY BUILDING, AND HUMAN CAPITAL INTEGRATION AT THE TURKMENISTAN INVESTMENT FORUM (TIF 2026) IN ASHGABAT

Ovezova J. 437
PEDAGOGICAL STRATEGIES, VOCATIONAL ENGAGEMENT, AND HUMAN CAPITAL INTEGRATION IN YOUTH POLICY FRAMEWORKS

Rejepmuradova N. 442
TURKMENISTAN INVESTMENT FORUM (TIF 2026) IN ASHGABAT

Акмаммедова А.С. 447
СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

x√y+z
E=mc²
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 591.473.9.

Бабешко В.А.
преподаватель
ОГАПОУ «Дмитриевский аграрный колледж»
с. Дмитриевка, Белгородская область
Мартынова С.С.
преподаватель
ОГАПОУ «Дмитриевский аграрный колледж»
с. Дмитриевка, Белгородская область

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Аннотация

В статье рассматривается явление электричества в мире животных — способность живых организмов генерировать электрические разряды (электрогенез) и воспринимать электрические поля (электрорецепция).

Ключевые слова:

электричество, электроциты, электрогенез, электрорецепция, животный мир.

Электричество — универсальное свойство живых клеток. Любое движение мышц или передача нервного импульса сопровождается микроскопическими электрическими разрядами.

Самые известные «электрики» обитают в воде, так как вода хорошо проводит ток (благодаря солям). Электрические органы рыб — это видоизмененная мышечная ткань. Она состоит из особых клеток — электроцитов, которые работают как последовательно соединенные батарейки.

Сильно электрические виды (угорь, скат) используют мощные разряды как оружие для охоты и защиты. Слабо электрические виды (мормировые,

африканские сомы, акулы, дельфины) используют разряды для электролокации и электрокоммуникации, что позволяет обнаруживать объекты в мутной воде, и принимать о них информацию.

В животном мире электричество используется двумя способами: электрогенез и электрорецепция.

Электрогенез: способность вырабатывать электрические разряды. Этим обладают относительно немногие виды: электрические угри, скаты, сомы, а также некоторые слабо электрические рыбы Африки и Южной Америки.

Электрические органы рыб — это видоизмененная мышечная ткань. Она состоит из особых клеток — электроцитов, которые работают как последовательно соединенные батарейки.

Каждый электроцит в состоянии покоя имеет разность потенциалов на мембране (около 0,1 В). Когда нервный импульс дает команду, все клетки разряжаются синхронно, и их напряжения складываются. У электрического угря таких клеток около 500 тысяч, уложенных в столбики, что дает суммарный разряд до 860 вольт

Электрический угорь вырабатывает разряды до 860 вольт. Электрические органы занимают до 4/5 длины тела. Использует слабые импульсы для навигации, а мощные — для охоты и защиты. Электрический скат и сом: также относятся к «сильно электрическим» рыбам, способным оглушить добычу разрядом.

Электрорецепция: способность улавливать электрические поля извне. Рыб (акулы, скаты), у земноводных и у млекопитающих (утконос, ехидна).

Животные, которые «слышат» электричество, используют для этого специальные органы: Ампулы Лоренцини у акул и скатов — заполненные гелем каналы, ведущие к чувствительным клеткам. Они улавливают поля напряженностью до 0,02 микровольта на сантиметр.

Акулы не вырабатывают мощных разрядов, но отлично «считывают» электрические поля других существ и находят добычу с помощью ампул Лоренцини

— рецепторов на голове, улавливающих электрические поля, возникающие при сокращении мышц жертвы. Дельфины: улавливают поля с чувствительностью до 4,6 мкВ/см, что помогает находить зарывшуюся в песок рыбу.

Таким образом, электричество в мире животных представляет собой одно из наиболее ярких явлений в природе. Это важнейшая сенсорная система, демонстрирующая удивительные адаптации животных к окружающей среде. Принципы электролокации применяются в сенсорах для подводной робототехники, медицине (электрокардиография, электростимуляция). В дальнейшем, обещая все новые открытия в таких науках, как биоинженерия, нейрогеномика, нейроэтология.

Список использованной литературы:

1. Эди С. «Мы — электрические. Новая наука об электроме тела» (М.: Corpus, 2025).

2. Семячкина-Глушковская О. «Загадки природы: живое электричество» (журнал «Наука и жизнь», №9, 2010

3. Беркинблит М.Б., Глаголева Е.Г. «Электричество в живых организмах» (М.: Наука, 1988).

© Бабешко В.А., Мартынова С.С., 2026

УДК 159.955.3

Гончаров И.В.

учитель математики, МБОУ СОШ №7,

г. Белгород, РФ

РАЗВИТИЕ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ: МЕТОДИКИ, ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация

Целью настоящей работы является выявление методических подходов, проблемных зон и развивающих возможностей, связанных с развитием логического мышления в подростковом возрасте в условиях современной образовательной среды. Методология исследования опирается на анализ психолого-педагогической литературы, данных эмпирических диагностик и практического опыта организации учебной деятельности подростков. проблемно-ориентированных и исследовательских методов обучения.

Ключевые слова:

логическое мышление, подростковый возраст, когнитивное развитие, методика обучения, проблемное обучение.

Подростковый возраст представляет собой период качественной перестройки всей познавательной сферы личности. В этот период мышление приобретает новые характеристики, связанные с возрастающей способностью к абстрагированию, построению гипотез и оперированию понятиями вне опоры на конкретный наглядный материал. Как отмечается в современных исследованиях, логическое мышление формируется вместе с практической деятельностью и тесно связано с логическим опытом, накопленным в результате предшествующей активности человека [2, с. 31].

Современная образовательная ситуация предъявляет к подростку требования, выходящие за рамки простого воспроизведения информации. Общество нуждается в людях, способных к критическому анализу, аргументированному рассуждению и самостоятельному поиску решений. В этом контексте развитие логического мышления перестаёт быть вспомогательной задачей и превращается в условие успешной социализации и профессионального становления. Однако практика показывает, что процесс развития логического мышления у подростков сталкивается с рядом существенных трудностей, которые требуют специального педагогического осмысления.

Диагностические исследования, проводимые на выборках современных подростков, демонстрируют тревожную картину. У большинства учащихся доминирует средний уровень развития логического мышления, в то время как количество подростков с высоким уровнем относительно невелико, а доля учащихся с низким уровнем остаётся значительной [2, с. 33]. Это означает, что значительная часть подростков испытывает затруднения при выполнении заданий, требующих анализа, синтеза, сравнения и обобщения. Такие учащиеся оказываются не в состоянии полноценно осваивать учебный материал, который предполагает оперирование абстрактными понятиями и установление причинно-следственных связей.

Следует также учитывать, что в подростковом возрасте происходят существенные изменения в мотивационной сфере. Учебная деятельность утрачивает свою первостепенную значимость, уступая место общению со сверстниками и самопознанию. В этих условиях развитие логического мышления требует особых усилий со стороны педагога, направленных на поддержание познавательного интереса и демонстрацию практической ценности мыслительных навыков. Как подчёркивается в литературе, логическое мышление способствует развитию познавательной активности учащихся, самостоятельности в формулировании гипотез и выводов, включению в поисковую деятельность [3, с.

6]. Следовательно, работа по развитию логического мышления имеет не только образовательное, но и мотивационное значение.

Более продуктивным представляется интегративный подход, при котором развитие логического мышления осуществляется в процессе изучения конкретных учебных дисциплин. Предметы естественнонаучного цикла, в частности биология, обладают значительным потенциалом для формирования логических действий, поскольку предполагают работу с понятиями, классификациями, причинно-следственными связями и гипотезами [3, с. 8]. Аналогичным потенциалом обладают математика, физика, история и другие дисциплины, содержание которых требует последовательного рассуждения и аргументации.

Особое значение в развитии логического мышления подростков имеют проблемно-ориентированные и исследовательские методы обучения. Проблемная ситуация активизирует внутренние когнитивные механизмы, способствует развитию гипотетического и причинно-следственного мышления. Использование проблемных вопросов, кейс-технологий и ситуационного анализа способствует выработке у учащихся умений аргументировать, доказывать и логически обосновывать собственные суждения [1, с. 74]. Исследовательская деятельность, предполагающая выдвижение гипотезы, сбор и обработку данных, формулирование выводов, формирует у подростков умение выстраивать логические цепочки и работать с причинно-следственными структурами.

Игровые технологии также занимают важное место в системе методов развития логического мышления. Игровая деятельность создаёт эмоционально положительную мотивацию, снижает тревожность и способствует развитию когнитивной гибкости. Логические игры, от классических шахмат и судоку до цифровых симуляторов, повышают активность префронтальных зон мозга, ответственных за планирование и контроль действий [1, с. 73]. В подростковом возрасте игровые формы могут использоваться как в урочной, так и во внеурочной деятельности, обеспечивая дополнительный ресурс для развития мыслительных навыков.

Наиболее перспективным направлением является интеграция логических заданий в предметное содержание, использование проблемно-ориентированных и исследовательских методов, а также применение игровых технологий. Только комплексный подход, учитывающий возрастные особенности и индивидуальные различия учащихся, способен обеспечить полноценное развитие логического мышления как базового компонента познавательной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Балашова Ю.Р. Внеурочная деятельность и шахматы: пути развития логического мышления у младших школьников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 4-2. С. 71–76.

2. Павловская Н.Г., Байкадамов Д.В. Особенности логического мышления современных подростков // Педагогическая перспектива. 2021. № 2. С. 30–35.

3. Пронина Н.А., Романова Е.В. Развитие логического мышления учащихся подросткового возраста на уроках биологии // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13, № 4.

4. Особенности и назначение когнитивной сферы личности подростка // КиберЛенинка. 2020.

© Гончаров И.В., 2026

УДК 51.3054

Чепурных Е.М.,

почетный работник НПО

Преподаватель ОГАПОУ «Дмитриевский аграрный колледж»

с. Дмитриевка, Белгородская область

ПРИКЛАДНЫЕ ЗАДАЧИ ПО МАТЕМАТИКЕ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ВЕТЕРИНАРИЯ» (СПО)

Аннотация

В статье рассматривается проблема мотивации студентов специальности «Ветеринария» уровня СПО к изучению математики. Обосновывается практико-ориентированный подход: математические задания формулируются как профессиональные ситуации (расчёт доз препаратов, приготовление растворов, оценка живой массы, расчёт прироста и питательности кормов). Показано, что включение таких задач способствует формированию общих и профессиональных компетенций.

Ключевые слова:

прикладные задачи; математика в СПО; практико-ориентированное обучение; профессиональные компетенции; дозирование препаратов; приготовление растворов; оценка живой массы; мотивация студентов.

Одной из устойчивых проблем преподавания математики в системе среднего профессионального образования остается низкая мотивация студентов к изучению дисциплины обусловленная неочевидностью её связи с будущей профессией. Я хочу показать, что уровень математической подготовки — необходимое условие успешности и востребованности выпускника на рынке труда. Работодатели ждут от молодых специалистов ответственности, способности логично мыслить,

анализировать и прогнозировать результаты своей деятельности. И математика способствует формированию этих способностей. На занятиях, в процессе решения прикладных задач, у студентов формируется системность мышления и действий, способность к анализу, абстрагированию, систематизации.

На занятиях по математике студенты часто спрашивают: зачем им математика, как она пригодится им в дальнейшей жизни, как знания формул и теорем помогут в выбранной специальности? Ответить на эти вопросы и показать студентам связь математики с их будущей специальностью, изменить их эмоционально-чувственное отношение к предмету позволяют задачи прикладного характера.

Но давайте посмотрим на реальную работу ветеринарного фельдшера. Назначить препарат — нужно рассчитать дозу по массе животного. Приготовить раствор для дезинфекции — нужно развести концентрат до нужной концентрации. Оценить развитие телёнка — нужно посчитать среднесуточный прирост. Заполнить документы — снова расчёты. Профессия буквально пронизана математикой — просто она «спрятана» за профессиональными задачами.

Предлагаю строить курс математики на прикладных задачах с ветеринарным содержанием.

Вот несколько примеров, которые мы используем.

Дозирование препаратов. Классическая задача на пропорцию: «Назначен антибиотик в дозе 0,1 мл на 1 кг массы. Масса телёнка — 120 кг. Сколько мл нужно ввести?» Студент решает пропорцию — и одновременно осваивает действие, которое будет выполнять на приёме.

Приготовление растворов. Есть 10%-й раствор хлорамина. Сколько воды и раствора нужно взять, чтобы получить 5 литров 0,5%-го раствора для дезинфекции? Это задача на проценты и смеси, но её результат — реальный раствор для обработки помещения.

Оценка живой массы. По формуле m=pl/50 (обхват груди умножить на косую длину туловища, разделить на 50) можно быстро оценить вес коровы без весов.

Студенты подставляют данные — и видят, как формула работает в реальной практике.

Оценка продуктивности. Телёнок родился с массой 32 кг, через 30 дней весит 48 кг. Каков среднесуточный прирост? Простое вычитание и деление — но это стандартный показатель в животноводстве.

Учёт и статистика. В стаде 40 голов, из них 6 больны. Какова вероятность, что случайно выбранное животное окажется больным? Это базовые понятия вероятности, которые помогают понимать эпизоотологическую обстановку.

Почему это работает

Когда задача сформулирована как профессиональная ситуация, а не как «пример из учебника», меняется отношение студентов. Появляется вопрос: «А правильно ли я рассчитал дозу? Не навредил ли животному?» — и это уже не страх перед математикой, а профессиональная ответственность.

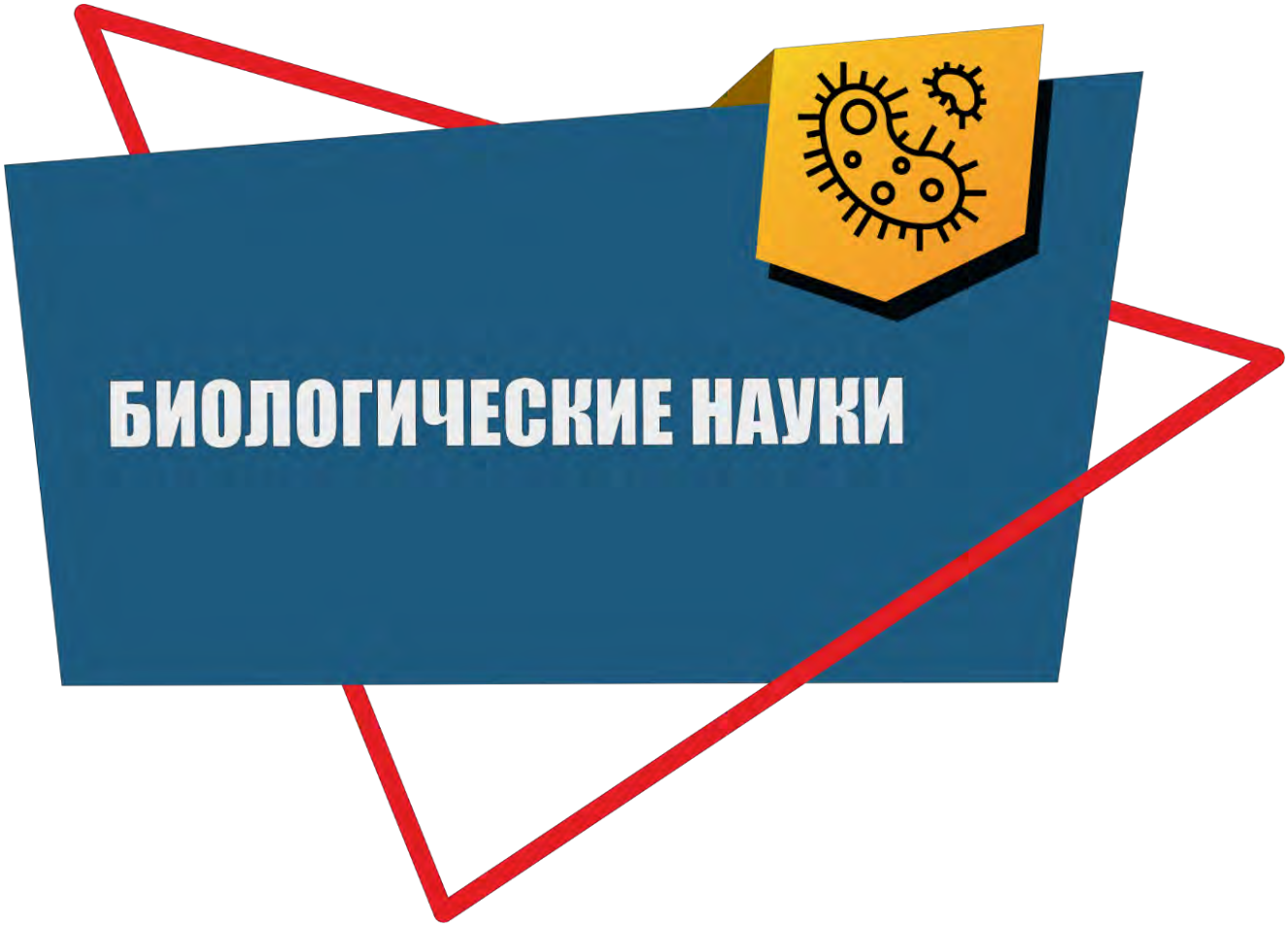
Кроме того, такие задачи связывают математику с профильными дисциплинами — фармакологией, кормлением, эпизоотологией. Студент видит единую картину своей специальности, а не набор разрозненных предметов.

Таким образом, прикладные задачи не «упрощают» математику и не заменяют её фундаментальные разделы. Они отвечают на вопрос, который студент задает с первого занятия: зачем мне это нужно. Математика в СПО для ветеринарного фельдшера должна преподаваться, как инструмент профессиональной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Баврин И.И. Математика: учебник и практикум для СПО-2-е изд.-М.: Юрайт, 2026
2. Виноградов М.В. Практикум по математике: учебное пособие.-Тюмень: ГАУ Севрного Зауралья, 2024.
3. Подходова Н.С., Орлов В.В., Стефанова Н.Л., Иванов И.А. Методика обучения математике: учебник для СПО. — М.: Юрайт, 2025.

© Чепурных Е.М., 2026

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 58.072, 615.322

Мартынова С.С.

Преподаватель ОГАПОУ «Дмитриевский аграрный колледж»

с. Дмитриевка. Белгородская область

Бабешко В.А.

Преподаватель ОГАПОУ «Дмитриевский аграрный колледж»

с. Дмитриевка. Белгородская область

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация

В статье рассматривается роль лекарственных растений как важного ресурса для поддержания здоровья с проведением анализа исторических аспектов использования фитотерапии до современных научных исследований. Лекарственные растения являются незаменимым компонентом для профилактики и лечения широкого спектра заболеваний, несмотря на развитие синтетической фармакологии.

Ключевые слова:

лекарственные растения, история, научная и народная медицина, биологически активные вещества, фитотерапия.

В лечебных целях растения использовали еще до возникновения письменности. Первые записи о применении лекарственных растениях принадлежали шумерам, которые жили на территории нынешнего Ирака за 6000 лет до н.э. В столице Ассирии существовал сад с лекарственными растениями. Еще за 4000 лет до н.э. египтяне создали подобие фармакологии с описанием и применением лекарственных растений, и этот опыт тщательно изучали врачи Древней Греции. Впоследствии философ и врач Гиппократ создал первое,

дошедшее до нас сочинение о лекарственных растениях, где подробно описал более 236 лекарственных растений. Лечение растениями так же широко применялось в странах Восточной и Южной Азии, где широкое распространение приобрела Тибетская медицина.

В настоящее время лекарственные растения применяются при лечении различных заболеваний в научной и народной медицине. Благодаря наличию в растениях особых химических веществ: алкалоидов, сапонинов, ферментов, витаминов, эфирных масел, дубильных веществ, органических веществ, которые оказывают на организм человека фармакологическое действие. Помимо синтеза лекарственных препаратов до 40 процентов лечебных препаратов вырабатывают из лекарственных растений, что позволяет успешно применять их при лечении желудочно-кишечных, сердечно-сосудистых, нервных заболеваний, так как лекарственные препараты, приготовленные из растений наиболее безопасны для человека и редко проявляет побочные действия. На сегодня многие лекарственные и витаминные растения, например смородина, шиповник, цитрусовые, земляника, малина успешно культивируются человеком. В России в культуру выращивают около 60 видов растений, а в диком виде на территории страны используется более 200 видов лекарственных растений. В специализированных хозяйствах и на фермах выращивают: ромашку аптечную, пустырник, мяту перечную, женьшень и т.д. Из них получают витамины, биогенные стимуляторы, противомикробные вещества.

Лекарственные растения играют огромную роль в жизни человека. Они являются исторически сложившимся источником целительных веществ и важным компонентом современной фармакологии. На Земле насчитывается более 20000-30000 видов лекарственных растений, и медицина постоянно пополняется новыми лекарственными препаратами, полученными из растений.

Список использованной литературы:

1. Булаев, В.М. Безопасность и эффективность лекарственных растений / В.М. Булаев, Е.В. Ших, Д.А. Сычев. - М.: Практическая медицина, 2013.

2. Валягина-Малютина, Е.Т. Лекарственные растения / Е.Т. Валягина-Малютина. - М.: Специальная литература, 1996.

3. Иванов, С. В. К. Варлих. Атлас русских лекарственных растений / С. Иванов. - М.: Белый город, Воскресный день, 2013.

4. Мазнев, Н. И. Большая энциклопедия высокоэффективных лекарственных растений / Н.И. Мазнев. - М.: Эксмо, 2007.

© Мартынова С.С., Бабешко В.А., 2026

УДК 502

Мартынова С.С.

преподаватель ОГАПОУ «Дмитриевский аграрный колледж»,

с. Дмитриевка, Белгородская область

Бабешко В.А.

преподаватель ОГАПОУ «Дмитриевский аграрный колледж»,

с. Дмитриевка, Белгородская область

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные экологические проблемы России, связанные с деятельностью человека и рассматриваются возможные пути их решения.

Ключевые слова:

экологические проблемы, здоровье, загрязнение окружающей среды,

пути решения экологических проблем.

В России в связи с развитием экономики возникает сложная экологическая обстановка, что приводит к экологическим проблемам: загрязнение атмосферы; вырубка лесов; загрязнение водных объектов; накопление твёрдых отходов; исчезновение растений и животных; радиоактивное загрязнение; ухудшение состояния почвенного покрова.

В результате нерационального природопользования экологические проблемы приводят к нарушению окружающей среды. Сокращается биологическое разнообразие живой природы. Ухудшаются условия жизни человека, и создаётся угроза для здоровья. По статистике, в России ежегодно от промышленного и транспортного загрязнения преждевременно умирают до 130 тысяч человек в

результате онкологических, сердечно-сосудистых, нервных и респираторных заболеваний, повышается уровень хронических заболеваний: сахарный диабет, гипертоническая болезнь, бронхиальная астма.

С появлением экологических проблем разрабатываются пути их решения:

1. Разрабатывать и усовершенствовать законы и законодательные акты, в области природопользования. Контролировать неукоснительного выполнения решения органов власти;

2. С самого раннего возраста воспитывать экологическую грамотность у детей и вести просветительские мероприятия в детских садах, школах, колледжах, высших учебных заведениях и с взрослым населением нашей страны.

3. Для уменьшения загрязнения атмосферы и водных объектов, необходим строгий контроль над выбросами отходов с установкой современных очистных сооружений. позволяет снизить уровень загрязнения разрабатывать новые технологии переработки и утилизации отходов промышленности. В крупных населенных пунктах увеличивать в количество зеленых насаждений.

4. Контроль за работой сельского хозяйства при внесении органических, минеральных удобрений, химических средств защиты растений и животных.

5.Более тщательная очистка сточных канализационных вод городов и посёлков, прежде, чем они возвращаются в окружающую среду.

6. Для защиты почвенных ресурсов необходимы комплексные мероприятия: правильная обработка почвы, недопущение перевыпаса скота, мелиоративные работы на месте горных выработок, борьба с ветровой и водной эрозией.

7. Правильная утилизация отходов с информированием граждан, отправка на вторичную переработку большую часть твердых бытовых отходов, уничтожать несанкционированные свалки;

8. Обширные лесовосстановительные мероприятия с регулированием и контролем над рубкой деловой древесины.

9. Чтобы сократить исчезновения растений и животных необходимо создавать

и расширять ООПТ (заповедники, заказники, национальные парки), контролировать лицензионную охоту и ужесточить штрафные санкции за браконьерство, незаконную вырубку лесов.

Способов борьбы с экологическими проблемами достаточно много. Чтобы их решать, необходимо взаимодействие на всех уровнях: государственном, общественном и личном. Без решительных действий по снижению промышленных выбросов, обновлению очистных сооружений, реформированию системы обращения с отходами, ситуация будет ухудшаться, создавая угрозу здоровья населения и развитию страны.

Список использованной литературы:

1. Протасов В.У. Экология, здоровье и жизнь в окружающей среде. Москва, 2000 г.

2. Экология города: Учебник. //Под ред. Ф.В. Стольберга. - К.:Либра, 2004.

3. Наглядное пособие. Экологические проблемы России: моногр. - М.: Дрофа, ДИК, 2018**.**

4. Бирюкова, Н.А. Основы экологии: учебное пособие для студентов учреждений сред. проф. образования /Н.А. Бирюкова. — Москва: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004.

© Мартынова С.С., Бабешко В.А., 2026

УДК 37

Труфанова А.В.
учитель биологии
г. Старый Оскол

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ И ПОЛЕВЫЕ ПРАКТИКИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация

Рассматривается роль биологических экскурсий и полевых практик в современном образовательном процессе как средства объединения теоретических знаний и практической деятельности учащихся. Обосновывается их значение для развития познавательной активности, исследовательских умений и экологического мышления. Подчеркивается влияние практикоориентированных форм обучения на формирование устойчивого интереса к биологии и личностное развитие обучающихся.

Ключевые слова:

биологические экскурсии, полевые практики, познавательная активность, экологическое мышление.

В современном образовании особое внимание уделяется формированию у обучающихся не только системы знаний, но и умений применять их в практике, а также повышение самостоятельности учащихся, наблюдательности и критического мышления. Существенную роль в достижении этих целей играют биологические экскурсии и полевые практики, которые позволяют соединить теоретический материал с реальным опытом взаимодействия с природой. Подобные формы работы способствуют повышению познавательной деятельности учащихся и формированию устойчивого интереса к биологии как науке.

Биологические экскурсии представляют собой важнейшую форму внеурочной

деятельности, в рамках которой учащиеся знакомятся с объектами живой природы в их естественной среде обитания. Полевые практики предполагают более глубокое включение в исследовательскую деятельность и ориентированы на проведение наблюдений, сбор и анализ природного материала, а также выполнение простейших экспериментов. Их значимость обусловлена тем, что в естественных условиях учащиеся не только воспринимают информацию, но и самостоятельно ищут ответы на возникающие вопросы, фиксируют наблюдаемые явления, анализируют их и формулируют выводы.

Такая деятельность способствует развитию исследовательских умений, формирует навыки выдвижения целей, планирования этапов работы, систематизации и интерпретации полученных результатов. Непосредственный контакт с природой оказывает значительное воспитательное воздействие, способствуя формированию экологической культуры и бережного отношения к окружающему миру, а также повышает мотивацию к обучению.

Эффективность организации биологических экскурсий и полевых практик во многом определяется качеством их предварительной подготовки. Важно заранее продумывать маршрут и содержание деятельности с учётом возрастных особенностей учащихся и уровня их подготовки, разрабатывать задания, направленные на развитие наблюдательности, использование биологических методов изучения, аналитических умений и способности к обобщению. Существенное значение имеет использование современных средств фиксации информации, включая фото- и видеосъёмку, ведение дневников наблюдений, а также применение цифровых инструментов для определения видов и систематизации данных.

При этом обязательным условием остаётся обеспечение безопасности участников и соблюдение природоохранных требований. Не менее важно учитывать особенности конкретной природной территории и включать в задания элементы творческой и дифференцированной деятельности, позволяющие учитывать индивидуальные интересы учащихся. Полученные в ходе экскурсий

материалы целесообразно использовать в дальнейшем образовательном процессе, в том числе при выполнении проектов и исследовательских работ, а также при организации последующей рефлексии (гербарий, фото- и видео-материалы). Дополнительным ресурсом повышения качества таких мероприятий является сотрудничество с научными учреждениями, природоохранными организациями и музеями.

Содержание заданий, предлагаемых в рамках полевых практик, может изменяться в зависимости от целей и условий проведения, однако в основе их лежит исследовательский подход. Учащиеся могут быть вовлечены в изучение видового разнообразия растений с описанием условий их произрастания, наблюдение за поведением животных с фиксацией характерных реакций, а также в оценку экологического состояния территории с выявлением влияния антропогенных факторов на экосистему. Подобные задания позволяют не только закрепить теоретические знания, но и сформировать у обучающихся целостное представление о природных процессах и взаимосвязях в экосистемах.

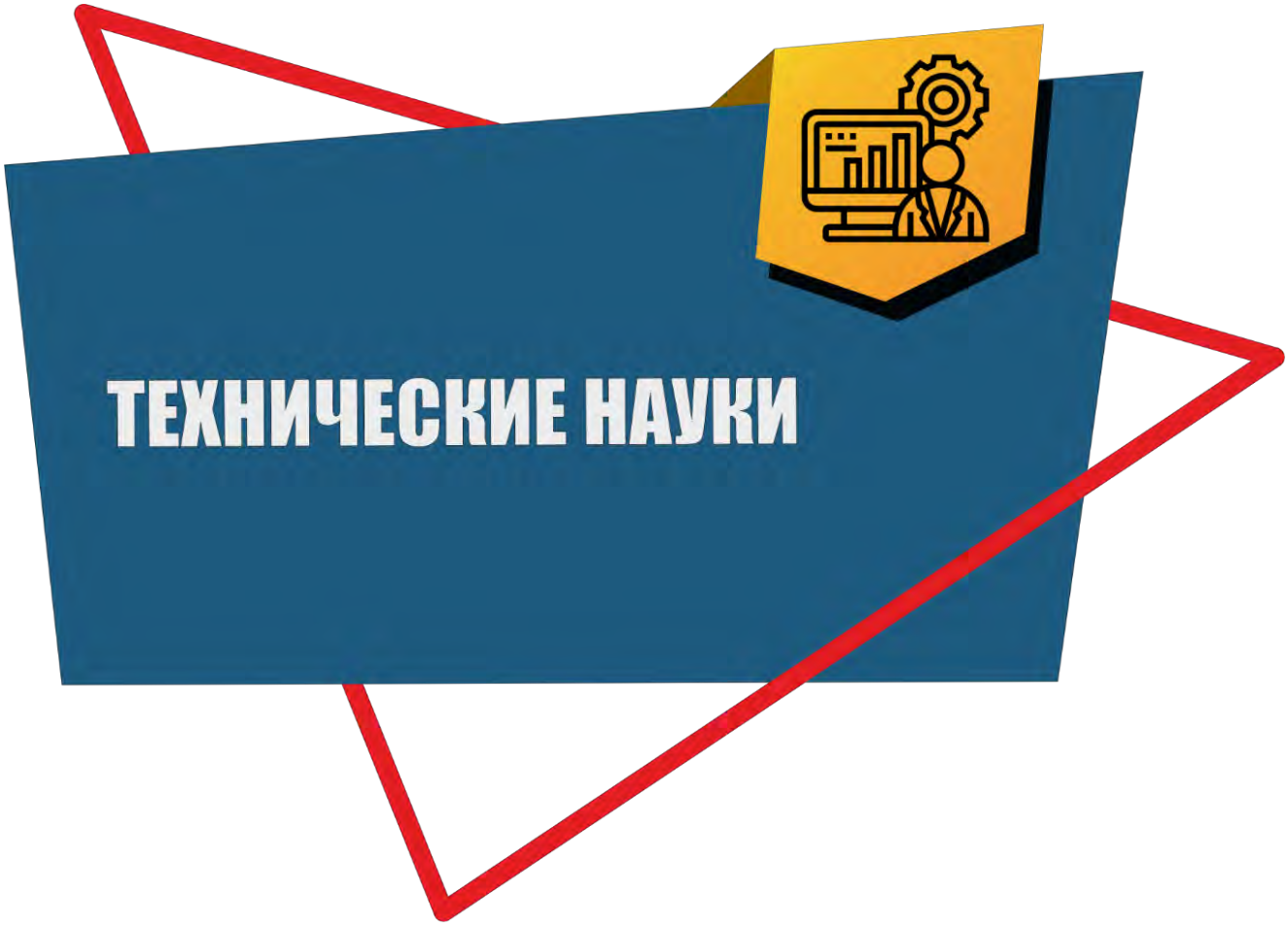
Таким образом, биологические экскурсии и полевые практики являются значимой составляющей современного биологического образования. Они обеспечивают переход от усвоения знаний к их осмысленному применению, способствуют развитию исследовательской культуры, формируют экологическое мышление и ответственное отношение к окружающей среде. Включение данных форм деятельности в образовательный процесс делает обучение более практикоориентированным, содержательным и личностно значимым для каждого обучающегося.

Список использованной литературы:

1. Тулякова О.В. Биология. Учебное пособие. — М.: Директмедиа Паблишинг, 2020. — 450 с.

2. Тулякова О.В. Избранные вопросы общей биологии. Учебное пособие. — М.: Директмедиа Паблишинг, 2020. — 147 с.

© Труфанова А.В., 2026

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 62

Amangeldiyeva Gulshirin,
lecturer
Amanmuhammedov Serdar,
student
Amanov Vepa,
student
Institute of Telecommunications and Informatics of Turkmenistan
Ashgabat, Turkmenistan

MODERN METHODOLOGIES IN TELECOMMUNICATIONS EDUCATION

Abstract

The modern telecommunications industry is undergoing a structural paradigm shift driven by 5G/6G radio access architectures, software-defined networking (SDN), network functions virtualization (NFV), and cloud-native infrastructure. Traditional lecture-centric instruction and static laboratory exercises are increasingly insufficient for cultivating the complex system-level diagnostics, network orchestration capabilities, and high-frequency hardware skills required by contemporary telecommunications specialists. Grounded in cognitive load theory, constructivist learning frameworks, and cognitive apprenticeship models, this article examines the structural design, operational mechanics, and instructional efficacy of technical training methodologies in telecommunications engineering. The paper analyzes how cloud-based network emulators, hardware-in-the-loop (HIL) testing, software-defined radio (SDR) testbeds, and problem-based learning (PBL) bridge abstract electromagnetic theory and protocol design with applied operational execution. Furthermore, systemic implementation hurdles—including rapid technological turnover, high capital expenditure for enterprise hardware, faculty skill gaps, and complex assessment alignment—are critically evaluated

alongside evidence-based strategies for sustainable curriculum deployment. Ultimately, embedding structured pedagogical methodologies in telecommunication education transforms technical training into an interactive, outcome-driven engine of workforce readiness.

Keywords:

telecommunications education, technical instructional methodologies, vocational pedagogy, network simulation, software-defined networking, cognitive apprenticeship, problem-based learning.

Introduction

The telecommunications sector serves as the fundamental digital foundation for global commerce, industrial automation, cloud computing, and smart infrastructure. However, the pedagogical models historically utilized to train telecommunications technicians and network engineers often lag behind the industry's rapid technological evolution. Traditional telecommunication instruction relied heavily on deductive, direct-transmission models, where students memorized signal propagation formulas, modulation math, and OSI reference models before completing scripted, static laboratory assignments. While mathematical and physical foundations remain vital, exclusive reliance on passive transmission models leaves learners ill-equipped to troubleshoot real-world network congestion, debug virtualized routing protocols, or optimize fiber-optic signal attenuation under dynamic physical constraints.

Modern instructional methodologies address this pedagogical gap by reorganizing telecommunications training around active, inductive, and technology-mediated inquiry. Grounded in John Sweller’s cognitive load theory, Lev Vygotsky’s socio-cultural learning theory, and Donald Schön’s reflective practice framework, contemporary telecommunications pedagogy asserts that technical mastery is constructed through hands-on system manipulation, diagnostic troubleshooting, and immediate performance feedback. In a modernized telecommunications learning environment, students do not

passively memorize routing tables; they configure virtual topologies, simulate signal interference patterns, deploy microservices, and analyze packet captures in real time. The telecommunications educator transitions from a traditional lecturer to a network architect, technical mentor, and diagnostic coach who scaffolds complex system integration workflows and guides reflective troubleshooting. By harmonizing rigorous signal theory with immersive practical tools, technical education equips specialists to engineer and maintain next-generation communication networks.

Main Part

Implementing advanced instructional methodologies in telecommunications education requires a structured, multi-stage instructional design workflow that connects abstract electromagnetic and networking principles directly to physical and virtual execution. Effective instructional delivery typically employs a scaffolded project-based learning architecture: students begin by analyzing foundational protocols through software-based packet analyzers and mathematical modulation tools, progress to network simulation software and virtual testbeds, and culminate in building, configuring, and testing physical radio-frequency (RF) and optical hardware. Instructors integrate specialized training technologies—such as Software-Defined Radios (SDR), network function virtualization (NFV) sandboxes, and cloud-based network emulators—allowing learners to safely experience simulated cyberattacks, hardware failures, and high-density traffic congestion without risking live commercial infrastructure.

The empirical literature evaluating modern telecommunications pedagogy across technical institutes and university engineering programs demonstrates substantial cognitive, diagnostic, and operational benefits. Research consistently confirms that students trained through active, simulation-enhanced methods demonstrate superior network troubleshooting precision, faster system optimization capabilities, and higher conceptual retention compared to peers exposed primarily to traditional lecture formats. By offloading complex mathematical calculations and circuit rendering to specialized software tools, modern pedagogical frameworks reduce extraneous

cognitive load, enabling learners to focus working memory on high-level system topology, protocol interaction, and signal integrity analysis. Furthermore, collaborative lab design challenges foster essential workforce competencies, including cross-functional communication, technical documentation, and adherence to international telecommunication standards.

Despite these clear educational advantages, deploying modern instructional methodologies within telecommunications training presents notable structural, financial, and operational challenges. Educational institutions frequently face steep capital equipment costs and license fees for enterprise-grade network hardware and simulation software, compounded by rapid technological turnover that renders physical laboratory equipment obsolete within a few years. Additionally, technical faculty often face significant professional development hurdles when attempting to master emerging paradigms like edge computing or AI-driven network management alongside advanced active learning strategies. From an evaluation perspective, assessing open-ended network engineering tasks requires designing transparent, multi-dimensional rubrics rather than relying on traditional multiple-choice examinations. Overcoming these barriers requires strategic public-private industry partnerships, open-source networking tool integration, continuous faculty training, and flexible institutional curriculum policies.

Conclusion

The systematic design and deployment of modern teaching methodologies in telecommunications education represent an indispensable structural evolution, offering a proven, evidence-based pathway to reconcile complex signal theory with applied operational mastery. Reallocating traditional passive lecture hours toward active network simulation, hardware-in-the-loop experimentation, and collaborative problem-based inquiry directly aligns daily instruction with modern cognitive science and industrial realities. The evidence clearly demonstrates that when telecommunications training programs are engineered around robust, technology-enhanced pedagogical frameworks, students achieve exceptional levels of diagnostic precision, engineering

adaptability, and professional confidence. While acquiring modern testbeds, updating curricula, and training faculty demand sustained institutional investment, the long-term technological and economic dividends far outweigh the operational challenges.

Looking toward the future of global telecommunications education, refining technical methodologies will remain vital for maintaining workforce readiness amidst continuous innovations in satellite networks, quantum communications, and autonomous network orchestration. As AI-assisted network optimization and virtualized infrastructure become standard across the telecommunications industry, educational institutions must continuously update their pedagogical tools to reflect cutting-edge commercial practices. However, the core of effective telecommunications pedagogy remains human-centered: utilizing advanced digital tools not to automate instruction, but to deepen conceptual understanding, sharpen analytical intuition, and mentor adaptable engineering problem-solvers. Educational leaders, curriculum directors, and faculty must therefore prioritize sustained investments in modern technical pedagogies, ensuring that telecommunications training programs remain vibrant, rigorous, and transformative engines of global connectivity.

References List:

1. Telecommunication Engineering Education: Pedagogy, Practice and Innovation, Smith, R. J., & Taylor, L. M., London, UK: Routledge, 2018.

2. Cognitive Load Theory in Engineering and Technical Disciplines, Sweller, J., Ayres, P., & Kalyuga, S., New York, NY: Springer, 2011.

3. Active Learning and Simulation-Based Instruction in Communications Engineering, Johnson, P. K., Washington, D.C.: American Society for Engineering Education, 2015.

4. Problem-Based Learning in Network Engineering and Computer Science Curriculum, Barrows, H. S., & Tamblyn, R. M., San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2004.

5. Industry 4.0 and Next-Generation Technical Education Standards, European Commission, Brussels, Belgium: European Union Publications Office, 2020.

© Amangeldiyeva G., Amanmuhammedov S., Amanov V., 2026

УДК 62

Atayev Myrat,
lecturer
Gylyjov Gadyr,
student
Hayitkulyyev Bagtyyar,
student
Institute of Telecommunications and Informatics of Turkmenistan
Ashgabat, Turkmenistan

METHODOLOGICAL FRAMEWORKS, LABORATORY SIMULATION ARCHITECTURES, AND APPLIED PEDAGOGICAL MODELS IN TELECOMMUNICATIONS ENGINEERING EDUCATION

Abstract

The continuous technological expansion of the global telecommunications industry—driven by 5G/6G radio access network architectures, software-defined networking (SDN), optical transport systems, and cloud-native network virtualization—demands a fundamental structural modernization of technical pedagogy and instructional design. Traditional, lecture-centric transmission models and static physical laboratory exercises are increasingly insufficient for cultivating the multi-layered system diagnostics, protocol orchestration capabilities, and high-frequency hardware skills required by contemporary telecommunications specialists. Grounded in cognitive load theory, constructivist learning frameworks, and cognitive apprenticeship models, this article examines the structural architecture, operational mechanics, and instructional efficacy of specialized training methodologies in telecommunications engineering. The paper analyzes how cloud-based network emulators, hardware-in-the-loop (HIL) testing, software-defined radio (SDR) testbeds, and problem-based learning (PBL) bridge abstract

electromagnetic theory and protocol design with applied operational execution. Furthermore, systemic implementation hurdles—including rapid equipment obsolescence, high capital expenditures for enterprise hardware, faculty skill gaps, and complex assessment alignment—are critically evaluated alongside evidence-based strategies for sustainable curriculum deployment. Ultimately, embedding structured pedagogical methodologies in telecommunications education transforms technical training into an interactive, outcome-driven engine of workforce readiness.

Keywords:

telecommunications education, technical instructional methodologies, vocational pedagogy, network simulation, software-defined networking, cognitive apprenticeship, problem-based learning.

Introduction

The telecommunications sector serves as the fundamental digital foundation for global commerce, industrial automation, cloud computing systems, and smart municipal infrastructure. However, the pedagogical models historically utilized to train telecommunications technicians and network engineers often lag behind the industry's rapid technological evolution. Traditional telecommunication instruction relied heavily on deductive, direct-transmission models, where students memorized signal propagation formulas, modulation mathematics, and OSI reference models before completing scripted, static laboratory assignments. While mathematical and physical foundations remain vital, exclusive reliance on passive transmission models leaves learners ill-equipped to troubleshoot real-world network congestion, debug virtualized routing protocols, or optimize fiber-optic signal attenuation under dynamic physical constraints.

Modern instructional methodologies address this pedagogical gap by reorganizing telecommunications training around active, inductive, and technology-mediated inquiry. Grounded in John Sweller’s cognitive load theory, Lev Vygotsky’s socio-cultural learning

theory, and Donald Schön's reflective practice framework, contemporary telecommunications pedagogy asserts that technical mastery is constructed through hands-on system manipulation, diagnostic troubleshooting, and immediate performance feedback. In a modernized telecommunications learning environment, students do not passively memorize routing tables; they configure virtual topologies, simulate signal interference patterns, deploy microservices, and analyze packet captures in real time. The telecommunications educator transitions from a traditional lecturer to a network architect, technical mentor, and diagnostic coach who scaffolds complex system integration workflows and guides reflective troubleshooting. By harmonizing rigorous signal theory with immersive practical tools, technical education equips specialists to engineer and maintain next-generation communication networks.

Main Part

Implementing advanced instructional methodologies in telecommunications education requires a structured, multi-stage instructional design workflow that connects abstract electromagnetic and networking principles directly to physical and virtual execution. Effective instructional delivery typically employs a scaffolded project-based learning architecture: students begin by analyzing foundational protocols through software-based packet analyzers and mathematical modulation tools, progress to network simulation software and virtual testbeds, and culminate in building, configuring, and testing physical radio-frequency (RF) and optical hardware. Instructors integrate specialized training technologies—such as Software-Defined Radios (SDR), network function virtualization (NFV) sandboxes, and cloud-based network emulators—allowing learners to safely experience simulated cyberattacks, hardware failures, and high-density traffic congestion without risking live commercial infrastructure.

The empirical literature evaluating modern telecommunications pedagogy across technical institutes and university engineering programs demonstrates substantial cognitive, diagnostic, and operational benefits. Research consistently confirms that students trained through active, simulation-enhanced methods demonstrate superior

network troubleshooting precision, faster system optimization capabilities, and higher conceptual retention compared to peers exposed primarily to traditional lecture formats. By offloading complex mathematical calculations and circuit rendering to specialized software tools, modern pedagogical frameworks reduce extraneous cognitive load, enabling learners to focus working memory on high-level system topology, protocol interaction, and signal integrity analysis. Furthermore, collaborative lab design challenges foster essential workforce competencies, including cross-functional communication, technical documentation, and adherence to international telecommunication standards.

Despite these clear educational advantages, deploying modern instructional methodologies within telecommunications training presents notable structural, financial, and operational challenges. Educational institutions frequently face steep capital equipment costs and license fees for enterprise-grade network hardware and simulation software, compounded by rapid technological turnover that renders physical laboratory equipment obsolete within a few years. Additionally, technical faculty often face significant professional development hurdles when attempting to master emerging paradigms like edge computing or AI-driven network management alongside advanced active learning strategies. From an evaluation perspective, assessing open-ended network engineering tasks requires designing transparent, multi-dimensional rubrics rather than relying on traditional multiple-choice examinations. Overcoming these barriers requires strategic public-private industry partnerships, open-source networking tool integration, continuous faculty training, and flexible institutional curriculum policies.

Conclusion

The systematic design and deployment of modern teaching methodologies in telecommunications education represent an indispensable structural evolution, offering a proven, evidence-based pathway to reconcile complex signal theory with applied operational mastery. Reallocating traditional passive lecture hours toward active network simulation, hardware-in-the-loop experimentation, and collaborative problem-

based inquiry directly aligns daily instruction with modern cognitive science and industrial realities. The evidence clearly demonstrates that when telecommunications training programs are engineered around robust, technology-enhanced pedagogical frameworks, students achieve exceptional levels of diagnostic precision, engineering adaptability, and professional confidence. While acquiring modern testbeds, updating curricula, and training faculty demand sustained institutional investment, the long-term technological and economic dividends far outweigh the operational challenges.

Looking toward the future of global telecommunications education, refining technical methodologies will remain vital for maintaining workforce readiness amidst continuous innovations in satellite networks, quantum communications, and autonomous network orchestration. As AI-assisted network optimization and virtualized infrastructure become standard across the telecommunications industry, educational institutions must continuously update their pedagogical tools to reflect cutting-edge commercial practices. However, the core of effective telecommunications pedagogy remains human-centered: utilizing advanced digital tools not to automate instruction, but to deepen conceptual understanding, sharpen analytical intuition, and mentor adaptable engineering problem-solvers. Educational leaders, curriculum directors, and faculty must therefore prioritize sustained investments in modern technical pedagogies, ensuring that telecommunications training programs remain vibrant, rigorous, and transformative engines of global connectivity.

References List:

1. Telecommunication Engineering Education: Pedagogy, Practice and Innovation, Smith, R. J., & Taylor, L. M., London, UK: Routledge, 2018.

2. Cognitive Load Theory in Engineering and Technical Disciplines, Sweller, J., Ayres, P., & Kalyuga, S., New York, NY: Springer, 2011.

3. Active Learning and Simulation-Based Instruction in Communications Engineering, Johnson, P. K., Washington, D.C.: American Society for Engineering Education, 2015.

4. Problem-Based Learning in Network Engineering and Computer Science Curriculum, Barrows, H. S., & Tamblyn, R. M., San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2004.

5. Industry 4.0 and Next-Generation Technical Education Standards, European Commission, Brussels, Belgium: European Union Publications Office, 2020.

© Atayev M., Gylyjov G., Hayitkulyyev B., 2026

УДК 62

Gurbanova Sheyda,
lecturer
Agajanov Sanjar,
student
Pirliyev Merdan,
student
Institute of Telecommunications and Informatics of Turkmenistan
Ashgabat, Turkmenistan

PEDAGOGICAL MODELS, INTERACTIVE SIMULATION FRAMEWORKS, AND METHODOLOGICAL INNOVATIONS IN TELECOMMUNICATIONS EDUCATION

Abstract

The continuous technological expansion of the telecommunications industry—driven by 5G/6G radio access architectures, software-defined networking (SDN), optical transport networks, and cloud-native infrastructure—demands a fundamental modernization of instructional design and vocational pedagogy. Traditional lecture-centric instruction and static laboratory exercises are increasingly insufficient for cultivating the complex system-level diagnostics, network orchestration capabilities, and high-frequency hardware skills required by contemporary telecommunications specialists. Grounded in cognitive load theory, constructivist learning frameworks, and cognitive apprenticeship models, this article examines the structural design, operational mechanics, and instructional efficacy of technical training methodologies in telecommunications engineering. The paper analyzes how cloud-based network emulators, hardware-in-the-loop (HIL) testing, software-defined radio (SDR) testbeds, and problem-based learning (PBL) bridge abstract electromagnetic theory and protocol design with applied operational execution. Furthermore, systemic implementation

hurdles—including rapid technological turnover, high capital expenditure for enterprise hardware, faculty skill gaps, and complex assessment alignment—are critically evaluated alongside evidence-based strategies for sustainable curriculum deployment. Ultimately, embedding structured pedagogical methodologies in telecommunication education transforms technical training into an interactive, outcome-driven engine of workforce readiness.

Keywords:

telecommunications education, technical instructional methodologies, vocational pedagogy, network simulation, software-defined networking, cognitive apprenticeship, problem-based learning.

Introduction

The telecommunications sector serves as the fundamental digital foundation for global commerce, industrial automation, cloud computing, and smart infrastructure. However, the pedagogical models historically utilized to train telecommunications technicians and network engineers often lag behind the industry's rapid technological evolution. Traditional telecommunication instruction relied heavily on deductive, direct-transmission models, where students memorized signal propagation formulas, modulation math, and OSI reference models before completing scripted, static laboratory assignments. While mathematical and physical foundations remain vital, exclusive reliance on passive transmission models leaves learners ill-equipped to troubleshoot real-world network congestion, debug virtualized routing protocols, or optimize fiber-optic signal attenuation under dynamic physical constraints.

Modern instructional methodologies address this pedagogical gap by reorganizing telecommunications training around active, inductive, and technology-mediated inquiry. Grounded in John Sweller’s cognitive load theory, Lev Vygotsky’s socio-cultural learning theory, and Donald Schön’s reflective practice framework, contemporary telecommunications pedagogy asserts that technical mastery is constructed through

hands-on system manipulation, diagnostic troubleshooting, and immediate performance feedback. In a modernized telecommunications learning environment, students do not passively memorize routing tables; they configure virtual topologies, simulate signal interference patterns, deploy microservices, and analyze packet captures in real time. The telecommunications educator transitions from a traditional lecturer to a network architect, technical mentor, and diagnostic coach who scaffolds complex system integration workflows and guides reflective troubleshooting. By harmonizing rigorous signal theory with immersive practical tools, technical education equips specialists to engineer and maintain next-generation communication networks.

Main Part

Implementing advanced instructional methodologies in telecommunications education requires a structured, multi-stage instructional design workflow that connects abstract electromagnetic and networking principles directly to physical and virtual execution. Effective instructional delivery typically employs a scaffolded project-based learning architecture: students begin by analyzing foundational protocols through software-based packet analyzers and mathematical modulation tools, progress to network simulation software and virtual testbeds, and culminate in building, configuring, and testing physical radio-frequency (RF) and optical hardware. Instructors integrate specialized training technologies—such as Software-Defined Radios (SDR), network function virtualization (NFV) sandboxes, and cloud-based network emulators—allowing learners to safely experience simulated cyberattacks, hardware failures, and high-density traffic congestion without risking live commercial infrastructure.

The empirical literature evaluating modern telecommunications pedagogy across technical institutes and university engineering programs demonstrates substantial cognitive, diagnostic, and operational benefits. Research consistently confirms that students trained through active, simulation-enhanced methods demonstrate superior network troubleshooting precision, faster system optimization capabilities, and higher conceptual retention compared to peers exposed primarily to traditional lecture

formats. By offloading complex mathematical calculations and circuit rendering to specialized software tools, modern pedagogical frameworks reduce extraneous cognitive load, enabling learners to focus working memory on high-level system topology, protocol interaction, and signal integrity analysis. Furthermore, collaborative lab design challenges foster essential workforce competencies, including cross-functional communication, technical documentation, and adherence to international telecommunication standards.

Despite these clear educational advantages, deploying modern instructional methodologies within telecommunications training presents notable structural, financial, and operational challenges. Educational institutions frequently face steep capital equipment costs and license fees for enterprise-grade network hardware and simulation software, compounded by rapid technological turnover that renders physical laboratory equipment obsolete within a few years. Additionally, technical faculty often face significant professional development hurdles when attempting to master emerging paradigms like edge computing or AI-driven network management alongside advanced active learning strategies. From an evaluation perspective, assessing open-ended network engineering tasks requires designing transparent, multi-dimensional rubrics rather than relying on traditional multiple-choice examinations. Overcoming these barriers requires strategic public-private industry partnerships, open-source networking tool integration, continuous faculty training, and flexible institutional curriculum policies.

Conclusion

The systematic design and deployment of modern teaching methodologies in telecommunications education represent an indispensable structural evolution, offering a proven, evidence-based pathway to reconcile complex signal theory with applied operational mastery. Reallocating traditional passive lecture hours toward active network simulation, hardware-in-the-loop experimentation, and collaborative problem-based inquiry directly aligns daily instruction with modern cognitive science and industrial realities. The evidence clearly demonstrates that when telecommunications training programs are engineered around robust, technology-enhanced pedagogical

frameworks, students achieve exceptional levels of diagnostic precision, engineering adaptability, and professional confidence. While acquiring modern testbeds, updating curricula, and training faculty demand sustained institutional investment, the long-term technological and economic dividends far outweigh the operational challenges.

Looking toward the future of global telecommunications education, refining technical methodologies will remain vital for maintaining workforce readiness amidst continuous innovations in satellite networks, quantum communications, and autonomous network orchestration. As AI-assisted network optimization and virtualized infrastructure become standard across the telecommunications industry, educational institutions must continuously update their pedagogical tools to reflect cutting-edge commercial practices. However, the core of effective telecommunications pedagogy remains human-centered: utilizing advanced digital tools not to automate instruction, but to deepen conceptual understanding, sharpen analytical intuition, and mentor adaptable engineering problem-solvers. Educational leaders, curriculum directors, and faculty must therefore prioritize sustained investments in modern technical pedagogies, ensuring that telecommunications training programs remain vibrant, rigorous, and transformative engines of global connectivity.

References List:

1. Telecommunication Engineering Education: Pedagogy, Practice and Innovation, Smith, R. J., & Taylor, L. M., London, UK: Routledge, 2018.

2. Cognitive Load Theory in Engineering and Technical Disciplines, Sweller, J., Ayres, P., & Kalyuga, S., New York, NY: Springer, 2011.

3. Active Learning and Simulation-Based Instruction in Communications Engineering, Johnson, P. K., Washington, D.C.: American Society for Engineering Education, 2015.

4. Problem-Based Learning in Network Engineering and Computer Science Curriculum, Barrows, H. S., & Tamblyn, R. M., San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2004.

5. Industry 4.0 and Next-Generation Technical Education Standards, European Commission, Brussels, Belgium: European Union Publications Office, 2020.

© Gurbanova Sh., Agajanov S., Pirliyev M., 2026

УДК 62

Penayeva Ogultach,
lecturer
Muhammetjumayev Eziz,
student
Muhammedov Muhammetguly,
student
Institute of Telecommunications and Informatics of Turkmenistan
Ashgabat, Turkmenistan

PEDAGOGICAL STRATEGIES, INSTRUCTIONAL METHODOLOGIES, AND TECHNICAL TRAINING FRAMEWORKS IN TELECOMMUNICATIONS ENGINEERING

Abstract

The continuous technological evolution of the telecommunications industry—characterized by 5G/6G wireless architectures, optical fiber networks, cloud virtualization, and software-defined networking (SDN)—requires a fundamental modernization of instructional design and vocational pedagogy. Traditional passive lecture methods fail to cultivate the complex diagnostic troubleshooting, system architecture design, and high-frequency hardware skills demanded by modern telecommunications infrastructure. Grounded in cognitive load theory, constructivist learning models, and cognitive apprenticeship frameworks, this article examines the structural design, operational mechanics, and instructional efficacy of technical training methodologies in telecommunications engineering. The paper analyzes how virtual laboratory simulations, hardware-in-the-loop (HIL) testing, packet-level network analysis, and problem-based learning (PBL) bridge abstract electromagnetic and networking theory with applied operational mastery. Furthermore, systemic implementation hurdles—such as rapid equipment obsolescence, high capital

infrastructure expenditures, faculty technological literacy gaps, and complex assessment alignment—are critically evaluated alongside evidence-based strategies for sustainable curriculum integration. Ultimately, embedding structured pedagogical methodologies in telecommunication education transforms technical training into an interactive, outcome-driven engine of industry readiness.

Keywords:

telecommunications engineering, instructional methodologies, vocational pedagogy, problem-based learning, network simulation, cognitive apprenticeship, technical training.

Introduction

The telecommunications sector serves as the digital spine of global economies, underpinning financial transactions, industrial automation, cloud computing, and social communications. However, the instructional models historically used to train telecommunications technicians and engineers have often struggled to keep pace with the industry's rapid technological shifts. Traditional telecommunication pedagogy relied heavily on deductive, lecture-based instruction, where students memorized signal propagation formulas and OSI network layers before completing basic, highly scripted verification experiments in static laboratories. While theoretical mathematical foundations remain essential, exclusive reliance on static transmission models leaves learners ill-equipped to diagnose real-world network congestion, debug virtualized cloud routing protocols, or optimize fiber-optic signal attenuation under dynamic physical constraints.

Modern instructional methodologies address this pedagogical gap by reorganizing telecommunications training around active, inductive, and technology-mediated inquiry. Grounded in John Sweller’s cognitive load theory, Lev Vygotsky’s socio-cultural learning theory, and Donald Schön’s reflective practice framework, contemporary telecommunications pedagogy asserts that technical mastery is constructed through

hands-on system manipulation, diagnostic troubleshooting, and immediate performance feedback. In a modernized telecommunications learning environment, students do not passively memorize routing tables; they configure virtual networks, simulate signal interference patterns, deploy microservices, and analyze packet captures in real time. The telecommunications instructor transitions from a traditional lecturer to a network architect, technical mentor, and diagnostic coach who scaffolds complex system integration workflows and guides reflective troubleshooting. By harmonizing rigorous signal theory with immersive practical tools, technical education equips specialists to engineer and maintain next-generation communication networks.

Main Part

Implementing advanced instructional methodologies in telecommunications education requires a structured, multi-stage instructional design workflow that connects abstract electromagnetic and networking principles directly to physical and virtual execution. Effective instructional delivery typically employs a scaffolded project-based learning architecture: students begin by analyzing foundational protocols through software-based packet analyzers and mathematical modulation tools, progress to network simulation software and virtual testbeds, and culminate in building, configuring, and testing physical radio-frequency (RF) and optical hardware. Instructors integrate specialized training technologies—such as Software-Defined Radios (SDR), network function virtualization (NFV) sandboxes, and cloud-based network emulators—allowing learners to safely experience simulated cyberattacks, hardware failures, and high-density traffic congestion without risking live commercial infrastructure.

The empirical literature evaluating modern telecommunications pedagogy across technical institutes and university engineering programs demonstrates substantial cognitive, diagnostic, and operational benefits. Research consistently confirms that students trained through active, simulation-enhanced methods demonstrate superior network troubleshooting precision, faster system optimization capabilities, and higher conceptual retention compared to peers exposed primarily to traditional lecture

formats. By offloading complex mathematical calculations and circuit rendering to specialized software tools, modern pedagogical frameworks reduce extraneous cognitive load, enabling learners to focus working memory on high-level system topology, protocol interaction, and signal integrity analysis. Furthermore, collaborative lab design challenges foster essential workforce competencies, including cross-functional communication, technical documentation, and adherence to international telecommunication standards.

Despite these clear educational advantages, deploying modern instructional methodologies within telecommunications training presents notable structural, financial, and operational challenges. Educational institutions frequently face steep capital equipment costs and license fees for enterprise-grade network hardware and simulation software, compounded by rapid technological turnover that renders physical laboratory equipment obsolete within a few years. Additionally, technical faculty often face significant professional development hurdles when attempting to master emerging paradigms like edge computing or AI-driven network management alongside advanced active learning strategies. From an evaluation perspective, assessing open-ended network engineering tasks requires designing transparent, multi-dimensional rubrics rather than relying on traditional multiple-choice examinations. Overcoming these barriers requires strategic public-private industry partnerships, open-source networking tool integration, continuous faculty training, and flexible institutional curriculum policies.

Conclusion

The systematic design and deployment of modern teaching methodologies in telecommunications education represent an indispensable structural evolution, offering a proven, evidence-based pathway to reconcile complex signal theory with applied operational mastery. Reallocating traditional passive lecture hours toward active network simulation, hardware-in-the-loop experimentation, and collaborative problem-based inquiry directly aligns daily instruction with modern cognitive science and industrial realities. The evidence clearly demonstrates that when telecommunications training programs are engineered around robust, technology-enhanced pedagogical

frameworks, students achieve exceptional levels of diagnostic precision, engineering adaptability, and professional confidence. While acquiring modern testbeds, updating curricula, and training faculty demand sustained institutional investment, the long-term technological and economic dividends far outweigh the operational challenges.

Looking toward the future of global telecommunications education, refining technical methodologies will remain vital for maintaining workforce readiness amidst continuous innovations in satellite networks, quantum communications, and autonomous network orchestration. As AI-assisted network optimization and virtualized infrastructure become standard across the telecommunications industry, educational institutions must continuously update their pedagogical tools to reflect cutting-edge commercial practices. However, the core of effective telecommunications pedagogy remains human-centered: utilizing advanced digital tools not to automate instruction, but to deepen conceptual understanding, sharpen analytical intuition, and mentor adaptable engineering problem-solvers. Educational leaders, curriculum directors, and faculty must therefore prioritize sustained investments in modern technical pedagogies, ensuring that telecommunications training programs remain vibrant, rigorous, and transformative engines of global connectivity.

References List:

1. Telecommunication Engineering Education: Pedagogy, Practice and Innovation, Smith, R. J., & Taylor, L. M., London, UK: Routledge, 2018.

2. Cognitive Load Theory in Engineering and Technical Disciplines, Sweller, J., Ayres, P., & Kalyuga, S., New York, NY: Springer, 2011.

3. Active Learning and Simulation-Based Instruction in Communications Engineering, Johnson, P. K., Washington, D.C.: American Society for Engineering Education, 2015.

4. Problem-Based Learning in Network Engineering and Computer Science Curriculum, Barrows, H. S., & Tamblyn, R. M., San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2004.

5. Industry 4.0 and Next-Generation Technical Education Standards, European Commission, Brussels, Belgium: European Union Publications Office, 2020.

© Penayeva O., Muhammetjumayev E., Muhammedov M., 2026

УДК 62

Saryyev Nurguly,
lecturer
Atayev Begmyrat,
student
Orazov Yslam,
student
Institute of Telecommunications and Informatics of Turkmenistan
Ashgabat, Turkmenistan

PEDAGOGICAL MODELS, INTERACTIVE SIMULATION FRAMEWORKS, AND METHODOLOGICAL INNOVATIONS IN TELECOMMUNICATIONS EDUCATION

Abstract

The continuous technological expansion of the telecommunications industry—driven by 5G/6G radio access architectures, software-defined networking (SDN), optical transport networks, and cloud-native infrastructure—demands a fundamental modernization of instructional design and vocational pedagogy. Traditional lecture-centric instruction and static laboratory exercises are increasingly insufficient for cultivating the complex system-level diagnostics, network orchestration capabilities, and high-frequency hardware skills required by contemporary telecommunications specialists. Grounded in cognitive load theory, constructivist learning frameworks, and cognitive apprenticeship models, this article examines the structural design, operational mechanics, and instructional efficacy of technical training methodologies in telecommunications engineering. The paper analyzes how cloud-based network emulators, hardware-in-the-loop (HIL) testing, software-defined radio (SDR) testbeds, and problem-based learning (PBL) bridge abstract electromagnetic theory and protocol design with applied operational execution. Furthermore, systemic implementation

hurdles—including rapid technological turnover, high capital expenditure for enterprise hardware, faculty skill gaps, and complex assessment alignment—are critically evaluated alongside evidence-based strategies for sustainable curriculum deployment. Ultimately, embedding structured pedagogical methodologies in telecommunication education transforms technical training into an interactive, outcome-driven engine of workforce readiness.

Keywords:

telecommunications education, technical instructional methodologies, vocational pedagogy, network simulation, software-defined networking, cognitive apprenticeship, problem-based learning.

Introduction

The telecommunications sector serves as the fundamental digital foundation for global commerce, industrial automation, cloud computing, and smart infrastructure. However, the pedagogical models historically utilized to train telecommunications technicians and network engineers often lag behind the industry's rapid technological evolution. Traditional telecommunication instruction relied heavily on deductive, direct-transmission models, where students memorized signal propagation formulas, modulation math, and OSI reference models before completing scripted, static laboratory assignments. While mathematical and physical foundations remain vital, exclusive reliance on passive transmission models leaves learners ill-equipped to troubleshoot real-world network congestion, debug virtualized routing protocols, or optimize fiber-optic signal attenuation under dynamic physical constraints.

Modern instructional methodologies address this pedagogical gap by reorganizing telecommunications training around active, inductive, and technology-mediated inquiry. Grounded in John Sweller’s cognitive load theory, Lev Vygotsky’s socio-cultural learning theory, and Donald Schön’s reflective practice framework, contemporary telecommunications pedagogy asserts that technical mastery is constructed through

hands-on system manipulation, diagnostic troubleshooting, and immediate performance feedback. In a modernized telecommunications learning environment, students do not passively memorize routing tables; they configure virtual topologies, simulate signal interference patterns, deploy microservices, and analyze packet captures in real time. The telecommunications educator transitions from a traditional lecturer to a network architect, technical mentor, and diagnostic coach who scaffolds complex system integration workflows and guides reflective troubleshooting. By harmonizing rigorous signal theory with immersive practical tools, technical education equips specialists to engineer and maintain next-generation communication networks.

Main Part

Implementing advanced instructional methodologies in telecommunications education requires a structured, multi-stage instructional design workflow that connects abstract electromagnetic and networking principles directly to physical and virtual execution. Effective instructional delivery typically employs a scaffolded project-based learning architecture: students begin by analyzing foundational protocols through software-based packet analyzers and mathematical modulation tools, progress to network simulation software and virtual testbeds, and culminate in building, configuring, and testing physical radio-frequency (RF) and optical hardware. Instructors integrate specialized training technologies—such as Software-Defined Radios (SDR), network function virtualization (NFV) sandboxes, and cloud-based network emulators—allowing learners to safely experience simulated cyberattacks, hardware failures, and high-density traffic congestion without risking live commercial infrastructure.

The empirical literature evaluating modern telecommunications pedagogy across technical institutes and university engineering programs demonstrates substantial cognitive, diagnostic, and operational benefits. Research consistently confirms that students trained through active, simulation-enhanced methods demonstrate superior network troubleshooting precision, faster system optimization capabilities, and higher conceptual retention compared to peers exposed primarily to traditional lecture

formats. By offloading complex mathematical calculations and circuit rendering to specialized software tools, modern pedagogical frameworks reduce extraneous cognitive load, enabling learners to focus working memory on high-level system topology, protocol interaction, and signal integrity analysis. Furthermore, collaborative lab design challenges foster essential workforce competencies, including cross-functional communication, technical documentation, and adherence to international telecommunication standards.

Despite these clear educational advantages, deploying modern instructional methodologies within telecommunications training presents notable structural, financial, and operational challenges. Educational institutions frequently face steep capital equipment costs and license fees for enterprise-grade network hardware and simulation software, compounded by rapid technological turnover that renders physical laboratory equipment obsolete within a few years. Additionally, technical faculty often face significant professional development hurdles when attempting to master emerging paradigms like edge computing or AI-driven network management alongside advanced active learning strategies. From an evaluation perspective, assessing open-ended network engineering tasks requires designing transparent, multi-dimensional rubrics rather than relying on traditional multiple-choice examinations. Overcoming these barriers requires strategic public-private industry partnerships, open-source networking tool integration, continuous faculty training, and flexible institutional curriculum policies.

Conclusion

The systematic design and deployment of modern teaching methodologies in telecommunications education represent an indispensable structural evolution, offering a proven, evidence-based pathway to reconcile complex signal theory with applied operational mastery. Reallocating traditional passive lecture hours toward active network simulation, hardware-in-the-loop experimentation, and collaborative problem-based inquiry directly aligns daily instruction with modern cognitive science and industrial realities. The evidence clearly demonstrates that when telecommunications training programs are engineered around robust, technology-enhanced pedagogical

frameworks, students achieve exceptional levels of diagnostic precision, engineering adaptability, and professional confidence. While acquiring modern testbeds, updating curricula, and training faculty demand sustained institutional investment, the long-term technological and economic dividends far outweigh the operational challenges.

Looking toward the future of global telecommunications education, refining technical methodologies will remain vital for maintaining workforce readiness amidst continuous innovations in satellite networks, quantum communications, and autonomous network orchestration. As AI-assisted network optimization and virtualized infrastructure become standard across the telecommunications industry, educational institutions must continuously update their pedagogical tools to reflect cutting-edge commercial practices. However, the core of effective telecommunications pedagogy remains human-centered: utilizing advanced digital tools not to automate instruction, but to deepen conceptual understanding, sharpen analytical intuition, and mentor adaptable engineering problem-solvers. Educational leaders, curriculum directors, and faculty must therefore prioritize sustained investments in modern technical pedagogies, ensuring that telecommunications training programs remain vibrant, rigorous, and transformative engines of global connectivity.

References List:

1. Telecommunication Engineering Education: Pedagogy, Practice and Innovation, Smith, R. J., & Taylor, L. M., London, UK: Routledge, 2018.

2. Cognitive Load Theory in Engineering and Technical Disciplines, Sweller, J., Ayres, P., & Kalyuga, S., New York, NY: Springer, 2011.

3. Active Learning and Simulation-Based Instruction in Communications Engineering, Johnson, P. K., Washington, D.C.: American Society for Engineering Education, 2015.

4. Problem-Based Learning in Network Engineering and Computer Science Curriculum, Barrows, H. S., & Tamblyn, R. M., San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2004.

5. Industry 4.0 and Next-Generation Technical Education Standards, European Commission, Brussels, Belgium: European Union Publications Office, 2020.

© Saryyev N., Atayev B., Orazov Y., 2026

УДК 62

Азизов Б.,
Магистрант Академии государственной службы при Президенте Туркменистана Г. Ашхабад Туркменистан
Гошлыева М.,
Магистрант Академии государственной службы при Президенте Туркменистана Г. Ашхабад Туркменистан
Овезова Г.,
Магистрант Академии государственной службы при Президенте Туркменистана Г. Ашхабад Туркменистан
Гелдимырадова А.,
Магистрант Академии государственной службы при Президенте Туркменистана Г. Ашхабад Туркменистан
Научный Руководитель: Оразгелдиева А.,
Преподаватель Институт телекоммуникаций и информатики Туркменистана
Г. Ашхабад Туркменистан

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: КАТАЛИЗАТОР СОВРЕМЕННОГО ПРОГРЕССА

В XXI веке цифровые технологии стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Они кардинально изменили способы взаимодействия людей, методы работы предприятий и систему функционирования государств. От простых вычислительных машин прошлого мы перешли к эпохе искусственного интеллекта, больших данных и глобальной связности, создав новую цифровую экосистему.

Что такое цифровые технологии?

Цифровые технологии — это физические устройства, программное обеспечение и виртуальные системы, использующие дискретные сигналы

(двоичный код: 0 и 1) для обработки, хранения, передачи и анализа информации.

В отличие от традиционных аналоговых систем, цифровые технологии обеспечивают высочайшую точность, быстродействие и масштабируемость, что позволяет передавать огромные объемы данных за считанные секунды в любую точку мира.

Ключевые направления и тренды

Современный этап развития цифровых технологий определяется несколькими базовыми направлениями:

1. Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение:

- Автоматизация сложных процессов, прогнозирование трендов и персонализация услуг.
- Обработка естественного языка, распознавание изображений и голосовые помощники.

2. Облачные вычисления (Cloud Computing):

- Предоставление доступа к вычислительным ресурсам и хранилищам данных через интернет из любой точки мира.
- Оптимизация расходов бизнеса за счет отказа от дорогостоящего физического оборудования.

3. Интернет вещей (IoT - Internet of Things):

- Объединение умных устройств, датчиков и бытовой техники в единую сеть для обмена данными.
- Создание концепций «умных домов» и «умных городов» (Smart Cities).

4. Большие данные (Big Data):

- Сбор и анализ колоссальных массивов структурированной и неструктурированной информации для принятия точных управленческих решений.

5. Кибербезопасность и блокчейн:

- Защита персональных и корпоративных данных от кибератак.
- Использование распределенных реестров для обеспечения прозрачности

и безопасности финансовых и юридических операций.

Влияние на ключевые сферы общества

- Экономика и бизнес: Происходит глобальная цифровая трансформация (Digital Transformation). Компании внедряют электронную коммерцию, электронный документооборот и автоматизированные системы управления ресурсами, что значительно снижает издержки.
- Образование: Развитие платформ дистанционного обучения делает качественное образование доступным из любой точки планеты.
- Медицина: Цифровая диагностика, телемедицина и оперативный анализ данных пациентов позволяют повысить точность постановки диагнозов и качество лечения.
- Государственное управление: Развитие систем e-Government (электронного правительства) упрощает получение государственных услуг для граждан и повышает прозрачность работы органов власти.

Вызовы и риски цифровизации

Несмотря на очевидные преимущества, быстрый темп внедрения цифровых технологий создает и ряд проблем:

- Проблема кибербезопасности: Увеличение количества утечек данных, атаки программ-вымогателей и угроза информационной инфраструктуре.
- Цифровой разрыв: Неравный доступ к современным технологиям между различными регионами и слоями населения.
- Конфиденциальность данных: Вопросы защиты персональной информации пользователей интернет-сервисов.
- Изменения на рынке труда: Автоматизация процессов ведет к исчезновению ряда традиционных профессий и требует постоянного повышения квалификации кадров.

Заключение

Цифровые технологии — это не просто инструмент, а главный двигатель

современной эволюции человечества. Они открывают небывалые возможности для инноваций, повышают уровень жизни и стимулируют экономический рост. Однако для успешного будущего важно соблюдать баланс между технологическим прогрессом, безопасностью данных и этическими нормами.

Список использованной литературы:

1. Сластенин В. А. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2011.

2. Бордовская Н. В., Реан А. А. Педагогика: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2006.

3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ.

© Азизов Б., Гошлыева М., Овезова Г., Гелдимырадова А., 2026

УДК 62

Байрамкулыева Б.,
Преподаватель Балканабатской нефтяной средней профессиональной школы ГК «Туркменнебит».
Язмурадова А.,
Магистрант Академии государственной службы при Президенте Туркменистана Г. Ашхабад Туркменистан
Халмырадова А.,
Магистрант Академии государственной службы при Президенте Туркменистана Г. Ашхабад Туркменистан
Язлыев С.,
Преподаватель Институт телекоммуникаций и информатики Туркменистана
Г. Ашхабад Туркменистан
Научный Руководитель: Беркелиев О.К.,
Преподаватель Институт инженерно-технических и транспортных коммуникаций Туркменистана
Г. Ашхабад Туркменистан

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XXI ВЕКА

Искусственный интеллект (ИИ) — это область компьютерных наук, направленная на создание систем, способных выполнять задачи, которые традиционно требуют человеческого разума. К таким задачам относятся обучение, логическое мышление, распознавание речи и visual-образов, а также принятие решений. Сегодня ИИ превратился из концепции научной фантастики в ключевой двигатель мирового научно-технического прогресса.

Основные направления и технологии ИИ

Развитие искусственного интеллекта опирается на несколько фундаментальных технологий:

1. Машинное обучение (Machine Learning):

o Подход, при котором алгоритмы анализируют большие объемы данных, выявляют закономерности и самостоятельно улучшают качество своей работы без прямого программирования.

2. Глубокое обучение и нейронные сети (Deep Learning & Neural Networks):

o Модели, вдохновленные устройством человеческого мозга. Они состоят из слоистых узлов («нейронов») и эффективно справляются с распознаванием сложных паттернов (например, обработка изображений и звука).

3. Обработка естественного языка (NLP - Natural Language Processing):

o Технология, позволяющая компьютерам понимать, интерпретировать и генерировать человеческую речь. На ней основаны современные чат-боты, голосовые помощники и автоматические переводчики.

4. Компьютерное зрение (Computer Vision):

o Способность систем распознавать и анализировать объекты на фото и видео, что активно используется в беспилотных автомобилях и системах безопасности.

Внедрение ИИ в ключевые сферы жизни

Искусственный интеллект меняет привычные подходы к работе в самых разных отраслях:

- Медицина: Алгоритмы ИИ помогают анализировать медицинские снимки (КТ, МРТ), ускоряют разработку новых лекарств и прогнозируют развитие заболеваний на ранних стадиях.
- Финансы: Использование ИИ для автоматического выявления мошеннических транзакций, алгоритмической торговли на бирже и оценки кредитных рисков.
- Транспорт: Разработка автономных (беспилотных) транспортных средств и оптимизация сложных логистических маршрутов.

• Промышленность: Внедрение интеллектуальных роботов и систем предиктивного обслуживания оборудования для предотвращения аварий.

• Образование: Создание адаптивных обучающих платформ, подстраивающихся под индивидуальный темп и потребности каждого ученика.

Вызовы, риски и этические вопросы

Несмотря на колоссальные перспективы, стремительное развитие ИИ поднимает важные проблемы:

• Безопасность и конфиденциальность: Сбор и обработка огромных массивов персональных данных создают угрозы их утечки и несанкционированного использования.

• Трансформация рынка труда: Автоматизация может привести к сокращению ряда традиционных рабочих мест, что требует переквалификации кадров.

• Предвзятость алгоритмов: Если данные, на которых обучается ИИ, содержат ошибки или стереотипы, модель будет воспроизводить и усиливать эти искажения.

• Этические нормы и ответственность: Вопросы о том, кто несет ответственность за ошибки, допущенные автономными системами (например, при управлении беспилотным автомобилем или диагностике).

Заключение

Искусственный интеллект — это не просто инструмент автоматизации, а мощный катализатор изменений, формирующий будущее человечества. Рациональное использование технологий ИИ в сочетании с жесткими этическими стандартами и правильным регулированием позволит решить глобальные мировые задачи и повысить качество жизни общества.

Список использованной литературы:

1. Сластенин В.А. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2011.

2. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2006.

3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ.

© Байрамкулыева Б., Язмурадова А., Халмырадова А., Язлыев С., 2026

УДК 69

Гельдиева А.С., Деряева Н.Н., Башимов А.Ш.,

магистранты,

Академия Государственной службы при Президенте Туркменистана

г. Ашхабад, Туркменистан

SMART GOVERNMENT: ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

Smart Government (умное правительство) представляет собой концепцию трансформации системы государственного управления, основанную на сквозной интеграции передовых цифровых технологий, данных и интеллектуальных сервисов. Переход от классического бюрократического аппарата к гибкой, прозрачной и ориентированной на гражданина экосистеме становится ключевым ответом на вызовы современной цифровой эпохи. Инновационные механизмы управления позволяют повысить скорость принятия решений, оптимизировать расходование бюджетных средств и выстроить качественно новый уровень доверия между обществом и государством. Внедрение концепции Smart Government превращает публичное управление в высокотехнологичный и предиктивный инструмент развития национальной экономики.

Ключевые слова:

Smart Government, умное правительство, государственное управление, цифровизация, большие данные, искусственный интеллект, суперсервисы, блокчейн, умный город, электронное участие, кибербезопасность, персональные данные, проектное управление, инновации, проактивные услуги.

Анализ больших данных (Big Data) и алгоритмы машинного обучения образуют

аналитическое ядро «умного государства», позволяющее выстраивать доказательную государственную политику (Evidence-Based Policy). Государственные органы получают возможность обрабатывать гигантские массивы социально-экономических, демографических и инфраструктурных показателей в режиме реального времени. Предиктивная аналитика с высокой точностью моделирует последствия внедрения новых законодательных инициатив и рассчитывает риски возникновения кризисных ситуаций. Принятие решений на основе объективных данных снижает влияние субъектности и повышает эффективность планирования.

Искусственный интеллект и нейросетевые технологии кардинально меняют формат оказания государственных услуг, переводя их в формат непрерывного и незаметного для гражданина взаимодействия. Интеллектуальные виртуальные ассистенты способные круглосуточно обрабатывать миллионы обращений, давая точные консультации по вопросам налогообложения, социального обеспечения и регистрации прав собственности. Автоматизация рутинных администрирующих операций высвобождает госслужащих для решения сложных аналитических и стратегических задач. Внедрение ИИ делает получение государственных сервисов быстрым, удобным и доступным из любой точки мира.

Концепция суперсервисов и проактивного оказания госуслуг устраняет необходимость личного обращения граждан в инстанции и сбора многочисленных бумажных справок. Наступление определенного жизненного события, будь то рождение ребенка, оформление пенсии или запуск собственного бизнеса, автоматически запускает весь цепочечный процесс оформления документов в цифровом виде. Государственные информационные системы самостоятельно обмениваются межведомственными данными через единые платформы интеграции. Проактивный формат сводит к минимуму бюрократическую нагрузку и экономит время населения.

Трансформация кадрового потенциала госслужбы требует обучения

управленцев новым цифровым компетенциям и методологиям гибкого проектного управления (Agile). Современный государственный служащий должен обладать навыками работы с продуктовой аналитикой, понимать принципы сервисного дизайна и эффективно действовать в условиях неопределенности. Программы повышения квалификации и центры развития компетенций готовят специалистов, способных проектировать цифровые процессы нового поколения. Формирование инновационной культуры в органах власти ускоряет проведение цифровых реформ.

Список использованной литературы:

1. Смирнов, П.А. Smart Government: цифровая трансформация и новые технологии государственного управления. Москва: Альпина Паблишер, 2022.

2. Иванов, В.С. Искусственный интеллект и большие данные в публичном управлении. Санкт-Петербург: Лань, 2023.

3. Кузнецова, Е.М. Инновационные механизмы и сервисный подход в современном государстве. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024.

© Гельдиева А.С., Деряева Н. Н., Башимов А.Ш., 2026

УДК 62

Иванова А.

Студентка 3 курса, магистратура

Тюменский индустриальный университет

г. Тюмень, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ УСЛОВИЙ ТРУДА И ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ КОНДИТЕРСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ результатов специальной оценки условий труда и оценки профессиональных рисков на десяти рабочих местах предприятия кондитерской промышленности. Проведено сопоставление классов условий труда, вредных производственных факторов и показателей профессионального риска. Выявлены особенности соотношения результатов двух процедур и обоснована целесообразность их совместного использования в системе управления охраной труда.

Ключевые слова:

охрана труда, оценка профессиональных рисков, специальная оценка условий труда, пищевая промышленность, кондитерская фабрика, безопасность, вредные производственные факторы.

Охрана труда – это система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия.[1] В России охрана труда регулируется Трудовым кодексом РФ и другими нормативными правовыми актами.

С 2014 года аттестация рабочих мест была заменена специальной оценкой условий труда (далее – СОУТ) в соответствии с Федеральным Законом №426-ФЗ «О специальной оценке условий труда». Специальная оценка условий труда представляет собой единый комплекс последовательно осуществляемых мероприятий по идентификации вредных и (или) опасных факторов производственной среды и трудового процесса и оценке уровня их воздействия на работников.[2] С 2022 года оценка профессиональных рисков, стала обязательной процедурой для всех работодателей. Изменения в законодательстве обязало всех работодателей в РФ систематически выявлять опасности и профессиональные риски, анализировать и оценивать их.[1] Несмотря на общую направленность, процедуры различаются по целям и методикам: СОУТ устанавливает классы условий труда на основе воздействия производственных факторов, а оценка профессиональных рисков предусматривает выявление опасностей и оценку связанных с ними рисков причинения вреда работникам.

На современных предприятиях технологический процесс производства подразумевает разделение труда между различными специализациями, каждый из которых выполняет строго определенные производственные операции. Различные технологические операции предполагают разные уровни профессиональной опасности даже в рамках одного производственного цеха.

Технологические процессы пищевых производств сопровождаются воздействием различных производственных факторов, включая повышенные температуры, влажность, шум, вибрацию, пыль, пары и газы. Значительная доля ручного труда, в том числе физически тяжелого, повышает вероятность возникновения травмоопасных ситуаций и профессиональных заболеваний. [3, с. 4]

Учитывая многообразие производственных факторов и профессиональных опасностей на предприятиях пищевой промышленности, особое значение приобретает комплексный подход к оценке условий и безопасности труда.

Совместное использование результатов двух процедур позволяет более полно характеризовать производственные опасности и определять направления разработки и профилактических мероприятий.

Вопросы взаимосвязи СОУТ и оценки профессиональных рисков рассматриваются в исследованиях отечественных авторов. Е.В. Стасева и С.В. Филатова в своей научной статье «Определение профессионального риска на основе специальной оценки условий труда» исследовали использование результатов специальной оценки условий труда при управлении профессиональными рисками.[4] В научной работе «Сопоставление результатов определения профессионального риска работникам по методике интегральной оценки и специальной оценки условий труда» А.В. Богданов, А.Н. Филиппов и А.В. Млоток провели сопоставление результатов СОУТ с категориями профессионального риска, установленными посредством интегральной оценки условий труда. Результат сопоставления показало соответствие результатов в большинстве рассмотренных структурных подразделений предприятия электроэнергетики. При принятой авторами схеме соотнесения классов условий труда и категорий рисков доля соответствий составила 92,9%. [5]

Цель исследования – выявить особенности взаимосвязи результатов СОУТ и оценки профессиональных рисков на кондитерском предприятии путем сопоставления классов условий труда, производственных факторов и профессиональных опасностей.

Объект исследования – условия труда и профессиональные риски работников кондитерского предприятия.

Предмет исследования – взаимосвязь результатов СОУТ и оценки профессиональных рисков, выраженная в соотношении классов условий труда, производственных факторов, профессиональных опасностей и показателей профессионального риска.

Исследование проведено на основе материалов оценки условий труда и

оценки профессиональных рисков одного из кондитерских предприятий. Для сравнительного анализа отобраны десять рабочих мест из основных производственных и вспомогательных подразделений, характеризующихся различными условиями труда и воздействием производственных факторов. Выборка сформирована с учетом наличия соответствующих рабочих мест в документации обоих процедур, а также разнообразия классов условий труда и профессиональных опасностей.

Первоначально были проанализированы итоговые классы условий труда и категории профессионального риска. Затем определены производственные факторы, обусловившие установление вредных условий труда, и рассмотрено их соответствие опасностям, отражённым в оценке профессиональных рисков. При сопоставлении учитывалось, что одному производственному фактору СОУТ могут соответствовать несколько профессиональных опасностей, а некоторые опасности могут не иметь непосредственных аналогов среди показателей СОУТ.

По результатам специальной оценки условий труда два рабочих места характеризуется допустимыми условиями труда (класс 2), пять относятся к вредным условиям труда первой степени (класс 3.1), три – к вредным условиям труда второй степени (класс 3.2). При этом по результатам оценки профессиональных рисков все десять рабочих мест отнесены к категории приемлемого (допустимого) профессионального риска (D).

Таблица 1

Распределение исследуемых рабочих мест по результатам специальной оценки условий труда и оценки профессиональных рисков

Класс условий труда по СОУТ	Количество рабочих мест	Доля, %	Категория профессионального риска
2 – допустимые условия труда	2	20%	D - приемлемый
3.1 – вредные условия труда первой степени	5	50%	D - приемлемый
3.2 – вредные условия труда второй степени	3	30%	D - приемлемый
Всего	10	100%	

Таким образом, на 80% исследуемых рабочих местах по результатам специальной оценки условий труда установлены вредные условия труда. Согласно методике оценки профессиональных рисков все рабочие места отнесены к категории приемлемого риска. Суммарные показатели риска составляют от 6,3 до 8,8 балла. Полученные результаты показывают различия в итоговых оценках. Непосредственное числовое сопоставление является некорректным вследствие различий в целях и методиках процедур.

Для более детального анализа рассмотрены вредные производственные факторы, выявленные по результатам специальной оценки: тяжесть трудового процесса, производственный шум, химический фактор и неионизирующее излучение.

Таблица 2

Распространенность производственных факторов

с вредными условиями труда

Производственный фактор	Количество рабочих мест	Доля, %
Тяжесть трудового процесса	8	80%
Производственный шум	4	20%
Химический фактор	1	10%
Неионизирующее излучение	1	10%

Наиболее распространенным вредным производственным фактором, является тяжесть трудового процесса, на восьми из десяти рабочих мест, что может быть связано с особенностями технологических операций кондитерского производства. Производственный шум с классом 3.1 установлен на четырёх рабочих местах. Химический фактор и неионизирующее излучение идентифицированы на отдельных рабочих местах. Для установления взаимосвязи между результатами специальной оценки условий труда и оценки профессиональных рисков проведено сопоставление производственных факторов с соответствующими опасностями.

Таблица 3

Примеры сопоставление производственных факторов СОУТ

с идентифицированными опасностями ОПР

Рабочее место	Производственный фактор	Класс	Соответствующая опасность по оценке профессиональных рисков	Показатель Р, баллы
РМ-2	Тяжесть трудового процесса	2	Неудобная рабочая поза	2,8
РМ-3	Тяжесть трудового процесса	3.1	Неудобная рабочая поза	2,8
РМ-5	Производственный шум	3.1	Воздействие производственного шума	0,5
РМ-7	Производственный шум	3.1	Воздействие производственного шума	1,0
РМ-8	Производственный шум	3.1	Воздействие производственного шума	0,1
	Тяжесть трудового процесса	3.2	Неудобная рабочая поза	2,8
РМ-10	Производственный шум	3.1	Воздействие производственного шума	0,1
	Тяжесть трудового процесса	3.2	Неудобная рабочая поза	1,4

В таблице 3 представлены примеры сопоставления, отражающие особенности соотношения классов условий труда и показателей профессионального риска. Анализ показал, что одинаковые условия труда могут сопровождаться различными показателями риска. Например, при классе 3.1 по шуму значения риска составляют от 0,1 до 1,0 балла. Аналогичная особенность выявлена при оценке тяжести трудового процесса: на рабочих местах РМ-8 и РМ-10 при одинаковом классе 3.2 показатели риска, связанного с неудобной рабочей позой, составляют 2,8 и 1,4 балла. В то же время на РМ-2 и РМ-3 при различных классах условий труда (2 и 3.1) данный показатель риска одинаков и составляет 2,8 балла. Таким образом, однозначная зависимость между классами условий труда и показателями соответствующих профессиональных рисков не выявлена. При этом тяжесть трудового процесса в рамках СОУТ оценивается по совокупности характеристик, тогда как неудобная рабочая поза отражает лишь одну из них.

На двух исследуемых рабочих местах по результатам СОУТ установлен класс условий труда 2, а в оценке профессиональных рисков идентифицированы

опасности. Например, на РМ-2 показатель риска, связанного с неудобной рабочей позой, составляет 2,8 балла, а суммарная оценка профессионального риска – 7,0 балла. Следовательно, допустимые условия труда по СОУТ не исключают наличие профессиональных опасностей. Кроме того, оценка профессиональных рисков учитывает опасности, не имеющие прямых аналогов среди факторов СОУТ, включая травмирования движущимися частями оборудования, падения, поражение электрическим током и нештатные ситуации.

Проведенный сравнительный анализ, показал, что результаты специальной оценки и оценки проф. рисков частично пересекаются по составу оцениваемых факторов и опасностей, но отражают различные аспекты условий и безопасности труда.

Сравнительный анализ результатов СОУТ и оценки профессиональных рисков на предприятии кондитерской промышленности показал, что на восьми из десяти исследованных рабочих мест установлены вредные условия труда, тогда как по результатам оценки профессиональных рисков все рабочие места отнесены к категории приемлемого риска. Наиболее распространенными вредными факторами являются тяжесть трудового процесса (80%) и производственный шум (40%).

Установлено, что одинаковые классы условий труда могут сопровождаться различными показателями профессионального риска, а допустимые условия труда не исключают наличия профессиональных опасностей. Полученные результаты подтверждают целесообразность совместного использования СОУТ и оценки профессиональных рисков для более полной оценки безопасности труда и совершенствования системы управления профессиональными рисками.

Список использованной литературы:

1. Трудовой кодекс Российской федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025). URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 16.10.2026)

2. Федеральный закон от 28.12.2013 N 426-ФЗ (ред. от 24.07.2023) "О специальной оценке условий труда" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/ (дата обращения: 16.10.2026)

3. Ю.М. Бурашников, А.С. Максимов Охрана труда в пищевой промышленности, общественном питании и торговле. - 8-е издание изд. - М.,: Академия, 2013. – С. 19.

4. Е.В. Стасева, С.В. Филатова Определение профессионального риска на основе специальной оценки условий труда // Молодой исследователь Дона. - 2018. - №2(11). - С. 81-85.

5. А.В. Богданов, А.Н. Филиппов, А.В. Млоток Сопоставление результатов определения профессионального риска работников по методике интегральной оценки и специальной оценки условий труда // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. - 2023. - №Т. 12 №3. - С. 147-150.

© Иванова А., 2026

УДК 620.193.8

Мартынова С.С.

Преподаватель ОГАПОУ «Дмитриевский аграрный колледж»

с. Дмитриевка, Белгородская область

Бабешко В.А.

Преподаватель ОГАПОУ «Дмитриевский аграрный колледж»

с. Дмитриевка, Белгородская область

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ

Аннотация

В статье рассматривается проблема биоповреждений- процессов, при которых живые организмы в результате своей деятельности разрушают созданные человеком объекты. Жизнь без техники невозможна. С помощью технических устройств люди строят жилье, производят одежду, лечатся, отдыхают и познают окружающий мир. Техника помогает нам добывать сырье, транспортировать и перерабатывать его, создавать новые устройства и материалы. Живая природа по-разному реагирует на изделия человека: пассивно, активно или отторгая.

Ключевые слова:

техническая экология, природа, биоповреждающие организмы, биоцидные средства, окружающий мир.

Живые существа часто выступают как разрушители техники, разнообразных материалов и сырья. Ежегодно человечество теряет около 12 процентов производства металлов по причине коррозии в результате жизнедеятельности железобактерий, нитрифицирующих и тионовых бактерий. В мире происходит огромное количество столкновений самолетов с птицами, которые повреждают двигатели и остекление кабин. Садясь на опоры линий электропередач голуби и

другие птицы вызывают замыкание и аварийное отключения тока. В южных районах термиты разрушают древесину. Домовые грибы вызывают гниение деревянных конструкций. Деятельность почвенных бактерий приводит к коррозии газо- и нефтепроводов, металлических конструкций метрополитенов. Покрывая днища морских судов, моллюски и водоросли снижают скорость движения, увеличивая расход топлива. Тепловые электростанции и заводы страдают от обрастания и зарастания водоводов. Во всех перечисленных ситуациях задействованы два участника: организмы, атакующие материалы, сооружения, и сами объекты повреждений (сооружения, изделия, сырье).

Защита от биоповреждений в природе включает в себя систему практических мероприятий, оптимизирующих взаимоотношения человека с повреждающими организмами.

К ним относятся: 1. Биоцидные средства, которые уничтожают биоповреждающие организмы. Например, для защиты древесины используют бихромат натрия, маслянистые антисептики. В судостроении используют лакокрасочные материалы, содержащие закись меди. Применение биоцидов недопустимо, если есть опасность погубить редкие виды. 2. Управление поведением повреждающего организма. Сюда относятся технические устройства, воспроизводящие акустические сигналы.

В настоящее время техника оказывает колоссальное влияние на состояние окружающей среды.

Техника заполняет экологическое пространство, отнимая его у живой природы, ухудшает качество среды за счет загрязнений, выбросов и отходов. Поэтому на сегодняшний день нужно учитывать не только интересы человеческого общества, но и интересы живой природы. Например, авиаконструкторы, проектируя двигатели, учитывают опасность столкновения с птицами, при строительстве маяков и линий электропередач учитываются особенности поведения птиц, магистрали ограждают сетками, препятствующими выходу зверей,

а газопроводы приподнимают над поверхностью земли.

Для того чтобы техника работала долгие годы, не повреждаясь живыми организмами и при этом не наносила вред окружающей среде необходимо вести профилактику и прогноз ситуаций всех аспектов взаимоотношения с окружающей средой.

Список использованной литературы:

1. Глик, Б. Молекулярная биотехнология. Принципы и применение. Пер. с англ./ Б. Глик, Дж. Пастернак. –М.: Мир, 2002.

2. Шевелуха, В.С. Сельскохозяйственная биотехнология: учебник/В.С. Шевелуха, Е.А. Калашникова, Е.С. Воронин и др.; Под ред. В.С. Шевелухи. – 2-е изд., перераб. и доп. –М.: Высшая школа, 2003.

3. Биотехнология. Принципы и применение. Пер. с англ./Под ред. И.Хиггинса, Д. Беста, Дж. Джонса. –М.: Мир, 1988.

4. Домарадский, И.В. Основы бактериологии для экологов/И.В. Домарадский, А.В. Ермолаев. –М., 1999.

© Мартынова С.С., Бабешко В.А., 2026

УДК 62

Сарыбекова Л.,

Преподаватель Балканабатской нефтяной средней профессиональной школы ГК «Туркменнебит».

Гочгулыева Г.,

Магистрант Академии государственной службы при Президенте Туркменистана Г. Ашхабад Туркменистан

Ризаева Н.,

Студент Туркменабатская агропромышленная средняя профессиональная школа Туркменского сельскохозяйственного университета им. С.А. Ниязова

Халназарова О.,

Преподаватель Институт телекоммуникаций и информатики Туркменистана

Г. Ашхабад Туркменистан

Научный Руководитель: Ёллыев Т.,

Преподаватель Институт инженерно-технических и транспортных коммуникаций Туркменистана

Г. Ашхабад Туркменистан

IT-ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО: КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНЯТ МИР

Информационные технологии продолжают развиваться с беспрецедентной скоростью. То, что еще вчера казалось концепцией из фантастических фильмов, сегодня становится основой для новых индустрий. В ближайшие десятилетия IT-сфера не просто ускорит автоматизацию, а сформирует принципиально новую цифровую реальность.

Ниже приведены ключевые технологические тренды, которые определят будущее IT-индустрии.

1. Квантовые вычисления (Quantum Computing)

Традиционные компьютеры используют биты (0 и 1), в то время как квантовые компьютеры работают с кубитами, способными находиться в состоянии суперпозиции.

- Потенциал: Способность решать сверхсложные задачи за секунды — от моделирования новых молекул для лекарств до мгновенной оптимизации глобальных логистических цепочек.
- Влияние: Квантовые технологии полностью перевернут сферу криптографии и безопасности данных.

2. Автономные системы и продвинутая робототехника

Слияние искусственного интеллекта и физической робототехники выведет автоматизацию на новый уровень:

- Беспилотный транспорт: Массовый переход на автономные автомобили, грузовики и дроны-доставщики.
- Промышленные и сервисные роботы: Широкое внедрение роботов, способных адаптироваться к изменяющейся среде без жесткого программирования.

3. Нейротехнологии и интерфейсы «мозг-компьютер» (BCI)

Развитие прямого взаимодействия между человеческим мозгом и цифровыми устройствами станет одним из самых прорывных направлений:

- Медицина: Восстановление утраченных моторных функций, зрения и речи у пациентов с травмами.
- Управление устройствами: Возможность взаимодействовать со компьютерами и гаджетами с помощью силы мысли.

4. Расширенная реальность (XR: VR/AR/MR) и пространственные вычисления

Виртуальная (VR), дополненная (AR) и смешанная (MR) реальности выходят за рамки индустрии развлечений:

- Профессиональное применение: Проведение сложных хирургических

операций с наложением AR-данных, дистанционное проектирование инженеров и виртуальные образовательные классы.

- Повседневная жизнь: Постепенная замена традиционных экранов смартфонов и мониторов на легкие умные очки.

5. Зеленые технологии в IT (Green Computing)

С ростом объема данных и мощности центров обработки (ЦОД) критически важной становится экологическая устойчивость:

- Энергоэффективность: Разработка энергосберегающих процессоров и микросхем.
- Экологичные ЦОД: Переход дата-центров на возобновляемые источники энергии и внедрение эффективных систем жидкостного охлаждения.

6. Кибербезопасность на базе ИИ и биометрии

С усложнением IT-инфраструктуры традиционные методы защиты становятся недостаточно эффективными:

- Автоматизированная защита: Использование алгоритмов машинного обучения для мгновенного обнаружения и предотвращения кибератак в режиме реального времени.
- Беспарольная аутентификация: Массовый переход на биометрические данные и распределенные цифровые идентификаторы.

Вызовы будущего IT-сектора

Стремительный прогресс в сфере IT влечет за собой новые задачи:

- Этика и регулирование ИИ: Необходимость создания международной нормативной базы для контроля за автономными системами.
- Дефицит высококвалифицированных кадров: Возрастающий спрос на специалистов в области квантового программирования, нейроинтерфейсов и кибербезопасности.
- Защита приватности: Сохранение баланса между удобством цифровых сервисов и защитой личных данных пользователей.

Заключение

Будущее IT-технологий направлено на максимальную интеграцию цифрового мира с физической реальностью человека. Эти инновации откроют колоссальные возможности для экономики, науки и медицины. Победителями в этой новой эре станут те общества и компании, которые смогут быстро адаптироваться к изменениям и направить технологический потенциал на благо человечества.

Список использованной литературы:

1. Сластенин В. А. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2011.

2. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2006.

3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ.

© Сарыбекова Л., Гочгулыева Г., Ризаева Н., Халназарова О., 2026

УДК 621.9.048.4

Фирсов В.Д.

Магистр 1 курса

Сибирского государственного университета

науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва

г. Железногорск, Россия

ЭЛЕКТРОЭРОЗИОННАЯ ОБРАБОТКА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые аспекты применения электроэрозионной обработки (ЭЭО) в производстве компонентов ракетно-космической техники. Анализируются технологические преимущества электроэрозионных методов при изготовлении деталей из труднообрабатываемых жаропрочных, титановых и композиционных материалов. Обосновывается необходимость применения ЭЭО для формирования поверхностей со сложными профилями, охлаждающих каналов и прецизионных отверстий в различных узлах ракетной техники. Анализируются тенденции и направление развития электроэрозионного оборудования. Особое внимание уделено вопросам обеспечения качества поверхностного слоя и повышения производительности процессов.

Ключевые слова:

ракетно-космическая техника, электроэрозионная обработка деталей, жаропрочные и титановые сплавы, проволочно-вырезное оборудование, ЧПУ, прецизионная обработка деталей, поверхностный слой детали.

Введение

Современная ракетно-космическая отрасль (РКТ) характеризуется высокими

требованиями к линейной и геометрической точности деталей, а также высокими требованиям к материалам из которых изготавливают детали и сборочные единицы (ДСЕ). Это обуславливается тем, что ДСЕ при эксплуатации подвергаются воздействию сверхвысоких температур, агрессивных сред и значительных механическим нагрузок. В таких условиях механическая обработка ДСЕ может быть не эффективной или невозможной по причине сложной геометрии, или из-за труднообрабатываемых материалов.

Электроэрозионная обработка (ЭЭО) является одним из перспективных методов получения деталей сложной формы из труднообрабатываемых материалов. Данный метод основан на принципе создания локального электрического разряда между заготовкой и инструментом (электродом) в диэлектрической жидкости, которой чаще всего является деионизированная вода. Для данного метода не играет роль твёрдость и вязкость материалов главным критерием обработки является проводимость материалов, что исключает возможность обработки методом ЭЭО диэлектриков.

Цель исследования – систематизация технологических возможностей ЭЭО к задачам, ставящимся перед отечественной ракетно-космической отраслью, а также определение перспективных направлений развития данной технологии.

1. Технологические особенности электроэрозионной обработка

Физическая суть ЭЭО заключается в управляемом разрушении токопроводящего материла серией кратковременных электрических разрядов. Каждый разряд локально нагревает материал до 10000-12000º С, провоцируя расплав материала и его испарение с выбросом мелкодисперсных капель вещества. Продукты эрозии материала в последствии удаляются потоком диэлектрика.

Выделяется несколько видов ЭЭО, количество напрямую зависит от конкретного исследователя и может варьироваться от 2 до 8 видов. В данной

работе отдельно выделим разновидности ЭЭО, применяемые в ракетно-космической отрасли:

- Прошивная электроэрозионная обработка – используется для изготовления деталей со сложными полостями, каналами, шлицевых соединений и отверстий малого диаметра в деталях их жаропрочных сплавов.
- Проволочно-вырезная электроэрозионная обработка – применяется для получения деталей сложной геометрии из листового материала, а также для изготовления пресс форм и штампов.

2. Применение ЭЭО в производстве ДСЕ двигателей ракет

Одними из наиболее востребованных направлений применения ЭЭО в РКТ является изготовление деталей камер сгорания жидкостных ракетных двигателей. Традиционные методы обработки не могут обеспечить выполнение внутренних охлаждающих трактов сложной геометрии из-за самой геометрии и труднообрабатываемых материалов, которые применяют для их изготовления. Прошивная ЭЭО с применением электродов сложной формы позволяют выполнять каналы с точным обеспечением геометрии охлаждающих каналов, что напрямую влияет на эффективность отвода тепла и ресурс двигателя. Так же можно ответить, адекватной заменой ЭЭО в данном случае может являться только аддитивные технологии, но экспериментальные единицы показывали недостаточные прочностные характеристики.

Кроме того, ещё одним из безальтернативных направление использования ЭЭО в РКТ является выполнения различных деталей из турбонасосных агрегатов: уплотнительных колец, шнеков, корпусных деталей и лопаток турбин. Высокая твёрдость материалов (сплавы на основе никеля и титана) не позволяет применять классические методы механической обработки данных деталей.

3. Прецизионная обработка деталей космических аппаратов

В производстве космических аппаратов ЭЭО используется для выполнения таких элементов систем как: терморегулирование, антенно-фидерных устройств,

корпусных деталей и датчиков. Для снижения массы аппаратов критичным является ширина реза в тонкостенных конструкциях. Проволочно-вырезные станки позволяют изготавливать детали с данным условием.

Отдельно надо затронуть ЭЭО композитных материалов на основе углеродного волокна (углепластик/карбон). Традиционная обработка карбона обусловлена рядом сложностей, но ключевой проблемой является расслоение и выкрашивания материала при сверлении, фрезеровании и т.д. Электроэрозионный метод в свою очередь лишён этих проблем позволяет обеспечить чистый рез при разрезе заготовок и деталей.

4. Современное электроэрозионное оборудование с ЧПУ

Развитие электроэрозионного оборудования идёт по стандартному пути внедрения систем числового программного управления (ЧПУ), аддаптивных систем контроля межэлектродного зазора. Современные станки оснащаются генераторами импульсов с наносекундной длительностью это позволяет достигать шероховатости поверхности Ra 0,1 мкм и меньше.

Также перспективным является внедрение цифровых двойников технологических процессов ЭЭО, это позволит до начала обработки прогнозировать качество поверхностного слоя после обработки за счёт моделирования распределения тепловых полей во время обработки. Это особо важно для деталей, которые будут работать в условиях цикличных термических напряжения, в таких деталях наличие дефектного слоя непозволительно.

5. Проблемы и ограничения метода

Как и всё в нашем мире ЭЭО помимо плюсов имеет и минусы, а также рад ограничений:

- Низкая производительность – по сравнению с традиционной лезвийной обработкой электроэрозионная значительно дольше, что требует оптимизации режимов резания и применения многоконтурных (многослойных) методов обработки.

•Формирование дефектного слоя – при обработке ЭЭО образуется измененный поверхностный слой (белый слой), который характеризуется хрупкостью и наличием микротрещин. Требует финишной обработки.

•Высокая энергоёмкость и дороговизна метода – процесс имеет низкий КПД, электроды достаточно дорогие и обычно требуются в нескольких исполнениях (черновое, чистовое), также требуется диэлектрик.

Решение вышеуказанных проблем напрямую связанно с разработкой новых видом материалов для выполнения электродов (к примеру, на основе композитов или меди-графита), совершенствованию системы прокачки и фильтрации диэлектрика. Внедрения гибридных методов обработки (в частности, в РКТ после выполнении ЭЭО используется электрохимическая обработка для снятия дефектного слоя).

Заключение

Электроэрозионная обработка прочно заняла свое место в производстве ракетно-космической техники. Без нее невозможно представить изготовление многих критически важных деталей — от камер сгорания до элементов турбонасосных агрегатов. Метод позволяет работать с материалами, которые не поддаются обычному резанию, и обеспечивает высокую точность. Дальнейшее развитие связано с цифровизацией, адаптивным управлением, новыми электродными материалами и гибридными технологиями. Совершенствование оборудования и процессов позволит расширить применение ЭЭО и повысить эффективность производства надежных изделий.

Список использованной литературы:

1. Электроэрозионная обработка материалов: учебник для вузов / под ред. Б.Н. Золотых. — М.: Машиностроение, 2020. — 384 с.

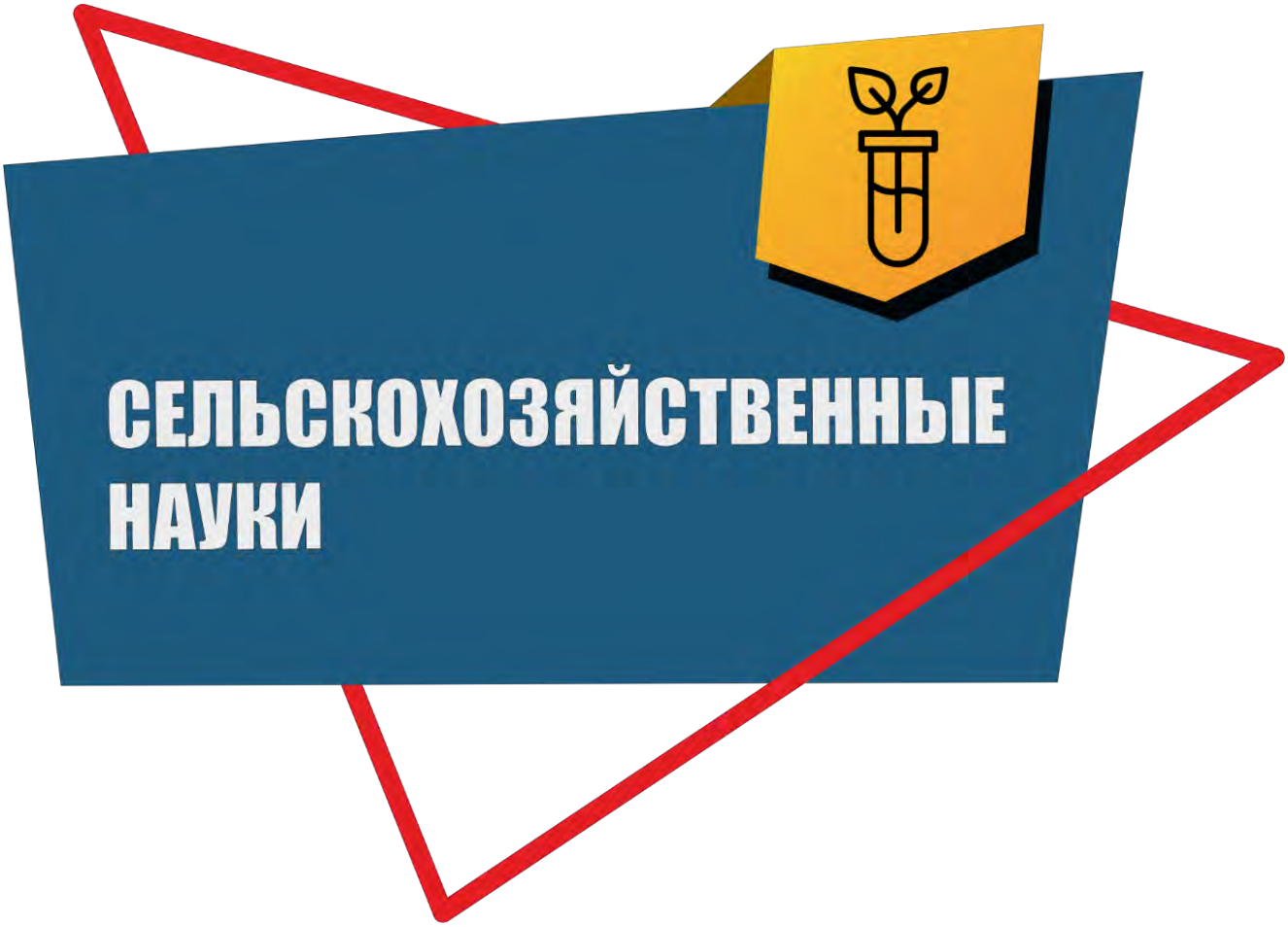
2. Коваленко В.С., Григорьев С.Н. Технология электроэрозионной обработки деталей авиационной и ракетной техники. — М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2019. — 256 с.

3. Смирнов А.В., Кузнецов П.Н. Прецизионная электроэрозионная обработка жаропрочных сплавов на никелевой основе // Вестник машиностроения. — 2022. — № 4. — С. 45–52.

4. Smith J., Brown R., Chen L. Modern EDM Technologies for Aerospace Applications // Journal of Aerospace Engineering. — 2021. — Vol. 34, No. 3. — P. 112–125.

5. Ivanov M., Petrov S., Sokolov A. Development of Digital Twins for Electrical Discharge Machining Processes // Procedia CIRP. — 2023. — Vol. 118. — P. 310–315.

© Фирсов В.Д., 2026

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
НАУКИ

УДК 63

Hojamyradov Rejep,
lecturer
Bayramgulyyeva Oguljeren,
student
Atayeva Leyli,
student
Turkmen State Agricultural University named after S.A. Niyazov
Ashgabat, Turkmenistan

INNOVATIVE METHODOLOGIES, DIGITAL TECHNOLOGIES, AND APPLIED PEDAGOGICAL MODELS IN AGRONOMIC AND AGRICULTURAL EDUCATION

Abstract

The continuous modernization of global agriculture—driven by precision farming, automated machinery, climate-smart agronomy, and bio-technological innovations—demands a fundamental transformation of instructional methodologies in agricultural education. Traditional lecture-centric models and static observational field demonstrations are increasingly insufficient for cultivating the complex diagnostic skills, technological competencies, and sustainable resource management capabilities required by contemporary agronomists and agricultural engineers. Grounded in experiential learning theory, constructivism, cognitive load theory, and problem-based learning (PBL), this article examines the structural design, operational mechanics, and instructional efficacy of modern methodologies for training future agricultural specialists. The paper analyzes how smart laboratory testbeds, drone-assisted field analytics, Internet of Things (IoT) soil monitoring systems, and interactive agricultural simulations bridge theoretical biological principles with practical farm management execution. Furthermore, systemic implementation hurdles—including high capital

expenditures for smart agricultural tech, rapid technological turnover, faculty skill gaps, and assessment alignment challenges—are critically evaluated alongside evidence-based strategies for sustainable curriculum integration. Ultimately, embedding structured, technology-enhanced pedagogical frameworks in agricultural education transforms vocational training into an interactive, student-centered engine of agricultural productivity and food security.

Keywords:

agricultural education, agronomy pedagogy, innovative methodologies, precision agriculture, experiential learning, problem-based learning, smart farming technologies.

Introduction

The agricultural sector serves as a vital economic engine, human life-support system, and foundation for national food security across global economies. Historically, agricultural education within vocational colleges and technical universities relied heavily on deductive instructional approaches, where students memorized crop biology, soil chemistry formulas, and mechanical schematics before participating in seasonal, observational field trials. While foundational biological and mechanical knowledge remains essential, exclusive reliance on traditional passive learning leaves future agronomists and agricultural engineers ill-equipped to manage modern precision farming tools, optimize automated irrigation networks, or interpret real-time satellite imagery for pest and disease management under dynamic climate conditions. Consequently, modern vocational pedagogy emphasizes transitioning agricultural training from static transmission toward dynamic, technology-integrated frameworks aligned with Smart Agriculture 4.0 principles.

Modern agricultural pedagogy rests on the core premise that technical mastery in agronomy is constructed through active problem-solving, hands-on environmental diagnostics, and technology-mediated experimentation. Grounded in David Kolb’s

experiential learning theory, Lev Vygotsky's socio-cultural constructivism, and John Sweller's cognitive load theory, contemporary agricultural pedagogy asserts that learning is optimized when students directly manipulate physical and virtual farming environments while receiving immediate diagnostic feedback. In a modernized agricultural training environment, learners do not merely read about soil degradation or pest outbreaks; they collect sensor data, analyze micro-climate variations, pilot agricultural drones for spectral crop analysis, and configure automated fertigation protocols in real time. The agricultural educator transitions from an authoritative lecturer to a farm system architect, technical mentor, and field coach who scaffolds complex agronomic workflows. By harmonizing rigorous biological science with cutting-edge digital farming tools, technical education equips specialists to engineer sustainable food production systems.

Main Part

Implementing advanced teaching methodologies for future agricultural specialists requires a structured, multi-stage instructional design workflow that connects abstract ecological and mechanical concepts directly with physical field execution. A central pillar of modern agricultural pedagogy is the deployment of project-based learning (PBL) and smart laboratory testbeds, where students work in interdisciplinary teams to manage simulated or real crop cycles using digital decision-support systems. In these modernized learning modules, instruction incorporates IoT-based soil moisture and nutrient sensors, unmanned aerial vehicle (UAV) multispectral imagery analysis, and automated greenhouse climate controls. Furthermore, utilizing cloud-based farm management software and interactive agricultural simulation sandboxes enables students to safely test crop rotation strategies, yield predictions, and resource allocation models without risking real-world harvest loss or environmental contamination.

The empirical literature evaluating experiential and technology-enhanced agricultural pedagogy across higher education and vocational institutes demonstrates substantial cognitive, operational, and diagnostic benefits. Research consistently

confirms that students trained through active, simulation-enhanced methods demonstrate superior agronomic troubleshooting precision, faster decision-making under environmental uncertainty, and higher conceptual retention compared to peers exposed primarily to traditional lecture formats. By offloading routine data collection to digital sensors and specialized analytical tools, modern pedagogical frameworks reduce extraneous cognitive load, enabling learners to focus working memory on system-level ecological interactions, economic efficiency, and sustainable resource management. Moreover, collaborative farm design challenges foster essential workforce soft skills, including cross-functional communication, data-driven decision-making, adaptive resilience, and adherence to environmental compliance standards.

Despite these clear educational and economic advantages, deploying modern teaching methodologies within agricultural institutions presents notable structural, financial, and operational challenges. Educational institutions frequently face steep capital equipment costs for modern precision machinery, agricultural drones, and enterprise farm management software, compounded by rapid technological turnover that can render hardware obsolete within a few years. Additionally, technical faculty often encounter significant professional development hurdles when attempting to master emerging digital farming paradigms alongside advanced active learning teaching strategies. From an evaluation perspective, assessing complex agronomic problem-solving requires moving away from conventional multiple-choice examinations toward rubric-based performance assessments, digital field portfolio reviews, and real-time scenario evaluations. Overcoming these barriers demands strategic public-private partnerships with agribusinesses, open-source agricultural software adoption, continuous faculty training, and flexible institutional curriculum policies.

Conclusion

The systematic design and deployment of innovative teaching methodologies for future agricultural specialists represent an indispensable structural evolution in modern technical education, offering a proven, evidence-based pathway to transform agronomic

theory into sustainable agricultural productivity. Reallocating traditional passive lecture hours toward active field simulation, precision technology diagnostics, and collaborative problem-based learning directly connects educational programs with modern food industry demands and environmental priorities. The evidence clearly demonstrates that when agricultural training programs are engineered around robust, technology-enhanced pedagogical models, graduates achieve exceptional levels of diagnostic precision, environmental adaptability, and operational confidence. While acquiring smart farming technology, updating curricula, and training faculty demand sustained institutional investment, the long-term economic, ecological, and food security dividends far outweigh the operational challenges.

Looking toward the future of global agricultural education, refining instructional methodologies will remain vital for maintaining economic resilience, environmental sustainability, and technological sovereignty amidst climate change and global population growth. As AI-assisted crop monitoring, autonomous field robotics, and climate-resilient biotechnology continue to reshape global farming practices, educational institutions must continuously adapt their instructional toolkits to mirror cutting-edge industry standards. However, the core of effective agricultural pedagogy remains fundamentally human-centered: utilizing advanced digital tools not to replace field intuition, but to deepen ecological understanding, sharpen analytical decision-making, and mentor adaptable problem-solvers. Educational leaders, policymakers, and agricultural faculty must therefore prioritize sustained investments in modern technical pedagogies, ensuring that training programs remain vibrant, rigorous, and transformative engines of agricultural innovation.

References List:

1. Agricultural Education and Training: Methodologies for Rural Development, Baudron, F., & Mazaud, F., Rome, Italy: Food and Agriculture Organization (FAO), 2016.

2. Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development, Kolb, D. A., Upper Saddle River, NJ: Pearson Education, 2015.

3. Smart Agriculture and Precision Farming in Technical Pedagogy, Zhang, Q., & Wang, X., Dordrecht, Netherlands: Springer Academic Publishers, 2020.

4. Problem-Based Learning in Agriculture and Environmental Sciences Curriculum, Barrows, H. S., & Tamblyn, R. M., San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2004.

5. Digitalization of Agriculture and Sustainable Workforce Development, World Bank, Washington, D.C.: World Bank Publications, 2022.

© Hojamyradov R., Bayramgulyyeva O., Atayeva L., 2026

УДК 63

Мередов М.,
доктор физико-математических наук, доцент
Туркменский сельскохозяйственный университет имени С.А.Ниязова,
г. Ашхабад, Туркменистан
Мыратмухаммедов Б.,
преподаватель
Государственный энергетический институт Туркменистана
г.Мары, Туркменистан

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫХ ПОЛУПРОВОДНИКОВЫХ ДАТЧИКОВ ДЛЯ ПРОВЕРКИ ВЛАЖНОСТИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ

Аннотация

Интенсивное развитие оптоэлектроники, физики полупроводников и сенсорных технологий требует разработки высокочувствительных полупроводниковых структур, узкозонных материалов и диодов Шоттки с палладиевым контактом. Настоящая статья посвящена научно-методологическому и физико-техническому анализу принципов создания и практического применения полупроводниковых датчиков для экспресс-контроля влажности и экологического мониторинга сельскохозяйственной продукции. В работе рассматриваются механизмы токопереноса в гетероструктурах на основе A3B5A^3B^5A3B5 и кремния, характеристики диодов Шоттки Pd-InP, а также физические причины изменения фото-ЭДС под воздействием паров воды и водородсодержащих газов. Особое внимание уделено оптическим элементам среднего и ближнего ИК-диапазонов (1.3–2.4 мкм), легированию гольмием (Ho) для повышения квантовой эффективности гетерофотодиодов и созданию портативных светодиодных мини-

спектрометров. Раскрываются технологические особенности изготовления интерфейсов, температурная стабилизация и методы интеграции датчиков в системы точного земледелия и контроля качества продуктов питания.

Ключевые слова:

полупроводниковые датчики, диоды шоттки, контроль влажности, экологический мониторинг, сельскохозяйственная продукция, фото-эдс, оптоэлектроника.

Introduction

Интенсивные исследования полупроводников, их соединений и гетероструктур за последние десятилетия привели к бурному развитию оптоэлектроники и созданию широкого класса приборов, включая светодиоды, фотодетекторы и солнечные элементы. В контексте глобальных экологических вызовов и необходимости обеспечения продовольственной безопасности особую актуальность приобретает разработка эффективных сенсорных систем для мониторинга окружающей среды и контроля качества сельхозпродукции. Приборы среднего и ближнего ИК-диапазонов на основе полупроводников A3B5A^3B^5A3B5 (InP, InAs, GaSb и их твердых растворов) обладают уникальным потенциалом, так как в этих спектральных интервалах лежат основные полосы поглощения молекул воды, сероводорода и водородсодержащих газов.

Методологической основой создания высокочувствительных датчиков нового типа выступает исследование электрических и фотоэлектрических явлений на границе раздела металл-полупроводник. Внедрение палладиевого контакта на подложки InP, GaSb и кремния позволяет использовать высокую реакционную и сорбционную способность палладия к водороду и гигроскопическим соединениям для управляемой трансформации потенциального барьера Шоттки. Применение фотоэлектрических методов регистрации вместо традиционного измерения темнового тока обеспечивает повышение чувствительности на порядки и гарантирует высокую стабильность и обратимость измерений. Системное

объединение физики гетероструктур с технологиями экспресс-анализа открывает широкие возможности для автоматизации контроля параметров почвы, зерновых культур и хлопка.

Main Part

Технологический процесс изготовления чувствительных диодных структур включает подготовку полупроводниковых подложек n- и p-типа методом жидкостного травления или анодирования с последующим электрохимическим осаждением или вакуумным напылением слоев палладия толщиной 400–500 Å. Исследования показали, что состав промежуточного оксидного слоя в структурах Pd-InP с электрохимически осажденным металлом содержит высокий процент оксидов фосфора, что обеспечивает высокую чувствительность фото-ЭДС к изменению влажности воздуха и импульсному воздействию водяного пара. Время отклика фото-ЭДС при воздействии паров воды составляет всего 1–3 секунды с последующей полной обратимостью сигнала за 40–50 секунд, что обусловлено ориентацией дипольных молекул воды во встроенном электрическом поле барьера.

Эмпирические результаты испытаний созданных оптоэлектронных макетов и светодиодных мини-спектрометров в диапазоне 1.3–2.4 мкм подтверждают их высокую эффективность при экспресс-анализе сельскохозяйственного сырья. При изменении влажности от комнатной до 100% величина фото-ЭДС возрастает на 100–400%, демонстрируя строгую линейную зависимость от концентрации водяных паров. Внедрение фотодиодов на основе гетероструктур GaSb/GaAlAsSb, легированных гольмием (Ho), позволило снизить концентрацию фоновых носителей и повысить квантовую эффективность до γ=0.55\gamma = 0.55γ=0.55 электрон/фотон в максимуме спектра. Это обеспечивает высокую точность определения показателей влажности зерновых культур (11–25%), хлопка (5–17%), а также кислотности почвы (pH 3.5–9.0) за время измерения не более 1 секунды.

Несмотря на очевидные научно-технические преимущества, массовое

внедрение полупроводниковых сенсорных систем сталкивается с рядом технологических и эксплуатационных трудностей. К ним относятся неоднородность роста оксидных слоев при анодировании пластин большой площади, а также необходимость компенсации температурного дрейфа параметров приборов в полевых условиях. Преодоление данных проблем достигается путем использования оригинальных сенсорных модулей диаметром 9 мм, объединяющих оптопару «светодиод — фотоприемник», микротермохолодильник и термодатчик в едином герметичном корпусе. Использование питаемых через USB-интерфейс многоэлементных светодиодных матриц в сочетании с широкополосными фотодиодами обеспечивает компактность (60х42х42 мм), низкое энергопотребление и высокую устойчивость приборов к внешним воздействиям.

Conclusion

Научно обоснованная разработка чувствительных полупроводниковых датчиков на основе структур Pd-InP, GaSb и кремния представляет собой важнейший шаг в модернизации методов экологического контроля и оценки качества сельскохозяйственной продукции. Переход от громоздких лабораторных приборов к портативным светодиодным мини-спектрометрам и фотоэлектрическим сенсорам позволяет осуществлять оперативный неразрушающий экспресс-анализ непосредственно на полях, складах и перерабатывающих предприятиях. Экспериментально доказано, что использование фотоэлектрического эффекта в барьерах Шоттки обеспечивает превосходную чувствительность, минимальную инерционность и полную обратимость процессов при определении влажности и газового состава среды.

В перспективе дальнейшее совершенствование полупроводниковых сенсорных систем будет связано с расширением спектрального диапазона ИК-оптоэлектроники, применением новых твердых растворов InAsSbP и интеграцией датчиков с цифровыми платформами точного земледелия. Использование

беспроводных сенсорных сетей и интеллектуальных алгоритмов обработки спектров отражения позволит повысить точность прогнозирования урожайности и оптимизировать режимы хранения продукции. Объединение усилий физиков-полупроводников, инженеров-оптоэлектронщиков и специалистов агропромышленного комплекса гарантирует создание надежной технологической базы для экологической безопасности и устойчивого развития сельского хозяйства.

Список использованной литературы:

1. Интенсивные исследования полупроводников и оптоэлектроника, Мередов, М. М., & Мыратмухаммедов, Б., Ашхабад, Туркменистан: Ылым, 2020.

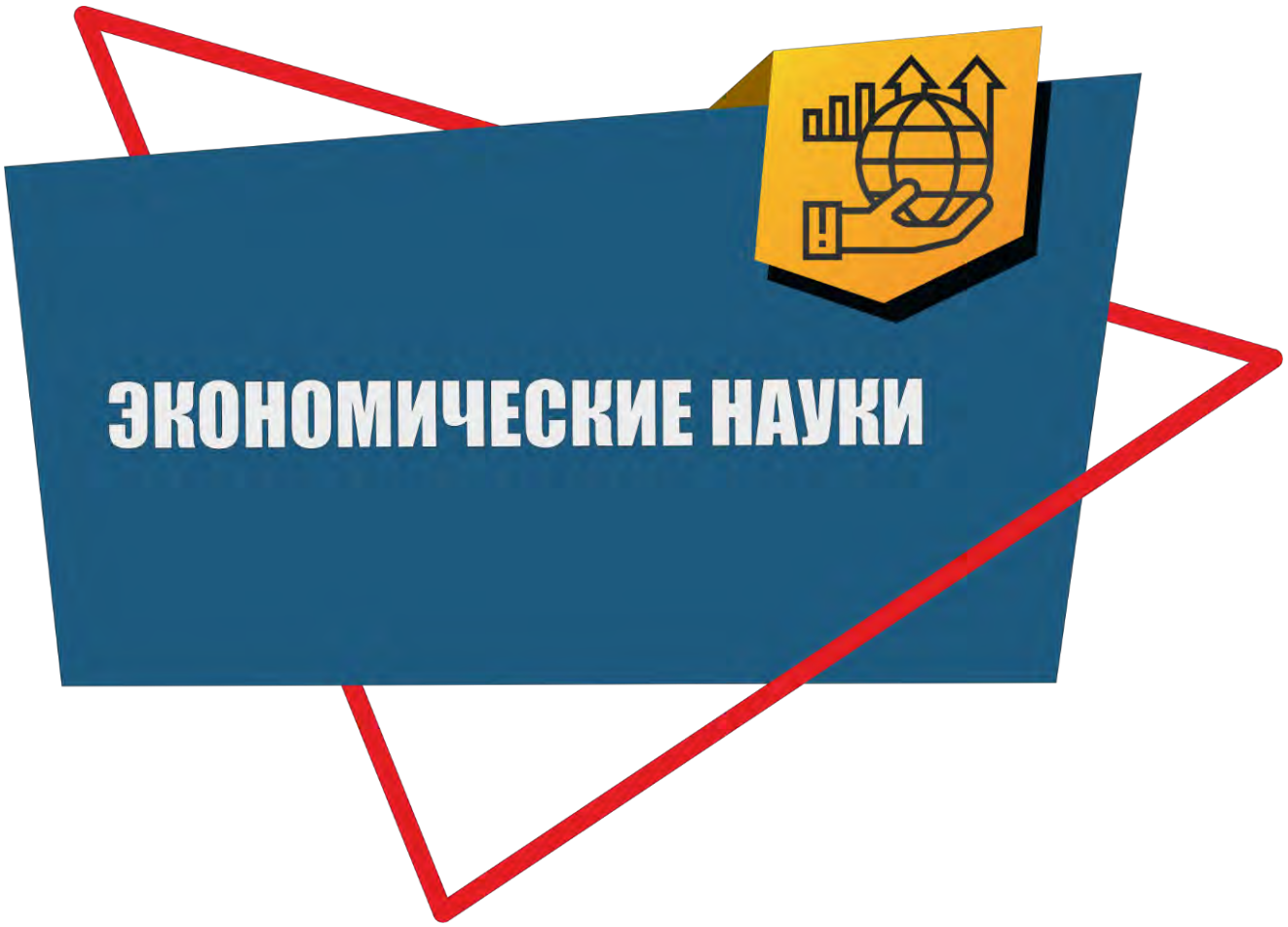
2. Водородная энергетика и Столетний Меморандум, Международный комитет по водородной энергетике, Москва, Россия: Наука, 2006.

3. Диоды Шоттки и их применение в сенсорике, Хокелек, Э., & Робинсон, Г. Ю., Нью-Йорк, США: Academic Press, 1983.

4. Гетероструктуры в оптоэлектронике и фотовольтаике, Алферов, Ж. И., Ленинград, Россия: Наука, 1989.

5. ИК-спектрометрия в экспресс-анализе сельскохозяйственных продуктов, Всемирная организация продовольствия (ФАО), Рим, Италия: ФАО, 2021.

© Мередов М., Мыратмухаммедов Б., 2026

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336.145.1

Девяткина Ю.П.,

магистрант 3 курса, ЧОУ ВО «МЭИ», г. Коломна, РФ

Научный руководитель: Мархаева В.В.,

Кандидат экономических наук,

доцент, ЧОУ ВО «МЭИ», г. Москва, РФ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ПЕРЕХОД НА ПЛАТФОРМУ «ЭЛЕКТРОННЫЙ БЮДЖЕТ»

Аннотация

В статье рассматривается процесс перевода подведомственных учреждений Минобрнауки России на Единую технологическую платформу ГИИС «Электронный бюджет». Анализируются нормативная база, ход технологической интеграции данных бухгалтерского учёта, а также первые шаги по подготовке кадров для работы в новой системе.

Ключевые слова:

электронный бюджет, цифровизация, управление финансами, бухгалтерский учёт, технологическая интеграция, образование, Минобрнауки.

Введение. Долгое время финансы в российских вузах и научных институтах учитывали раздробленно: каждое учреждение вело бухгалтерию в своей программе, а в министерство отчёты приходили с опозданием и в разном формате. Из-за этого свести общую картину по отрасли было трудно, а ошибки находили уже после того, как всё сдано. Переход на единую платформу «Электронный бюджет», стартовавший в 2024 году, должен это поправить. Дело тут не только в технике — меняется сам подход к тому, как собирают, обрабатывают и используют финансовые данные.

Начали с распоряжения Правительства РФ от 20 июня 2024 г. № 1569-р. Им утвердили Концепцию технологической интеграции данных бухгалтерского учёта организаций бюджетной сферы федерального уровня. По этому документу все федеральные учреждения, включая подведомственные Минобрнауки, обязаны передавать данные учёта в ГИИС «Электронный бюджет» — государственную интегрированную информационную систему управления общественными финансами. Смысл в том, чтобы сбор, передача и хранение финансовых данных шли по одним правилам, а не в разрозненных форматах.

Чтобы всё это заработало, Федеральное казначейство и Минобрнауки подготовили план мероприятий — «дорожную карту». Её утвердили 27 марта 2025 года. В дорожной карте прописали контрольные точки: какие учреждения, когда и в каком порядке подключаются к Модулю сбора данных подсистемы учёта и отчётности (МСД ПУиО).

Переход к централизации бухучёта начался с пилота ещё в 2021 году. Сначала на нескольких учреждениях перепробовали разные модели — от полной централизации до частичной. В конце концов выбрали ту, что не ломает структуру учреждений и учитывает их управленческие особенности.

К середине 2025 года к технологической интеграции подключились больше 97% подведомственных организаций Минобрнауки. Всего в проекте 1363 учреждения и филиала — вузы, научные институты и другие организации по всей стране.

Вот как это работает технически. Учреждения, которые используют «1С: Бухгалтерия государственного учреждения», обновляют программу до версии 2.0.104.41 и настраивают связь с модулем сбора данных. Информация уходит в МСД ПУиО, там накапливается и обрабатывается. Министерство получает бухгалтерские данные практически в реальном времени — обновление раз в неделю.

По техническим и методическим вопросам Минобрнауки вместе с

Казначейством провели серию семинаров. Первые прошли в РУДН и Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна. А в августе 2025 года больше 200 представителей вузов Сибири и Дальнего Востока собрались в Новосибирском государственном техническом университете. Разбирали конкретные шаги подключения и типичные ошибки. Говорили и о технике, и об организации: как укрепить финансовую дисциплину, как наладить электронный документооборот, кто отвечает за передачу данных в каждом учреждении.

Самый заметный результат — прозрачность. Раньше, чтобы свести отчёт по всем вузам и институтам, уходили недели переписки. Теперь данные собираются в одной системе, и министерство видит общую картину: может анализировать финансовые тенденции, замечать риски и быстрее принимать решения. Для распределения субсидий, проверки исполнения госзаданий и контроля за бюджетными расходами это очень много значит.

Ещё один плюс — учреждениям стало меньше административной мороки. Не нужно готовить отчёты для разных ведомств в разных форматах: бухгалтерия настраивает один канал передачи данных. Правда, переход дался тяжело — пришлось обновлять программы, учить сотрудников и перестраивать внутренние процессы.

И третий момент — кадры. С «Электронным бюджетом» должны работать не только действующие бухгалтеры, но и выпускники финансовых специальностей. В феврале 2025 года Финансовый университет при Правительстве РФ представил первый учебный симулятор этой системы. Его разработали при поддержке Минфина России и компании «БАРС Груп». Студенты и слушатели программ повышения квалификации могут пройти весь путь создания государственной программы, сформировать соглашения и изучить более 300 бизнес-процессов. В апреле–мае 2025 года симулятор планируют опробовать в учебном процессе, а с 50 регионами уже есть договорённости об обучении.

Заключение. Если смотреть шире, перевод учреждений Минобрнауки на «Электронный бюджет» — это не разовая кампания, а часть общей реформы управления общественными финансами. К концу 2027 года технологической интеграцией хотят охватить 100% субъектов федерального уровня. Для образования это означает переход от разрозненного учёта к единой цифровой среде, где данные доступны в реальном времени, а решения принимаются не на глаз, а по актуальной и полной картине. Вопрос только в том, насколько быстро учреждения адаптируются к новым требованиям и как это отразится на качестве финансового планирования в вузах. Но первые шаги уже сделаны.

Список использованной литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 20.06.2024 № 1569-р «Об утверждении Концепции технологической интеграции данных бухгалтерского учёта организаций бюджетной сферы федерального уровня на единой технологической платформе ГИИС "Электронный бюджет"» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 27. Ст. 3856.

2. План мероприятий («Дорожная карта») по переходу на представление бюджетными и автономными учреждениями, подведомственными Минобрнауки России, данных бухгалтерского учёта в Единую технологическую платформу ГИИС «Электронный бюджет»: утв. Федеральным казначейством и Минобрнауки России 27.03.2025 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru (дата обращения: 10.10.2026).

3. Письмо Федерального казначейства от 30.07.2025 № 13-02-01/21465 «О направлении информации» // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru (дата обращения: 10.10.2026).

4. Казначейством России совместно с Минобрнауки России проведён семинар для подведомственных учреждений // Федеральное казначейство : официальный сайт. URL: https://roskazna.gov.ru/press/326039 (дата обращения: 10.10.2026).

5. Технологическая интеграция бухгалтерского учёта в «Электронный бюджет»: семинар в НГТУ // Минобрнауки России : официальный сайт. 2025. 12 августа.

URL: https://minobrnauki.gov.ru (дата обращения: 10.10.2026).

6. В НГТУ НЭТИ прошёл семинар Минобрнауки России по переходу подведомственных учреждений на Единую технологическую платформу // Informio.ru. 2025. 14 августа. URL: https://www.informio.ru/news/id46317 (дата обращения: 10.10.2026).

7. Финансовый университет внедряет первый образовательный симулятор информационной системы «Электронный бюджет» // Финансовый университет при Правительстве РФ: официальный сайт. 2025. 12 февраля. URL: https://www.fa.ru (дата обращения: 10.10.2026).

8. Учреждения Минобрнауки могут передавать данные бухучёта в систему «Электронный бюджет» // Научно-образовательный вестник «Pedproject.Moscow». 2025. 20 октября. URL: https://vestnik.pedproject.moscow/news-8462/ (дата обращения: 10.10.2026).

9. Казначейством России проведено совместное совещание с подведомственными учреждениями Минобрнауки России по переходу на предоставление данных бухгалтерского учёта в Модуль сбора данных ГИИС «Электронный бюджет» в 2025 году // Федеральное казначейство : официальный сайт. URL: https://roskazna.gov.ru /press/326372 (дата обращения: 10.10.2026).

10. Эксперты ФИЦТО обучили проектные офисы регионов работе с «Электронным бюджетом» на семинаре в Сенеже // ФИЦТО. 2026. 21 апреля. URL: https://ficto.ru/novosty/2390 (дата обращения: 10.10.2026).

© Девяткина Ю.П., 2026

УДК 330.3:004

Козинец Ю.М.
выпускник
Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Беларусь
Научный руководитель: Карпович В.Ф.,
кандидат экономических наук, доцент
Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Беларусь

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО ЭФФЕКТА

Аннотация

Рассмотрен подход к оценке экономического эффекта от совместного использования цифровых решений в проектной деятельности. Предложено выделять частные эффекты отдельных технологий и дополнительный эффект их интеграции. Разработана последовательность расчета интеграционного эффекта с учетом затрат на объединение цифровых решений. Методика рассмотрена на примере инжинирингового предприятия.

Ключевые слова:

цифровизация, интеграционный эффект, цифровые технологии, проектная деятельность, BIM, экономическая эффективность.

Введение

Цифровизация проектной деятельности связана с распространением BIM-технологий, систем управления проектами, электронного документооборота и аналитических инструментов. При этом экономический результат зависит не только от использования отдельных технологий, но и от их взаимодействия. Интеграция

цифровых решений позволяет передавать данные между связанными процессами, сокращать повторный ввод информации и повышать согласованность работы участников проекта [1].

В работе В.Ф. Карповича и Э.К. Нестеренко цифровая платформа рассматривается как инструмент взаимодействия участников инвестиционного процесса, позволяющий повысить эффективность проектов [2]. Исследования экономической ценности BIM также показывают необходимость учитывать не только прямые выгоды отдельных решений, но и результаты изменения проектных процессов [3].

Цель исследования – разработать методический подход к оценке дополнительного экономического результата от интеграции цифровых решений в проектной деятельности.

Основная часть

Интеграционный эффект предлагается определять как дополнительный результат, возникающий при совместном использовании цифровых решений и превышающий сумму эффектов от их раздельного применения.

Например, BIM обеспечивает работу с единой информационной моделью, система управления проектами – контроль сроков и ресурсов, ЭДО – обмен документами, а аналитические инструменты – контроль отклонений. При их объединении данные могут использоваться в нескольких связанных процессах. В результате сокращается повторный ввод информации, ускоряется согласование решений и повышается производительность работы [1].

Методика оценки включает четыре этапа:

1. Определение цифровых решений и их частных эффектов;
2. Определение общего результата после интеграции;
3. Расчет дополнительного эффекта от взаимодействия;
4. Сопоставление полученного результата с затратами на интеграцию.

Суммарный эффект отдельных цифровых решений определяется:

$$Э_{ч} = \sum_{i=1}^{n} Э_i$$

где *Эi* – эффект от *i*-го цифрового решения.

Интеграционный эффект рассчитывается как:

$$Э_{инт} = Э_{общ} - Э_{ч}$$

где Эобщ – общий экономический результат после интеграции цифровых решений.

Для учета затрат на интеграцию определяется чистый интеграционный эффект:

$$Э^{ч}_{инт} = Э_{инт} - З_{инт}$$

где Зинт – затраты на интеграцию.

Дополнительно может использоваться коэффициент эффективности интеграции:

$$К_{инт} = \frac{Э_{инт}}{З_{инт}}$$

При Кинт>1 дополнительный эффект превышает затраты на интеграцию.

Рассмотрим условный пример инжинирингового предприятия. При самостоятельном использовании BIM, системы управления проектами, ЭДО и аналитической системы получены частные эффекты, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Частные эффекты цифровых решений

Цифровое решение	Эффект, тыс. руб.
BIM	160
Система управления проектами	110
ЭДО	70
Аналитическая система	60
Итого	400

После интеграции цифровых решений общий эффект составил 520 тыс. руб. Тогда:

$$Э_{инт} = 520 - 400 = 120 \text{ тыс. руб.}$$

Если затраты на интеграцию составили 50 тыс. руб., чистый интеграционный эффект равен:

$$Э^{ч}_{инт} = 120 - 50 = 70 \text{ тыс. руб.}$$

Коэффициент эффективности интеграции:

$$К_{инт} = \frac{120}{50} = 2{,}4 \text{ руб.}$$

Таким образом, на каждый рубль затрат на интеграцию приходится 2,4 руб. дополнительного эффекта.

Полученный пример показывает, что оценка цифровизации только по отдельным технологиям не отражает полный результат. В рассматриваемом случае сумма частных эффектов составляет 400 тыс. руб., а общий результат после интеграции – 520 тыс. руб. Дополнительные 120 тыс. руб. характеризуют эффект взаимодействия цифровых решений.

Для практической оценки интеграционного эффекта целесообразно отслеживать не только денежные показатели, но и изменения трудоемкости, продолжительности согласований, количества ошибок и переделок, повторного ввода данных и производительности специалистов. Такой подход позволяет связать изменения проектных процессов с их экономическим результатом.

Заключение

Интеграция цифровых решений создает дополнительный экономический результат, который не отражается при раздельной оценке технологий. Предложенная методика позволяет определить этот результат путем сопоставления общего эффекта после интеграции с суммой частных эффектов, а затем учесть затраты на интеграцию.

На условном примере установлено, что при сумме частных эффектов 400 тыс. руб. и общем результате 520 тыс. руб. интеграционный эффект составляет 120 тыс. руб. При затратах на интеграцию 50 тыс. руб. чистый интеграционный эффект равен 70 тыс. руб., а коэффициент эффективности интеграции – 2,4.

Предложенный подход может использоваться при экономическом обосновании интеграции BIM, систем управления проектами, ЭДО и аналитических

инструментов на инжиниринговых предприятиях.

Список использованной литературы:

1. Wang, T. Integration of building information modeling and project management in construction project life cycle / T. Wang, H.-M. Chen // Automation in Construction. – 2023. – Vol. 150. – Art. 104832. – DOI: 10.1016/j.autcon.2023.104832.

2. Карпович, В. Ф. Цифровые платформы для повышения эффективности автодорожных проектов в Республике Беларусь / В. Ф. Карпович, Э. К. Нестеренко // Актуальные исследования. – 2025. – № 44 (279), ч. II. – С. 75–80.

3. Quantifying BIM investment value: a systematic review // Journal of Engineering, Design and Technology. – 2025. – Vol. 23, № 5. – P. 1384–1403. – DOI: 10.1108/JEDT-06-2023-0259.

© Козинец Ю.М., 2026

УДК 339.5:330.322:334.7

Ревенко А.А.,
магистрант,
Российская таможенная академия,
Россия, Московская обл., г. Люберцы
Научный руководитель: Родительская Е.В.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры,
Российская таможенная академия,
Россия, Московская обл., г. Люберцы

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ ПО РАЗВИТИЮ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ПРАКТИЧЕСКИЕ РАСЧЁТЫ

Аннотация

Актуальность исследования определяется тем, что малые предприятия часто не имеют формализованных методик оценки эффективности мероприятий по развитию внешнеэкономической деятельности (ВЭД), что затрудняет обоснование инвестиционных решений. Цель статьи — разработать и апробировать методический подход к оценке экономической эффективности мероприятий по развитию ВЭД малого предприятия. Использованы методы дисконтирования денежных потоков, анализа чувствительности, сценарного анализа и экспертных оценок рисков. Для среднестатистического малого предприятия получены следующие результаты: NPV = 1 548 228 руб., PI = 1,62, PP = 2,06 года, IRR ≈ 28%; обоснована ставка дисконтирования 15%; проведён анализ чувствительности (критический доход — 645 000 руб.); рассмотрены три сценария реализации проекта. Предложенная методика позволяет обосновать инвестиционные решения в сфере ВЭД на малых предприятиях. Результаты исследования могут быть

использованы для оценки эффективности инвестиционных проектов в сфере внешнеэкономической деятельности малого бизнеса.

Ключевые слова:

внешнеэкономическая деятельность, экономическая эффективность, NPV, IRR, анализ чувствительности, сценарный анализ, малые предприятия.

UDC 339.5:330.322:334.7

Revenko A.A.,

Master's student, Russian Customs Academy,

Russia, Moscow region, Lyubertsy

Scientific supervisor: Roditelskaya E.V.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department,

Russian Customs Academy,

Russia, Moscow region, Lyubertsy

ASSESSMENT OF ECONOMIC EFFICIENCY OF MEASURES FOR DEVELOPING FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY OF A SMALL ENTERPRISE: METHODOLOGICAL APPROACH AND PRACTICAL CALCULATIONS

Abstract

The relevance of the study is determined by the fact that small enterprises often lack formalized methodologies for assessing the effectiveness of measures for developing foreign economic activity (FEA), which complicates the justification of investment decisions. The purpose of the article is to develop and test a methodological approach to assessing the economic efficiency of measures for developing FEA of a small enterprise. The methods used include discounted cash flow, sensitivity analysis, scenario analysis, and expert risk assessment. For an average small enterprise, the following results were obtained: NPV = 1,548,228 rubles, PI = 1.62, PP = 2.06 years, IRR ≈ 28%; a

discount rate of 15% was justified; a sensitivity analysis was conducted (critical income — 645,000 rubles); three scenarios for project implementation were considered. The proposed methodology allows justifying investment decisions in the field of FEA at small enterprises. The results of the study can be used to assess the effectiveness of investment projects in the field of foreign economic activity of small businesses.

Keywords:

foreign economic activity, economic efficiency, NPV, IRR,
sensitivity analysis, scenario analysis, small enterprises.

В современных условиях геополитической нестабильности и усиления санкционного давления малые предприятия, осуществляющие внешнеэкономическую деятельность, сталкиваются с необходимостью обоснования инвестиционных решений в условиях ограниченных ресурсов и высокой неопределённости [3, с. 5–8]. Необходимость обоснования инвестиционных решений в сфере ВЭД обусловлена тем, что малые предприятия, как правило, не располагают значительными финансовыми резервами для компенсации ошибок при выборе направлений развития [5, с. 2–4]. Ограниченность ресурсов малых предприятий требует применения адаптированных методик оценки эффективности, учитывающих специфику внешнеэкономической деятельности [6, с. 3–5].

Существующие методики оценки экономической эффективности ВЭД, разработанные для крупных корпораций, зачастую не учитывают специфику малого бизнеса, включая ограниченность отчётности и повышенные риски [8, с. 182–185]. Отсутствие адаптированных методик оценки эффективности мероприятий по развитию ВЭД на малых предприятиях создаёт разрыв между потребностями бизнеса в обоснованных инвестиционных решениях и доступным инструментарием [7, с. 120–123].

Разработка и апробирование методического подхода к оценке экономической

эффективности мероприятий по развитию ВЭД малого предприятия является актуальным вопросом в условиях экономической изоляции России. Действие санкционных пакетов наносит все больший ущерб малому бизнесу, что делает этот сектор более уязвимым к малейшим колебаниям в условиях ВЭД.

Для разработки данного вопроса требуется:

1. Систематизировать показатели оценки эффективности ВЭД [5, с. 3–5];

2. Обосновать ставку дисконтирования для малого предприятия ВЭД [9];

3. Провести расчёт экономической эффективности предложенных мероприятий [8, с. 184–188];

4. Выполнить анализ чувствительности и анализ рисков [2, с. 5–8];

5. Рассмотреть альтернативные сценарии реализации [6, с. 4–6].

Экономическая эффективность ВЭД представляет собой относительный показатель, характеризующий результаты развития внешнеэкономических операций при заданном уровне затрат [8, с. 182–184]. Показатели эффективности ВЭД подразделяются на статические и динамические [5, с. 3–4]. Статические показатели (рентабельность, удельный вес экспорта в общем объёме продаж) позволяют оценить текущее состояние ВЭД, тогда как динамические (NPV, PI, PP, IRR) — учитывают фактор времени и используются для обоснования инвестиционных решений [6, с. 4–6].

Особенности оценки эффективности ВЭД для малых предприятий обусловлены ограниченностью отчётности, повышенными рисками и необходимостью упрощённых методик [3, с. 6–8]. В работе Манукало А.В. предложена система показателей эффективности ВЭД агропромышленных компаний, включающая рентабельность ВЭД, эффективность экспорта и экономический эффект от экспорта [8, с. 184–188].

Рассмотрим существующие методики оценки. Методика Манукало А.В. основана на расчёте показателей эффективности ВЭД, включая рентабельность ВЭД и эффективность экспорта [8, с. 186–190]. Методика позволяет оценить

текущую эффективность, но не учитывает фактор времени.

Методика Шкалова Р.В. ориентирована на оценку экономической безопасности предприятия в сфере ВЭД и включает анализ угроз и рисков [7, с. 120–123].

Методика PwC предлагает обоснование ставки дисконтирования с учётом странового риска [9]. Согласно рекомендациям PwC, отдельная страновая премия за риск необходима для корректировки ставки дисконтирования с учётом дополнительного риска, связанного с денежными потоками от операций на территориях с повышенным риском [9].

Методика Орловского ГИЭТ включает анализ чувствительности инвестиционных проектов к изменению ключевых параметров [2, с. 5–8]. Анализ чувствительности позволяет определить критические значения параметров, при которых проект остаётся эффективным [2, с. 8–12].

Ключевыми показателями оценки эффективности инвестиционных проектов являются NPV, PI, PP и IRR [5, с. 3–5]. Рентабельность ВЭД рассчитывается как отношение прибыли от ВЭД к затратам на её осуществление [8, с. 186–188]. Эффективность экспорта определяется как отношение выручки к затратам на экспорт [8, с. 188–190]. Экономический эффект от экспорта рассчитывается как сумма выручки и внереализационных доходов за вычетом затрат на экспорт [8, с. 190–194].

К ограничениям существующих методик для малых предприятий относятся: сложность расчётов, необходимость детализированной отчётности, отсутствие учёта специфики малого бизнеса [6, с. 5–7]. Это обусловливает необходимость разработки комплексного подхода с упрощённой системой показателей [3, с. 7–9].

Исследование включает шесть этапов: (1) выбор показателей эффективности [5, с. 3–5]; (2) обоснование ставки дисконтирования [9]; (3) расчёт денежных потоков [6, с. 4–6]; (4) расчёт NPV, PI, PP, IRR [5, с. 3–5]; (5) анализ чувствительности и рисков [2, с. 5–8]; (6) сценарный анализ [6, с. 4–6].

Показатели оценки эффективности

$$NPV=\sum t=1nCFt(1+i)t-I0$$

$$PI=\sum t=1nCFt(1+i)tI0$$

$$CFtPP=I0$$

$$NPV(IRR)=0$$

Для расчёта ставки дисконтирования использована модель кумулятивного построения [1, с. 5–8]:

$$i=rf+MRP+CRP+SRP$$

где rf— безрисковая ставка (7,5% — средняя доходность ОФЗ на сентябрь 2026 г.);

MRP — рыночная премия за риск (5,0%);

CRP — страновая премия за риск (1,5% с учётом санкционных ограничений и геополитической нестабильности);

SRP — премия за специфический риск (1,0% для малого предприятия ВЭД) [1, с. 6–9; 9].

$$i=7,5+5,0+1,5+1,0=15,0\%$$

Анализ чувствительности — это инструментарий, применяемый с целью определения эффективности бизнес-операций в плоскости риск-доходность [2, с. 5–8]. Проведён анализ чувствительности NPV к изменению дополнительного дохода и ставки дисконтирования [2, с. 8–12].

Уровень риска рассчитывается по формуле:

$$R=P\times I$$

где P — вероятность (0–1); I — влияние (0–1) [7, с. 121–123].

Источниками данных послужили внутренняя отчётность среднестатистического малого предприятия [10; 11], прогнозные оценки и экспертные интервью с руководителями предприятия [10].

Среднестатистическое малое предприятие, осуществляющее оптовую торговлю строительными материалами, оборудованием и инструментами [10]. Финансовые показатели: выручка в 2025 году составила 1 331,60 млн руб., чистая прибыль — 50,05 млн руб. [11]. Проблемы: отсутствие формализованной стратегии

ВЭД, высокая концентрация импорта (HHI = 0,305) [10].

В рамках магистерского исследования предложены мероприятия по развитию ВЭД: географическая диверсификация импорта, внедрение цифровых инструментов, повышение конкурентоспособности [6, с. 4–6]. Первоначальные инвестиции: 2 500 000 руб. [10].

Таблица 1

Прогноз денежных потоков

Год	Денежный поток, руб.
1	1 200 000
2	1 800 000
3	2 500 000

Таблица 2

Расчёт NPV

Год t*t*	Денежный поток CFt*CFt* руб.	Коэффициент дисконтирования 1(1+i)t(1+*i*)*t*1	Дисконтированный поток, руб.	Накопленный поток, руб.
0	–2 500 000	1,000	–2 500 000	–2 500 000
1	1 200 000	0,870	1 043 478	–1 456 522
2	1 800 000	0,756	1 361 000	–95 522
3	2 500 000	0,658	1 643 750	1 548 228

NPV=−2 500 000+1 043 478+1 361 000+1 643 750=1 548 228 руб.

Расчёт PI, PP, IRR

PI=4 048 2282 500 000=1,62

PP=2+95 5221 643 750=2,06 года

IRR≈28%

Таблица 3

Чувствительность NPV к изменению дополнительного дохода

Сценарий	Доход (1-й год), руб.	NPV, руб.	PI	Вывод
Оптимистичный	1 500 000	2 324 156	1,93	Эффективен
Базовый	1 200 000	1 548 228	1,62	Эффективен
Пессимистичный	900 000	772 300	1,31	Эффективен
Критический	645 000	0	1,00	Граница

Расчёт критического значения дохода:

NPV=0⇒X1,15+1,8X1,3225+2,5X1,5209=2 500 000

NPV=0⇒1,15*X*+1,32251,8*X*+1,52092,5*X*

=2 500 000X×(0,870+1,361+1,645)

=2 500 000*X*×(0,870+1,361+1,645)

=2 500 000X=645 000 руб.

X=645 000 руб.

Таблица 4

Чувствительность NPV к изменению ставки дисконтирования

Ставка i*i*, %	NPV, руб.	PI	Вывод
10	2 158 432	1,86	Эффективен
15 (базовая)	1 548 228	1,62	Эффективен
20	1 042 567	1,42	Эффективен
25	612 345	1,24	Эффективен
30	245 678	1,10	Эффективен
35	–68 123	0,97	Неэффективен

Критическая ставка — 28% (IRR).

Таблица 5

Классификация рисков

Риск	Вероятность P	Влияние I	Уровень R=P×I	Меры минимизации
Валютный риск	0,8	0,9	0,72	Хеджирование, диверсификация валют
Логистический риск	0,6	0,8	0,48	Диверсификация маршрутов, резервы
Санкционный риск	0,8	0,6	0,48	Альтернативные поставщики
Риск снижения спроса	0,5	0,6	0,30	Расширение клиентской базы
Кадровый риск	0,5	0,3	0,15	Обучение, консультанты

Таблица 6

Сценарии реализации проекта

Параметр	Оптимистичный	Базовый	Пессимистичный
Дополнительный доход (1-й год), руб.	1 500 000	1 200 000	900 000
Ставка дисконтирования, %	12	15	20
NPV, руб.	2 458 320	1 548 228	612 345
PI	1,98	1,62	1,24
PP, лет	1,7	2,06	2,8
IRR, %	35	28	18
Вероятность, %	25	50	25

Предложенная методика проще и адаптирована для малого бизнеса по сравнению с классическими подходами [8, с. 186–190]. Учтена специфика рисков ВЭД [7, с. 120–123]. Результаты сопоставимы с классическими подходами: положительное значение NPV, PI > 1 и IRR > ставки дисконтирования свидетельствуют об эффективности проекта [5, с. 3–5].

Малые предприятия могут самостоятельно проводить оценку экономической эффективности мероприятий по развитию ВЭД, используя предложенную методику [3, с. 7–9]. Обоснование инвестиционных решений на основе расчёта NPV, PI, PP, IRR позволяет повысить эффективность ВЭД [6, с. 5–7]. Анализ чувствительности и рисков позволяет выявить критические параметры проекта [2, с. 8–12].

К ограничениям относятся: прогнозный характер данных, субъективность экспертных оценок, необходимость регулярного обновления [6, с. 5–7].

Перспективными направлениями являются: апробация методики на других предприятиях, автоматизация расчётов, интеграция с системами управления рисками [7, с. 122–123].

Проведённое исследование позволило разработать методический подход к оценке экономической эффективности мероприятий по развитию ВЭД малого предприятия [6, с. 4–6]. Обоснована ставка дисконтирования 15% с использованием модели кумулятивного построения [1, с. 5–8; 9]. Рассчитаны показатели: NPV = 1 548 228 руб., PI = 1,62, PP = 2,06 года, IRR ≈ 28% [5, с. 3–5]. Проведён анализ чувствительности (критический доход — 645 000 руб., критическая ставка — 28%) [2, с. 8–12]. Рассмотрены три сценария реализации проекта [6, с. 4–6].

Список использованной литературы:

1. Обоснование расчета ставки дисконтирования в оценке эффективности инвестиционных проектов создания малого бизнеса // 1economic.ru. — URL: https://1economic.ru/lib/104143 (дата обращения: 15.09.2026).

2. Павлова Ю.В. Применение метода анализа чувствительности при оценке инвестиционного проекта // CyberLeninka. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

primenenie-metoda-analiza-chuvstvitelnosti-pri-otsenke-investitsionnogo-proekta (дата обращения: 15.09.2026).

3. Урумов Т.Р. Эффективность государственной финансовой поддержки экспортной деятельности малых и средних предприятий // pp-mag.ru. — URL: https://www.pp-mag.ru (дата обращения: 15.09.2026).

4. ISO 31000:2018. Risk management — Guidelines. — 2nd ed. — Geneva: International Organization for Standardization, 2018. — 26 p.

5. На следующем этапе необходимо произвести расчет расходов и доходов на международном рынке за 3 года // kubsu.ru. — URL: https://www.kubsu.ru/sites/default/files/users/47513/portfolio/sovershenstvovanie_processov_prodvizheniya_tovarov_na_mezhdunarodnye_rynki.docx (дата обращения: 15.09.2026).

6. Внешнеэкономическая деятельность предприятия: учебник / под ред. Л.Е. Стровского. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. — 503 с.

7. Шкалов Р.В. Угрозы и методика оценки экономической безопасности предприятия в сфере внешнеэкономической деятельности // Молодой ученый. — 2025. — № 42 (593). — С. 120–123.

8. Манукало А.В. Методические подходы к оценке эффективности внешнеэкономической деятельности агропромышленных компаний // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — Т. 14, № 10. — С. 182–194.

9. PwC. FAQ 3.1.5 – Impact of country and currency risk on discount rate. — 2024 (updated 2026). — URL: https://viewpoint.pwc.com/ dt/gx/en/pwc/in_depths/in_depths_INT/in_depths_INT/accounting-implications-of/illustrative-text/non-financial-assets/faq-3-1-5-impact-of-country.html (дата обращения: 15.09.2026).

10. Rusprofile: база данных организаций. — URL: https://www.rusprofile.ru/id/1137503 (дата обращения: 15.09.2026).

11. B2B.House: бухгалтерская отчётность организаций. — URL: https://b2b.house/ (дата обращения: 15.09.2026).

© Ревенко А.А., 2026

УДК 331.108.26:311.21:657.6

Савчук А.А.

Студент 4 курса БГЭУ,

г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель: Ивановская А.Л.

Ассистент кафедры бухгалтерского учета,

анализа и аудита в торговле, транспорте и АПК,

г. Минск, Республика Беларусь

ФОРМЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ ПО ТРУДУ КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА АНАЛИЗА И ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются аналитические возможности форм статистической отчетности по труду, применяемых в Республике Беларусь: 12-т «Отчет по труду» и 6-т «Отчет о составе затрат нанимателя на рабочую силу». Раскрыты структура и содержание указанных форм, показана их взаимосвязь. На примере ОАО «Брестский мясокомбинат» проанализирована эффективность использования рабочей силы, фонда заработной платы и структура затрат персонал за 2024 г.

Ключевые слова:

отчетность по труду, затраты на рабочую силу, фонд заработной платы, статистическая отчетность, анализ, эффективность.

В условиях возрастающей роли человеческого фактора в обеспечении конкурентоспособности организаций особое значение приобретает достоверная и полная информация о затратах на рабочую силу [1]. Вместе с тем сама по себе величина затрат не позволяет судить об обоснованности кадровых решений,

поэтому управление персоналом требует их сопоставления с результатами использования трудовых ресурсов. Взаимосвязанный анализ затрат на персонал и эффективности использования рабочей силы выявляет резервы роста производительности труда и служит основой для принятия управленческих решений в области кадровой политики. Информационной базой для анализа затрат на персонал и эффективности использования рабочей силы является статистическая отчетность. Основными формами отчетности по труду являются форма 12-т «Отчет по труду» и форма 6-т «Отчет о составе затрат нанимателя на рабочую силу».

Форма 12-т «Отчет по труду» является основной формой статистической отчетности, характеризующей численность работников, фонд заработной платы (ФЗП) и отработанное время. Она представляется организациями ежемесячно. Структура формы 12-т включает следующие разделы: Раздел I «Численность работников, заработная плата и отработанное время»; Раздел II «Списочная численность работников в среднем за период, средняя численность граждан, выполнявших работу по ГПД, и внешних совместителей»; Раздел III «Работа в режиме вынужденной и неполной занятости и движение работников списочного состава»; Раздел IV «Численность и фонд заработной платы отдельных категорий работников»; Раздел V «Численность и фонд заработной платы работников по видам экономической деятельности»; Раздел VI «Нарушения исполнительской и трудовой дисциплины» [2].

Показатели формы 12-т позволяют рассчитать: среднюю заработную плату одного работника; производительность труда; коэффициенты оборота и текучести кадров; удельный вес ФЗП в выручке и себестоимости и др.

Форма 6-т «Отчет о составе затрат нанимателя на рабочую силу» представляется организациями один раз в два года и содержит детализированную информацию о структуре затрат на персонал. Структура формы 6-т включает следующие разделы: Раздел I «Численность работников и оплаченное время»;

Раздел II «Затраты нанимателя на рабочую силу».

Форма 6-т позволяет проанализировать: структуру затрат на рабочую силу по направлениям; долю каждого элемента в общем объеме затрат; затраты на рабочую силу в расчете на одного работника и др.

Формы 12-т и 6-т взаимодополняют друг друга. Их связь подтверждается контрольными соотношениями: среднесписочная численность по строке 01 формы 6-т должна совпадать с аналогичным показателем строки 01 графы 2 формы 12-т, а отработанные человеко-часы по строке 03 формы 6-т – с числом отработанных человеко-часов по строке 06 графы 2 формы 12-т, с небольшим расхождением (например, за счет субботника).

Проведем анализ показателей эффективности использования трудовых ресурсов и ФЗП ОАО «Брестский мк». На основе данных формы 12-т и бухгалтерской отчетности рассчитаем показатели за 2024-2025 гг. (таблица 1).

Таблица 1

Показатели эффективности использования трудовых ресурсов и фонда заработной платы ОАО «Брестский мясокомбинат» за 2024-2025 гг.

Показатель	2024 г.	2025 г.	Изменение	
			Абсолютное	Относительное, %
Выручка от реализации, тыс. руб.	1193273	1471667	278394	123,33
Производительность труда, тыс. руб./чел.	537,27	557,03	19,76	103,68
Фонд заработной платы, тыс.руб. (ФЗП)	89823,4	115006,2	25182,80	128,04
Среднесписочная численность работников, чел.	2221	2642	421	118,96
Среднегодовая заработная плата 1 работника, тыс. руб./ чел.	40,44	43,53	3,09	107,63
Зарплатоотдача, руб.	13,28	12,79	-0,49	96,31
Зарплатоемкость, руб.	0,075	0,078	-0,003	103,82
Коэффициент опережения	–	0,96	–	–

Источник: собственная разработка.

В 2025 г. выручка выросла на 23,33 %, ФЗП – на 28,04 %, а численность – на 18,96 %. Производительность труда увеличилась лишь на 3,75 %, а среднегодовая заработная плата – на 7,64 %, поэтому коэффициент опережения составил 0,96, то есть оплата труда росла быстрее производительности. Рост выручки обеспечен преимущественно экстенсивным фактором – увеличением численности работников. Следствием стали снижение зарплатоотдачи с 13,28 до 12,80 руб. и рост зарплатоемкости с 0,075 до 0,078 руб., то есть увеличение затрат на оплату труда в расчете на рубль выручки. При сохранении такой тенденции возникает риск снижения рентабельности, однако его оценка требует данных о прибыли и причинах роста заработной платы.

На основе данных формы 6-т ОАО «Брестский мясокомбинат» проанализируем структуру затрат на рабочую силу за 2024 (таблица 2).

Таблица 2

Состав и структура затрат на рабочую силу

ОАО «Брестский мясокомбинат» за 2024 г.

Показатель	Сумма, тыс. руб.	Удельный вес, %
Оплата за отработанное время, в том числе:	71931,6	59,70
заработная плата за выполненную работу и отработанное время	24691,3	20,49
надбавки и доплаты к тарифным ставкам, базовой ставке, окладам и должностным окладам, носящие систематический характер	7737,3	6,42
премии и вознаграждения независимо от источников их выплаты, начисляемые ежемесячно, ежеквартально	37037,7	30,74
другие виды оплаты труда	2464,2	2,05
Оплата за неотработанное время	7429,1	6,17
Единовременные поощрительные и другие выплаты	10032,5	8,33
Оплата питания, проживания, топлива и другие выплаты, включаемые в состав заработной платы	160,3	0,13
Расходы на социальную защиту работников	30938,5	25,68
в том числе:		
обязательные страховые взносы, взносы на профессиональное пенсионное страхование	30087,4	24,97
страховые взносы по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний	450,1	0,37
страховые взносы (страховые премии), уплачиваемые организацией по договорам личного, имущественного и иного страхования в пользу работников	74	0,06

Показатель	Сумма, тыс. руб.	Удельный вес, %
выходное пособие, компенсация, выплачиваемые в случае прекращения трудового договора (контракта)	11,1	0,01
доплаты к пенсиям, единовременные пособия при выходе на пенсию (в отставку)	31,7	0,03
другие расходы	284,2	0,23
Общая сумма затрат на рабочую силу	120492	100

Источник: собственная разработка.

Данные таблицы 2 показывают, что наибольший удельный вес в структуре затрат на рабочую силу занимает оплата за отработанное время (59,70 %), причем более половины ее суммы приходится на премии и вознаграждения. Это свидетельствует о высокой доле переменной составляющей в оплате труда. Расходы на социальную защиту работников составляют 25,68 % затрат, из них основная часть – обязательные страховые взносы. Доля единовременных поощрительных выплат достигает 8,33 %, что в совокупности с премиями (30,74 %) формирует около 39 % ((370,37,7 + 10032,5) / 120492) затрат на рабочую силу.

Форма 6-т позволяет детализировать ФЗП по видам выплат. Данные форм 12-т и 6-т могут используются для комплексного анализа: расчета производительности труда, средней заработной платы, затрат на один отработанный человеко-час, доли затрат на персонал в общих расходах, сопоставления фонда заработной платы с полными затратами на рабочую силу.

Заключение

Таким образом, формы 12-т и 6-т являются взаимодополняющими источниками информации о затратах на рабочую силу, фонде заработной платы, Форма 12-т характеризует численность, фонд заработной платы и отработанное время, форма 6-т раскрывает структуру затрат нанимателя на рабочую силу по направлениям использования.

Годовой анализ ОАО «Брестский мясокомбинат» показал, что рост выручки в 2025 г. обеспечен преимущественно экстенсивным фактором – увеличением

численности работников, тогда как оплата труда росла быстрее производительности (коэффициент опережения 0,96), что снизило эффективность использования фонда заработной платы. В структуре затрат на рабочую силу выявлена высокая доля переменной составляющей: более половины оплаты за отработанное время приходится на премии и вознаграждения. Таким образом, данные статистической отчетности по труду могут служить надежной информационной базой для обоснования и принятия управленческих решений в области кадровой политики.

Данные статистической отчетности по труду могут служить надежной информационной базой для обоснования и принятия управленческих решений.

Список использованной литературы:

1. Борисова, В.Ю. Вопросы анализа фонда заработной платы: методические аспекты и направления / В.Ю. Борисова, И. Г. Пивень // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 3/1 (73). – С. 84–86.

2. Указания по заполнению формы государственной статистической отчетности 12-т «Отчет по труду»: утв. постановлением Национального статистического комитета Республики Беларусь.

3. Савицкая, Г. В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Г.В. Савицкая. — Минск: ИНФРА-М, 2021. — 608 с.

© Савчук А.А., 2026

УДК 331.2

Савчук А.А.

Студент 4 курса БГЭУ,

г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель: Горбатовский А.В.

кандидат экономических наук, доцент,

ведущий научный сотрудник сектора исследований

интеллектуальной экономики

г. Минск, Республика Беларусь

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ АПК В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ЗАТРАТ НА ОПЛАТУ ТРУДА

Аннотация

В статье исследуется влияние соотношения темпов роста производительности труда и заработной платы на финансовые результаты мясоперерабатывающего предприятия. Предложена и апробирована методика оценки, включающая расчет коэффициента опережения, зарплатоемкости и факторный анализ рентабельности продаж. На примере ОАО «Брестский мясокомбинат» за 2023–2025 гг. выявлено, что опережающий рост заработной платы и экстенсивное увеличение численности персонала ограничивают эффективность деятельности предприятия.

Ключевые слова:

производительность труда, оплата труда, зарплатаемкость, факторный анализ, коэффициент опережения, финансовые результаты.

Затраты на оплату труда относятся к числу основных статей затрат предприятия и одновременно служат инструментом мотивации работников. Размер оплаты труда на предприятии, как правило, определяется ситуацией на рынке труда,

региональным уровнем жизни, минимальными государственными гарантиями и финансовыми возможностями организации [3, 4].

Традиционные методики анализа финансово-хозяйственной деятельности сопоставляют фонд заработной платы (ФЗП) с выручкой, себестоимостью и прибылью, однако каждый из этих показателей рассматривается обособленно, поэтому остается неисследованным и не раскрывается, какая часть в изменении финансового результата вызвана именно оплатой труда, а какая – стоимостью сырья, ценами реализации, ассортиментом и прочими факторами.

В работе Рожкова С. А., Шапирова С. А. предложен алгоритм оценки взаимосвязи затрат на рабочую силу и финансового результата, включающий расчёт размера затрат на рабочую силу, их доли в себестоимости и рентабельности затрат. Однако этот алгоритм не учитывает соотношение темпов роста производительности труда и заработной платы, не разделяет влияние численности персонала и уровня оплаты труда и не выделяет вклад затрат на оплату труда в изменение рентабельности продаж.

Актуальность обозначенного направления исследования характерна и для мясоперерабатывающих предприятий, так как производство включает большое число технологических операций: приёмку и подготовку сырья, обвалку и жиловку, изготовление полуфабрикатов, термическую обработку, упаковку и хранение продукции. Эффективность этих процессов определяется не только выработкой отдельных работников, но и согласованностью работы подразделений, состоянием оборудования, соблюдением санитарных требований и использованием рабочего времени [1]. В структуре затрат таких предприятий преобладают материальные затраты, поэтому влияние оплаты труда на финансовый результат необходимо оценивать в сопоставлении с другими факторами.

В работе Дунаевой О. А., Осянина Д. Н подчёркивается значение оптимизации использования трудовых ресурсов на мясоперерабатывающих предприятиях. В работе Богатыревой И. В., Илюхиной Л. А. соотношение производительности труда

и заработной платы рассматривается на уровне экономики отдельных стран и связывается с себестоимостью, рентабельностью и эффективностью производства. Перенос такого подхода на уровень предприятия требует проверки на данных конкретной организации.

Целью исследования является оценка влияния соотношения темпов роста производительности труда и заработной платы на зарплатоёмкость, структуру затрат и финансовые результаты мясоперерабатывающего предприятия. Для достижения цели необходимо сформулировать проверяемую гипотезу, предложить методику оценки, апробировать ее на данных предприятия, определить направления совершенствования соотношения оплаты и производительности труда.

Производительность труда характеризует результативность трудовой деятельности и отражает количество продукции, произведённой работником за определённый период, либо объём трудовых затрат, необходимых для выпуска единицы продукции [3]. Заработная плата представляет собой вознаграждение работника за выполненную работу с учётом её сложности, количества, качества и условий выполнения [4]. Затраты на оплату труда входят в состав себестоимости и тем самым участвуют в формировании финансового результата. Эту связь можно выразить следующей моделью:

$$П = В - С = В - ФЗП - Зост \quad (1)$$

Где П – прибыль (валовая прибыль);

В – выручка от реализации;

С – себестоимость реализованной продукции;

ФЗП – фонд заработной платы;

Зост – остальные затраты, входящие в себестоимость.

Из модели (1) следует, что при прочих равных условиях рост ФЗП уменьшает прибыль на ту же величину, а влияние оплаты труда на финансовый результат зависит от того, обеспечен ли этот рост соответствующим увеличением выручки.

Сопоставление динамики производительности труда и заработной платы позволяет определить, насколько изменение оплаты соответствует изменению результатов труда. Для этого используется коэффициент опережения, равный отношению индекса производительности труда к индексу средней заработной платы. При его значении больше единицы производительность растёт быстрее заработной платы, при значении меньше единицы, наоборот, при равенстве единице темпы совпадают. Вместе с тем увеличение производительности труда не всегда сопровождается улучшением финансовых результатов, поскольку на них воздействуют стоимость сырья, цены реализации, энергозатраты и прочие факторы. Поэтому коэффициент опережения не следует рассматривать изолированно: его необходимо анализировать в связке с зарплатоёмкостью, себестоимостью и прибылью.

На основе рассмотренных теоретических положений сформулируем гипотезу исследования. Опережающий рост заработной платы над производительностью труда приводит к росту зарплатоёмкости и доли затрат на оплату труда в себестоимости, снижению рентабельности продаж и отдачи от затрат на оплату труда. При этом на мясоперерабатывающем предприятии, где в структуре затрат преобладают материальные затраты, вклад зарплатного фактора в снижение рентабельности будет ограничен, а рост валовой прибыли будет обеспечиваться за счет расширения масштаба деятельности.

Для подтверждения (опровержения) гипотезы проверим выполняются ли следующие условия для выделенных нами критерии:

1. Коэффициент опережения меньше единицы в анализируемых периодах;
2. Зарплатоёмкость и доля ФЗП в себестоимости возрастают;
3. Рентабельность продаж и рентабельность затрат на оплату труда снижаются;
4. Вклад зарплатоёмкости в снижение рентабельности продаж меньше вклада остальных затрат;

5. Прирост прибыли обеспечивается преимущественно изменением объёма (выручки), а не рентабельности.

Для оценки выполнения перечисленных условий нами разработаны и предложены алгоритм и поэтапная методика оценки финансовых результатов в контексте влияния затрат на оплату труда. На первом этапе определим производительность труда, индексы производительности и средней заработной платы, коэффициент опережения:

$$ПТ = \frac{В}{Ч} \qquad (2)$$

$$K_{оп} = \frac{I_{пт}}{I_{зп}} \qquad (3)$$

где ПТ – производительность труда;Ч – среднесписочная численность работников;

Iпт – индекс производительности труда ($ПТ_1$ / $ПТ_0$);

Iзп – индекс средней заработной платы ($ЗП_1$ / $ЗП_0$).

Второй этап предполагает определение зарплатоёмкости и доли ФЗП в себестоимости, а также суммы относительной экономии (перерасхода) ФЗП.

$$ЗЕ = \frac{ФЗП}{В} \qquad (4)$$

$$Dфзп = \frac{ФЗП}{С} * 100\% \qquad (5)$$

где ЗЕ – зарплатоёмкость;

Dфзп – доля ФЗП в себестоимости.

Следует учитывать, что индекс зарплатоёмкости обратен коэффициенту опережения (Iзе = 1 / Коп).

$$\pm Э = ФЗП_1 * \frac{I_{зп} - I_{пт}}{I_{зп}} \qquad (6)$$

Положительное значение свидетельствует о перерасходе ФЗП по сравнению с уровнем, соответствующим росту производительности труда.

В рамках третьего этапа предлагается определять рентабельность продаж по

валовой прибыли и рентабельность затрат на оплату труда. Расчет рентабельности по валовой прибыли целесообразен как инструмент диагностики эффективности основной деятельности и как база для принятия решений в области ценообразования и управления себестоимостью, так как данный показатель показывает какую часть от каждого заработанного рубля предприятие сохраняет в виде валовой прибыли после покрытия прямых затрат на производство или закупку.

$$R_{\text{пр}} = \frac{\text{П}}{\text{В}} \times 100\% \quad (7)$$

$$R_{\text{фзп}} = \frac{\text{П}}{\text{ФЗП}} \times 100\% \quad (8)$$

где Rпр – рентабельность продаж по валовой прибыли;

Rфзп – рентабельность затрат на оплату труда.

Четвертый этап методики посвящен факторному анализу рентабельности продаж по валовой выручке, выручки и ФЗП.

$$R_{\text{пр}} = \frac{\text{В} - \text{ФЗП} - \text{З}_{\text{ост}}}{\text{В}} \quad (9)$$

$$\mathbf{R}_{\text{пр}} = 1 - \text{ЗЕ} - \text{Уд.ост} \quad (10)$$

где Уд.ост = (С – ФЗП) / В – удельный вес остальных затрат в выручке;

$З_{ост}$ - остальные затраты, включённые в себестоимость.

Влияние факторов определяется по формулам:

$$\Delta\mathbf{R}_{\text{пр}}(\text{ЗЕ}) = -(\text{ЗЕ}_1 - \text{ЗЕ}_0) \quad (11)$$

$$\Delta\mathbf{R}_{\text{пр}}(\text{ост}) = -(\text{Уд.ост}_1 - \text{Уд.ост}_0) \quad (12)$$

Сумма влияний равна общему изменению рентабельности продаж. Далее необходимо разложить прирост выручки и ФЗП на экстенсивный (численность) и интенсивный (производительность, заработная плата) факторы:

$$\Delta\text{В}(\text{Ч}) = (\text{Ч}_1 - \text{Ч}_0) \times \text{ПТ}_0;$$

$$\Delta\text{В}(\text{ПТ}) = \text{Ч}_1 \times (\text{ПТ}_1 - \text{ПТ}_0) \quad (13)$$

$$\Delta ФЗП(Ч) = (Ч_1 - Ч_0) \times ЗП_0;$$

$$\Delta ФЗП(ЗП) = Ч_1 \times (ЗП_1 - ЗП_0) \quad (14)$$

где в формуле (14) ЗП – среднегодовая оплата труда одного работника.

Апробация предлагаемой методики проведена на примере ОАО «Брестский мясокомбинат», использовались данные бухгалтерской и статистической отчётности за 2023–2025 гг.

Анализ наличия и эффективности использования персонала (таблица 1) показал, что за 2023–2025 гг. выручка предприятия выросла на 42,1 %, средняя численность персонала на 27,3 %, ФЗП – на 59,8 %. В результате, на фоне увеличения размеров ФЗП (+25% в 2024 г. и +28% в 2025) установлено замедление темпов роста ЗП и еще большее замедление темпов роста производительности труда. Таким образом, рост выручки обусловлен в значительной мере увеличением численности персонала, а не ростом производительности труда.

Таблица 1

Динамика выручки, численности, ФЗП, производительности труда и средней заработной платы ОАО «Брестский мясокомбинат» за 2023–2025 гг.

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темп роста 2024/ 2023, %	Темп роста 2025/ 2024, %	Темп роста 2025/ 2023, %
Выручка от реализации, млн. руб. (В)	1035,7	1193,3	1471,7	115,2	123,3	142,1
Средняя численность, чел. (Ч)	2076	2221	2642	107,0	119,0	127,3
Фонд заработной платы, млн. руб. (ФЗП)	71,97	89,82	115	124,8	128,0	159,8
Производительность труда, тыс. руб./чел. (ПТ)	498,91	537,27	557,03	107,7	103,7	111,6
Средняя заработная плата, руб. (ЗП)	2880,6	3360,7	3616,5	116,7	107,6	125,5

Источник: разработано автором

В таблице 2 приведены показатели соотношения производительности труда и заработной платы, рассчитанные по формулам (2)–(6).

Таблица 2

Расчёт показателей соотношения производительности труда и оплаты труда ОАО «Брестский мясокомбинат» за 2023–2025 гг

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Изменение 2025 к 2024
Индекс производительности труда (Iпт)	–	1,08	1,04	-0,04
Индекс средней заработной платы (Iзп)	–	1,17	1,08	-0,09
Коэффициент опережения (Коп)	–	0,92	0,96	0,04
Зарплатоёмкость (ЗЕ)	0,07	0,08	0,08	0,00
Индекс зарплатоёмкости (Iзе)	–	1,08	1,04	-0,04
Зарплатоотдача, руб. выручки на 1 руб. ФЗП	14,39	13,29	12,80	-0,49
Относительный перерасход ФЗП (±Э), тыс. руб.	–	6912	4204	-2708

Источник: расчёты автора по данным таблицы 1

Как видно из таблицы 2, коэффициент опережения в 2024 г. составил 0,92, в 2025 г. – 0,96, то есть в оба года был ниже единицы: заработная плата росла быстрее производительности труда. Индекс зарплатоёмкости обратен коэффициенту опережения, поэтому его сокращение является следствием роста индекса коэффициента опережения. Сама зарплатоёмкость выросла с 0,07 в 2023 г. до 0,08 в 2024 г.; зарплатоотдача снизилась с 14,39 до 12,80 руб. выручки на 1 руб ФЗП. Относительный перерасход ФЗП, рассчитанный по формуле (6), составил 6912 тыс. руб. в 2024 г. и 4204 тыс. руб.

Для оценки влияния соотношения темпов на финансовые результаты в таблице 3 рассчитаны показатели по формулам (5), (7), (8).

Таблица 3

Расчёт показателей, характеризующих влияние затрат на оплату труда на финансовые результаты ОАО «Брестский мясокомбинат» за 2024–2025 гг

Показатель	2024 г.	2025 г.	Абсолютное отклонение	Темп роста, %
Выручка (В), млн. руб.	1193,3	1471,7	+278,4	123,3
Себестоимость реализованной продукции (С), млн. руб.	1013,4	1272,5	+259,1	125,6
Валовая прибыль (П), млн. руб.	179,9	199,2	+19,3	110,8

Показатель	2024 г.	2025 г.	Абсолютное отклонение	Темп роста, %
ФЗП, млн. руб.	89,8	115	+25,2	128,0
Остальные затраты (С − ФЗП), млн. руб.	923,6	1157,5	+233,9	125,3
Доля ФЗП в себестоимости (Dфзп), %	8,86	9,04	+0,18	102,0
Рентабельность продаж по валовой прибыли (Rпр), %	15,07	13,54	−1,54	89,8
Рентабельность затрат на оплату труда (Rфзп), %	200,26	173,22	−27,04	86,5
Прибыль на одного работника, тыс. руб.	80,99	75,40	−5,59	93,1

Источник: по данным бухгалтерской и статистической отчётности ОАО «Брестский мясокомбинат», расчёты автора

Данные таблицы 3 показывают, что при росте выручки на 23,3 % себестоимость выросла на 25,6 %, в результате рентабельность продаж снизилась на 1,54 п.п. Доля ФЗП в себестоимости увеличилась с 8,86 до 9,04 %. Рентабельность затрат на оплату труда сократилась с 200,26 до 173,22 %. ФЗП уменьшилась на 27,04 руб., а прибыль на одного работника – с 80,99 до 75,40 тыс. руб. (на 6,9 %). Вместе с тем абсолютный размер валовой прибыли вырос на 19,3 млн. руб., следовательно, критерии 2 и 3 гипотезы выполняются.

Чтобы определить, какая часть снижения рентабельности продаж связана именно с оплатой труда, выполним факторный анализ по модели (10) с использованием формул (11) и (12). Результаты представлены в таблице 4.

Из 1,54 п.п. снижения рентабельности продаж на зарплатоёмкость приходится 0,29 п.п. (18,7 %), на остальные затраты – 1,25 п.п. (81,3 %). В денежном выражении влияние зарплатоёмкости составило − 4231 тыс. руб. Этот перерасход составляет 2,1 % валовой прибыли и 0,29 % выручки. Следовательно, критерий 4 гипотезы выполняется: вклад зарплатного фактора в снижение рентабельности существует, но ограничен.

Таблица 4

Факторный анализ рентабельности продаж

ОАО «Брестский мясокомбинат» за 2025 г. к 2024 г.

Фактор	2024 г., %	2025 г., %	ΔRпр, п.п.	Доля, %	ΔПрибыль, тыс. руб.
Зарплатоёмкость (ЗЕ)	7,53	7,81	−0,29	18,7	−4231
Остальные затраты (Уд.ост)	77,40	78,65	−1,25	81,3	−18394
Итого	84,93	86,46	−1,54	100	−22625

Источник: расчёты автора по данным таблицы 3

Разложение изменения прибыли подтверждает, что рост выручки при рентабельности базисного периода увеличил прибыль на 41,96 млн. руб. (278,4 млн.р.˟0,1507), а снижение рентабельности уменьшило её на 22,62 тыс. руб. (1471,1 млн.р.˟1,54 п.п.), итоговый прирост составил 19,3 млн. руб. Следовательно, критерий 5 выполняется, рост прибыли обеспечен расширением масштаба деятельности, а не повышением эффективности.

Для выяснения характера роста выручки и ФЗП выполним разложение их прироста на фактор численности и фактор производительности труда и заработной платы по формулам (13) и (14).

Таблица 5 показывает, что в 2024 г. 71,8 % прироста ФЗП обеспечил рост средней заработной платы, а выручка на 54,1 % выросла за счёт производительности труда. В 2025 г. ситуация изменилась: 67,6 % прироста ФЗП и 81,2 % прироста выручки обусловлены увеличением численности (на 421 человек) при замедлении роста выработки. Следовательно, в 2024 г. проблема соотношения носила характер опережающего роста заработной платы, а в 2025 г. – преимущественно экстенсивного роста за счёт численности.

Таблица 5

Разложение прироста выручки и ФЗП ОАО «Брестский мясокомбинат» на экстенсивный и интенсивный факторы, тыс. руб.

Показатель	Период	ΔОбщее	в т.ч. Ч	в т.ч. ПТ(ЗП)	Доля Ч, %
Выручка	2024/2023	157530	72342	85198	45,9
Выручка	2025/2024	278394	226191	52206	81,2
ФЗП	2024/2023	17845,6	5027,1	12818,5	28,2
ФЗП	2025/2024	25186,0	17025,8	8160,2	67,6

Источник: расчёты автора по данным таблицы 1

Сводные результаты проверки гипотезы приведены в таблице 6.

Таблица 6

Результаты проверки гипотезы

Критерий	Результат расчёта	Вывод
1. Коп < 1	0,92 (2024 г.); 0,96 (2025 г.)	Выполняется
2. Рост ЗЕ и доли ФЗП в себестоимости	ЗЕ 7,53 → 7,81 %; Dфзп 8,86 → 9,04 %	Выполняется
3. Снижение Rпр и Rфзп	15,07 → 13,54 %; 200,26 → 173,22 %	Выполняется
4. Вклад ЗЕ меньше вклада остальных затрат	18,7 % и 81,3 %	Выполняется
5. Рост прибыли за счёт объёма	ΔП(B) = +41964; ΔП(R) = −22625 тыс. руб.	Выполняется

Источник: составлено автором по результатам таблиц 2–6

Таким образом, гипотеза подтверждается при оценке по ФЗП предприятия в целом: опережающий рост заработной платы сопровождался ростом зарплатоёмкости и снижением рентабельности, вклад зарплатного фактора оказался ограниченным (18,7 %), а рост валовой прибыли обеспечен ростом масштаба деятельности. На основании результатов анализа можно определить следующие направления совершенствования соотношения производительности труда и заработной платы:

- ввести контроль коэффициента опережения при планировании ФЗП;
- обосновывать потребность в приросте численности нормативами

трудоёмкости и загрузки: при росте выручки на 23,3 % численность увеличилась на 19,0 %, а прибыль на одного работника снизилась на 6,9 %;

- использовать показатели премирования, учитывающие выработку, качество и соблюдение технологических и санитарных требований;

Следовательно, можно утверждать, что соотношение темпов роста производительности труда и заработной платы является полезным индикатором управления затратами на оплату труда, однако его необходимо анализировать совместно с зарплатоёмкостью, структурой себестоимости и факторным анализом рентабельности. Разработанная и предложенная методика позволяет разделить влияние численности и уровня оплаты, оценить вклад зарплатного фактора в изменение рентабельности продаж и отличить рост прибыли за счёт масштаба деятельности от роста за счёт эффективности использования труда.

Список использованной литературы:

1 Дунаева О.А., Осянин Д.Н. Основные аспекты оптимизации использования трудовых ресурсов на мясоперерабатывающих предприятиях // Молодой учёный. 2025. № 7 (558). С. 245–250. URL: https://moluch.ru/archive/558/122790 (дата обращения: 15.10.2026).

2 Богатырева И.В., Илюхина Л.А. Соотношение производительности труда и заработной платы в экономике отдельных стран: оценка и механизм управления// Экономика труда. 2020. Т. 7, № 2. С. 115–126. DOI: https://doi.org/10.18334/ et.7.2.100572 (дата обращения: 14.10.2026).

3 Экономика труда: учебник / под ред. П.Э. Шлендера, Ю.П. Кокина. М.: Юристъ, 2002. С. 203.

4 Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. (в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.12.2024 г.).

5 Рожков С.А., Шапиро С.А. Влияние затрат на рабочую силу на финансовые результаты предприятия и производительность труда работников // Индустриальная экономика. 2024. № S1. С. 137–142.

© Савчук А.А., 2026

УДК 336.77

Усикова А.В.,

студент 3 курса, Смоленского ФУ при Правительстве РФ,

г. Смоленск, РФ

Научный руководитель: Ноздрева И.Е.,

кандидат экономических наук, Смоленского ФУ при Правительстве РФ,

г. Смоленск, РФ

ОЦЕНКА И ЭТАПЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ КРЕДИТНОГО ПОРТФЕЛЯ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Аннотация

Анализируются теоретические основания и практические приёмы, позволяющие оценить качество кредитного портфеля в коммерческом банке. Конкретные примеры из практики построены на материалах деятельности двух организаций, а именно ООО «ХКФ Банк» и АО «Дальневосточный банк». Устанавливается взаимосвязь, что на первый взгляд кажется очевидным, между уровнем диверсификации портфеля, достаточностью имеющегося обеспечения и последующим ростом просроченной задолженности. В условиях экономической нестабильности, как представляется, возникает настоятельная потребность в таком управлении кредитным риском, которое опиралось бы не на разрозненные меры, а на целостный набор инструментов. Едва ли можно с уверенностью утверждать, что банки способны последовательно реализовать подобное управление на практике. Данный вопрос сохраняет открытый характер для последующих исследований.

Ключевые слова

кредитный портфель, управление качеством, коммерческий банк, оценка рисков, просроченная задолженность, резервы на возможные потери, диверсификация.

Анализируется, что кредитный портфель коммерческого банка образует основу его доходных активов. Однако именно в этой части активов сосредоточены ключевые риски, способные подорвать финансовую устойчивость кредитной организации [2, с. 697]. По этой причине управление качеством кредитного портфеля в банковском менеджменте рассматривается как приоритетная задача, хотя её решение едва ли можно признать простым или однозначным.

Качество кредитного портфеля в аналитической литературе принято определять через степень соответствия его структуры и текущего состояния трём условиям. Речь идёт о получении приемлемой прибыли, поддержании допустимого уровня риска и сохранении достаточной ликвидности [4, с. 260]. Управление качеством предполагает последовательное решение нескольких задач. К ним относятся определение классификационных групп кредитов, отнесение каждого конкретного кредита к той или иной группе, оценка структуры портфеля в целом, анализ факторов, способных изменить качество, формирование резервов под возможные потери и разработка мер, направленных на улучшение состояния портфеля [4, с. 261].

Ключевым критерием качества выступает классификация ссуд по пяти категориям, которые зафиксированы в нормативных документах. Подобное деление лежит в основе расчёта резервов на возможные потери по ссудам [4, с. 261]. Следует отметить, что именно эта классификация, несмотря на свою формальную определённость, порождает на практике немало спорных ситуаций при оценке конкретных заёмщиков. Категории качества ссуд и оценка риска обесценения представлены в таблице 1

Таблица 1

Категории качества ссуд и оценка риска обесценения

Категория качества	Характеристика	Вероятность обесценения
I (стандартные)	риск отсутствует	0%
II (нестандартные)	незначительный риск	1–20%
III (сомнительные)	умеренный риск	21–50%
IV (проблемные)	высокий риск	51–100%
V (безнадёжные)	риск полной потери	100%

Источник: разработано автором на основании данных [4]

В специальной литературе выделяют четыре метода оценки качества кредитного портфеля. Каждый из них обладает собственной методологической основой и определённой областью применения. Метод балансовой стоимости даёт возможность отслеживать динамику активов во времени. Метод рыночной стоимости нацелен на выявление причин потери качества с учётом внешних факторов, изменяющих стоимость активов. Экспертный метод опирается на совокупность качественных и количественных показателей с применением факторного анализа. Это вносит в процедуру оценки неизбежный элемент субъективизма, который едва ли можно полностью устранить. Метод регламентации основан на сравнении фактических значений кредитных показателей с экономическими нормативами, установленными Банком России [3, с. 187]. Ни один из перечисленных методов в отдельности не даёт исчерпывающей картины. Причина кроется в том, что ликвидность портфеля зависит прежде всего от платёжной дисциплины заёмщиков и от способности банка оперативно вернуть вложенные ресурсы [3, с. 188].

В рамках проведённого исследования рассмотрим кредитной портфель ООО «ХКФ Банк». Полученные результаты заслуживают отдельного рассмотрения [1, с. 48]. Портфель этого банка на 98% был представлен ссудами, выданными физическим лицам. Это указывает на ярко выраженную розничную специализацию и отсутствие значительной диверсификации по сегментам заёмщиков. По итогам 2020 года доля резервов на возможные потери выросла на 3% и достигла 10,9%. При этом чистая ссудная задолженность клиентов сократилась на 24,8%, тогда как резервы увеличились с 8% до 11,2% [1, с. 48]. Такая разнонаправленная динамика позволяет предположить снижение качества портфеля в указанный период, хотя прямая причинно-следственная связь здесь не очевидна.

Коэффициентный анализ выявил следующие тенденции. Удельный вес просроченных кредитов в активах повысился с 4,4% до 5,4%. Подобное изменение свидетельствует об ухудшении платёжной дисциплины заёмщиков. Коэффициент

обеспеченности оставался низким и составил 3,5% в 2020 году. Это косвенно указывает на выдачу основной массы кредитов без какого-либо обеспечения или с недостаточным залоговым покрытием. В то же время банк соблюдал все нормативы Банка России. Речь идёт о максимальном размере риска на одного заёмщика (Н6) и нормативе крупных кредитных рисков (Н7) [1, с. 49–50]. Кредитный портфель банка нельзя назвать диверсифицированным. Почти всю сумму процентного дохода банк получает от физических лиц, а это повышает зависимость от лояльности и платёжеспособности розничных клиентов. В условиях экономической нестабильности такая зависимость создаёт дополнительные уязвимости, и здесь вопрос о долгосрочной устойчивости остаётся открытым [1, с. 52].

Анализ кредитного портфеля АО «Дальневосточный банк» за период 2020–2022 годов позволяет сопоставить динамику в условиях пандемии и последующего санкционного давления [5, с. 27]. Несмотря на пандемию COVID-19 и санкционное давление, банк наращивал совокупную величину кредитного портфеля. Однако объём розничного кредитования в 2022 году снизился на 7,99% по сравнению с 2020 годом. Эту динамику едва ли можно истолковать как устойчивый рост [5, с. 27]. Просроченная задолженность по кредитованию малого и среднего бизнеса обнаружила отрицательную тенденцию к росту. Аналогичным образом увеличилась задолженность по ипотечным кредитам.

В ответ на сложившуюся ситуацию банк разработал ряд мероприятий по сокращению просрочки. К таким мероприятиям относятся уведомления заёмщика, предложения реструктуризации долга, личные встречи с проблемными клиентами. При возникновении задолженности сроком более 91 дня применялось обращение взыскания на заложенное имущество [5, с. 27]. В качестве дополнительных мер предлагались следующие решения. Создание системы взаимодействия с другими банками для безакцептного списания средств в счёт погашения долга (разумеется, при согласии клиента). Внесение заёмщиком резервной суммы на этапе выдачи

кредита. Премирование сотрудников за привлечение клиентов на программы автокредитования [5, с. 28]. Представляется дискуссионным, насколько перечисленные меры способны кардинально изменить ситуацию с качеством портфеля, особенно в условиях макроэкономических шоков.

Рассмотренные подходы позволяют выделить несколько последовательных этапов управления качеством кредитного портфеля. Каждый из этапов имеет самостоятельное значение и требует регулярного исполнения [4, с. 261–262]. Данные этапы сведены в таблицу 2.

Таблица 2

Этапы управления качеством кредитного портфеля

Этап	Содержание
Формирование кредитной политики	определение приоритетных сегментов, лимитов концентрации, требований к заёмщикам
Предварительная оценка заёмщика	анализ финансового положения, качества обслуживания долга, присвоение категории качества
Формирование резервов	создание резервов под каждую ссуду или портфель однородных ссуд в соответствии с категорией качества
Мониторинг портфеля	регулярный анализ структуры, выявление роста просроченной задолженности, пересмотр профессионального суждения
Корректирующие мероприятия	реструктуризация, работа с проблемными активами, корректировка лимитов и процентных ставок

Источник: разработано автором на основании данных [4]

Нормативные требования обязывают банк оценивать собственные кредитные риски, а также классифицировать и оценивать ссуды с определённой периодичностью. Такая оценка должна проводиться не реже одного раза в месяц на каждую отчётную дату [4, с. 262]. На практике установленная периодичность мониторинга не всегда обеспечивает своевременное выявление ухудшения качества. Особенно это заметно в условиях резких внешних шоков, когда платёжеспособность заёмщиков ухудшается лавинообразно и традиционные методы оценки риска начинают запаздывать.

Управление качеством кредитного портфеля выстраивается как непрерывный цикл. В этот цикл входят классификация ссуд, формирование резервов, мониторинг

и корректирующие воздействия. Каждый из перечисленных элементов требует регулярного пересмотра, что далеко не всегда соблюдается на практике. Анализ деятельности ООО «ХКФ Банк» и АО «Дальневосточный банк» показывает, что ключевые проблемы остаются прежними. Речь идёт о низкой диверсификации портфеля и устойчивом росте просроченной задолженности. Обе проблемы имеют структурный характер и едва ли могут быть решены разовыми мерами. Для их преодоления необходимо внедрять подход, который сочетал бы количественные и качественные методы оценки. Помимо этого, требуется ужесточать требования к обеспечению, развивать системы раннего предупреждения рисков и активнее использовать инструменты реструктуризации.

Остаётся открытым вопрос об эффективности применения этих мер в условиях быстрого ухудшения макроэкономической конъюнктуры. В такой ситуации традиционные методы оценки риска дают сбои, и это создаёт дополнительные трудности для банковских аналитиков. Вместе с именно системное управление качеством кредитного портфеля, как показывают рассмотренные примеры, позволяет банку сохранять финансовую устойчивость даже в нестабильной экономической среде [2, с. 705–706]. Представляется, что без такого управления любые разовые усилия окажутся малоэффективными.

Список использованной литературы:

1. Кривошапова С. В., Плотникова К. А. Оценка кредитного портфеля коммерческого банка // Карельский научный журнал. 2023. Т. 12, № 2 (43). С. 26-28.

2. Ушанов А.Е. Пути снижения риска корпоративного кредитного портфеля коммерческого банка // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12, № 1 (42). С. 141-146.

3. Смирнов А.А., Зернова Л.Е. Методы управления кредитным портфелем // Инновационное развитие техники и технологий в промышленности. 2023. С. 186-190.

4. Никитин П.С., Зернова Л.Е. Управление качеством кредитного портфеля

коммерческого банка // Экономика сегодня: современное состояние и перспективы развития (Вектор-2022). 2022. № 4. С. 258.

5. Фенелонов Д.И., Савчина О.В. Система управления качеством кредитного портфеля банков: основы формирования и совершенствования // Финансовый менеджмент. 2025. № 10-2. С. 696-706.

6. Рамзаева Е.П., Кравченко О.В. Анализ кредитного портфеля и кредитного риска в коммерческом банке // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2022. № 3. С. 47-53.

© Усикова А.В., 2026

УДК 336.77

Усикова А.В.,

студент 3 курса, Смоленского ФУ при Правительстве РФ,

г. Смоленск, РФ

Научный руководитель: Ноздрева И.Е.,

кандидат экономических наук, Смоленского ФУ при Правительстве РФ,

г. Смоленск, РФ

СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ КРЕДИТНЫМ ПОРТФЕЛЕМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация

В статье анализируются теоретические основания и практические приёмы, связанные с управлением кредитным портфелем коммерческого банка в период экономической нестабильности. Рассматриваются основные стратегии такого управления, среди которых выделяются диверсификация рисков, активное воздействие на кредитные риски и внедрение новых технологических решений. К числу ключевых инструментов оценки кредитного риска относятся расчёт ожидаемого убытка, формирование резервов и установление лимитов. Особого внимания заслуживает практический пример трансформации кредитного портфеля на основе данных банка ВТБ.

Ключевые слова:

кредитный портфель, стратегии управления, коммерческий банк, диверсификация рисков, кредитный риск, ожидаемый убыток, кредитная политика, стоимость риска, проблемная задолженность.

Современная экономическая ситуация, которую характеризуют нестабильность, санкционные ограничения и высокая волатильность на финансовых рынках предъявляют к управлению кредитным портфелем

коммерческих банков требования, которые едва ли можно назвать ординарными. Представление о том, что эффективное управление в данной области сводится исключительно к минимизации рисков, было бы упрощением. Перед банками стоит более сложная задача, а именно одновременная оптимизация доходности и обеспечение устойчивости банковской деятельности [2].

Кредитный портфель трактуется как совокупность выданных кредитов. Качество этой совокупности оценивается через ряд коэффициентов, среди которых объём выданных ссуд, доля просроченной и, что особенно важно, доля безнадёжной задолженности. Оптимальным, по распространённому мнению, считается портфель, диверсифицированный по различным критериям. Такой портфель приносит максимальную прибыль, но при условии минимального уровня риска. Последнее условие и порождает основное противоречие [2].

В аналитической литературе принято выделять несколько ключевых стратегических направлений. Диверсификация рисков, например, предполагает распределение кредитных средств между разными заёмщиками, отраслями и географическими регионами. Данный подход снижает концентрацию рисков, тем самым смягчая потенциальные убытки в случае дефолтов или экономических спадов в отдельных сегментах [2]. На практике это может выглядеть следующим образом. Банк одновременно кредитует крупные корпорации, малый бизнес и физических лиц, распределяя вложения по производственной, торговой и сервисной сферам.

Иной подход представляет собой активное управление кредитными рисками. В его основе лежат тщательный кредитный анализ и скоринг, постоянный мониторинг портфеля, разработка специальных стратегий (установление лимитов, страхование, процедуры взыскания). Используются также инструменты хеджирования, в частности кредитные дефолтные свопы [2]. Внедрение систем скоринга, дополненное статистическими методами, позволяет точнее оценивать вероятность дефолта, хотя и здесь возможны погрешности [1].

Некоторые стратегии, которые можно назвать технологически ориентированными, опираются на применение распределённых реестров, аналитических алгоритмов и обработку массивов данных. Предполагается, что это ускоряет принятие решений, выявление проблемных ситуаций и улучшает взаимодействие с клиентами, в том числе через цифровые каналы [2]. Впрочем, эффективность таких решений в условиях реальной экономической турбулентности остаётся предметом дискуссий.

Ключевым инструментом признаётся оценка ожидаемого убытка (EL). Расчётная формула включает три компонента: вероятность дефолта (PD), подверженность риску на момент дефолта (EAD) и потери при дефолте (LGD) [1]. Помимо этого, используются иные инструменты. Предотвращение риска достигается через процедуры «знай своего клиента» и проверку кредитной истории. Ограничение риска реализуется путём установления лимитов. Для покрытия возможных потерь создаются резервы и требуется обеспечение. Диверсификация также проводится по срокам, категориям заёмщиков, географии и отраслям [1].

Кредитная политика банка формируется под воздействием двух групп факторов. Макроэкономические включают состояние экономики в целом, инфляцию, уровень благосостояния населения, конкуренцию и регулирование со стороны Центрального банка [3]. Микроэкономические факторы связаны с внутренним положением самого банка. Речь идёт о размере собственного капитала, ликвидности, качестве клиентской базы и квалификации персонала. В период финансового кризиса банки вынуждены экстренно адаптировать свою политику, ужесточая требования к заёмщикам, повышая ставки и сокращая объёмы кредитования [3].

В качестве примера активной стратегии в современных условиях рассматриваются действия банка ВТБ. Столкнувшись с повышенными макроэкономическими рисками и необходимостью оптимизировать активы,

взвешенные с учётом риска (RWA), банк инициировал так называемый «кредитный маневр». Речь идёт о целенаправленном изменении структуры портфеля. Суть стратегии сводилась к замещению розничных кредитов, которые характеризуются высоким весом риска, на менее рисковые корпоративные ссуды. Такое решение позволяло, с одной стороны, продолжать наращивать бизнес, с другой стороны, сдерживать рост общего уровня риска [2, 4].

Результаты данной стратегии за 2025 год оказались неоднозначными, что характерно для любого серьёзного манёвра. Корпоративный кредитный портфель вырос на 3,6%, тогда как розничный портфель сократился на 4,8% (данные за девять месяцев 2025 года). Благодаря этому манёвру банку удалось сдержать рост стоимости риска (Cost of Risk), ключевого показателя, отражающего расходы на резервы по возможным потерям. По итогам девяти месяцев 2025 года стоимость риска ВТБ находилась на уровне 1,1%. Доля проблемных (обесцененных) кредитов (NPL) ожидаемо выросла до 4,3%. В банке этот уровень сочли приемлемым в рамках проводимой реструктуризации и прогнозировали улучшение ситуации в 2026 году. Вопрос о том, насколько оправданным окажется этот прогноз, остаётся открытым [1, 3].

Представленный пример показывает, как в ответ на внешние трудности банк может оперативно пересмотреть структуру активов. Фокус смещается с высокорисковых сегментов на более стабильные. Цель таких действий заключается в сохранении устойчивости и поддержании контроля над уровнем кредитного риска.

Обобщая различные подходы, можно предложить классификацию стратегий по нескольким основаниям. По периоду инвестирования выделяют долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные варианты. По уровню риска стратегии делятся на консервативные, сбалансированные и агрессивные. Стиль управления позволяет различать активные, пассивные и активно-пассивные стратегии. Субъект инвестирования указывает на то, ведётся ли управление собственными силами или

через доверительное управление [4]. В современных условиях экономической неопределённости наиболее востребованными оказываются сбалансированные по риску портфели с активно-пассивным стилем управления. Однако и здесь возможны исключения, продиктованные конкретной ситуацией [4].

Управление кредитным портфелем на современном этапе требует сочетания разнородных элементов. Диверсификация, активное управление рисками, использование технологических решений и индивидуальная работа с клиентами не столько дополняют друг друга, сколько вступают в сложные отношения взаимного ограничения. Применение количественных моделей (расчёт ожидаемого убытка, стресс-тестирование) наряду с регулярным мониторингом позволяет банкам сохранять устойчивость, хотя в условиях высокой неопределённости гарантии здесь едва ли возможны [1, 2, 3]. Опыт крупнейших банков, включая рассмотренный пример ВТБ, свидетельствует о следующем. Кредитная политика должна быть гибкой, учитывать, как внешние макроэкономические шоки, так и внутренние возможности организации. Едва ли можно утверждать, что существует единая «оптимальная» рецептура. Скорее, речь идёт о постоянном поиске баланса между доходностью и рискованностью [3, 4].

Список использованной литературы:

1. Живко А.Б., Проданова Н.А. Инструменты управления кредитным риском в деятельности коммерческого банка // Финансовый менеджмент. 2024. № 10. С. 236-244.

2. Мардеева Л.Р. Стратегии управления кредитным портфелем: опыт ведущих банков // Инновационная наука. 2024. № 2-1. С. 53-56.

3. Носова Т.П., Башкатова С.А. Кредитная политика коммерческого банка на современном этапе // Universum: экономика и юриспруденция. 2025. № 1 (123). С. 15-19.

4. Родионов М.Г., Тельминова Н.В. Анализ стратегий управления портфелем

финансовых активов в современных экономических условиях // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 4S. С. 28.

5. Халяпин А.А., Усачева Ю.А., Гук А.И. Современные стратегии управления инвестиционным портфелем // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 6 (44). С. 385-389.

© Усикова А.В., 2026

УДК 332.02

Яцукова А.Г.
Магистрант 2 курса
ИГСУ РАНХИГС
г. Москва, РФ

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПРОГРАММАМИ И ОЦЕНКА ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И Г. СЕВАСТОПОЛЯ»

Аннотация

В статье исследуется современная система программно-целевого управления в Российской Федерации. Актуальность обусловлена необходимостью совершенствования механизмов государственного менеджмента в условиях жестких бюджетных ограничений и геополитических вызовов. Цель работы - оценка управленческой и экономической эффективности реализации государственной программы социально-экономического развития Крымского полуострова. В ходе исследования применялись методы план-фактного, институционального и сравнительного анализа. Результатом работы стали выявленные системные проблемы исполнительской дисциплины и казначейского контроля, а также предложенный авторский комплекс рекомендаций по оптимизации программного инструментария ГМУ.

Ключевые слова:

государственные программы, оценка эффективности, программно-целевое управление, Республика Крым, Севастополь, Минстрой России, казначейское сопровождение.

Yatsukova A.G.

Master’s candidate 2 tern

IPACS RANEPA

Moscow, Russia

GOVERNMENT PROGRAM MANAGEMENT AND ASSESSMENT OF THEIR EFFECTIVENESS IN THE RUSSIAN FEDERATION ON THE EXAMPLE OF THE STATE PROGRAM OF THE RUSSIAN FEDERATION "SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AND SEVASTOPOL"

Abstract

The article examines the modern system of program-oriented management in the Russian Federation. The relevance is due to the need to improve government management mechanisms under tight budget constraints and geopolitical challenges. The goal is to evaluate the managerial and economic efficiency of the state program for the socio-economic development of the Crimean Peninsula. Methods of plan-fact, institutional, and comparative analysis were applied. The final result includes the identified systemic problems of performance discipline and treasury control, as well as a proposed author's complex of recommendations for optimizing state program management tools.

Keywords:

state programs, efficiency evaluation, program-oriented management, Republic of Crimea, Sevastopol, Ministry of Construction of Russia, treasury support.

Переход к программно-целевому принципу государственного управления выступает ключевым вектором реформирования системы исполнительной власти в Российской Федерации. Государственные программы служат базовым инструментом увязки стратегических целей развития страны с бюджетными

ассигнованиями на долгосрочный период. В условиях глобальной макроэкономической турбулентности, санкционного давления и структурной трансформации пространственного развития России кардинально возрастают требования к качеству администрирования госпрограмм со стороны федеральных ведомств.

Особое геополитическое и социально-экономическое значение имеет государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя», запущенная в рамках форсированной интеграции полуострова в единое правовое, инфраструктурное и хозяйственное пространство страны. За более чем десятилетний период её реализации государством был накоплен колоссальный опыт антикризисного менеджмента и капитального строительства. Вместе с тем, продление сроков реализации программы до 2030 года [14, 15] актуализирует необходимость глубокого научно-практического анализа методологии оценки её эффективности, управленческих барьеров и специфики финансового контроля исполнения бюджетных средств.

1. Методологические основы оценки эффективности госпрограмм в РФ

Действующая в РФ архитектура оценки эффективности государственных программ регулируется постановлением Правительства РФ от 15 мая 2023 г. № 752 «О правилах формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности госпрограмм РФ». Методология Минэкономразвития России основывается на интегральном подходе и включает оценку на базе трех компонентов [9]:

1. Уровень достижения госпрограмм в отчетном году (80% от общей оценки);

2. Оценка динамики прироста значений показателей госпрограмм (10% от общей оценки);

3. Оценка качества финансового менеджмента выполнения госпрограммы (10% от общей оценки).

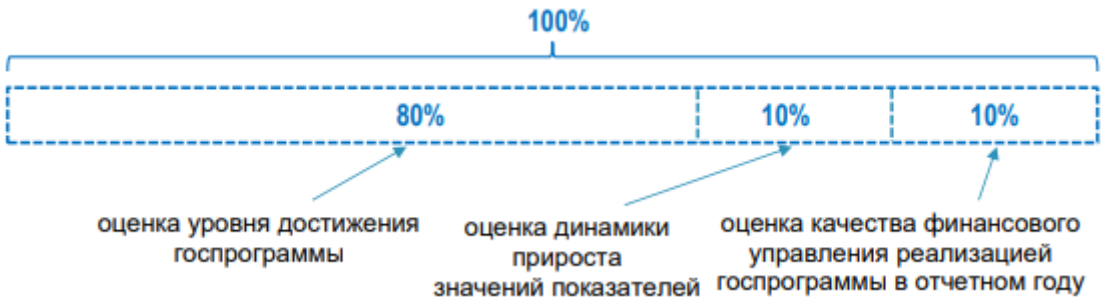

Рисунок 1 – Интегральная оценка хода выполнения и эффективности госпрограмм

Согласно официальным данным Минэкономразвития, средняя оценка эффективности 49 реализуемых госпрограмм РФ демонстрирует позитивную динамику, составив **94,5%** [9]. Однако в научном сообществе отмечается [24], что существующий подход во многом измеряет исключительно административно-исполнительскую дисциплину ведомств, а не реальный мультипликативный экономический эффект для регионов. В этой связи анализ конкретной комплексной программы позволяет верифицировать методологию на практике.

2. Анализ управленческой практики и оценка результатов реализации программы в Крыму и Севастополе

Государственная программа развития Крымского полуострова находится под кураторством Заместителя Председателя Правительства РФ М.Ш. Хуснуллина. Роль ответственного исполнителя с октября 2022 года закреплена за Минстроем России, что обусловлено доминированием объектов капитального вложения в структуре расходов (более 1 трлн рублей за весь период). По структуре программа разделена на две ключевые подпрограммы: обеспечение устойчивого социально-экономического развития и развитие инвестиционного потенциала через механизм Свободной экономической зоны (СЭЗ).

По состоянию на 2026 год, накопленные за 12 лет (2014–2025 гг.) результаты реализации программы демонстрируют беспрецедентный масштаб [18, 19]:

- Общий объем направленного финансирования из федерального бюджета составил 1,295 трлн рублей.

• Фактически завершено и введено в эксплуатацию более 760 сложнейших объектов инфраструктуры (541 — в Республике Крым, 135 — в г. Севастополе, 85 — по линии ФОИВ, принимающих участие в реализации программы), включая 58 объектов, сданных в течение 2025 года.

Уровень финансового менеджмента (кассовое исполнение) по итогам последних лет стабильно удерживает рекордную планку: в 2023 году — 99,7%, в 2024 году — 99,8%, по итогам 2025 года — 99,8% (освоено 110,1 млрд рублей из 110,3 млрд предусмотренных).

Таблица 1

Динамика макроэкономических и социальных индикаторов Крымского полуострова за период реализации программы (2014–2026 гг.)

Наименование индикатора эффективности	Базовый уровень (2014-2015 гг.)	Актуальный уровень (на начало 2026 г.)	Кратный рост / Снижение показателей
ВРП Республики Крым	189,4 млрд руб.	897,3 млрд руб.	Рост в 4,7 раза
ВРП г. Севастополя	30,1 млрд руб.	282,7 млрд руб.	Рост в 9,4 раза
Объем инвестиций в основной капитал (Крым)	29,4 млрд руб.	368,9 млрд руб.	Рост почти в 14 раз
Объем инвестиций в основной капитал (Севастополь)	3,4 млрд руб.	87,1 млрд руб.	Рост почти в 26 раз
Объем собственных налоговых доходов бюджетов	39,6 млрд руб.	205,6 млрд руб.	Увеличение в 5,2 раза
Уровень безработицы (Крым / Севастополь)	7,2% / 8,3%	2,2% / 1,9%	Снижение в 3 и в 4 раза соответственно
Среднемесячная номинальная зарплата (Крым)	17,9 тыс. руб.	86 тыс. руб.	Рост в 4,8 раза
Ввод жилья на 1 человека (Крым / Севастополь)	0,49 / 0,55 кв. м	0,77 / 0,62 кв. м	Крым превысил среднерос. уровень (0,74)

Составлено автором на основе данных Росстата, отчетных документов Минэкономразвития России [9] и Минстроя России

Важнейшим достижением проектного управления стало выполнение поручения Президента РФ [5] по привлечению в экономику полуострова за период 2022–2025 гг. не менее 1 трлн рублей внебюджетных инвестиций.

Данный показатель фактически составил 1187,7 млрд рублей (Крым — 871,4 млрд руб., Севастополь — 316,3 млрд руб.), превысив плановые значения Драйвером инвестиций выступает Свободная экономическая зона (СЭЗ), где зарегистрировано 1 603 резидента (> 92% — субъекты МСП), создавшие 129,58 тыс. рабочих мест. Доля налогов от резидентов СЭЗ достигла 41,6% в консолидированном бюджете регионов полуострова, а интегральный показатель эффективности СЭЗ зафиксирован на отметке: 4 рубля частных инвестиций на 1 рубль предоставленных государством налоговых льгот**.**

3. СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСПРОГРАММЫ

Несмотря на высокую кассовую дисциплину (99,8%), детальный аудит хода реализации программы выявляет ряд застарелых регуляторных проблем и скрытых управленческих дефицитов, ограничивающих эффективность ГМУ.

1. **Проблема дебиторской задолженности и деструктивной практики подрядчиков.** Перенос сроков ввода отдельных социально значимых объектов обусловлен системными факторами: низкой квалификацией и недобросовестностью подрядных организаций, затягиванием претензионно-исковой работы, частой необходимостью корректировки проектно-сметной документации из-за удорожания стройматериалов и усложнения логистики поставок через Керченский пролив. Несмотря на то, что за 2025 год усилиями Минстроя России дебиторская задолженность прошлых лет была снижена на 31 млрд рублей, остаются риски срыва графиков СМР на локальных уровнях.

2. **Проблема жесткого финансового мониторинга и казначейского комплаенса.** На федеральном уровне в течение длительного времени велась активная межведомственная дискуссия относительно необходимости

кардинального ужесточения финансового контроля и мониторинга за целевым расходованием средств федерального бюджета, выделяемых на ключевые объекты капитального строительства Крымского полуострова. Федеральный центр аргументировал свою позицию необходимостью минимизации системных рисков: неконтролируемого роста объемов дебиторской задолженности прошлых лет, регулярного срыва сетевых графиков строительно-монтажных работ недобросовестными подрядчиками и необоснованного удорожания сметной стоимости объектов инфраструктуры.

Со стороны исполнительных органов регионов высказывались серьезные опасения и возражения касательно целесообразности столь жесткого нормативного регулирования.

3. **Ограничения, связанные со сложной геополитической обстановкой и лимитированностью бюджетных ресурсов.**

В современных условиях ключевым барьером на пути реализации масштабных инфраструктурных и инвестиционных проектов в рамках государственной программы выступает беспрецедентное усложнение внешней геополитической и макроэкономической обстановки на Крымском полуострове. Введение жестких международных финансовых санкций, волатильность ключевой ставки Банка России, нарушение логистических цепочек поставок строительных материалов и оборудования, а также прямые риски безопасности требуют от органов исполнительной власти принципиально иных подходов к антикризисному менеджменту.

Ситуация усугубляется объективными рамками ограниченности бюджетных ассигнований федерального бюджета, что диктует необходимость жесткой приоритизации расходов. В условиях, когда государству необходимо одновременно решать задачи восстановления поврежденной берегоукрепительной инфраструктуры после чрезвычайных ситуаций и завершать начатые социально значимые строительные программы в условиях их

объективного удорожания, возникает риск распыления ресурсов. Для органов государственного управления это становится сложным вызовом: как при заданных жестких лимитах финансирования сохранить высокую привлекательность Свободной экономической зоны (СЭЗ) для частных инвесторов и не допустить снижения темпов социально-экономического развития макрорегиона.

4. Управленческие рекомендации по повышению эффективности управления госпрограммой

Для обеспечения ритмичности финансирования и выполнения обновленных параметров госпрограммы, продленной во исполнение перечня поручений Президента РФ [5] и распоряжения Правительства РФ от 14.07.2025 № 1900-р до 2030 года [15] (с лимитом на 2026–2028 гг. в объеме **308,1 млрд рублей**) [3], необходима модернизация механизмов контроля и мотивации участников:

1. **Внедрение сбалансированной системы казначейского контроля.** В качестве компромиссного управленческого решения во исполнение поручений Президента РФ [5] с 2025 года Распоряжением Правительства РФ № 2473-р [16] был введен дифференцированный подход:

- *Расширенное казначейское сопровождение* (включающее ежемесячный выезд представителей казначейства на площадки и проверку фактов выполнения объемов работ) установлено исключительно для крупных объектов стоимостью более 3 млрд рублей (20 объектов).
- *Базовое казначейское сопровождение* введено для контрактов, заключенных до 2020 года, а также для 19 наиболее социально значимых, но менее дорогих объектов (КОС, набережные, водоводы) [17]. Данный опыт необходимо закрепить в общей методологии Минэкономразвития для всех инфраструктурных госпрограмм РФ.

2. **Перестройка системы юридической ответственности и мотивации подрядных организаций.** Органам исполнительной власти субъектов (Совету министров РК и Правительству Севастополя) необходимо уйти от практики

начисления штрафных санкций только за нарушение *финального* срока государственного контракта. Необходимо внедрение в госконтракты жестких условий промежуточной ответственности — начисление пени за каждый день просрочки выполнения конкретного этапа или вида работ, согласно утвержденному графику СМР. Это должно сопровождаться ведением региональных Реестров добросовестных подрядчиков для преференциального участия в закупках.

3. **Управление бюджетными лимитами на основе оперативного мониторинга.** В условиях ограниченности бюджетных ресурсов и необходимости их постоянной оптимизации Минстрою России как ответственному исполнителю необходимо шире применять механизм жесткого оперативного перераспределения средств внутри государственной программы. Так, при отсутствии утвержденной проектной документации по объекту на 1 марта или отсутствии заключенного госконтракта на 1 июля, лимиты должны мгновенно изыматься и направляться на опережающее финансирование объектов с высокими темпами СМР.

Государственная программа социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя выступает одним из наиболее эффективных примеров программно-целевого управления в Российской Федерации, демонстрируя беспрецедентный уровень кассового исполнения (99,8% в 2024–2025 гг.) и обеспечив кратный рост ключевых макроэкономических показателей полуострова. Вместе с тем, достижение стратегических целей до 2030 года требует ухода от сугубо формального «план-фактного» контроля со стороны ведомств.

Опыт трансформации механизмов контроля в 2025–2026 гг. через внедрение дифференцированного казначейского сопровождения, установление промежуточной ответственности подрядчиков за этапы СМР и гибкое оперативное перераспределение бюджетов доказывает, что эффективность государственного управления зависит от оперативности принятия решений ответственным

исполнителем. Данный управленческий инструментарий может служить универсальной моделью ГМУ и подлежит масштабированию на другие макрорегионы Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.03.2026). – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: consultant.ru (дата обращения: 11.06.2026).

2. О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов: Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.06.2026).

3. О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов: Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.06.2026).

4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 01.09.2026). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: consultant.ru (дата обращения: 20.06.2026).

5. Перечень поручений по итогам совещания по вопросам социально-экономического развития Республики Крым и Севастополя : утвержден Президентом РФ 20.02.2025 № Пр-319. – Текст: электронный // Официальный сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76306 (дата обращения: 21.06.2026).

6. Об утверждении перечня государственных программ Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 11.11.2010 № 1950-р (ред. от 27.12.2025). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: consultant.ru (дата обращения: 06.05.2026).

7. О системе управления государственными программами Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.05.2021 № 786 (ред. от 18.04.2025). – Текст: электронный // Собрание законодательства Российской Федерации. – URL: szrf.ru (дата обращения: 14.06.2026).

8. Об утверждении правил формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 15.05.2023 № 752. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 21. – Ст. 3724.

9. Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации за 2025 год: аналитический доклад. – Текст: электронный // Министерство экономического развития РФ: официальный сайт. – URL: economy.gov.ru (дата обращения: 05.07.2026).

10. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя»: Постановление Правительства Российской Федерации от 30.01.2019 № 63 (ред. от 27.12.2025). – Текст: электронный // Гарант: [информационно-правовой портал]. – URL: garant.ru (дата обращения: 10.06.2026).

11. Об утверждении комплексной государственной программы Российской Федерации «Строительство»: Постановление Правительства РФ от 30.09.2022 № 1730 (ред. от 13.07.2024). – Текст: электронный // Гарант: [информационно-правовой портал]. – URL: garant.ru (дата обращения: 15.06.2026).

12. Об утверждении Методики оценки эффективности реализации государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя»: Приказ Министерства экономического развития РФ от 15.04.2020 № 228. – Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: cntd.ru (дата обращения: 15.06.2026).

13. Об утверждении методики оценки качества financial управления при реализации государственных программ Российской Федерации: Приказ Министерства финансов РФ от 22.03.2024 № 111. – Текст: электронный // Официальный сайт Минфина России. – URL: https://minfin.gov.ru (дата обращения: 05.07.2026).

14. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя»: Постановление Правительства РФ от 27.12.2025 № 2181. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.07.2026).

15. О внесении изменений в перечень государственных программ Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2025 № 1900-р. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.07.2026).

16. О механизмах контроля за реализацией государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя» : Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2025 № 2473-р. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: consultant.ru (дата обращения: 15.06.2026).

17. О предельных уровнях софинансирования расходных обязательств субъектов РФ из федерального бюджета: Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2025 № 1898-р. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2026).

18. Государственная автоматизированная информационная система «Управление» (ГАС «Управление»): официальный портал. – URL: https://gasu.gov.ru (дата обращения: 15.06.2026). – Текст: электронный.

19. Государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет»: официальный портал. – URL:

https://budget.gov.ru (дата обращения: 15.06.2026). – Текст: электронный.

20. Совещание по вопросам социально-экономического развития Крыма и Севастополя (18 марта 2021 года): стенограмма доклада В. В. Путина. – Текст: электронный // Официальный сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65173 (дата обращения: 02.06.2026).

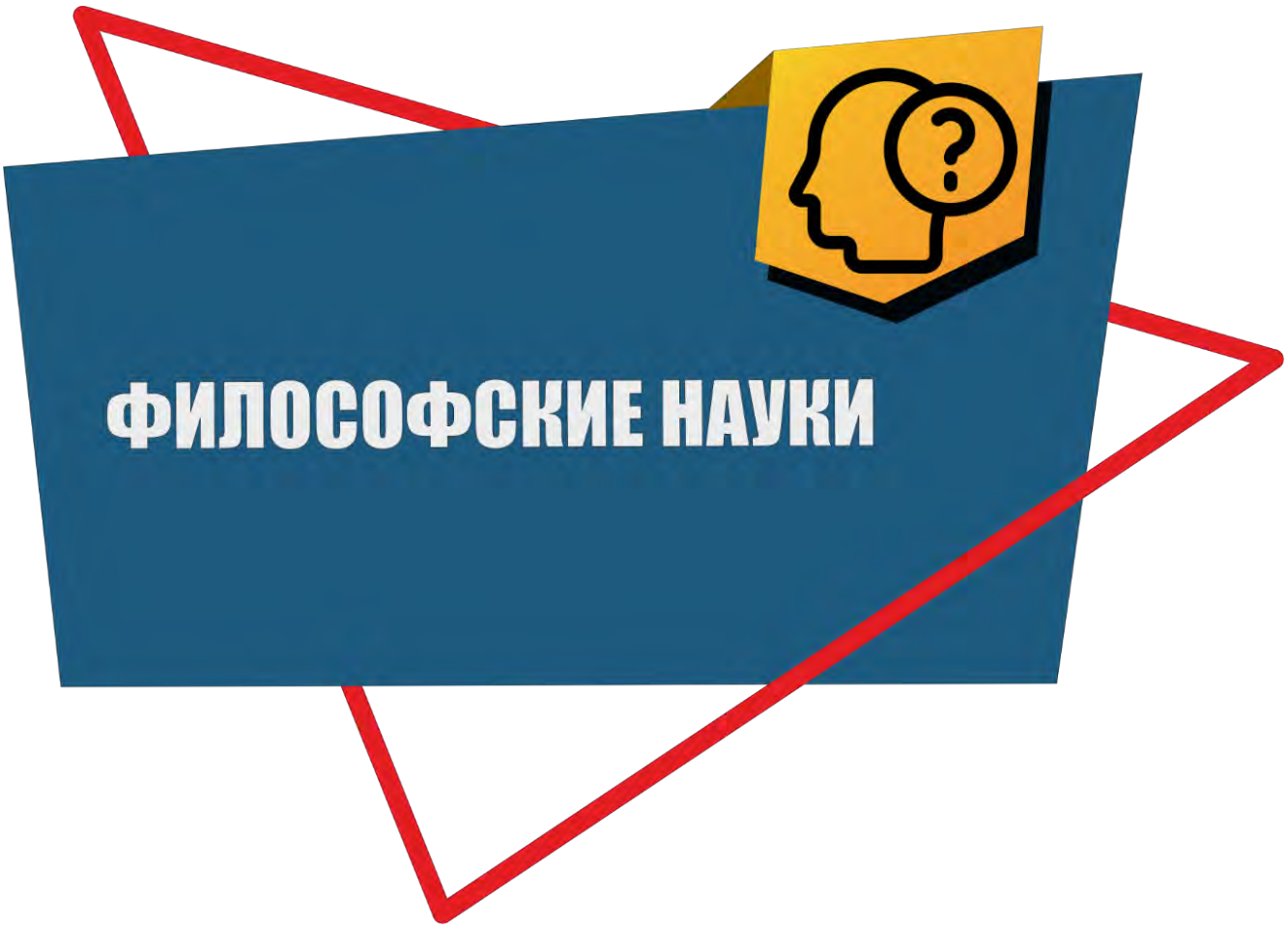
21. Афанасьев, М.С. Модернизация программно-целевого управления в РФ: от контроля затрат к управлению результатами / М.С. Афанасьев. – Текст: непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 3. – С. 45–62.

22. Добролюбова, Е.И. Оценка эффективности государственных программ: подходы к внедрению новой системы проектного контроля / Е. И. Добролюбова. – Текст: непосредственный // Экономическая политика. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 92–115.

23. Лавров, А.М. Развитие системы казначейского сопровождения как инструмент повышения financial дисциплины при исполнении госпрограмм / А. М. Лавров. – Текст: непосредственный // Финансы. – 2025. – № 2. – С. 14–23.

24. Сиваев, С.Б. Проблемы и ограничения государственного управления крупными инфраструктурными проектами на региональном уровне / С. Б. Сиваев. – Текст: непосредственный // Региональная экономика: теория и практика. – 2025. – Т. 23, № 1. – С. 77–93.

© Яцукова А.Г., 2026

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 316.7:004

Орлов А.С.

к. ист. наук, доцент, сотрудник Академии ФСО России,

г. Орёл, РФ

Лаврикова В.В.

студент, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет

им. И.С. Тургенева»,

г. Орёл, РФ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье рассматриваются позитивные и негативные аспекты влияния медиа на современного человека. Основные черты современного общества, которое переживает фундаментальные изменения, связанные с переходом к информационной цивилизации. Проведен философский анализ указанных процессов, позволяющий понять, как меняется человек под влиянием новой информационной среды.

Ключевые слова:

человеческое сознание, информацизация общества,

современный человек, философский анализ.

Влияние средств массовой информации на формирование личности носит противоречивый характер, сочетая в себе как позитивные, так и негативные аспекты. Философский анализ этой проблемы требует взвешенного подхода, учитывающего многообразие проявлений медиавоздействия.

Позитивные аспекты влияния СМИ.

Первым важным позитивным аспектом является расширение доступа к информации. Современные средства массовой информации предоставляют человеку беспрецедентные возможности для получения знаний о происходящем в мире. Благодаря развитию медиа, географические и временные барьеры перестали быть препятствием для получения информации. Человек может практически мгновенно узнавать о событиях, происходящих на другом конце света, получать доступ к образовательным ресурсам, культурным ценностям, научным достижениям.

Второй позитивный аспект – повышение уровня информированности и образованности общества. Средства массовой информации выполняют важную просветительскую функцию, распространяя научные знания, культурные достижения, передовой опыт. Документальные фильмы, образовательные программы, научно-популярные издания способствуют повышению общего культурного уровня населения, формированию научной картины мира.

Третий позитивный аспект связан с формированием гражданской позиции. СМИ предоставляют площадку для обсуждения общественно значимых проблем, способствуют формированию гражданского общества, обеспечивают обратную связь между властью и обществом. Через средства массовой информации граждане могут узнавать о своих правах и обязанностях, участвовать в обсуждении важных решений, контролировать деятельность властных структур.

Четвертый позитивный аспект – социализация личности. Средства массовой информации помогают человеку ориентироваться в социальном мире, усваивать социальные нормы, ценности, модели поведения. Через медиа происходит трансляция культурного опыта от поколения к поколению, формируется общая система координат, позволяющая людям понимать друг друга.

Пятый позитивный аспект связан с возможностями для самореализации. Современные медиа, особенно интернет и социальные сети, предоставляют человеку возможности для творчества, самовыражения, построения карьеры.

Каждый человек может стать создателем контента, выразить свою точку зрения, найти единомышленников.

Негативные аспекты влияния СМИ.

Одним из наиболее серьезных негативных аспектов является манипуляция сознанием. Средства массовой информации могут использоваться как инструмент манипуляции общественным мнением, навязывания определенных точек зрения, искажения реальности. Через отбор информации, способы ее подачи, использование специальных психологических приемов возможно формирование у аудитории нужных установок и оценок без осознания факта воздействия.

Второй негативный аспект – формирование потребительского отношения к жизни. Современные СМИ, особенно реклама, активно транслируют ценности потребительства, материального успеха, гедонизма. Человек начинает восприниматься прежде всего как потребитель, а смысл жизни сводится к удовлетворению материальных потребностей и желаний. Это ведет к духовной деградации личности, утрате высших смыслов и ценностей.

Третий негативный аспект связан с навязыванием ложных идеалов и стандартов. Средства массовой информации часто пропагандируют недостижимые стандарты красоты, успеха, образа жизни. Это приводит к формированию заниженной самооценки, чувства неполноценности, психологических проблем, особенно у молодежи. Человек начинает ощущать себя неудачником, если его жизнь не соответствует навязанным медиа стандартам.

Четвертый негативный аспект – информационная перегрузка и стресс. Постоянный поток информации, необходимость фильтровать огромные объемы данных, следить за новостями создают серьезную нагрузку на психику. Это ведет к хроническому стрессу, усталости, снижению концентрации внимания, тревожности. Феномен «информационной усталости» становится характерной чертой современного человека.

Пятый негативный аспект связан с подменой реальной жизни виртуальной.

Погружение в мир медиа, социальных сетей, виртуальной коммуникации ведет к ослаблению реальных социальных связей, отчуждению, одиночеству. Человек может иметь сотни «друзей» в социальных сетях, но при этом испытывать острый дефицит подлинного человеческого общения.

Шестой негативный аспект – распространение деструктивного контента. Через средства массовой информации может происходить пропаганда насилия, жестокости, экстремизма, деструктивных субкультур. Особенно опасно это воздействие для детской и подростковой аудитории, психика которой находится в стадии формирования и более восприимчива к негативным влияниям.

Седьмой негативный аспект связан с фрагментацией сознания. Клиповое мышление, формируемое современными медиа, особенно социальными сетями, ведет к утрате способности к глубокому осмыслению информации, критическому анализу, системному мышлению. Человек привыкает к поверхностному восприятию, коротким сообщениям, ярким заголовкам без содержания.

Таким образом, влияние средств массовой информации на личность носит амбивалентный характер. С одной стороны, СМИ открывают огромные возможности для развития, образования, социализации. С другой стороны, они несут серьезные риски манипуляции, духовной деградации, отчуждения [1]. Задача современного человека – научиться осознанному отношению к медиапотреблению, развивать критическое мышление, информационную культуру, сохранять способность к автономному мышлению и подлинному человеческому общению.

В свою очередь, современное общество переживает фундаментальные изменения, связанные с переходом к информационной цивилизации. Этот переход сопровождается глубокой трансформацией человеческого сознания, изменением способов восприятия мира, мышления, коммуникации. Философский анализ этих процессов позволяет понять, как меняется человек под влиянием новой информационной среды.

Одним из наиболее заметных проявлений трансформации сознания является изменение структуры мышления современного человека. Под влиянием цифровых медиа происходит переход от линейного, последовательного мышления к нелинейному, сетевому. Если традиционная книжная культура формировала способность к последовательному, логичному, глубокому осмыслению информации, то цифровая среда способствует развитию клипового мышления – фрагментарного, ассоциативного, поверхностного [2].

Клиповое мышление характеризуется рядом особенностей: восприятие информации короткими фрагментами, предпочтение визуального контента текстовому, быстрое переключение внимания, ассоциативность восприятия. С одной стороны, такое мышление позволяет быстро ориентироваться в огромных потоках информации, устанавливать неочевидные связи, творчески подходить к решению задач. С другой стороны, оно ведет к утрате способности к глубокому анализу, системному мышлению, длительной концентрации внимания.

Сегодня информационное общество радикально меняет восприятие времени и пространства [3]. Благодаря развитию средств коммуникации происходит «сжатие» пространства и времени – географические расстояния перестают быть препятствием для общения, информация распространяется практически мгновенно. Это формирует ощущение мира как единого целого, «глобальной деревни», где все связано со всем.

Одновременно происходит изменение темпорального сознания. Современный человек живет в режиме постоянного ускорения, многозадачности, необходимости успевать за быстро меняющимися событиями. Это ведет к феномену «дефицита времени», хронической спешке, неспособности остановиться и осмыслить происходящее. Прошлое и будущее как бы «схлопываются» в вечное настоящее, где главное – реакция на сиюминутные стимулы.

Информационное общество порождает новые формы идентичности. Если в традиционном обществе идентичность человека была относительно стабильной,

определяемой местом рождения, социальным статусом, профессией, то в цифровую эпоху идентичность становится множественной, гибкой, конструируемой. Особенно ярко это проявляется в социальных сетях, где человек создает свою виртуальную идентичность – образ себя, который может существенно отличаться от реального «Я». Человек может иметь несколько профилей в разных социальных сетях, презентуя разные грани своей личности. Это порождает феномен «расщепления идентичности», когда граница между реальным и виртуальным «Я» становится размытой.

С одной стороны, множественность идентичностей дает свободу самовыражения, возможность экспериментировать с образом себя, находить разные способы самопрезентации. С другой стороны, это может вести к потере ощущения подлинного «Я», кризису идентичности, психологическим проблемам.

Цифровые медиа радикально меняют характер человеческой коммуникации. Традиционное межличностное общение «лицом к лицу» все чаще замещается опосредованной цифровой коммуникацией. Это имеет серьезные последствия для социальной природы человека.

С одной стороны, цифровая коммуникация расширяет возможности для общения, позволяет поддерживать связи с людьми на расстоянии, находить единомышленников независимо от места проживания. С другой стороны, происходит обеднение коммуникации – утрачиваются невербальные компоненты общения (жесты, мимика, интонации), эмоциональная глубина, эмпатия. Виртуальное общение часто сводится к обмену короткими сообщениями, эмодзи, что не может заменить полноценного человеческого контакта.

Это ведет к парадоксальному феномену современного общества – человек может быть постоянно «на связи», иметь сотни «друзей» в социальных сетях, но при этом испытывать острое чувство одиночества, дефицита подлинной близости и понимания.

Информационное общество способствует трансформации системы ценностей.

Под влиянием медиа происходит усиление материалистических, гедонистических установок, культа успеха, индивидуализма. Традиционные ценности – духовность, семья, служение обществу – часто отходят на второй план, уступая место ценностям потребления, личного комфорта, самореализации.

Одновременно происходит релятивизация ценностей – размывание представлений об абсолютном добре и зле, истине и лжи. В информационном пространстве представлены самые разные точки зрения, системы ценностей, что может вести к толерантности и плюрализму, но также к ценностному нигилизму, потере нравственных ориентиров.

В условиях информационной цивилизации остро встает вопрос о сохранении человеческой сущности, подлинности человеческого бытия. Философский анализ показывает, что существует риск дегуманизации, когда человек все больше погружается в виртуальный мир, утрачивая связь с реальной жизнью, природой, другими людьми.

Задача современного человека – найти баланс между использованием возможностей информационных технологий и сохранением своей человеческой природы, способности к глубокому мышлению, подлинному общению, духовному развитию. Это требует осознанного отношения к медиапотреблению, развития критического мышления, информационной культуры, сохранения пространства для рефлексии, самопознания, подлинных человеческих отношений.

Таким образом, информационное общество порождает глубокую трансформацию человеческого сознания, затрагивающую все его аспекты – мышление, восприятие, идентичность, коммуникацию, ценности. Эта трансформация носит противоречивый характер, открывая новые возможности для развития, но одновременно создавая серьезные риски дегуманизации, отчуждения, утраты человеческой сущности. Философское осмысление роли СМИ в формировании человека показывает, что средства массовой информации стали неотъемлемой частью современной реальности, и вопрос заключается не в том,

чтобы оградить человека от их влияния, а в том, чтобы сформировать личность, способную к критическому осмыслению получаемой информации, автономному мышлению, осознанному выбору, сохранению своей человеческой природы в условиях цифровой цивилизации.

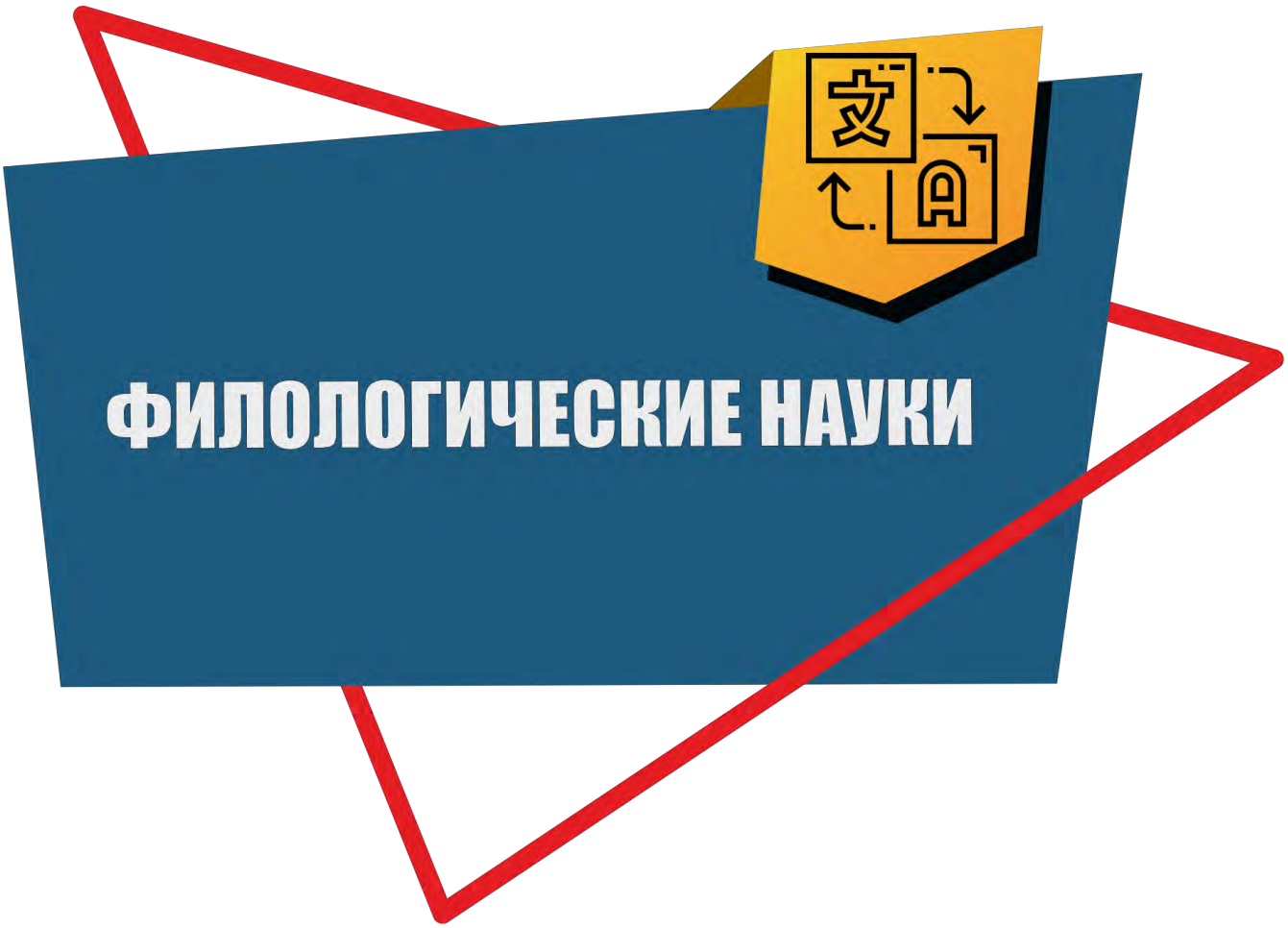
Список использованной литературы:

1. Герасимова, Д.В. Интернет и его влияние / Д.В. Герасимова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11-4. – С. 649-651.

2. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2021. – 328 с.

3. От «человека информационного» к «человеку цифровому» / А.С. Некрасов, С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова, В.В. Клепацкий // Вестник Университета Российской академии образования. – 2019. – № 3. – С. 4-10.

© Орлов А.С., Лаврикова В.В., 2026

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 8

Abamov Jumaguly,
lecturer
Rejebova Ogulkeyik,
lecturer
Atayeva Guljahan,
lecturer
Rejebova Zohre,
lecturer
Pedagogical school named after Hydyr Deryayev
Mary, Turkmenistan

METHODOLOGICAL FRAMEWORKS, APPLIED PEDAGOGICAL MODELS, AND MODERN INSTRUCTIONAL STRATEGIES IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Abstract

The continuous global integration of higher, vocational, and technical education requires a fundamental structural modernization of English Language Teaching (ELT) methodology. Traditional grammar-translation methods and rote memorization paradigms are increasingly recognized as insufficient for developing the dynamic communicative competence, intercultural adaptability, and domain-specific linguistic fluency demanded by contemporary global industries. Grounded in communicative language teaching (CLT), task-based language teaching (TBLT), task-based cognitive frameworks, and Krashen's input hypothesis, this article examines the structural architecture, operational mechanics, and instructional efficacy of modern English language teaching methodologies. The paper analyzes how immersive task-based learning, content and language integrated learning (CLIL), digital language laboratories, and interactive simulation protocols optimize cognitive processing, target language

acquisition, and practical communication skills. Furthermore, systemic implementation hurdles—including language anxiety, classroom multi-level proficiency gaps, faculty professional development needs, and authentic assessment alignment—are critically evaluated alongside evidence-based strategies for sustainable curriculum deployment. Ultimately, embedding structured, communicative methodologies in English language education transforms linguistic instruction into an interactive, student-centered, and outcome-driven engine of global mobility and professional competence.

Keywords:

english language teaching, instructional methodologies, communicative language teaching, task-based language teaching, content and language integrated learning, language acquisition, applied linguistics.

Introduction

English language proficiency serves as a critical bridge for academic collaboration, international trade, technological exchange, and cross-cultural communication in an increasingly interconnected world. Historically, English language instruction relied heavily on the traditional grammar-translation method, where language learning was treated as an analytical exercise centered on explicit rule memorization, mechanical sentence parsing, and literal text translation. While this classic approach provided basic structural awareness, it consistently produced learners who possessed explicit grammatical knowledge yet suffered from high communication apprehension, poor auditory comprehension, and an inability to maintain fluid verbal interactions in authentic professional settings. Consequently, contemporary educational reform emphasizes shifting English language pedagogy from static, rule-centric transmission toward dynamic, communicative frameworks that align with modern applied linguistics and second language acquisition (SLA) research.

Modern English language instructional frameworks rest on the core principle that language is most effectively acquired through meaningful, goal-oriented interaction

rather than passive memorization. Grounded in Stephen Krashen's input hypothesis, Merrill Swain's output hypothesis, and Michael Long's interaction hypothesis, effective language teaching methodologies intentionally scaffold learning environments to provide comprehensible, contextualized linguistic input while encouraging active output production. The modern English educator transitions from an authoritative grammar corrector to a communicative facilitator, cultural mediator, and task designer who creates immersive scenarios requiring functional language use. By integrating authentic audio-visual media, task-based collaborative projects, and technology-enhanced language learning tools, contemporary instructional methodologies cultivate genuine communicative competence, linguistic confidence, and long-term language retention.

Main Part

Implementing advanced English language teaching methodologies requires a deliberate instructional design workflow that systematically aligns learning objectives, interactive classroom tasks, and authentic performance evaluations. A central pillar of modern English pedagogy is the deployment of Task-Based Language Teaching (TBLT) and Content and Language Integrated Learning (CLIL), which anchor linguistic practice within authentic, real-world contexts and subject-matter learning. In a TBLT-structured classroom, learners work collaboratively to solve realistic problems—such as negotiating business agreements, presenting technical research, or troubleshooting customer service scenarios—using English as an active instrument for problem-solving rather than an isolated object of study. Furthermore, integrating specialized digital language laboratories and interactive speech-recognition software enables students to receive real-time diagnostic feedback on pronunciation, syntax, and listening comprehension in a supportive, low-anxiety environment.

The empirical literature evaluating modern English teaching methodologies across universities and vocational institutes demonstrates substantial linguistic, cognitive, and affective benefits. Research consistently confirms that communicative and task-based learning environments yield significantly higher speaking fluency, superior listening comprehension, and lower language anxiety compared to traditional grammar-centric

classrooms. By engaging in natural negotiation of meaning with peers, learners actively process target language structures at deeper cognitive levels, bridging the gap between implicit linguistic knowledge and real-time verbal performance. Moreover, the collaborative dynamics inherent in modern ELT cultivate critical soft skills, including cross-cultural empathy, strategic communication, active listening, and adaptive problem-solving across diverse professional contexts.

Despite these proven educational advantages, deploying communicative and task-based English methodologies presents notable structural, cultural, and operational challenges. English language faculties frequently encounter professional development gaps, as instructors trained under traditional methods may lack experience in facilitating open-ended, student-centered communicative tasks or integrating modern digital language tools. Additionally, institutional constraints such as large class sizes, rigid standardized grammar testing, and mixed-proficiency student groups create physical and administrative friction during classroom execution. From an evaluation perspective, measuring spontaneous communicative competence requires designing transparent, multi-dimensional rubric assessments rather than relying exclusively on discrete-point grammar exams. Overcoming these barriers demands sustained institutional support, continuous teacher training, flexible curriculum structures, and strategic investments in communicative learning spaces.

Conclusion

The systematic design and deployment of modern English language teaching methodologies represent an indispensable structural evolution in contemporary education, offering a proven, evidence-based pathway to raise linguistic proficiency and global capability. Reallocating traditional passive translation hours toward active task-based communication, content-integrated learning, and immersive digital practice directly aligns daily language instruction with modern applied linguistics and international workforce demands. The evidence clearly demonstrates that when English programs are engineered around robust, student-centered communicative frameworks, learners achieve unprecedented levels of speaking confidence, practical fluency, and

cross-cultural adaptability. While acquiring communicative teaching skills, updating classroom technology, and redesigning assessments demand continuous institutional investment, the long-term academic, economic, and cultural dividends far outweigh the operational challenges.

Looking toward the future of global language education, refining English instructional methodologies will remain vital for maintaining international competitiveness and human connection in a rapidly changing world. As artificial intelligence, real-time speech analytics, and immersive virtual reality environments continue to mature, language educators will gain increasingly sophisticated tools to personalize feedback and create authentic virtual immersion experiences. However, the heart of effective English language pedagogy remains fundamentally human-centered: utilizing innovative methodologies not to replace human dialogue, but to spark genuine communication, foster global understanding, and empower learners to navigate diverse linguistic landscapes. Educational leaders, curriculum developers, and language faculty must therefore prioritize sustained investments in modern teaching methodologies, ensuring that language programs remain vibrant, effective, and transformative pathways for human development.

References List:

1. Communicative Language Teaching: An Introduction, Littlewood, W., Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981.

2. Task-Based Language Teaching, Nunan, D., Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.

3. Principles and Practice in Second Language Acquisition, Krashen, S., Oxford, UK: Pergamon Press, 1982.

4. CLIL: Content and Language Integrated Learning, Coyle, D., Hood, P., & Marsh, D., Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010.

5. Techniques and Principles in Language Teaching, Larsen-Freeman, D., & Anderson, M., Oxford, UK: Oxford University Press, 2011.

© Abamov J., Rejebova O., Atayeva G., Rejebova Z., 2026

УДК 8

Begenjova Merjen,

lecturer

Turkmen National Institute of World Languages named after Dovletmammet Azadi.

Ashgabat, Turkmenistan

METHODOLOGICAL INNOVATIONS, APPLIED PEDAGOGICAL FRAMEWORKS, AND MODERN INSTRUCTIONAL STRATEGIES IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Abstract

The continuous global integration of higher, technical, and vocational education requires a fundamental structural modernization of foreign language pedagogy. Traditional grammar-translation methods and rote memorization paradigms are increasingly recognized as insufficient for developing the dynamic communicative competence, intercultural adaptability, and domain-specific linguistic fluency demanded by contemporary global industries. Grounded in communicative language teaching (CLT), task-based language teaching (TBLT), task-based cognitive frameworks, and Krashen's input hypothesis, this article examines the structural architecture, operational mechanics, and instructional efficacy of modern foreign language teaching methodologies. The paper analyzes how immersive task-based learning, content and language integrated learning (CLIL), digital language laboratories, and interactive simulation protocols optimize cognitive processing, target language acquisition, and practical communication. Furthermore, systemic implementation hurdles—including language anxiety, classroom multi-level proficiency gaps, faculty professional development needs, and authentic assessment alignment—are critically evaluated alongside evidence-based strategies for sustainable curriculum deployment. Ultimately, embedding structured, communicative methodologies in foreign language education

transforms linguistic instruction into an interactive, student-centered, and outcome-driven engine of global mobility and professional competence.

Keywords:

foreign language pedagogy, instructional methodologies, communicative language teaching, task-based language teaching, content and language integrated learning, language acquisition, vocational linguistics.

Introduction

Foreign language acquisition serves as a critical bridge for academic collaboration, international trade, technological exchange, and cross-cultural communication in an increasingly interconnected world. Historically, foreign language instruction relied heavily on the traditional grammar-translation method, where language learning was treated as an analytical exercise centered on explicit rule memorization, mechanical sentence parsing, and literal text translation. While this classic approach provided basic structural awareness, it consistently produced learners who possessed explicit grammatical knowledge yet suffered from high communication apprehension, poor auditory comprehension, and an inability to maintain fluid verbal interactions in authentic professional settings. Consequently, contemporary educational reform emphasizes shifting foreign language pedagogy from static, rule-centric transmission toward dynamic, communicative frameworks that align with modern applied linguistics and second language acquisition (SLA) research.

Modern foreign language instructional frameworks rest on the core principle that language is most effectively acquired through meaningful, goal-oriented interaction rather than passive memorization. Grounded in Stephen Krashen’s input hypothesis, Merrill Swain’s output hypothesis, and Michael Long’s interaction hypothesis, effective language teaching methodologies intentionally scaffold learning environments to provide comprehensible, contextualized linguistic input while encouraging active output production. The modern language educator transitions from an authoritative grammar

corrector to a communicative facilitator, cultural mediator, and task designer who creates immersive scenarios requiring functional language use. By integrating authentic audio-visual media, task-based collaborative projects, and technology-enhanced language learning tools, contemporary instructional methodologies cultivate genuine communicative competence, linguistic confidence, and long-term language retention.

Main Part

Implementing advanced foreign language teaching methodologies requires a deliberate instructional design workflow that systematically aligns learning objectives, interactive classroom tasks, and authentic performance evaluations. A central pillar of modern language pedagogy is the deployment of Task-Based Language Teaching (TBLT) and Content and Language Integrated Learning (CLIL), which anchor linguistic practice within authentic, real-world context and subject-matter learning. In a TBLT-structured classroom, learners work collaboratively to solve realistic problems—such as negotiating business agreements, presenting technical research, or troubleshooting customer service scenarios—using the target language as an active instrument for problem-solving rather than an isolated object of study. Furthermore, integrating specialized digital language laboratories and interactive speech-recognition software enables students to receive real-time diagnostic feedback on pronunciation, syntax, and listening comprehension in a supportive, low-anxiety environment.

The empirical literature evaluating modern foreign language methodologies across universities and vocational institutes demonstrates substantial linguistic, cognitive, and affective benefits. Research consistently confirms that communicative and task-based learning environments yield significantly higher speaking fluency, superior listening comprehension, and lower language anxiety compared to traditional grammar-centric classrooms. By engaging in natural negotiation of meaning with peers, learners actively process target language structures at deeper cognitive levels, bridging the gap between implicit linguistic knowledge and real-time verbal performance. Moreover, the collaborative dynamics inherent in modern language teaching cultivate critical soft skills,

including cross-cultural empathy, strategic communication, active listening, and adaptive problem-solving across diverse professional contexts.

Despite these proven educational advantages, deploying communicative and task-based language methodologies presents notable structural, cultural, and operational challenges. Foreign language faculties frequently encounter professional development gaps, as instructors trained under traditional methods may lack experience in facilitating open-ended, student-centered communicative tasks or integrating modern digital language tools. Additionally, institutional constraints such as large class sizes, rigid standardized grammar testing, and mixed-proficiency student groups create physical and administrative friction during classroom execution. From an evaluation perspective, measuring spontaneous communicative competence requires designing transparent, multi-dimensional rubric assessments rather than relying exclusively on discrete-point grammar exams. Overcoming these barriers demands sustained institutional support, continuous teacher training, flexible curriculum structures, and strategic investments in communicative learning spaces.

Conclusion

The systematic design and deployment of modern foreign language teaching methodologies represent an indispensable structural evolution in contemporary education, offering a proven, evidence-based pathway to raise linguistic proficiency and global capability. Reallocating traditional passive translation hours toward active task-based communication, content-integrated learning, and immersive digital practice directly aligns daily language instruction with modern applied linguistics and international workforce demands. The evidence clearly demonstrates that when language programs are engineered around robust, student-centered communicative frameworks, learners achieve unprecedented levels of speaking confidence, practical fluency, and cross-cultural adaptability. While acquiring communicative teaching skills, updating classroom technology, and redesigning assessments demand continuous institutional investment, the long-term academic, economic, and cultural dividends far

outweigh the operational challenges.

Looking toward the future of global language education, refining instructional methodologies will remain vital for maintaining international competitiveness and human connection in a rapidly changing world. As artificial intelligence, real-time speech analytics, and immersive virtual reality environments continue to mature, language educators will gain increasingly sophisticated tools to personalize feedback and create authentic virtual immersion experiences. However, the heart of effective foreign language pedagogy remains fundamentally human-centered: utilizing innovative methodologies not to replace human dialogue, but to spark genuine communication, foster global understanding, and empower learners to navigate diverse linguistic landscapes. Educational leaders, curriculum developers, and language faculty must therefore prioritize sustained investments in modern teaching methodologies, ensuring that language programs remain vibrant, effective, and transformative pathways for human development.

References List:

1. Communicative Language Teaching: An Introduction, Littlewood, W., Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981.

2. Task-Based Language Teaching, Nunan, D., Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.

3. Principles and Practice in Second Language Acquisition, Krashen, S., Oxford, UK: Pergamon Press, 1982.

4. CLIL: Content and Language Integrated Learning, Coyle, D., Hood, P., & Marsh, D., Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010.

5. Techniques and Principles in Language Teaching, Larsen-Freeman, D., & Anderson, M., Oxford, UK: Oxford University Press, 2011.

© Begenjova M., 2026

УДК 8

Nepesova Leyla,
lecturer
Seyitmuhammedov Davut,
student
Illekov Yusup,
student
International University of Industrialists and Entrepreneurs
Ashgabat, Turkmenistan

INNOVATIVE METHODOLOGIES, INTERACTIVE PEDAGOGICAL FRAMEWORKS, AND MODERN INSTRUCTIONAL TECHNOLOGIES IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Abstract

The continuous global expansion of higher, technical, and vocational education necessitates a comprehensive structural modernization of innovative English Language Teaching (ELT) methodologies. Traditional grammar-centric paradigms and rote learning exercises are increasingly insufficient for cultivating the dynamic communicative fluency, digital literacy, and cross-cultural adaptability required by contemporary global industries. Grounded in communicative language teaching (CLT), task-based language teaching (TBLT), computer-assisted language learning (CALL), and cognitive-constructivist frameworks, this article examines the structural architecture, operational mechanics, and instructional efficacy of modern English teaching methodologies. The paper analyzes how immersive task-based learning, content and language integrated learning (CLIL), digital language laboratories, and interactive simulation protocols optimize cognitive processing, target language acquisition, and practical communication capabilities. Furthermore, systemic implementation hurdles—including language anxiety, classroom multi-level proficiency gaps, faculty professional development

requirements, and authentic assessment alignment—are critically evaluated alongside evidence-based strategies for sustainable curriculum deployment. Ultimately, embedding structured, innovative methodologies in English language education transforms linguistic instruction into an interactive, student-centered, and outcome-driven engine of workforce readiness.

Keywords:

english language teaching, innovative methodologies, communicative language teaching, task-based language teaching, computer-assisted language learning, content and language integrated learning, educational technology.

Introduction

English language proficiency serves as a critical structural bridge for academic collaboration, international trade, technological exchange, and cross-cultural communication in an increasingly interconnected global economy. Historically, English language instruction relied heavily on traditional grammar-translation methods, where language learning was treated as an analytical exercise centered on explicit rule memorization, mechanical sentence parsing, and literal text translation. While this classic approach provided basic structural awareness, it consistently produced learners who possessed explicit grammatical knowledge yet suffered from high communication apprehension, poor auditory comprehension, and an inability to maintain fluid verbal interactions in authentic professional settings. Consequently, contemporary educational reform emphasizes shifting English language pedagogy from static, rule-centric transmission toward dynamic, communicative, and technology-enhanced frameworks that align with modern applied linguistics and second language acquisition (SLA) research.

Modern English language instructional frameworks rest on the core principle that language is most effectively acquired through meaningful, goal-oriented interaction rather than passive memorization. Grounded in Stephen Krashen’s input hypothesis,

Merrill Swain's output hypothesis, and Michael Long's interaction hypothesis, effective language teaching methodologies intentionally scaffold learning environments to provide comprehensible, contextualized linguistic input while encouraging active output production. The modern English educator transitions from an authoritative grammar corrector to a communicative facilitator, cultural mediator, and task designer who creates immersive scenarios requiring functional language use. By integrating authentic digital media, task-based collaborative projects, and interactive speech-recognition tools, contemporary instructional methodologies cultivate genuine communicative competence, linguistic confidence, and long-term language retention.

Main Part

Implementing advanced English language teaching methodologies requires a deliberate instructional design workflow that systematically aligns learning objectives, interactive classroom tasks, and authentic performance evaluations. A central pillar of modern English pedagogy is the deployment of Task-Based Language Teaching (TBLT) and Content and Language Integrated Learning (CLIL), which anchor linguistic practice within authentic, real-world contexts and subject-matter learning. In a TBLT-structured classroom, learners work collaboratively to solve realistic problems—such as negotiating business agreements, presenting technical research, or troubleshooting customer service scenarios—using English as an active instrument for problem-solving rather than an isolated object of study. Furthermore, integrating specialized digital language laboratories and interactive computer-assisted language learning platforms enables students to receive real-time diagnostic feedback on pronunciation, syntax, and listening comprehension in a supportive, low-anxiety environment.

The empirical literature evaluating modern English teaching methodologies across universities and vocational institutes demonstrates substantial linguistic, cognitive, and affective benefits. Research consistently confirms that communicative and task-based learning environments yield significantly higher speaking fluency, superior listening comprehension, and lower language anxiety compared to traditional grammar-centric

classrooms. By engaging in natural negotiation of meaning with peers, learners actively process target language structures at deeper cognitive levels, bridging the gap between implicit linguistic knowledge and real-time verbal performance. Moreover, the collaborative dynamics inherent in modern ELT cultivate critical soft skills, including cross-cultural empathy, strategic communication, active listening, and adaptive problem-solving across diverse professional contexts.

Despite these proven educational advantages, deploying communicative and task-based English methodologies presents notable structural, cultural, and operational challenges. English language faculties frequently encounter professional development gaps, as instructors trained under traditional methods may lack experience in facilitating open-ended, student-centered communicative tasks or integrating modern digital language tools. Additionally, institutional constraints such as large class sizes, rigid standardized grammar testing, and mixed-proficiency student groups create physical and administrative friction during classroom execution. From an evaluation perspective, measuring spontaneous communicative competence requires designing transparent, multi-dimensional rubric assessments rather than relying exclusively on discrete-point grammar exams. Overcoming these barriers demands sustained institutional support, continuous teacher training, flexible curriculum structures, and strategic investments in communicative learning spaces.

Conclusion

The systematic design and deployment of modern English language teaching methodologies represent an indispensable structural evolution in contemporary education, offering a proven, evidence-based pathway to raise linguistic proficiency and global capability. Reallocating traditional passive translation hours toward active task-based communication, content-integrated learning, and immersive digital practice directly aligns daily language instruction with modern applied linguistics and international workforce demands. The evidence clearly demonstrates that when English programs are engineered around robust, student-centered communicative frameworks, learners achieve unprecedented levels of speaking confidence, practical fluency, and

cross-cultural adaptability. While acquiring communicative teaching skills, updating classroom technology, and redesigning assessments demand continuous institutional investment, the long-term academic, economic, and cultural dividends far outweigh the operational challenges.

Looking toward the future of global language education, refining English instructional methodologies will remain vital for maintaining international competitiveness and human connection in a rapidly changing world. As artificial intelligence, real-time speech analytics, and immersive virtual reality environments continue to mature, language educators will gain increasingly sophisticated tools to personalize feedback and create authentic virtual immersion experiences. However, the heart of effective English language pedagogy remains fundamentally human-centered: utilizing innovative methodologies not to replace human dialogue, but to spark genuine communication, foster global understanding, and empower learners to navigate diverse linguistic landscapes. Educational leaders, curriculum developers, and language faculty must therefore prioritize sustained investments in modern teaching methodologies, ensuring that language programs remain vibrant, effective, and transformative pathways for human development.

References List:

1. Communicative Language Teaching: An Introduction, Littlewood, W., Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981.

2. Task-Based Language Teaching, Nunan, D., Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.

3. Principles and Practice in Second Language Acquisition, Krashen, S., Oxford, UK: Pergamon Press, 1982.

4. CLIL: Content and Language Integrated Learning, Coyle, D., Hood, P., & Marsh, D., Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010.

5. Techniques and Principles in Language Teaching, Larsen-Freeman, D., & Anderson, M., Oxford, UK: Oxford University Press, 2011.

© Nepesova L., Seyitmuhammedov D., Illekov Y., 2026

Валиева А.Н.

Студент 3 курса ФФ-м24РШз

Г. Самара, РФ

Научный руководитель: Белкина Ю.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ)

Г. Самара, РФ

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

Аннотация

В данной публикации исследуются теоретические базисы и прикладные инструменты обучения культуре речи в рамках старшей ступени общеобразовательной школы. Автор детализирует актуальные научно-методические векторы, направленные на конструирование устойчивых языковых навыков у старшеклассников, а также предлагает комплекс продуктивных дидактических упражнений, наглядных таблиц и блок-схем для качественного развития их коммуникативного потенциала.

Ключевые слова:

культура речи, лингводидактика, старшие классы, коммуникативная компетенция, речевое развитие старшеклассников.

Valieva Alfiya N.

Master’s Student of the Department of Methods of Teaching the Russian Language, Samara State University of Social and Education (SGSPU), Samara

e-mail: nasyrovaalfiya12091997@mail.ru

METHODOLOGICAL FRAMEWORK FOR IMPROVING SPEECH CULTURE AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS

Abstract

This article examines the theoretical foundations and applied instruments of teaching speech culture at the high school level. The author modernizes current linguistic and pedagogical vectors aimed at building sustainable language skills in senior students and proposes a system of productive didactic exercises, analytical tables, and flowcharts for the qualitative advancement of their communicative potential.

Keywords:

speech culture, linguodidactics, high school, communicative competence, speech development of high school students.

Введение

Вектор модернизации современного гуманитарного образования диктует необходимость пристального внимания к уровню владения словом у выпускников школ. Умение грамотно, логично и аргументированно излагать свои мысли выступает не просто маркером общей эрудиции и образованности человека, но и ключевым фактором его успешной интеграции в социум, а также фундаментом будущей профессиональной самореализации. В связи с этим оптимизация подходов к формированию осознанной речевой культуры в старших классах приобретает особую педагогическую значимость.

Theoretical Foundations of Teaching Speech Culture

Феномен речевой культуры в педагогической науке рассматривается как многоаспектная система, координирующая речевую деятельность человека. Традиционно в ее структуре, опираясь на классические лингвистические концепции Б. Н. Головина, выделяют три базовых взаимосвязанных компонента:

1. Нормативный критерий. Фокусируется на строгом соблюдении языковых

канонов (орфоэпических, лексических, грамматических и стилистических норм).

2. Коммуникативный параметр. Определяет способность говорящего гибко адаптировать языческие средства в зависимости от прагматических задач, контекста общения и целевой аудитории для достижения максимальной эффективности диалога.

3. Этический компонент. Регулирует использование национального речевого этикета, доброжелательность и соблюдение правил поведения в поликультурном пространстве.

Современные подходы к формированию речевой культуры

Трансформация подходов к преподаванию русского языка в старшей школе смещает акцент с механического заучивания правил на развитие функциональной грамотности. Согласно авторитетным академическим изданиям под редакцией М. Т. Баранова, профильное обучение культуре речи базируется на четырех ключевых направлениях. Для наглядности сопоставим традиционный и современный подходы к речевой работе в Таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ подходов к обучению культуре речи

Table 1. Comparative analysis of approaches to teaching speech culture

Критерии сравнения	Традиционный подход	Современный (компетентностный) подход
Доминирующая цель	Заучивание орфоэпических и грамматических правил	Развитие гибкой функциональной грамотности
Роль старшеклассника	Пассивный слушатель, выполняющий репродуктивные тесты	Активный субъект коммуникации, создатель текстов
Приоритет в материале	Изолированные искусственные предложения	Живые разножанровые текстовые массивы
Ожидаемый результат	Знание норм «на бумаге»	Свободная социальная и профессиональная адаптация

Практические аспекты методики

Достижение высоких образовательных результатов невозможно без внедрения интерактивных и репродуктивно-поисковых технологий. По заветам

известного методиста Т.А. Ладыженской, развитие речи должно носить строго прикладной характер. Наиболее жизнеспособными дидактическими приемами на уроках в старших классах выступают контекстный разбор текстов, лингвистическое редактирование и продуктивное текстотворчество.

Процесс организации практической работы над речевым развитием старшеклассников целесообразно строить поэтапно (см. рис. 1).

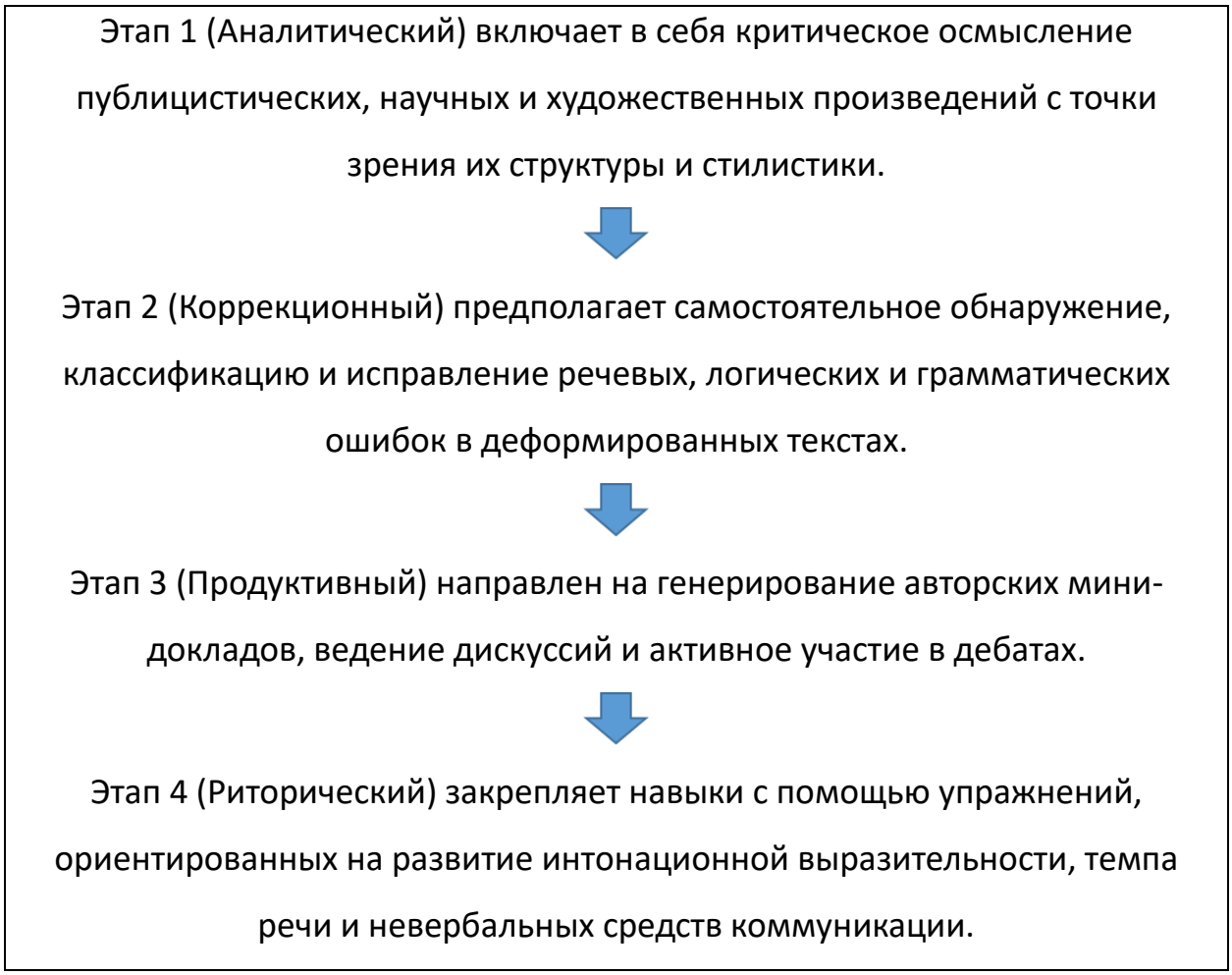

Рисунок 1 – Образец блок-схемы поэтапного развития речевых умений старшеклассников

Fig. 1. Flowchart of step-by-step development of high school students' speech skills

Заключение

Процесс совершенствования культуры речи на финальном этапе школьного обучения — это многовекторная и системная деятельность, требующая от педагога

гармоничного сочетания теоретического материала с постоянным речевым тренингом. Реализация предложенного комплекса методических шагов позволяет не только повысить успеваемость старшеклассников, но и заложить прочный фундамент для формирования зрелой, коммуникативно успешной личности.

Примечания

[1] Под функциональной грамотностью в данном контексте понимается способность выпускника эффективно использовать языковые ресурсы для решения реальных жизненных и профессиональных задач.

[2] Интерактивные методы предполагают организацию многосторонней коммуникации на уроке, где учащиеся взаимодействуют не только с учителем, но и друг с другом.

Список использованной литературы:

1. Введенская, Л.А. Русский язык и культура речи : учебное пособие для вузов / Л. А. Введенская, М.Н. Черкасова. – 14-е изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. – 380 с.

2. Головин, Б.Н. Основы культуры речи: учебник для вузов по специальности «Русский язык и литература» / Б. Н. Головин. – 2-е изд., испр. – Москва: Высшая школа, 1988. – 319 с.

3. Методика развития речи на уроках русского языка: книга для учителя / Т.А. Ладыженская, Т.С. Зиновьева, О.М. Казарцева [и др.]; под редакцией Т.А. Ладыженской. – 2-е изд., испр. – Москва: Просвещение, 1991. – 240 с.

4. Методика преподавания русского языка в школе: учебник для студентов высших педагогических учебных заведений / М.Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т.А. Ладыженская, М. Р. Львов; под редакцией М.Т. Баранова. – Москва: Академия, 2001. – 368 с.

5. Культура русской речи: учебник для вузов / С. И. Виноградов, Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев [и др.]; под редакцией Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. – Москва: Норма: Инфра-М, 1999. – 549 с.

© Валиева А.Н., 2021

УДК 81

Лесовщикова А.А.

Бакалавр 4 курса

г. Иваново, РФ

Мощева С.В.

д.филол.наук, доцент

г. Иваново, РФ

РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС: ДЕКЛАРАТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

Аннотация

Статья посвящена проблематике использования декларативных речевых актов в рекламном дискурсе. Отмечается полифункциональный характер деклараторов, обращая внимание на роль контекста, который относится к неязыковому фактору и влияет на смысл фразы. Лингвистическая прагматика и теория речевых актов принимаются авторами в качестве эффективного научного метода для анализа коммуникативной интенции.

Ключевые слова:

рекламный дискурс, декларатив, полифункциональный характер, речевой акт.

Значимость обращения к декларативным речевым актам в коммерческом и социальном рекламном дискурсе обусловлена двумя факторами: слабой разработанностью вопроса о том, как именно этот класс речевых актов функционирует в данных типах дискурса, и потребностью эмпирически проверить предположение о том, что декларации обладают одновременно несколькими функциями и разнонаправленными интенциями. Эти интенции отчётливо актуализируются в конкретных коммуникативных условиях. В качестве методологической основы для исследования авторы использует аппарат

лингвистической прагматики и теорию речевых актов.

В классической трактовке назначение деклараций состоит в том, чтобы полномочное лицо изменило статус обозначенного объекта: присвоило имя, дало дефиницию, произвело назначение, выдвинуло обвинение, утвердило повестку или открыло заседание. Ключевой характеристикой деклараций выступает то, что сам факт совершения акта приводит к установлению соответствия между пропозициональным содержанием высказывания и действительностью; при успешной реализации акта это соответствие становится объективным.

В рекламном дискурсе использование перформативных глаголов декларативного класса почти всегда сопровождается яркой эмоциональной маркировкой. Это наглядно демонстрируют примеры из экспериментального корпуса: 1. We name Volkswagen – Small wonder!; 2. VICHY declares war on wrinkles; 3. I now pronounce BMW – the ultimate driving machine!; 4. I christen this car 'FORD'!!!; 5. Назначаю Здоровье и Красоту хозяйками нового весеннего сезона; 6. Я объявляю войну весенней усталости!

Нередко синтаксическая форма предложения не позволяет однозначно выявить декларативное намерение продуцента: пропозициональное содержание и иллокутивная сила оказываются настолько тесно переплетёнными, что «языковых конвенций недостаточно для их чёткого разграничения» [2, с.15]. К таким случаям относятся фразы «Вы выиграли!» и «Вы победили в борьбе за чистоту!». С одной стороны, их можно трактовать как декларативы, в которых перформативная часть («я заявляю», «я декларирую») выражена имплицитно, а пропозициональная — эксплицитно. С другой стороны, в этих высказываниях отчётливо проявляется и иллокуция ассертивов. Чтобы определить доминирующую иллокутивную цель, необходимо учитывать, обладает ли говорящий достаточным статусом и полномочиями в данной коммуникативной ситуации [4].

Дж. Серль, выстраивая таксономию речевых актов, указывал на то, что отдельные элементы деклараций могут одновременно относиться и к классу репрезентативов (ассертивов). Это объясняется тем, что в ряде социальных практик

для удостоверения фактов требуется вмешательство авторитетного лица, которое своим высказыванием фактически фиксирует положение дел. Иными словами, сами социальные конвенции предполагают, что именно авторитетные субъекты совершают иллокутивные акты, обладающие декларативной силой. В таких случаях, которые Дж. Серль обозначает как репрезентативы-директивы, иллокутивная цель репрезентатива подкрепляется декларативной силой высказывания [5, с.187].

Полиинтенциональность деклараторов усложняет коммуникацию: успех коммуникативного события во многом зависит от того, сумеет ли реципиент распознать ожидаемую реакцию, заложенную в высказывании. Говорящий несёт ответственность за ясность своего намерения: сама природа речевого акта требует, чтобы это намерение было сделано максимально прозрачным [6]. Речевая интенция формируется заранее как часть коммуникативной стратегии, и в зависимости от неё автор выбирает либо прямые, либо косвенные способы выражения смысла. Способность адресата верно интерпретировать интенцию определяется его языковым опытом и уровнем коммуникативной компетенции.

Как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова, нередко говорящие сознательно отходят от стандартных коммуникативных правил, чтобы выразить смысл косвенным образом, при этом оставаясь заинтересованными в том, чтобы сообщение было правильно понято. Основной принцип интерпретации в таких случаях состоит в том, что отклонения затрагивают лишь поверхностное, буквальное значение высказывания, тогда как его глубинное содержание остаётся в рамках коммуникативных максим. Адресат исходит из «допущения, что эти максимы позволяют выявить скрытый смысл (conveyed meaning)» [1, с.27].

Распознавание косвенных речевых актов, построенных с использованием метафоры, иронии, гиперболы и литоты (а значит, связанных с нарушением постулата качества), возможно только при наличии общего когнитивного и культурного фона у продуцента и реципиента. Иначе речевой акт рискует оказаться дефектным: адресат не сможет корректно декодировать заложенное значение. По

мнению Дж. Лакоффа, сочетание нескольких подобных актов нередко призвано подтолкнуть получателя сообщения к двойной интерпретации. При этом «решающую роль в различении буквального и подразумеваемого смысла играет контекст» [3, с.464].

Таким образом, выявление интенционального компонента высказывания — это многоплановый процесс, на который влияет целый комплекс факторов коммуникативной ситуации. Он не сводится к простой идентификации иллокуции отдельного речевого акта. Эта позиция согласуется с нашим подходом к анализу интенций в высказываниях.

В манипулятивном дискурсе, к которому относится реклама, декларативные высказывания регулярно приобретают экспрессивную окраску. Именно эта эмоциональная маркированность позволяет продуценту задействовать декларативы как инструмент усиления речевого воздействия и целенаправленного формирования перлокутивного эффекта.

Список использованной литературы:

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып.16. С. 3-42.

2. Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 7-21.

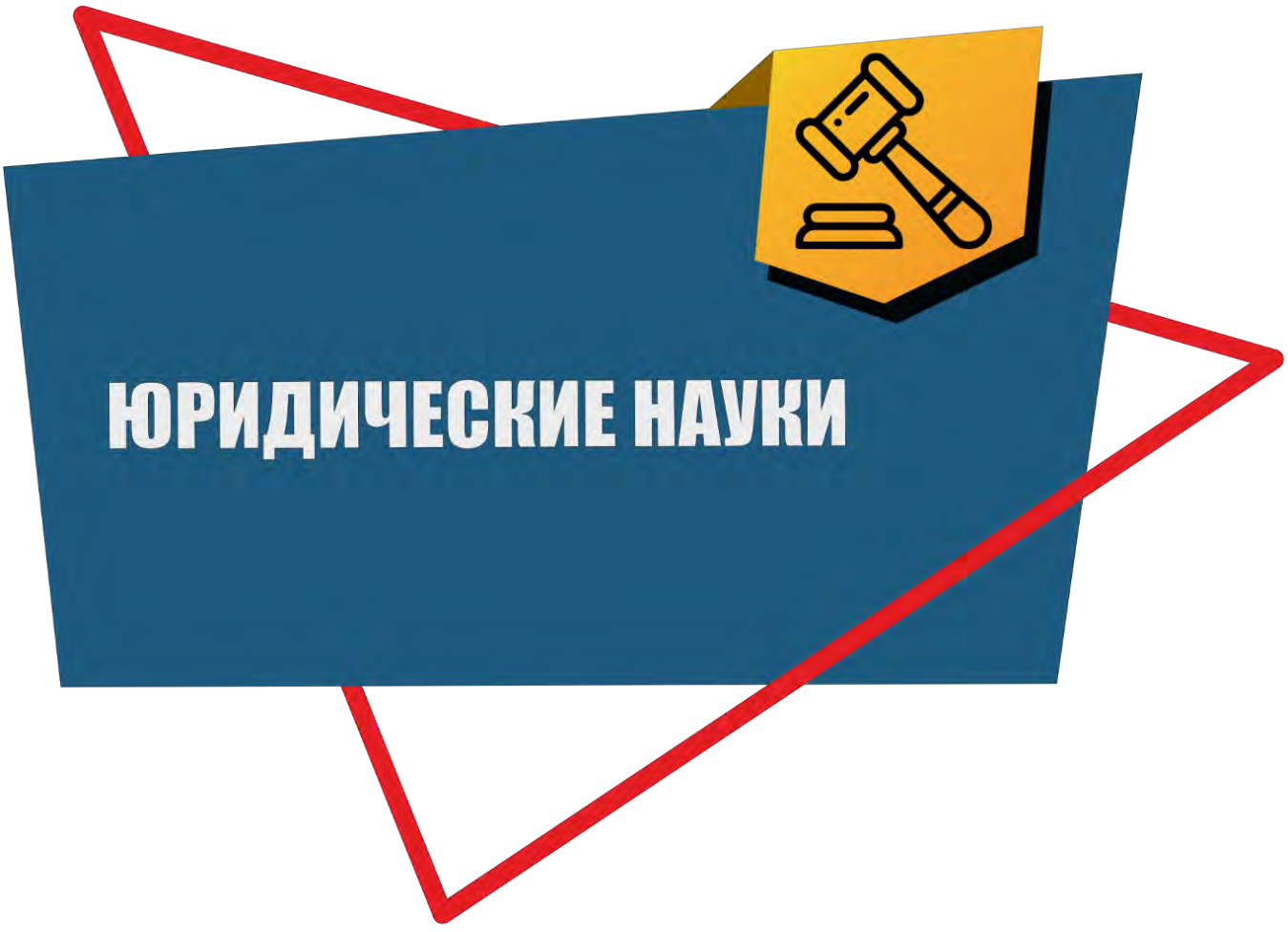
3. Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 439-470.

4. Мощева С.В. Языковые особенности современных масс-медиа (на материале русскоязычных рекламных текстов)// Перспективы науки и образования. №1 (7). 2014, с. 248-251.

5. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170-194.

6. Стронсон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 131-150.

© Лесовщикова А.А., Мощева С.В., 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 4414

Андрющенко К.А.

студент 3 курса ФГБОУ ВО «КубГУ»,

г. Краснодар, РФ

ОБЖАЛОВАНИЕ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СРОКИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Аннотация

Исследуются способы обжалования мер процессуального принуждения в КАС РФ. Предложена авторская модель оценки эффективности защиты по критериям самостоятельности затронутого интереса и обратимости последствий. Обоснованы предложения об уточнении ст. 117 КАС РФ, самостоятельной жалобе на удаление из заседания и оперативном разрешении ходатайства о приостановлении исполнения определения о приводе.

Ключевые слова:

административное судопроизводство; меры процессуального принуждения; частная жалоба; судебный штраф; удаление из зала судебного заседания; привод; судебная защита.

CHALLENGING PROCEDURAL COERCIVE MEASURES IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: TIMEFRAMES AND EFFECTIVENESS

Abstract

This research examines methods for challenging procedural coercive measures under the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation. The author proposes a model for evaluating the effectiveness of legal protection, based on criteria concerning the distinct nature of the affected interest and the reversibility of the

consequences. Furthermore, the study substantiates proposals to refine Article 117 of the Code, to allow for a separate appeal against removal from a court hearing, and to ensure the prompt resolution of motions to stay the execution of a court order for compulsory appearance.

Keywords:

administrative judicial proceedings; procedural coercive measures; interlocutory appeal; judicial fine; removal from a hearing; compulsory attendance; judicial protection.

Общее правило статьи 314 КАС РФ предусматривает пятнадцатидневный срок подачи частной жалобы со дня вынесения определения судом первой инстанции. Оно применяется к приводу и обязательству о явке с учетом специальных сроков для отдельных категорий дел. Для судебного штрафа часть 3 статьи 123 устанавливает особый срок – один месяц со дня получения копии определения. Месяц нельзя заменять тридцатью днями, а момент получения копии – моментом объявления акта.

Течение процессуального срока начинается по правилам статьи 92 КАС РФ на следующий день после соответствующей даты или события. В процессуальные сроки, исчисляемые днями, по общему правилу включаются рабочие дни, если законом не установлены исключения для определённых категорий дел. При обжаловании штрафа существенны дата получения копии определения и обстоятельства её доставки; разъяснения по этому вопросу содержатся в пункте 22 постановления Пленума № 21.

По статье 315 КАС РФ частные жалобы по общему правилу рассматриваются без судебного заседания, однако суд вправе вызвать лиц с учётом характера и сложности вопроса, доводов жалобы и возражений. Полагаем, это связано не только с необходимостью установления мнения лиц, но и с открытостью административного судопроизводства [2, с. 44]. При этом следует учитывать

разъяснения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 5 о производстве в суде апелляционной инстанции. Письменная проверка может быть достаточной при документально установленных фактах, но ограничена при споре о репликах, последовательности предупреждений или причинах неисполнения требования. Первоначальное наложение судебного штрафа регулируется специальными правилами статьи 123 КАС РФ.

Проверка должна охватывать законное основание меры, доказанность значимых обстоятельств, соблюдение процедуры и соразмерность. Протокол и аудиозапись позволяют сопоставить описание нарушения с ходом заседания. Замечания на протокол устраняют недостатки фиксации, но не заменяют жалобу на законность воздействия. Для обязательства о явке существенны обязательность участия и необходимость дополнительного обеспечения; для привода – специальные условия статьи 120; для штрафа – конкретное нарушение и обоснованность размера.

Определение о приводе подлежит незамедлительному направлению для исполнения; пункт 14 постановления Пленума № 21 допускает приостановление его исполнения при обжаловании. Таким образом, новым предлагается не само приостановление, а оперативный порядок разрешения ходатайства о нём. В качестве направления совершенствования закона можно предусмотреть безотлагательное рассмотрение ходатайства судом, уполномоченным решать вопрос о приостановлении, с незамедлительной передачей копии определения и минимально необходимых материалов посредством электронного взаимодействия. Конкретные сроки, компетенция и способ уведомления исполнителя требуют отдельной нормативной регламентации. Автоматическое приостановление при одной лишь подаче жалобы могло бы затруднить разбирательство.

По статье 316 КАС РФ суд вправе оставить определение без изменения либо отменить его полностью или частично и разрешить вопрос по существу. Отмена и

восстановление последствий исполнения различаются: имущественное взыскание допускает возврат, тогда как утраченное участие в конкретном заседании требует иных гарантий. Поэтому эффективность защиты определяется не только возможностью подать жалобу, но и своевременностью ее рассмотрения [1, с. 11].

Предлагается оценивать эффективность судебного контроля по двум критериям: самостоятельности затронутого интереса и обратимости последствий. Первый показывает, возможно ли защитить интерес адресата независимо от исхода основного спора. Второй говорит о том, в какой мере отмена меры способна восстановить положение лица. Так, возврат взысканного штрафа может компенсировать имущественное последствие, тогда как отмена уже исполненного привода или удаления не возвращает утраченную возможность свободно передвигаться либо присутствовать в конкретном заседании. Эти критерии не являются установленными законом условиями допустимости частной жалобы.

Кроме того, следует согласовать части 3 и 4 статьи 117 КАС РФ и соответствующие судебные разъяснения. Для предупреждения целесообразно прямо закрепить протокольную фиксацию, отражение возражений и отложенную проверку, включая оценку предупреждения при пересмотре последующей меры, если оно использовано в ее обосновании.

Также предлагается прямо предусмотреть самостоятельную частную жалобу на определение об удалении из судебного заседания, в том числе, когда мера реализуется посредством прекращения дистанционного участия. Для этого необходимо установить оформление удаления отдельным определением и предоставить право жалобы непосредственно адресату, включая присутствовавшее в открытом заседании лицо, не участвующее в деле. Его полномочия при рассмотрении жалобы должны ограничиваться вопросом о законности меры. Подача жалобы не должна автоматически приостанавливать основное производство.

Полагаем, следует законодательно урегулировать безотлагательное

разрешение ходатайства о приостановлении исполнения определения о приводе. Применительно к пересмотру судебного штрафа предлагается дополнить процессуальные гарантии требованием мотивировать отказ в вызове заявителя, если тот указал конкретные спорные обстоятельства, которые нельзя достоверно установить только по письменным материалам. Эти предложения относятся к возможным изменениям закона, а не к уже действующим специальным процедурам.

Таким образом, сочетание самостоятельного и отложенного пересмотра может обеспечивать судебную защиту лишь при учёте характера ограниченного интереса и возможности восстановления положения адресата. Уточнение статьи 117, самостоятельная жалоба на удаление и оперативное рассмотрение вопроса о приостановлении привода позволили бы усилить гарантии без лишения суда полномочий поддерживать порядок. Предлагаемая модель служит инструментом оценки эффективности защиты, а не заменой предусмотренных КАС РФ оснований обжалования.

Список использованных источников

1. Опалев Р. О. Процессуальное принуждение при рассмотрении административных дел // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 2. С. 5–12.

2. Потапенко С. В. Информационная открытость и гласность административного судопроизводства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 4. С. 40–45.

© Андрющенко К.А., 2026

УДК 343.352

Володина М.А.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (СГУ). г. Саратов

Научный руководитель: Громов В.Г.

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (СГУ). г. Саратов

ПРЕДМЕТ ВЗЯТКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация

В статье анализируются проблемы определения предмета взятки по ст. 290, 291, 291.1 и 291.2 УК РФ: соотношение уголовно-правовых и гражданско-правовых категорий, выгоды неимущественного характера, криптовалюта, оплаченные третьим лицом услуги и разграничение взятки и подарка.

Ключевые слова:

предмет взятки, услуги имущественного характера, неимущественная выгода, цифровая валюта, денежная оценка взятки.

Предмет взятки представляет из себя обязательный признак состава, предусмотренных ст. 290, 291, 291.1 и 291.2 УК РФ: от него зависят наличие состава, квалифицированные виды по размеру взятки и отграничение от мелкого взяточничества. Рассматривая взятку как предмет взяточничества оно является одним из наиболее сложных и трудно определяемых признаков преступления [5, с. 56].

Из части 1 ст. 290 УК РФ под предметом взятки понимаются: деньги, ценные

бумаги, иное имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление иных имущественных прав. Данная формулировка регламентирована Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ вместо прежних «выгод имущественного характера» [5, с. 58]. Не развивается имущественный характер взятки, неимущественная услуга, например благоприятный отзыв в СМИ, взяточничества не образует [1, с. 378]. Пленум Верховного Суда РФ в п. 9 постановления от 9 июля 2013 г. № 24 требует, чтобы предмет взятки получил денежную оценку на основании доказательств, при необходимости с учетом заключения специалиста или эксперта.

Зачастую предметом взятки выступают деньги, и их квалификация трудностей, как правило, не вызывает [3, с. 50]. Так, приговором Гуковского городского суда Ростовской области от 21.10.2016 по делу № 2-628/2016 должностное лицо осуждено по ч. 3 ст. 290 УК РФ за получение денег за не составление протоколов по ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ [3, с. 49–50]. Из ст. 128 ГК РФ относит безналичные средства и цифровые права к объектам гражданских прав, преступление окончено с момента поступления средств на счет или электронный кошелек [1, с. 375]. З.Р. Рахматулин, анализируя приговор по делу № 1-328/2014 от 9 декабря 2014 г. об осуждении начальника отряда исправительного учреждения по ч. 1 ст. 290 УК РФ за получение многофункционального устройства, усматривает здесь отсутствие личной выгоды, поскольку вещь могла служить работе [6, с. 44–45]. Сама по себе корысть выражается в обращении вещи в обладание должностного лица, но намерение использовать ее для службы на квалификацию не влияет.

Более сложная категория услуг имущественного характера. Пленум относит к ним ремонт квартиры, строительство дачи, прощение долга и исполнение обязательств перед третьими лицами. Закон не дает считать взяткой выполнение работ [7]. Так автор П.С. Яни предупреждал, что узкое толкование выведет за пределы ст. 290 УК РФ бесплатное строительство и прощение долга [8, с. 19].

Так как расширительное толкование противоречит ч. 1 ст. 3 УК РФ, необходимо

указать в ч. 1 ст. 290 УК РФ на незаконное выполнение работ и освобождение от имущественных обязательств [3, с. 50].

Нераскрыт вопрос о выгодах неимущественного характера. А.В. Дябденков считает, что «неправомерное преимущество» в ст. 15 и 18 Конвенции ООН против коррупции, предлагает включить в ст. 290 УК РФ услуги неимущественного характера и «незаконные преимущества» [3, с. 50–51], что, по мнению Н.А. Жидик, упростит расследование [4, с. 78].

З.Р. Рахматулин считает необходимо охватить выгоды, которые «приводят возможность получения выгод имущественного содержания в последующем» [6, с. 46]. Многие авторы указывают на невозможность денежной оценки таких благ [5, с. 59]. Расширение нарушило бы конструкцию ст. 290 УК РФ, построенную на размере взятки, а понятие «незаконное преимущество» без легального определения создает неопределенность. Предпочтительнее самостоятельная норма о вымогательстве или получении должностным лицом выгод неимущественного характера с санкцией, не зависящей от размера предмета.

Редким случаем бывает спор об услугах сексуального характера. В случаи если они оплачены третьим лицом и должностное лицо об этом знало, «предметом взятки здесь будет не сама услуга, а полученная должностным лицом материальная выгода» [1, с. 379].

Т.Е. Белодед рассматривает оценку таких услуг по расценкам «черного рынка», признавая, однако, сомнительность подобных доказательств [2, с. 137–138]. Так размер взятки определяется фактически уплаченной суммой. Вымогательство же услуг у самого заинтересованного лица ст. 133 УК РФ бывает крайне редко [1, с. 379], что подтверждает потребность в предложенной норме.

Формирование нового вида предмета стала цифровая валюта, которую ч. 5 ст. 14 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ признает имуществом для целей антикоррупционного законодательства; ее получение следует квалифицировать как получение иного имущества.

Проблема проявляется в оценке, так средний курс криптобирж неустойчив [1, с. 377]. Необходимо опираться на фактические операции, как это сделано в заочном решении Курганского городского суда Курганской области от 8 августа 2023 г. по делу № 2-8033/2023, где полученный осужденным по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ биткоин расценен как переход права собственности на виртуальные активы, а сумма взыскания по ст. 167, 169 ГК РФ определена по результату обмена на рубли. Разумно рассмотреть постановление Пленума № 24, что размер такой взятки определяется по курсу на момент получения доступа к валюте, а при ее конвертации может учитываться фактически полученная сумма.

Остается коллизия в разграничении взятки и подарка, согласно пп. 3 п. 1 ст. 575 ГК РФ допускает обычные подарки служащим до трех тысяч рублей, тогда как п. 6 ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 79-ФЗ запрещает их получение в связи с исполнением обязанностей. Важно признать критерии Б.В. Волженкина: вознаграждение является взяткой независимо от размера при вымогательстве, за незаконные действия или при характере подкупа [1, с. 380; 5, с. 61]. С введением ст. 291.2 УК РФ малозначительность (ч. 2 ст. 14 УК РФ) возможна лишь при явно незначительной благодарности.

В заключении необходимо предложить дополнить ч. 1 ст. 290 УК РФ указанием на выполнение работ и освобождение от имущественных обязательств, разъяснить в постановлении Пленума № 24 порядок оценки цифровой валюты и оплаченных третьим лицом услуг, а также обсудить самостоятельную норму о вымогательстве должностным лицом выгод неимущественного характера.

Список использованной литературы:

1. Асатрян Х.А., Христюк А.А. Проблемы определения предмета взяточничества и особенности его выявления в современных реалиях // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – № 3. – Том 16. – С. 374-383.

2. Белодед Т.Е. К вопросу о предмете получения взятки // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 6-2 (105). – С. 134-139.

3. Дябденков А.В. Проблема определения предмета взятки // Juvenis scientia. – 2017. – № 12. – С. 49-52.

4. Жидик Н.А. Отсутствие преимуществ нематериального характера в предмете взятки // Альманах мировой науки. – 2016. – № 12-2 (15). – С. 78-79.

5. Изосимов С.В., Гейвандов Э.А. Предмет взяточничества: проблемы определения содержания // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 4. – С. 56-63.

6. Рахматулин З.Р. Предмет взятки: проблемы определения // Эпоха науки. – 2019. – № 19. – С. 43-46.

7. Тюнин В.И. Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) // Российская юстиция. – 2011. – № 8. – С. 28-34.

8. Яни П.С. Вопросы квалификации взяточничества // Законность. – 2013. – № 3. – С. 16-21.

© Володина М.А., 2026

УДК 34

Дручинина Т.А.

магистрант 3 курса СибЮУ,

г. Омск, Россия

ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация

Корпоративное право регулирует правовую базу и нормативные акты, которыми руководствуются при создании, функционировании и роспуске корпораций. На современном этапе существует несколько неотложных вопросов, которые необходимо решить для обеспечения эффективности, прозрачности и подотчетности корпоративных структур.

Ключевые слова:

корпоративные отношения, субъекты корпоративных отношений, корпорации, юридические лица, общее собрание.

Гарантированное законом осуществление корпоративных прав является актуальным направлением политики правового государства.

Формирование действенной системы юридических средств, образующих механизм осуществления корпоративных прав определяется многими факторами: видом, типом корпорации, особенностями ее правового положения. Для понимания сущности корпоративных прав основополагающее значение имеет понятие корпорации.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее - ГК РФ) понятие корпоративных отношений появилось в 2013 году в связи с проведением реформы гражданского законодательства.

Корпоративные правовые отношения наряду с вещными,

обязательственными, неимущественными отношениями стали предметом гражданского права (ст. 2 ГК РФ). В отличие от обязательственных правоотношений (договорных), построенных на принципе свободы договора, корпоративные отношения предполагают жесткое императивное регулирование[1].

Корпоративные отношения предполагают два типа отношений: внутренние (отношения участников с корпорацией, между участниками корпорации) и внешние отношения (между корпорациями, материнскими и дочерними компаниями).

Основополагающий признак корпорации – наличие обособленного имущества для ведения совместной деятельности. Создание корпорации – это объединение учредителями (участниками) корпорации имущества для осуществления совместной деятельности и для достижения, поставленных перед корпорацией задач.

Корпорации могут быть облечены в форму юридического лица или осуществлять субъективные гражданские права, не создавая юридического лица. Положения Гражданского кодекса Российской Федерации применяются к отношениям между участниками гражданско-правовых сообществ: кредиторов при банкротстве, сособственников, сонаследников, участников собраний, которым сообщения (извещения) о проведении собраний были направлены, в соответствии с законом (п. 2 ст. 181.1 ГК РФ). «Корпорациями могут выступать гражданско-правовые сообщества, не наделенные правами юридического лица. Реформа юридических лиц повысила требования к созданию, реорганизации и ликвидации юридических лиц, усилила их имущественную ответственность, а также усилила ответственность их учредителей и участников. Предусмотрена ликвидация устаревших конструкций юридического лица»[2].

Прежде всего, ликвидация унитарных предприятий. На место устаревших конструкций должны прийти, прежде всего, корпорации. Корпорации являются собственниками обособленного имущества и рискуют потерять его в отличие от

таких унитарных предприятий, как государственные и муниципальные унитарные предприятия, которые управляют публичной собственностью и ничем не рискуют.

Корпорации – юридические лица могут создаваться в качестве коммерческих и некоммерческих организаций[8].

Коммерческие корпорации – хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы (артели). Некоммерческие корпорации – потребительские кооперативы, общественные организации, товарищества собственников недвижимости и др.

При этом необходимо подчеркнуть, что некоммерческие корпорации как форма некоммерческой организации известны только российскому праву, в зарубежном законодательстве такая форма отсутствует. Исследование организационно-правовых форм корпоративных коммерческих и некоммерческих организаций показало, что «правовое положение отдельных юридических лиц определяется не только Гражданским кодексом, специальными федеральными законами, но также подзаконными нормативно-правовыми актами гражданского законодательства: указами Президента, постановлениями правительства, актами других федеральных органов исполнительной власти государства. Зачастую это законодательство является коллизионным, что ведет к неопределенности правового статуса юридических лиц, искажении информации о них, многочисленным злоупотреблениям, нестабильности гражданского оборота».

Неопределенность статуса влечет серьезные проблемы осуществления и защиты корпоративных прав. В целом, корпоративные права, необходимо анализировать в нескольких аспектах. В первую очередь, корпоративное право, как позитивное право – это система норм, регулирующих корпоративные отношения. Субъективное корпоративное право – это право лица, вступившего в корпорацию. Субъективные корпоративные права, их характер и состав определяются видом корпорации, зависят от принципов, на которых построена корпорация. В

Гражданском кодексе под корпоративными правами понимаются права корпоративного управления. Это право участия (членства) в корпорации и право участника на формирование высшего органа управления корпорации. Участники корпорации (участники, члены, акционеры и т.п.) вправе: участвовать в управлении делами корпорации (ст. 65 п.2 ГК РФ)[3].

Право на участие в управлении делами корпорации, как установленная законом юридическая возможность члена корпорации участвовать в формировании ее высшего органа. Участие в управлении делами корпорации включает следующие правомочия: правомочие на участие в подготовке к проведению общего собрания участников, правомочие субъектов рассматриваемого права принимать участие в общем собрании участников корпорации. В соответствии с законом именно участники корпорации образуют ее высший орган управления.

Также в состав правомочий входят правомочие голосовать по вопросам, возникающим в корпорации, правомочие требовать проведения внеочередного общего собрания членов корпорации и правомочие созыва внеочередного общего собрания[7].

Таким образом, законом понятие корпорации определено как организации, обладающей двумя признаками: учредители (участники) обладают правом членства и правом формирования высшего органа управления.

В отличие от них, юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными юридическими лицами. В понятии корпорации не оказалось ее главного признака: права учредителя на получение ликвидационной квоты. К числу важнейших корпоративных прав следует относить: право на участие в распределении прибыли, получение дивиденда и ликвидационной квоты.

Список использованной литературы:

1. Гурьянов А. В. Правовое регулирование отношений корпоративного контроля и

управления в холдингах: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3 / А.В. Гурьянов. – М., 2024.

2. Настин П.С. Субъекты корпоративных правоотношений / П.С. Настин // Рос.юрид. журн. – 2024. – № 5. – С. 176 - 183.

3. Новикова Е.В., Наумова А.В. Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике / Е.В. Новикова, А.В. Наумова: Международная коллективная монография. 2-е изд., перераб. – М.: Проспект, 2022. 334 с.

4. Хофельд У. Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации / У. Хофельд // Правоведение. – 2022. – № 3. – С. 203–227.

5. Чекунова О.Н. Идеи становления и развития корпоративного права в научном наследии И.А. Ильина / О.Н. Чекунова //Ильинские чтения. Материалы VI международной научно-практической конференции/ Ответственный редактор О.А. Чулков. – 2024. – С. 98-105.

6. Шиткина И. С. Вопросы корпоративного права в позициях Конституционного Суда РФ / И.С. Шиткина, Э.Э. Музафаров // Право и бизнес. – 2022. – № 3. – С. 3–28.

7. Шабунова И.Н. Корпоративные отношения как предмет гражданского права / И.Н. Шабунова // Журнал российского права. – 2024. – № 2. – С.40-49.

8. Шиткина И.С. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений / И.С. Шиткина // Хозяйство и право. – 2024. –№2.

© Дручинина Т.А., 2026

УДК 34

Дручинина Т.А.

магистрант 3 курса СибЮУ,

г. Омск, Россия

ЗАЩИТА КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ: ФОРМЫ, СПОСОБЫ И ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация

Статья посвящена систематизации и анализу законодательства в сфере применения различных способов защиты в случаях нарушения корпоративных прав. Актуальность определяется многообразием точек зрения на природу и содержание корпоративных отношений, их субъектный состав, взаимные права и обязанности, что впоследствии ведет к всевозможным правонарушениям.

Ключевые слова:

корпоративные отношения; субъекты корпоративных отношений; формы и способы защиты; судебная защита; юрисдикционная форма, неюрисдикционная форма.

Корпоративные отношения – это обособленная разновидность отношений, регулируемых гражданским правом. Они сочетают имущественные и организационные начала. Прямое упоминание о них в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) подчёркивает их самостоятельность и практическую ценность для гражданского оборота. Статья 65.2 ГК РФ раскрывает содержание корпоративных прав: участник может участвовать в управлении корпорацией, получать сведения о её работе, оспаривать решения органов управления, а также требовать возмещения убытков, причинённых корпорации. Эти возможности одновременно служат имущественным интересам участника и

позволяют ему влиять на формирование воли юридического лица [1].

Защита корпоративных прав – многоплановый институт, который включает как материально-правовые, так и процессуальные меры. Его специфика определяется признаками корпораций: уставный капитал формируется, в частности, через выпуск акций; его изменения отражаются на финансовом состоянии обществ; действуют и другие факторы.

В защите прав участников (акционеров) обычно выделяют две формы: неюрисдикционную и юрисдикционную. Критерий деления – либо участник действует самостоятельно, либо обращается за защитой в государственные органы.

Неюрисдикционная форма означает, что участник реализует свои права без обращения в суд. Например, он может направить заявление или требование непосредственно корпорации. Однако практика показывает, что такой путь не всегда эффективен. Дополнительным инструментом здесь выступает нотариат: нотариальные действия доступны по цене, понятны и быстры, поэтому их можно рассматривать как действенное средство защиты корпоративных прав [2].

Юрисдикционная форма предполагает обращение в государственные органы, прежде всего в суды и арбитражные суды. Именно суды чаще всего разрешают корпоративные споры, но отдельные полномочия есть и у административных органов – например, у Банка России и налоговых органов.

Способы защиты гражданских прав – это установленные законом меры, которые призваны обеспечить охрану прав и предотвратить их нарушение. В корпоративной сфере их принято делить на универсальные, перечисленные в ст. 12 ГК РФ, и специальные (корпоративные), которые зависят от источника правового регулирования.

К универсальным мерам относятся признание права, восстановление прежнего положения, пресечение действий, нарушающих право, возмещение убытков и иные средства, закреплённые в Гражданском кодексе РФ. Специальные способы включают восстановление корпоративного контроля, признание

недействительным решения общего собрания участников, оспаривание сделок, заключённых корпорацией, а также взыскание убытков с директоров и контролирующих участников в пользу компании по производным искам. Отдельно стоит исключение участника из общества – это крайняя мера, для применения которой нужно доказать, что участник действительно причиняет компании вред [4].

Один из главных итогов последних лет – это смещение Верховным Судом РФ акцента с формального подхода на справедливый баланс интересов в корпоративных спорах. Разбор резонансных дел 2025 года подтверждает, что этот тренд стал определяющим: суды должны учитывать не только букву закона, но и экономический смысл решений, добросовестность сторон и их намерения.

Для бизнеса это означает серьёзное изменение правил. Наличие протокола общего собрания или подписанного договора уже не даёт абсолютной защиты. На первый план выходят доказательства разумности действий, экономической обоснованности и добросовестности контрагентов – причём собирать их следует задолго до суда.

Верховный Суд РФ последовательно противодействует злоупотреблениям в корпоративной сфере. В одном из дел описан типичный сценарий: участник создаёт собственный бизнес в ущерб совместному предприятию. Практика ВС РФ накопила немало подобных ситуаций, и назрела необходимость их обобщения, чтобы суды могли оценивать субъективные факторы поведения сторон.

Особо следует остановиться на подходе Верховного Суда РФ к производным (косвенным) искам. Согласно его позиции, акционер вправе обратиться в суд в защиту общества независимо от того, действует ли единоличный исполнительный орган и есть ли у него интерес в таком иске. Это заметно усиливает возможности миноритариев отстаивать свои интересы [3].

Не меньшее значение имеют и меры, направленные на предупреждение корпоративных конфликтов. Среди них – корпоративные договоры, опционы, договоры о неконкуренции, заранее согласованный порядок голосования, схемы выхода из общества и выкупа доли, а также понятные правила раскрытия сведений.

Если при выстраивании отношений с партнёрами по бизнесу использовать типовые договорные конструкции, риск возникновения корпоративных споров снижается [8].

Институт защиты корпоративных прав постоянно развивается: в нём сочетаются традиционные гражданско-правовые средства и новые подходы, которые вырабатывает судебная практика. Сегодня всё заметнее смещение от формального соблюдения процедур к оценке экономического смысла отношений и добросовестности их участников. Поэтому действенная защита корпоративных прав возможна только при комплексном подходе – с предупреждением конфликтов и своевременным использованием как юрисдикционных, так и неюрисдикционных форм защиты.

Список использованной литературы:

1. Ломидзе О.Г. Переход обязательственных прав участников юридических лиц / О.Г. Ломидзе // Российская юстиция. 2022. № 10. С.96-106.

2. Маилян Г.Э. Организационные отношения в предмете корпоративного права // Юрист. 2024. № 17. С. 22-29.

3. Могилевский С.Д., Егорова М.А. Правовой режим приобретения акционерным обществом собственных акций // Гражданское право. 2023. № 1. С. 2-5.

4. Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: понятие и природа // Юрист. 2024. № 20. С. 5-13.

5. Рожкова М.А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры //Вестник ВАС РФ. 2025. № 9. С.136-147.

6. Синицын С.А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. 2025. № 6. С. 52.

7. Шиткина И. С., Музафаров Э.Э. Вопросы корпоративного права в позициях Конституционного Суда РФ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 3-28.

8. Шабунова И.Н. Корпоративные отношения как предмет гражданского права // Журнал российского права. 2024. № 2. С.40-49.

© Дручинина Т.А., 2026

УДК 34

Конзор С.И.

г. Москва

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Научный руководитель: Тишкина Т.М.

к. э. н, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕР РЕАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ

Аннотация

В данной работе рассматриваются и уточняются механизмы государственной помощи семьям с тремя и более детьми в Российской Федерации, принимая во внимание текущую социальную обстановку и демографические тренды. Основная задача исследования заключается в анализе существующих подходов и выработке практических предложений по оказанию действенной финансовой и иной поддержки указанной категории семей с целью противодействия процессу сокращения численности населения. В ходе работы конкретизируются определения, используемые для описания семей с несколькими детьми, семей с низким уровнем дохода, а также семей, испытывающих финансовые трудности, чтобы точнее определить, какие именно формы помощи будут наиболее результативными для стимулирования рождаемости. Кроме того, проводится разграничение существующих государственных мер по принципу их прямого или косвенного воздействия, а также по критерию, получают ли семьи данные меры в реальном времени или только имеют на них право в потенции. Такой подход дает возможность оценить, насколько эффективно те или иные инструменты способствуют реализации цели по увеличению числа детей в семьях.

Ключевые слова:

естественный прирост населения, многодетная семья, малоимущая семья, прямая государственная поддержка.

В научных работах и в повседневной практике для описания оснований оказания помощи со стороны государства используются такие понятия, как «малоимущая семья», «семья, испытывающая финансовые трудности» и «семья, воспитывающая трех или более детей». Статус малообеспеченной закрепляется за многодетной семьей тогда, когда её финансовое состояние характеризуется как неудовлетворительное, так как средний доход, рассчитываемый на каждого члена семьи, не достигает официально утвержденного в данном регионе уровня прожиточного минимума, установленного для определенной социальной категории, или же оказывается меньше среднего показателя этого минимума, рассчитанного для всего региона. Такие семьи могут рассчитывать на предоставление со стороны государства ряда льгот и мер социальной поддержки, которые способствуют улучшению их условий жизни.

К категории семей с низким достатком обычно причисляют те, кто проживает в стеснённых жилищных условиях, а их материальные ресурсы не позволяют изменить подобное положение дел. Другими словами, зарабатываемых средств таким семьям не хватает ни для приобретения более просторного жилья, ни даже для выполнения серьёзного ремонта в нынешнем месте проживания.

Исходя из этого, разумно сосредоточить усилия на целевой поддержке тех семей, которые имеют официальный статус многодетных. Подобный шаг является обоснованным, потому что заметная доля действующих государственных программ либо возлагает на заявителей необходимость предоставления дополнительных документов и соответствия установленным требованиям, либо направлена исключительно на граждан, у которых среднедушевой доход не превышает прожиточный минимум, другими словами, на категорию нуждающихся.

Существующая в настоящее время модель государственной поддержки, рассчитанная на семьи, воспитывающие трёх и более детей, в значительной части регионов страны начинает действовать лишь при выполнении дополнительных требований или соответствии установленным показателям. Как правило, подобная помощь ориентирована на граждан, официально отнесённых к категории малообеспеченных, а именно на те семьи, где величина среднедушевого дохода не превышает региональную планку прожиточного минимума. Вследствие этого возникает ситуация, когда перечень мер поддержки включает как прямые выплаты или льготы, так и опосредованные механизмы, причём часть из них имеет реальное практическое воплощение, а часть остаётся скорее декларированной возможностью, и эффективность таких мер для семей с несколькими детьми заметно отличается в разных случаях.

Наглядным примером служит субсидирование процентной ставки по ипотечному договору либо предоставление единовременного платежа из государственной казны в размере 450 000 рублей, направленного на погашение задолженности по жилищному кредиту. Эта мера относится к разряду условно доступных, так как ею можно воспользоваться лишь при условии, что семья с тремя или более детьми ранее заключила договор ипотечного кредитования. Аналогичная картина наблюдается и с уменьшением или полной ликвидацией транспортного налога: эта преференция реализуется только в том случае, если у такой семьи имеется в собственности автомобиль либо другое транспортное средство, которое облагается соответствующим сбором.

Согласно данным статистической отчетности, собранным по всем субъектам Российской Федерации, в 2025 году было зарегистрировано 134,09 тысячи многодетных семей, официально признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий. Для сравнения, в 2019 году этот показатель составлял 132,4 тысячи семей. Особое внимание обращает на себя Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), где число таких семей достигло 34 807 единиц, тогда

как в 2019 году их насчитывалось около 31,7 тысячи. Внутри самого СКФО выделяются два региона, где наблюдается наиболее значительное преобладание количества многодетных семей, ожидающих решения жилищного вопроса, — это Республика Дагестан и Чеченская Республика. В указанных субъектах зафиксировано 11 301 и 18 802 семьи соответственно, ожидающие улучшения своих жилищных условий. В 2024 году эти цифры составляли 10 415 и 17 826 семей в каждой из республик. Подобная ситуация объясняется сразу несколькими факторами: высокой численностью многодетных семей в данных регионах, а также относительно низкими показателями среднедушевого дохода населения по сравнению со средними значениями по федеральному округу.

В целом, динамика увеличения числа семей, стоящих в очереди на жилье, является тревожным сигналом, указывающим на сохраняющиеся социально-экономические проблемы в отдельных частях страны. Особенно остро эта проблема стоит на Северном Кавказе, где традиционно высок уровень рождаемости, но недостаточно развита инфраструктура и экономика, способная обеспечить семьи достойными жилищными условиями. Показатели по Дагестану и Чечне, где сосредоточено наибольшее количество очередников, свидетельствуют о необходимости разработки адресных региональных программ, учитывающих местную специфику и демографическую ситуацию. При этом стоит отметить, что, несмотря на общий рост числа нуждающихся по стране, темпы прироста в отдельных регионах имеют свою специфику, что требует детального анализа. Так, если в целом по России увеличение составило около 1,7 тысячи семей за шесть лет, то в СКФО прирост оказался более заметным — примерно 3,1 тысячи семей. Это говорит о том, что проблемы с жильем в данном округе усугубляются быстрее, чем в среднем по стране. Кроме того, важно учитывать, что официальная статистика может не отражать полную картину, поскольку часть семей не встает на учет по различным причинам, включая бюрократические барьеры или недостаточную информированность о своих правах. В случае с Дагестаном и Чечней, где

количество очередников превышает показатели многих других субъектов, необходимо комплексное решение, включающее не только строительство нового жилья, но и меры по повышению доходов населения, созданию рабочих мест и развитию социальной инфраструктуры. Также следует принимать во внимание культурные и традиционные особенности регионов, где многодетность является нормой, что накладывает дополнительные требования к жилищным программам. Таким образом, приведенные данные подчеркивают необходимость пересмотра существующих подходов к решению жилищного вопроса для многодетных семей, особенно в регионах с высокой демографической нагрузкой. Эффективным может стать применение дифференцированных нормативов, учитывающих реальную нуждаемость и региональные условия, а также усиление межбюджетных трансфертов из федерального центра для поддержки наиболее проблемных территорий. Без активных действий со стороны государства количество семей, ожидающих улучшения условий, будет продолжать расти, что негативно скажется на социальном климате и демографических показателях в будущем.

К числу непосредственных и действенных инструментов помощи семьям с тремя и более детьми можно отнести начисление детских пособий таким семьям исключительно на основании их статуса, без предъявления дополнительных условий, выделение земельных наделов либо равноценной финансовой компенсации, а также перечисление средств на приобретение школьной формы и прочих необходимых предметов.

Действенной мерой поддержки видится учреждение в существующих региональных министерствах и органах местного самоуправления специализированного подразделения (комитета или службы), наделенного полномочиями по координации вопросов семейной политики. Подобный подход уже реализован в Республике Башкортостан, где функционирует ведомство, объединяющее вопросы семьи, труда и социальной защиты. Более активное внедрение механизмов прямой и адресной государственной помощи позволит

урегулировать значительный круг социальных и демографических задач.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Российская газета. – 2020. – 4 июля.

2. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1929.

3. О мерах социальной поддержки многодетных семей: Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 5. – Ст. 654.

4. О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей: Федеральный закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1 (ч. I). – Ст. 56.

5. О предоставлении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию мер социальной поддержки многодетных семей: Постановление Правительства РФ от 15.08.2023 № 1335 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 34. – Ст. 6432.

6. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1 (ч. I). – Ст. 38.

© Конзор С.И., 2026

УДК 34

Конзор С.И.

г. Москва

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Научный руководитель: Тишкина Т. М.

к. э. н, доцент

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОССИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ МЕР

Аннотация

В настоящем исследовании рассматривается совокупность правовых и нормативных документов, которые обеспечивают государственную поддержку многодетных семей в Российской Федерации. В ходе работы был изучен широкий перечень законодательных актов на федеральном уровне: профильные законы, указы Президента, постановления Правительства, а также отдельные региональные программы. На основе этого анализа определены ключевые направления государственной политики в области защиты семейных ценностей и поддержки института семьи. В процессе работы были проанализированы статистические данные, которые показывают устойчивую тенденцию к уменьшению количества малообеспеченных семей, имеющих несколько детей, и рост числа домохозяйств, пользующихся разнообразными формами социальных выплат.

Ключевые слова:

естественный прирост населения, многодетная семья, малоимущая семья, прямая государственная поддержка.

В нынешней демографической обстановке в России особую значимость

приобретает государственная поддержка семей, где воспитывается трое и более детей. Это направление становится одним из ключевых в социальной политике, касающейся института семьи и динамики народонаселения. Государство относит подобные семьи к категории приоритетных получателей социальной помощи, закрепляя за ними специальный правовой статус и предлагая комплекс мер, призванных повысить качество их жизни, снизить уровень материальной необеспеченности и стимулировать рост рождаемости. В Основном законе страны, а именно в седьмой и тридцать восьмой статьях Конституции РФ, закреплены основы социально ориентированного государства и обязательства по защите семьи, материнства, отцовства и детства. Эти конституционные положения получают свое развитие в отраслевом законодательстве, в указах главы государства, в документах правительства, а также в нормативных актах, принимаемых на уровне субъектов федерации, что в совокупности образует разветвленную и многоступенчатую систему оказания поддержки многодетным семьям.

Следует подчеркнуть, что материнский капитал выполняет не только прямую экономическую функцию, но и выступает инструментом социального выравнивания, позволяя семьям с разным уровнем дохода получить доступ к базовым благам, таким как собственное жильё или качественное образование. В условиях высокой стоимости квадратного метра и растущих цен на образовательные услуги, эта мера становится для многих семей реальным, а не декларативным подспорьем. При этом государство внимательно следит за тем, чтобы средства не использовались в обход законодательства: введённая система сертификатов и строгая отчётность перед Пенсионным фондом (ныне — Социальным фондом России) направлены на то, чтобы каждая потраченная копейка была подтверждена целевым назначением. Это формирует высокий уровень доверия к программе, а также снижает риски мошеннических схем, которые могли бы дискредитировать саму идею государственной поддержки.

Более того, динамика размера выплат демонстрирует адаптивность законодателя к текущим макроэкономическим условиям. Индексация материнского капитала, которая проводится ежегодно с учётом уровня инфляции, закреплена на уровне федерального закона и не зависит от конъюнктурных решений. Тот факт, что в 2025 году сумма на первого ребёнка была установлена в размере почти 700 тысяч рублей, а на второго — свыше 900 тысяч, свидетельствует о том, что программа не только сохранилась, но и развивается, расширяя свои возможности. Важно отметить, что законодатель предусмотрел и «поглощение»: если семья уже получила капитал при рождении первенца, то при рождении второго ребёнка она вправе рассчитывать лишь на разницу между суммами, что исключает двойное финансирование и одновременно стимулирует последовательное увеличение числа детей в семье. Эта логика выстроена таким образом, чтобы поощрять переход от одного ребёнка к двум, что является приоритетом современной демографической политики.

В числе ключевых правовых актов следует назвать также Указ Президента РФ № 431, датированный 5 мая 1992 года, который закрепил меры государственной помощи многодетным семьям. Данным документом был определён набор привилегий и льгот: предоставление земельных наделов для возведения индивидуальных жилых строений, приоритет при приёме детей в детские сады, выдача лекарственных средств без оплаты детям до шестилетнего возраста, уменьшение стоимости услуг ЖКХ, а также право школьников и учащихся на бесплатный проезд. Хотя этот указ был издан свыше тридцати лет тому назад, его ключевые нормы по-прежнему выступают основой для региональных механизмов поддержки. Руководствуясь данным актом, органы власти субъектов федерации формируют собственные региональные программы и нормативные документы, конкретизирующие процедуру реализации перечисленных льгот.

По информации, предоставленной Министерством труда РФ, к началу 2025 года в государстве насчитывалось приблизительно 2,65 миллиона семей с тремя и

более детьми, где растут более 8,6 миллиона несовершеннолетних. Наблюдаемый прирост (увеличение на 1,1% в течение 2024 года) свидетельствует о незначительном, однако стабильном росте количества таких ячеек общества. При этом показатель малообеспеченности в данной группе по-прежнему сохраняется на высоком уровне – порядка 20% в сравнении с 9,3% в целом по стране, что указывает на социальную незащищённость этой категории граждан.

На уровне отдельных регионов местные администрации, опираясь на нормы федерального законодательства, формируют собственные дополнительные программы поддержки: обеспечение школьников бесплатными обедами, возмещение затрат на транспорт, разовые выплаты к началу учебного года, выделение земли или выдача жилищных сертификатов. При этом разрыв между регионами остаётся существенным: в Москве реализуется инициатива «Забота о многодетных семьях», которая охватывает двадцать пять различных видов помощи, тогда как в других территориях — особенно при дефиците бюджетных средств — набор льгот сводится к базовым нормам, установленным на федеральном уровне.

Большинство трудностей здесь связано не с отсутствием правовой базы, а с плохой согласованностью между ведомствами, затруднённым доступом к необходимым услугам и неравномерной практикой применения законов. В отдельных субъектах по-прежнему встречаются ситуации, когда люди ожидают выделения земли более пяти лет, при этом граждане слабо осведомлены о своих правах и положенных им льготах, а инфраструктура — например, детские сады или поликлиники — остаётся недостаточно развитой. В итоге можно сказать, что законодательство формально предусматривает все необходимые меры поддержки, однако то, как эти меры работают на деле, во многом зависит от административного ресурса и финансовых возможностей конкретного региона.

Завершающий этап ознаменовался формированием общего государственного реестра для семей, воспитывающих трёх и более детей, который функционирует на

базе цифровой платформы «Госуслуги». Эта система обеспечивает координацию между различными органами власти, автоматизирует проверку соответствия критериям для получения преференций и сокращает случаи нецелевого применения мер поддержки. Внедрение электронного документа, подтверждающего статус многодетной семьи, в 2023 году усилило прозрачность процедур и установило единообразный порядок их оформления во всех субъектах РФ.

По итогам проведённого исследования можно утверждать, что действующая система правового регулирования помощи семьям с тремя и более детьми в нашей стране выстроена в соответствии с принципами социального государства и не противоречит конституционным нормам о защите института семьи и прав ребёнка. За последний период данная система претерпела значительные изменения: был запущен единый цифровой учёт таких семей, выплаты приведены к общему стандарту, перечень допустимых направлений для использования средств семейного капитала стал шире, а также усилен контроль за взаимодействием различных ведомств. Текущие результаты применяемых подходов проявляются в планомерном сокращении показателей малообеспеченности, а также в увеличении числа домохозяйств, которые фактически пользуются положенными им социальными выплатами. Вместе с тем остаются нерешёнными отдельные трудности: несоответствие между нормативами, установленными на уровне федерации и отдельных субъектов, слабая таргетированность некоторых перечислений, бюрократическая нагрузка на заявителей и невысокая отдача таких мер в части улучшения демографической ситуации.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Российская газета. – 2020. – 4 июля.

2. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федеральный закон

от 19.05.1995 № 81-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1929.

3. О мерах социальной поддержки многодетных семей: Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 5. – Ст. 654.

4. О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей: Федеральный закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1 (ч. I). – Ст. 56.

5. О предоставлении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию мер социальной поддержки многодетных семей: Постановление Правительства РФ от 15.08.2023 № 1335 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 34. – Ст. 6432.

6. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1 (ч. I). – Ст. 38.

© Конзор С.И., 2026

УДК 342.9

Недина М.А.

Студентка, БрГУ им. А.С. Пушкина,

г. Брест, РБ

Научный руководитель: Береговцова Д.С.,

кандидат юридических наук, доцент,

Брест, РБ

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Исследуются сходства и различия лицензионного производства в Республике Беларусь и Российской Федерации. На основе профильных законодательных актов сопоставлены цели лицензирования, последовательность предоставления лицензии.

Ключевые слова:

лицензирование; административная процедура; лицензионные требования; реестр лицензий; Беларусь; Россия.

Лицензирование представляет собой разрешительный механизм, посредством которого государство допускает лицо к деятельности, сопряженной с установленными законом рисками. Его административно-правовое значение состоит в предварительной оценке соответствия заявителя специальным требованиям и последующем контроле деятельности лицензиата. Сопоставление белорусской и российской моделей позволяет выявить общие черты реестрового регулирования, не смешивая при этом отличия в компетенции органов и

процедурных правилах [1; 2].

Перейдем к нормативной базе. В Беларуси базовым законодательным актом является Закон от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании». Он определяет лицензируемые виды деятельности, полномочия лицензирующих органов, требования к соискателям и порядок отражения юридически значимых сведений в Едином реестре лицензий [1]. В Российской Федерации соответствующие общие вопросы регулируются Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [2].

Российский закон непосредственно связывает лицензирование с предотвращением ущерба охраняемым интересам — жизни и здоровью граждан, окружающей среде, безопасности и другим ценностям. Белорусская модель также использует предварительный допуск к определенным видам деятельности, но закрепляет собственную классификацию лицензионных и долицензионных требований. Рассмотрим порядок проведения лицензионного производства. В обобщенном виде лицензионное производство включает обращение соискателя, проверку комплектности и допустимости представленных сведений, оценку соответствия требованиям, решение уполномоченного органа и фиксацию результата в государственном информационном ресурсе. Эти стадии характерны для обеих моделей, хотя процессуальные детали и особенности лицензируемых видов деятельности определяются национальными законами и специальными актами [1; 2].

Отказ в предоставлении лицензии затрагивает право заявителя на законное осуществление экономической деятельности, поэтому его основания должны быть предусмотрены законом. Нельзя рассматривать отказ как свободное усмотрение администрации. Принимаемое решение требует юридически проверяемой мотивировки, а заявитель должен располагать установленным механизмом его обжалования.

В сфере лицензирования ключевым условием для реализации этого принципа

является открытый доступ к достоверным сведениям о выданных, приостановленных или аннулированных разрешениях. В Беларуси Закон № 213-З предусматривает Единый реестр лицензий как государственную информационную систему. В него вносятся сведения о предоставленных лицензиях, изменениях, приостановлении, возобновлении и прекращении их действия. В России реестровая модель развивалась на основе изменений Федерального закона № 99-ФЗ, включая реформу, проведенную Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 478-ФЗ. В российском законодательстве лицензия определяется как специальное разрешение, подтверждаемое записью в реестре [1–3].

Переход к электронным сведениям облегчает проверку наличия лицензии контрагентами и органами власти. Однако реестр — не самостоятельный источник полномочий лицензирующего органа: его записи должны опираться на надлежащее административное решение. При возникновении ошибки в сведениях возникают отдельные вопросы о моменте возникновения права, порядке корректировки записи и защите добросовестного лицензиата. Следовательно, цифровизация повышает значение точности государственных информационных ресурсов.

Эта точность критически важна для практической реализации обоюдных правовых стандартов. В обеих странах регулирование содержит процедуры принятия решения и его оспаривания. Российское законодательство предусматривает специальные положения об обжаловании решений и действий лицензирующих органов; в Беларуси применяются нормы профильного Закона № 213-З и иные предусмотренные законодательством способы защиты [1; 2]. Сопоставление показывает, что доступность электронного сервиса сама по себе недостаточна: равное значение имеют предсказуемость требований, полнота мотивировки и возможность исправления незаконного решения.

Для сравнения предлагается применять три критерия: определенность исчерпывающего перечня требований к соискателю; прослеживаемость каждого

этапа принятия решения; наличие действенного способа защиты при отказе или ошибке в реестре. Эти критерии универсальны и позволяют проводить анализ конкретных лицензируемых видов деятельности без некорректного переноса норм одного государства в другое.

Национальное законодательство должно опираться на внутренние приоритеты развития, где экономическая свобода и защита публичных интересов не исключают друг друга. Лицензирование оправдано там, где потенциальные риски требуют предварительного допуска, а менее ограничительные механизмы недостаточны. Вместе с тем из этого не следует, что перечни лицензируемых видов деятельности в России и Беларуси всегда сокращаются или что во всех случаях применяются только предупредительные меры. Оценка тенденций требует отдельного анализа изменений законодательства и правоприменительной статистики.

Подведем итог. Белорусская и российская модели лицензирования сближает применение нормативно определенных условий допуска и электронных реестров. Различия касаются построения конкретных процедур, объема специальных требований и механизмов взаимодействия с заявителем. Перспективным направлением развития обеспечение прозрачного решения, достоверной реестровой записи и эффективного обжалования.

Список использованной литературы:

1. О лицензировании: Закон Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З (с изменениями). URL: https://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=144623 (дата обращения: 12.10.2026).

2. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (с изменениями). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (дата обращения: 12.10.2026).

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации в части внедрения реестровой модели предоставления государственных услуг по лицензированию отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 478-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341760/ (дата обращения: 12.10.2026).

4. Об основах административных процедур: Закон Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З (с изменениями). URL: https://nalog.gov.by/procedures/ (дата обращения: 12.10.2026).

© Недина М.А., 2026

УДК 342.9

Недина М.А.

Студентка, БрГУ им. А.С. Пушкина,

г. Брест, РБ

Научный руководитель: Береговцова Д.С.,

кандидат юридических наук, доцент,

Брест, РБ

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ГРАЖДАН В БЕЛАРУСИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВНЕСУДЕБНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Аннотация

На основе законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации исследуются внесудебные гарантии прав граждан в отношениях с органами публичной власти.

Ключевые слова:

права граждан; внесудебная защита; административная процедура; обращения граждан; Беларусь; Россия.

Внесудебная защита прав человека является повседневной частью отношений гражданина с публичной администрацией. Во многих случаях восстановление права не требует немедленного обращения в суд: достаточными могут оказаться исправление ошибочного административного решения, рассмотрение жалобы вышестоящим органом или исполнение обязанности в установленный срок. В основе этого института лежат гарантии прав и свобод человека - система закрепленных в законодательстве условий, средств и способов, которые обеспечивают гражданам возможность пользоваться своими правами и защищать их. Для сравнительного исследования Республики Беларусь и Российской

Федерации существенны нормативная регламентация таких способов защиты и их практическая доступность.

Рассмотрим внесудебные гарантии. Среди которых присутствуют и административно-правовые. Под административно-правовыми гарантиями предлагается понимать предусмотренные правом условия и процедуры, обеспечивающие законное осуществление полномочий публичной администрацией и защиту частного лица от неправомерного решения или бездействия. Их внесудебный компонент включает понятные требования к документам, сроки принятия решения, доступность информации, обязанность рассмотреть обращение и возможность обжалования в административном порядке.

Важно различать материальные и процедурные гарантии. Первые задают содержание прав и пределы вмешательства государства; вторые обеспечивают соблюдение правил в конкретной ситуации. Отсутствие одного элемента ослабляет другой: формально закрепленное право трудно реализовать, если порядок его защиты остается неопределенным. В рамках данного исследования рассматриваются именно процедурные гарантии. Среди которых ключевое место занимают административно-правовые гарантии. Это условия и и проедуры, закрепленные на законодательном уровне и осуществляющие защиту частного лица от неправомерных решений. Их внесудебный компонент включает в себя совокупность способов, предусмотренных законом и позволящих человеку восстановить нарушенные права.

Перейдем к рассмотрению белорусской модели. В Республике Беларусь общая регламентация административных процедур установлена Законом от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур». Закон предусматривает правовые рамки обращения заинтересованного лица за принятием административного решения, требования к поведению уполномоченного органа и предусмотренные способы обжалования [1].

Отдельную сферу регулирует Закон от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц». Он относится к предложениям, заявлениям и жалобам в пределах установленной законом сферы применения. Нельзя смешивать обращение с заявлением об осуществлении конкретной административной процедуры: первое может быть направлено на устранение нарушения или разъяснение ситуации, а второе — на получение юридически значимого решения [2].

Для электронных обращений по Закону № 300-З применяется государственная единая система учета и обработки обращений. Централизованная регистрация облегчает контроль движения сообщения, но доступность механизма определяется не только электронной формой. Сохраняются юридическое значение компетенции адресата, мотивированности ответа и соблюдения установленных сроков.

Поговорим про российскую модель. В Российской Федерации вопросы обращения граждан в публичные органы регулируются Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Для предоставления государственных и муниципальных услуг действует Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. Эти акты имеют разный предмет: один посвящен рассмотрению обращений, другой — организации услуг, включая административные регламенты и электронное взаимодействие [3; 4].

Российская модель использует федеральные и региональные электронные сервисы, многофункциональные центры и внесудебные способы обжалования в установленных законом случаях. Их сопоставление с белорусскими механизмами требует учитывать различия в разграничении компетенции и видах юридически значимых запросов. Нельзя считать, что оформление через портал автоматически делает любую жалобу административной процедурой.

Сущность правового института зависит от материально-правового содержания и объема предоставляемых гражданину гарантий. Предлагается оценивать внесудебные гарантии по четырем критериям. Первый — доступность: понимает

ли гражданин, куда обратиться и какие документы требуются. Второй — своевременность: существует ли определенный и проверяемый срок. Третий — проверяемость: можно ли установить причины отказа и должностное лицо, ответственное за решение. Четвертый — восстановительный характер: способен ли механизм изменить незаконное решение, а не ограничиться формальным ответом.

Общая для двух стран угроза — формализация обработки заявлений, когда соблюдение внешних процедур подменяет разрешение существа вопроса. Противодействовать этому может ясная обязанность мотивировать административный акт и возможность пересмотреть его на основании новых или ранее не учтенных обстоятельств.

Подведем итог. Сравнение показывает, что Беларусь и Россия используют нормативно организованные внесудебные способы защиты прав граждан, но оформляют их через разные законодательные конструкции и информационные системы. Эффективность этих механизмов определяется не количеством электронных сервисов, а тем, может ли лицо получить юридически обоснованное решение и добиться пересмотра ошибки без несоразмерных процессуальных затрат. Именно доступность, сроки, мотивировка и восстановление нарушенного права следует считать основными критериями качества внесудебной защиты.

Список использованной литературы:

1. Об основах административных процедур: Закон Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З (с изменениями). URL: https://nalog.gov.by/procedures/ (дата обращения: 12.10.2026).

2. Об обращениях граждан и юридических лиц: Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З (с изменениями). URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11100300 (дата обращения: 12.10.2026).

3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (с изменениями). URL: https://mintrud.gov.ru/docs/laws/108 (дата обращения: 12.10.2026).

4. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (с изменениями). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 12.10.2026).

© Недина М.А., 2026

УДК 342.9

Рогальская Е. А.,

Студентка, университет БрГУ им. Пушкина

Беларусь, г. Брест

Научный руководитель: Береговцова Д.С.

кандидат юридических наук, доцент, БрГУ им. А. С. Пушкина

г. Брест, РБ

РАССМОТРЕНИЕ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация

В статье рассматривается порядок подачи и рассмотрения обращений граждан и юридических лиц в Республике Беларусь. Основное внимание уделено Закону Республики Беларусь № 300-З, порядку подачи электронных обращений через государственную систему учета и обработки обращений, срокам их рассмотрения и порядку обжалования ответов. Также рассматриваются изменения, связанные со вступлением в силу с 1 января 2026 года постановления Совета Министров Республики Беларусь № 635.

Ключевые слова:

обращения граждан, юридические лица, административно-правовое регулирование, Закон № 300-З, электронные обращения, система учета и обработки обращений, сроки рассмотрения, обжалование, Республика Беларусь.

Право граждан обращаться в государственные органы имеет конституционную основу. В соответствии со статьей 40 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право направлять личные или коллективные обращения в государственные органы, а государственные органы и должностные лица обязаны рассмотреть

обращение и дать ответ по существу в установленный законом срок [1, ст. 40].

Основным нормативным правовым актом в данной сфере является Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц». По состоянию на 2026 год Закон действует с учетом изменений, внесенных в том числе Законом от 16 марта 2026 г. № 134-З [2]. При этом важно учитывать сферу его действия. В статье 2 Закона предусмотрено, что он не применяется к обращениям, для которых законодательством установлен специальный порядок, например в рамках административных процедур, административного процесса, гражданского или уголовного судопроизводства. Следовательно, не каждое обращение в государственный орган рассматривается именно по правилам Закона № 300-З.

Дополнительное регулирование содержится в Указе Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц» [4]. Кроме того, с 1 января 2026 года действует постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 ноября 2025 г. № 635. Им утверждены положения о ведении делопроизводства по обращениям, выдаче, ведении и хранении книги замечаний и предложений, а также о функционировании государственной единой системы учета и обработки обращений [5]. Таким образом, изменения 2026 года в основном уточнили и обновили подзаконный порядок работы с обращениями.

Закон № 300-З предусматривает письменную, электронную и устную формы обращений [2, ст. 10]. В зависимости от содержания обращение может являться заявлением, предложением или жалобой. Заявление связано с реализацией прав и законных интересов либо сообщением о недостатках в работе, предложение содержит рекомендации по улучшению деятельности или правового регулирования, а жалоба представляет собой требование о восстановлении нарушенных прав, свобод или законных интересов [2, ст. 1]. Такое разграничение важно, поскольку для отдельных видов обращений установлены свои особенности.

Отдельного внимания требует порядок подачи электронных обращений. Переход к обязательному использованию государственной единой системы учета и обработки обращений произошел не в 2026 году, а со 2 января 2023 года после вступления в силу основных положений Закона Республики Беларусь от 28 июня 2022 г. № 176-З [3]. В действующей редакции статьи 25 Закона № 300-З установлено, что электронные обращения в государственные органы и иные государственные организации подаются посредством этой системы [2, ст. 25]. Доступ к ней осуществляется через интернет-ресурс «Обращения.бел». Поэтому обычное письмо на электронную почту государственного органа не является электронным обращением, поданным в порядке статьи 25 Закона № 300-З.

После поступления обращения важное значение имеют сроки его рассмотрения. Согласно статье 17 Закона № 300-З письменные обращения должны быть рассмотрены не позднее пятнадцати дней. Если требуется дополнительное изучение и проверка, срок составляет не более одного месяца, если законодательными актами не установлен иной срок [2, ст. 17]. В отдельных случаях, когда для решения вопроса необходимо совершение действий, выполнение работ, оказание услуг или получение информации из иностранного государства и это объективно требует больше месяца, заявителю должно быть направлено уведомление о причинах превышения месячного срока и дальнейших сроках рассмотрения.

Если письменное обращение поступило в организацию, которая не компетентна решать поставленный вопрос, действует правило статьи 10 Закона № 300-З. В течение пяти рабочих дней обращение направляется в компетентную организацию с уведомлением заявителя либо оставляется без рассмотрения по существу с разъяснением, куда и в каком порядке следует обратиться [2, ст. 10].

Ответ на письменное обращение должен быть изложен на языке обращения. Кроме того, статья 18 Закона требует, чтобы ответ был обоснованным и мотивированным, а при полном или частичном отказе в удовлетворении

обращения в нем должен быть указан порядок обжалования [2, ст. 18]. Это имеет практическое значение, поскольку заявитель должен понимать не только итоговое решение, но и причины его принятия.

Если заявитель не согласен с ответом, он вправе его обжаловать. По общему правилу ответ организации либо решение об оставлении обращения без рассмотрения по существу сначала обжалуется в вышестоящую организацию. После такого обжалования ответ может быть оспорен в суде. Если у организации нет вышестоящей организации, допускается обращение непосредственно в суд [2, ст. 20]. При этом не следует смешивать порядок обжалования с трехлетним сроком, установленным статьей 11 Закона: три года – это срок для подачи жалобы со дня, когда заявитель узнал или должен был узнать о нарушении своих прав, свобод или законных интересов [2, ст. 11].

Таким образом, порядок рассмотрения обращений граждан и юридических лиц в Республике Беларусь подробно урегулирован законодательством. Основные правила содержатся в Законе № 300-З, а постановление Совета Министров № 635 с 1 января 2026 года обновило порядок делопроизводства и функционирования системы обращений. Сам переход электронных обращений на единую государственную систему произошел еще в 2023 году. Для заявителя важны правильный выбор формы обращения, соблюдение требований к его содержанию, сроки рассмотрения и порядок обжалования.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. - Минск, 2022.

2. Об обращениях граждан и юридических лиц: Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. - 2026.

3. Об изменении Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц»: Закон Респ. Беларусь, 28 июня 2022 г., № 176-З //

Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. - 01.07.2022. - 2/2896.

4. О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 окт. 2007 г., № 498 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 22 июля 2026 г. № 249 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. - 2026.

5. О вопросах, связанных с рассмотрением обращений граждан и юридических лиц: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 нояб. 2025 г., № 635 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. - 18.11.2025. - 6-1/55434.

© Рогальская Е. А., 2026

УДК 342.98

Рогальская Е.А.,

студентка Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина,

г. Брест, Республика Беларусь

Научный руководитель: Береговцова Д. С.,

кандидат юридических наук, доцент, БрГУ имени А. С. Пушкина

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБОЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация

В статье рассмотрены ограничения, которые законодательство Республики Беларусь устанавливает для государственных гражданских служащих. Основное внимание уделено статье 26 Закона «О государственной службе»: запрету совмещать государственные должности, участию в забастовках, выполнению иной оплачиваемой работы, а также правилам, связанным с иностранными наградами и отдельными документами. Показано, какие исключения предусматривает закон и к каким последствиям может привести нарушение ограничений.

Ключевые слова:

государственная гражданская служба; правовые ограничения; совмещение должностей; оплачиваемая работа; забастовка; иностранные награды; Республика Беларусь.

Гражданская служба отличается от обычных трудовых отношений тем, что служащий выполняет функции государственного органа. Поэтому закон устанавливает для него не только права и обязанности, но и ограничения. Они влияют на то, какую дополнительную работу можно выполнять, какие должности занимать и в каких действиях участвовать. На мой взгляд, эти правила важно знать

еще до поступления на гражданскую службу, поскольку некоторые привычные для других работников возможности на такой службе ограничены.

Правовая основа исследования — Конституция Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе» (далее — Закон № 175-З) [1; 2]. Использована редакция Закона № 175-З, действующая в 2026 году. Изменения, вступившие в силу 1 января 2026 г., затронули вопросы пенсионного обеспечения, но не изменили перечень ограничений в статье 26 [2; 3].

Статья 39 Конституции Республики Беларусь закрепляет право граждан на равный доступ к должностям в государственных органах с учетом их способностей и профессиональной подготовки [1]. Однако гражданин, который становится гражданским служащим, принимает и специальные требования к своему поведению. В этом проявляется особенность его правового положения.

Ограничения можно понимать, как установленные законом пределы действий гражданского служащего. Не всякая служебная обязанность является ограничением. Например, обязанность своевременно выполнять поручения руководителя касается организации работы, а запрет занимать другую государственную должность прямо ограничивает возможность совмещения. Такое разграничение важно, потому что закон предусматривает специальные последствия именно за нарушение ограничений.

Пункт 1 статьи 26 Закона № 175-З содержит пять ограничений, а пункт 3 допускает установление иных ограничений законодательными актами [2]. Поэтому вначале следует рассмотреть основные ограничения статьи 26, не смешивая их с общими правилами служебной дисциплины.

По подпункту 1.1 пункта 1 статьи 26 гражданский служащий не вправе занимать другие государственные должности, кроме случаев, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь и иными законодательными актами [2]. Это означает, что одновременное занятие двух государственных должностей не является общим правилом. Для такого совмещения должно существовать прямое законное основание.

Данное ограничение помогает разделять служебные полномочия и ответственность. Если бы одно лицо могло без специальных правил занимать несколько государственных должностей, возникали бы вопросы о распределении рабочего времени, выполнении обязанностей и подчиненности. Следовательно, при оценке конкретного случая нужно установить, являются ли обе должности государственными и предусмотрено ли законодательством исключение.

Подпункт 1.2 пункта 1 статьи 26 устанавливает для гражданских служащих запрет участвовать в забастовках [2]. Это ограничение выделяется тем, что затрагивает способ коллективной защиты интересов работников. Конституция Республики Беларусь предусматривает право на забастовку, но специальный закон устанавливает для гражданских служащих иной порядок поведения [1; 2].

Причину ограничения можно увидеть в необходимости непрерывной работы государственных органов. Например, остановка деятельности органа, который принимает обращения граждан или оформляет необходимые документы, может затронуть большое количество людей. При этом запрет на забастовку не означает, что служащий не вправе отстаивать свои интересы вообще: законодательство предусматривает способы обжалования решений, связанных с прохождением службы.

Наиболее близким к повседневной жизни представляется подпункт 1.3 пункта 1 статьи 26. Он запрещает гражданскому служащему выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением обязанностей по месту основной службы. Вместе с тем в законе предусмотрены исключения для педагогической деятельности в части реализации содержания образовательных программ, научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики, если иное не установлено Конституцией и иными законодательными актами [2].

Например, гражданский служащий, который хочет в свободное время дополнительно работать продавцом в магазине, не может исходить из того, что

такое совместительство разрешено всем работникам. Иная ситуация возникает с преподаванием учебной дисциплины: такая деятельность прямо названа среди исключений. Следовательно, имеет значение не только получение дополнительного дохода, но прежде всего характер выполняемой работы.

Есть и отдельное условие, связанное со временем выполнения разрешенной работы: осуществлять ее в рабочее время можно по согласованию с руководителем государственного органа или уполномоченным им лицом [2]. Таким образом, закон различает допустимый вид деятельности и возможность заниматься им во время исполнения основных служебных обязанностей. Нельзя считать, что согласие руководителя позволяет выполнять вообще любую оплачиваемую работу: исключения определены законом.

Подпункт 1.4 пункта 1 статьи 26 предусматривает, что гражданский служащий не вправе принимать государственные награды иностранных государств без согласия Президента Республики Беларусь [2]. Здесь следует обратить внимание именно на слова «государственные награды». Данное ограничение не следует автоматически распространять на любой диплом участника конференции, благодарность или памятный сувенир. Для применения нормы важны правовой статус награды и наличие предусмотренного законом согласия.

Еще одно ограничение закреплено в подпункте 1.5 пункта 1 статьи 26. Оно касается документов, предоставляемых иностранными государствами, если эти документы дают льготы и преимущества по признакам политических или религиозных взглядов либо национальной принадлежности. Запрещается также пользоваться такими льготами и преимуществами, если иное не следует из международных договоров Республики Беларусь [2].

При прочтении этой нормы может возникнуть ошибочное представление, будто закон запрещает гражданскому служащему любые иностранные документы. На самом деле речь идет об особой категории документов, связанных с перечисленными в законе преимуществами. Такое точное понимание ограничений

необходимо, поскольку расширять содержание запрета без основания нельзя.

Отдельные ограничения имеют значение еще до назначения гражданина на должность. Так, пункт 3 статьи 28 Закона № 175-З устанавливает требование, связанное с документами иностранных государств, которые предоставляют указанные выше льготы и преимущества [2]. Это показывает, что некоторые ограничения действуют уже на этапе поступления на службу.

Статья 38 Закона № 175-З закрепляет случаи, при которых гражданин не может быть принят на гражданскую службу. Среди них имеются обстоятельства, связанные с состоянием здоровья, правовым статусом лица и условиями исполнения будущих обязанностей. Отдельно следует отметить ограничение для супругов, близких родственников и свойственников при непосредственной подчиненности или подконтрольности одного другому [2]. Само по себе родство двух работников одного государственного органа еще не означает нарушения: значение имеет характер их служебных отношений.

Таким образом, ограничения гражданской службы можно разделить на две группы: влияющие на допуск к службе и действующие в период ее прохождения. Это деление позволяет точнее определять, когда и к кому применяется конкретная норма.

Ограничения статьи 26 имеют не рекомендательный, а обязательный характер. В пункте 2 этой статьи предусмотрено освобождение гражданского служащего от занимаемой гражданской должности (увольнение) за нарушение требований пункта 1 статьи 26, а также пункта 3 статьи 28. Несоблюдение ограничений упоминается и среди оснований прекращения гражданской службы в статье 46 Закона № 175-З [2].

Поэтому при решении вопроса о нарушении следует сначала выяснить, какое ограничение применимо к служащему. Затем нужно установить, совершал ли он соответствующие действия и предусмотрено ли законом исключение. Например, в вопросе о дополнительной работе нельзя ограничиваться самим фактом получения

вознаграждения: необходимо определить вид деятельности и условия ее выполнения. Такой подход позволяет не относить к нарушениям действия, которые закон прямо допускает.

Вместе с тем гражданский служащий сохраняет право защищать свои интересы. Статья 24 Закона № 175-З предусматривает обращение в вышестоящие государственные органы и (или) суд по спорам, связанным со службой [2]. Следовательно, наличие специальных ограничений не исключает законной проверки решения об увольнении.

Таким образом, статья 26 Закона № 175-З устанавливает пять основных ограничений гражданской службы: запрет на занятие других государственных должностей без законного основания, участие в забастовках, выполнение определенной иной оплачиваемой работы, принятие иностранных государственных наград без необходимого согласия, а также получение отдельных иностранных документов и пользование предоставляемыми ими преимуществами. Дополнительные ограничения могут быть установлены и другими законодательными актами.

Полагаю, что при изучении этих норм особенно важно обращать внимание на исключения и точные формулировки закона. Одни ограничения действуют безусловно в пределах указанного состава, другие предусматривают согласие уполномоченного лица или случаи, прямо разрешенные законодательством. Знание этих различий помогает понять не только обязанности гражданского служащего, но и границы допустимого поведения на государственной гражданской службе.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.). Ст. 39, 41. URL: https://constitution.by/1994/5/ (дата обращения: 16.10.2026).

2. О государственной службе: Закон Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-

3 (с изменениями по состоянию на 29 декабря 2025 г.). Ст. 24, 26, 28, 38, 46. URL: https://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=140760 (дата обращения: 16.10. 2026).

3. Об изменении законов по вопросам пенсионного обеспечения: Закон Республики Беларусь от 29 декабря 2025 г. № 124-З. URL: https://base.spinform.ru/ show_doc.fwx?rgn=174534 (дата обращения: 16.10.2026).

© Рогальская Е.А., 2026

УДК 347.441

Сбитнева И.В.

студентка 3 курса магистратуры МФЮА,

г. Москва, РФ

Научный руководитель: Иерусалимская Е.А.

к.ю.н., доцент МФЮА

г. Москва, РФ

ДОГОВОР ОБ ОКАЗАНИИ АУДИТОРСКИХ УСЛУГ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ

Аннотация

Статья посвящена договору аудиторских услуг, сочетающему частноправовую форму и публичную цель финансового контроля. Актуальность вызвана дуализмом, порождающим риски незаключенности, подмены аудита сопутствующими услугами, нарушения независимости и аудиторской тайны. Цель – выявить существенные условия и минимизировать правовые риски. Метод – анализ Гражданского кодекса РФ, Федерального закона № 307-ФЗ, МСА и судебной практики. Результат: обосновано значение предмета и задания заказчика; необходимость закрепления субподряда; независимость оплаты от мнения аудитора; регулирование одностороннего отказа.

Ключевые слова:

договор оказания аудиторских услуг; существенные условия; задание заказчика; независимость аудитора; аудиторская тайна; ответственность сторон; односторонний отказ от договора

«Доверяй, но проверяй» – принцип, который лежит в основе любого успешного партнерства. В бизнесе инструментом проверки становится аудит, а механизмом реализации выступает договор на оказание аудиторских услуг.

Несмотря на квалификацию аудита как одного из вида возмездной услуги в Гражданском кодексе Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), аудит – это гораздо больше, чем просто услуга, это сложное правовое явление, имеющее комплексный характер, именно поэтому в целях регулирования вопроса договоров об оказании аудиторских услуг мало руководствоваться общими для данного вида договора нормами гражданского законодательства, необходимо обращаться к специальному регулированию. Кроме того, необходимо брать во внимание, что аудит – это специфическая форма финансового контроля, главная цель которой – создавать фундамент доверия между участниками рынка. Заключая договор на аудит, заказчик в результате его исполнения получает не просто отчет (аудиторское заключение), а подтверждение своей деловой репутации. Однако за этой, казалось бы, ясной конструкцией скрывается глубокий дуализм: аудит, являясь частной услугой, лишь отчасти регулируемой главой 39 ГК РФ [1], тесно связан с публично-значимой процедурой финансового контроля, регламентированной Федеральным законом от 30.12.2008 «Об аудиторской деятельности» № 307-ФЗ [2] (далее ФЗ-307) и иными специальными нормами. Именно такая двойственная природа порождает большинство правовых рисков – от признания договора незаключенным ввиду несогласованности предмета или иных условий, которые стороны договора в том или ином случае признают существенными, до конфликта независимости аудитора при смешении услуг. Чтобы минимизировать всевозможные риски, необходимо разобраться в юридической сути договора, обозначить существенные условия, выделяемые не только законодателем, но и правоприменителем, а также проанализировать имеющуюся судебную практику.

До перехода к рассмотрению рисков в договорах на оказание аудиторских услуг, нужно отметить, что само понятие договора в этой сфере лишь косвенно обозначено гражданским законодательством в списке тех, к которым применимы нормы главы 39 ГК РФ [1]. Так, согласно п. 2 ст. 779 ГК РФ [1], договор об оказании аудиторских услуг по своей правовой природе относится к договору возмездного

оказания услуг. В соответствии с п.1 ст. 779 ГК РФ [1], по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Ввиду особой специфики договора на оказание аудиторских услуг важным элементом договора на оказание аудиторских услуг являются стороны. Договор является двусторонним, синаллагматическим (встречным). Со стороны заказчика выступает либо аудируемое лицо, либо лицо, заключившее договор на оказание аудиторских услуг. Согласно п. 4 ст. 6 ФЗ-307 [2] аудиторское заключение при этом может быть выдано только указанным лицам, а также в определенных случаях налоговому органу. Со стороны исполнителя выступает либо аудиторская организация, либо индивидуальный аудитор.

Аудит, являясь специфической услугой, публичной по цели и содержанию, сохраняет свою гражданско-правовую форму, но публично-правовая цель, которая лежит в области финансового контроля, все же накладывает свой отпечаток на права и обязанности сторон. Проявление смешения двух «правовых природ» несложно обнаружить при конфликте принципа свободы договора и обязательным в силу закона аудитом. Сохраняя принцип свободы заключения договора, присущий договорам возмездного оказания услуг, договор на оказание аудиторских услуг, заключаемый с субъектами, аудит для которых обязателен в силу закона (ст. 5 ФЗ-307 [2]), должен с определенными условиями быть признан публичным договором, отказ от заключения которого со стороны аудиторских организаций должен быть возможен только в случае наличия мотивирования и законных к тому оснований. При этом в настоящее время заключение договоров на аудит является добровольным, свободным, что создает немало сложностей и рисков для организаций, аудит которых является обязательным в силу закона.

При анализе существующей по рассматриваемому вопросу юридической литературы было выявлено наличие еще одной сложности в возможном смешении

договора на оказание аудиторских услуг с договором подряда. Основной целью аудита как независимого негосударственного финансового контроля является обеспечение доверия к информации, сформированной участниками экономических отношений [15; 34-38], путем выражения мнения о достоверности финансовой отчетности аудируемых лиц (п. 3 ст. 1 ФЗ-307 [2]). Согласно п. 6 Международного стандарта аудита 700 [12] (далее – МСА 700), целью аудитора является формирование мнения и его четкое выражение в форме письменного заключения, при этом согласно п. А18 МСА 700 [12], письменным заключением является заключение как на бумажных, так и на электронных носителях. Таким образом, результатом аудита становится выдача заказчику аудиторского заключения (отчета), ввиду чего в доктрине существовал взгляд об овеществленном характере договора и его переквалификации, однако такое решение преждевременно и излишне ввиду следующего. Для заказчика особое значение имеет не сам материальный (электронный) носитель с результатом оказанной услуги, а информация, содержащаяся на нем, кроме того, в случае с договором подряда результат работ (услуг) можно и нужно четко охарактеризовать, указать существенные параметры, исполнение которых в частности будет свидетельствовать об исполнении договора в целом, в то же время результат договора в виде аудиторского заключения, а соответственно информация (мнение) не подлежит предварительному договорному определению и является независимым, а какое либо договорное условие, ставящее мнение аудитора в зависимость от каких-либо закрепленных условий, является нарушением принципа независимости (пп. 2.28 п.1 Правил независимости аудиторов и аудиторских организаций [13]). Так, в числе нарушений, обнаруженных в ходе внешнего контроля деятельности аудиторских организаций, названо определение в договоре оказания аудиторских услуг зависимости порядка выплаты вознаграждения аудиторской организации, индивидуальному аудитору от выполнения каких бы то ни было требований аудируемого лица к содержанию

выводов, которые могут быть сделаны в результате аудита (п. 1.18.14 Классификатора [10]). Также важно отметить, что в случае заключения договора подряда, при отсутствии результата (его несоответствии условиям договора) заказчик имеет право не производить оплату подрядчику полностью или в части. При заключении договора на оказание аудиторских услуг заказчик будет обязан внести плату за сам процесс проведения проверки даже в том случае, когда результатом такой проверки будет отказ от выражения мнения и, как следствие, отсутствие необходимой для бизнеса информации, привычной для аудиторского заключения. Стоит отметить, что законодатель все же дает право при необходимости применять к отношениям в сфере оказания аудиторских услуг общие положения о договоре подряда в случаях, не противоречащих особенностям предмета договора возмездного оказания услуг (ст. 783 ГК РФ [1]). Однако это не свидетельствует о том, что договор об оказании аудиторских услуг можно сравнять с договором подряда.

Заложенный в нормы права дуализм безусловно порождает дискуссии о сути аудита и правовом статусе субъектов аудиторской деятельности. В связи с этим договоры на оказание аудиторских услуг подлежат более строгому контролю со стороны не только саморегулируемых организаций аудиторов, но и Минфина России и Банка России (ст. 2 ФЗ-307 [2]).

Помимо сложности определения юридической сути договора на оказание аудиторских услуг сам договор несет в себе риски, тесно связанные с дуализмом. Среди таких рисков стоит обозначить следующие:

1) отсутствие определенного перечня существенных условий договора;

2) несогласованность предмета и как следствие признание договора незаключенным;

3) подмена аудита сопутствующими аудиту услугами и подрыв независимости аудитора;

4) зона повышенной ответственности в части возможного конфликта между

«специальным аудитом» («аутсорсингом» в аудите) и режимом аудиторской тайны;

5) отсутствие четкого определения оснований ответственности за неисполнение или частичное неисполнение договора;

6) односторонний отказ от договора как право, предусмотренное для договоров возмездного оказания услуг и его конфликт с целями аудита.

Согласно требованиям гражданского законодательства (ст. 432 ГК РФ [1]), договор считается заключенным при условии достижения соглашения между сторонами по всем существенным условиям, которыми признаются условия о предмете, а также условия, которые в законе или иных правовых актах названы в качестве существенных или необходимых для данного вида договора, а также те, в отношении которых по заявлению хотя бы одной необходимо достигнуть соглашения. При этом важно отметить, что законодатель не закрепляет обязанность достижения соглашения путем выражения его в договоре тем или иным способом. Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что согласование возможно также путем переговоров, переписок, а в части сферы оказания аудиторских услуг также путем направления и соответственно получения письма-соглашения [11], то есть и путем обмена значимыми документами и иными способами. Немаловажно в части рассмотрения вопроса о существенных условиях договора отметить решение Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – Президиум ВАС РФ) от 08.02.2011 № 138970/10, в котором Президиум ВАС РФ отмечает, что в случае наличия спора о заключенности договора судам необходимо оценивать все обстоятельства и доказательства в пользу сохранения, а не аннулирования обязательств, а также исходя из презумпции и добросовестности участников правоотношений [6]. Исходя из вышеизложенного, законодательно закрепленным существенным условием договора на оказание аудиторских услуг является предмет.

Поскольку четко закрепленного перечня существенных условий договора на оказание аудиторских услуг в законе нет, необходимо обратиться к глубокому

анализу судебной практики и иных актов, регулирующих вопросы аудиторской деятельности. Помимо предмета, исходя из анализа ст. 781 ГК РФ [1], существенным условием также стоит признать порядок и сроки оплаты, что вытекает из самой природы договора возмездного оказания услуг. Что касается условия о цене договора (размере вознаграждения аудитора), стоит отметить, что в случае недостижения согласия относительно данного условия, договор не будет признан незаключенным. Согласно анализу существующей судебной практики, а также юридической литературы и документов, утвержденных Правлением СРО ААС, цена является определимым условием. Так, СРО АСС был проведен анализ [14] и рассчитана рекомендуемая справедливая ставка аудитора, которая составила 3400 рублей за час (без учета НДС) на одного аудитора. Для избежания сомнений аудиторским организациям рекомендуется разработать и утвердить локальный нормативный акт, закрепляющий ставки специалистов. Однако не стоит забывать, что в случаях, когда определение размера вознаграждения аудитора является обязательным в силу закона, например абз. 2 п.2 ст. 86 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [3], нарушение законного требования может привести к признанию сделки ничтожной (ст. 168 ГК РФ).

Противоположное изложенному мнение содержится в решении Президиума ВАС РФ от 14.10.1997 № 1506/97 [5]. Суд в своем постановлении приходит к выводу о том, что цена по договорам возмездного оказания услуг является существенным условием, поскольку «определяется характером сделки». Трудно согласиться с указанным решением относительно всех договоров, урегулированных ст. 729 ГК РФ [1], в частности относительно договоров на аудит, поскольку правила п. 3 ст. 424 ГК РФ [1], а также рекомендации СРО ААС позволяют рассчитать цену и сохранить договорные обязательства в случае, когда цена прямо не согласована в договоре.

Что касается вопроса признания договора заключенным, а также согласованности предмета, важно рассмотреть два аспекта: когда договор признается исполненным со стороны аудитора; какую роль играет задание

заказчика. Договор аудита в самом идеальном представлении считается исполненным со стороны аудитора не с момента передачи заключения как «вещи», а с момента выполнения согласованной с заказчиком программы проверки; именно задание заказчика конкретизирует предмет и позволяет отграничить исполнение от его имитации. В судебной практике сложился устойчивый подход: если из договора невозможно определить, какие именно услуги и в каком объеме подлежат оказанию, а задание заказчика отсутствует, суды констатируют несогласованность предмета. Применительно к аудиту задание заказчика выполняет двойную функцию. Во-первых, оно способно определенным образом детально описать предмет (проверяемый период, состав отчетности, уровень существенности и иные характеристики). Во-вторых, оно служит доказательством того, что услуга оказывалась в интересах и по воле заказчика.

В деле № А68-9576/2019 [9] Арбитражный суд установил, что аудитор принял обязательства «выполнить согласованные процедуры в соответствии с Техническим заданием» – именно техническое задание выступило критерием согласованности предмета.

Судебная практика разнообразно и существует обратный пример, когда суд признал ошибочным вывод о незаключенности договора аудита из-за отсутствия согласования срока, поскольку «условие о сроке оказания услуг закон не относит к существенным условиям такого вида договора». Это подтверждает, что решающее значение имеет именно предмет, прямо названный в законе в качестве существенного условия, а не срок или иные характеристики.

Риск незаключенности легко минимизировать, если обе стороны этого действительно хотят. Договор необходимо дополнить отсылкой к заданию заказчика (техническому заданию), а само задание подписать в качестве приложения к договору. Акты сдачи-приемки без задания не заменяют согласования предмета, поскольку суды оценивают предмет договора на момент его заключения, а не ретроспективно.

Диспозитивная норма ст. 780 ГК РФ [1] позволяет аудиторской организации привлекать третьих лиц, но судебная практика требует, чтобы это право было прямо закреплено в договоре; молчаливое привлечение субподрядчика лишает исполнителя права требовать оплаты. В такой ситуации, когда стороны оговорили возможность помимо личного исполнения привлекать субподряд, возникает конфликт между специальным аудитом и режимом аудиторской тайны. Согласно ст. 780 ГК РФ [1], заказчика интересует процесс деятельности конкретного исполнителя, а гарантией качества выступают опыт и квалификация этого специалиста. Судебная практика по ст. 780 ГК РФ [1] прямо указывает: если договором не предусмотрено исполнение третьими лицами, «возложение на третье лицо обязанности по оказанию услуг не соответствует условиям договора», и при отсутствии доказательств личного оказания услуг суды отказывают во взыскании задолженности. При этом п. 3 ст. 780 ГК РФ [1] не применяется автоматически – ст. 783 ГК РФ [1] допускает применение общих положений о подряде (включая ст. 706 ГК РФ [1] о субподряде) лишь постольку, поскольку это не противоречит особенностям предмета услуг. В аудите «особенность предмета» проявляется в том, что субподрядчик получает доступ к документам, содержащим аудиторскую тайну (ст. 9 ФЗ-307 [2]). Это порождает конфликт: привлечение третьего лица без письменного согласия заказчика может быть квалифицировано не только как нарушение ст. 780 ГК РФ [1], но и как нарушение режима конфиденциальности. В договоре целесообразно прямо предусмотреть право аудитора привлекать третьих лиц с обязательным письменным согласием заказчика и возложением на субподрядчика обязанности соблюдать аудиторскую тайну. Судебная практика не знает примеров, когда молчаливое привлечение субподрядчика в аудите было бы признано правомерным.

Вопрос об отсутствии оснований ответственности по договору встает не менее остро. Кратко рассмотрим два тезиса: отказ заказчика от оплаты ввиду несогласия с мнением аудитора неправомерен; последствия зависят от того, по чьей вине

возникла невозможность исполнения. Гражданским кодексом, а именно ст. 781 ГК РФ [1], установлены случаи оплаты услуг. Во-первых, при надлежащем исполнении заказчиком должны быть оплачены оказанные ему услуги по порядку, регламентированному в договоре. Во-вторых, в случае, если по вине самого заказчика услуги не исполнены, они все же подлежат оплате в полном объеме (если иное не установлено договором или законом). Это ключевое правило для аудита, поскольку на практике возникают ситуации, когда заказчик не предоставляет документы, воспрепятствует проверке или отзывает задание. В таком случае заказчик действует недобросовестно и не вправе ссылаться на отсутствие результата. В-третьих, когда невозможность исполнения договорных обязательств возникает по обстоятельствам, за которые ни одна из сторон не отвечает, заказчик возмещает исполнителю фактически понесенные расходы (если иное не установлено договором или законом).

При заключении договоров аудируемое лицо зачастую не осознает, что характер договора на оказание аудиторских услуг предполагает лишь единичный случай, когда оплата по договору не производится: невозможность исполнения договора по вине исполнителя. Судебная практика по аудиту подтверждает данный тезис: заказчик обязан оплатить услуги даже при отказе аудитора от выражения мнения, поскольку оплате подлежит процесс проверки, а не конкретное мнение. Показательно Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 15.12.2006 № КГ-А40/12225-06 [7]: суд указал, что «односторонний отказ от оплаты оказанных услуг является необоснованным», поскольку услуги были оказаны в полном объеме, а несогласие заказчика с результатом само по себе не освобождает от оплаты.

В деле № А55-16856/2023 Верховный Суд РФ [4] отказал в передаче кассационной жалобы аудиторской фирмы, оставив в силе взыскание убытков с аудитора, который не выявил существенных нарушений в отчетности. Суды применили ст. 431.2 ГК РФ [1] (заверения об обстоятельствах), указав на отсутствие

в материалах дела доказательств надлежащего выполнения аудита. Это иллюстрирует обратную ситуацию: ответственность аудитора наступает не за мнение как таковое, а за некачественное выполнение процедур, повлекшее искажение результата.

Таким образом, в договоре целесообразно закрепить, что оплата не ставится в зависимость от содержания мнения аудитора; при этом основания ответственности аудитора следует ограничить случаями грубых нарушений стандартов, повлекших искажение отчетности и документально подтвержденные убытки.

Напрямую с предыдущим проанализированным риском стоит вопрос конфликта целей аудита и одностороннего отказа от договора. Гражданский кодекс РФ [1] дает заказчику безусловное право на отказ, но в аудите этот отказ может быть заблокирован через договорное условие о порядке его реализации, а судебная практика признает такие условия правомерными, если они не лишают заказчика права на отказ полностью.

Согласно ст. 782 ГК РФ [1], заказчик вправе отказаться от исполнения договора при условии оплаты исполнителю фактически понесенных расходов, а исполнитель лишь при полном возмещении убытков заказчику. Для аудита последствие отказа заказчика может быть разрушительным и нелогичным, не сопоставимым целям аудита как такового, поскольку проверка уже начата, аудитор ознакомился с документами, но не завершил процедуры; при этом заказчик получает возможность заменить аудитора на лояльного.

Судебная практика демонстрирует гибкий подход в данном вопросе. В ранее рассмотренном Постановлении от 15.12.2006 № КГ-А40/12225-06 [7] суд связал недопустимость одностороннего отказа от оплаты с тем, что услуги уже были оказаны. По делу № А33-4600/2017 Арбитражный суд [8] признал правомерным односторонний отказ заказчика, «предусмотренный п. 7.1 договора и ст. 782 ГК РФ», отметив, что такой отказ «не может нарушать права участников общества». Это показывает: если договор прямо регулирует порядок отказа, суды его

поддерживают.

В целях минимизации риска возникновения конфликта в договоре необходимо предусмотреть следующие аспекты:

1) уведомительный порядок: отказ возможен только при письменном уведомлении за определенный срок (например, 10 рабочих дней) до предполагаемой даты расторжения;

2) компенсация фактических расходов: прямое указание, что при отказе заказчик оплачивает стоимость фактически выполненного объема процедур на дату уведомления, подтвержденного рабочими документами аудитора;

3) завершение критических процедур: условие о том, что отказ не освобождает заказчика от обязанности предоставить аудитору документы, необходимые для завершения уже начатых процедур, если это требуется для соблюдения стандартов;

4) согласование с СРО: уведомление саморегулируемой организации о досрочном расторжении договора обязательного аудита.

Важно отметить, что условие, полностью лишающее заказчика права на отказ, ничтожно. Но условие, устанавливающее порядок реализации этого права и компенсационный механизм, судебной практикой не оспаривается, а законом не запрещено.

Договор оказания аудиторских услуг – это не просто разновидность договора возмездного оказания услуг, это комплексное правовое явление, в котором частноправовая форма сочетается с публично-значимой целью финансового контроля. Именно этот дуализм порождает основные практические риски, описанные в статье. Эффективное регулирование аудиторских отношений возможно не через отказ от гражданско-правовой формы, а через ее тонкую настройку с учетом специального законодательства, стандартов аудита и судебных подходов. Договор должен фиксировать задание заказчика, программу проверки, порядок привлечения третьих лиц, конфиденциальность, оплату независимо от

содержания мнения, основания ответственности и процедуру расторжения. Только такой баланс частных интересов и публичной цели способен обеспечить главное предназначение аудита: доверие к финансовой отчетности и устойчивость рынка.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2008. № 267.

3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

4. Определение Верховного Суда РФ от 30.10.2024 № 306-ЭС24/17586.

5. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.10.1997 № 1506/97 по делу № 96-7/15.

6. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 № 138970/10 по делу № А46-18723/2008.

7. Постановление ФАС Московского округа от 13.12.2006, 15.12.2006 № КГ-А40/12225-06 по делу № А40-38769/06-93-308.

8. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 30.08.2017 по делу № А33-4600/2017.

9. Решение Арбитражного суда Тульской области от 16.12.2019 по делу № А68-9576/2019.

10. Классификатор нарушений и недостатков, выявляемых в ходе внешнего контроля деятельности аудиторских организаций, аудиторов: утвержден решением Правления СРО ААС от 25.07.2025, протокол № 742.

11. Международный стандарт аудита 210 «Согласование условий аудиторских заданий»: введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н (ред. от 16.10.2023).

12. Международный стандарт аудита 700 «Формирование мнения и составление

заключения о финансовой отчетности»: введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 09.11.2021 № 172н.

13. Правила независимости аудиторов и аудиторских организаций (ред. № 2): утверждены решением Правления СРО ААС от 14.03.2025, протокол № 725.

14. Рекомендации по выбору аудиторской организации для проведения аудита: утверждены Решением Правления СРО ААС от 27.06.2025 (протокол № 738).

15. Суханова И.А. Об учете публичного характера аудита в определении правового статуса субъектов аудиторской деятельности // Финансовое право. 2025. № 10. С. 34–38.

© Сбитнева И.В., 2026

УДК 4414

Читах Ю.А.

Магистрант 3 курса юридического факультета

Научный руководитель: Вересов В.Н.

к.ю.н., доцент

Херсонский технический университет,

г. Геническ, РФ

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ УЧЁТА ЛИЦ, ЛИШЁННЫХ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Аннотация

Статья посвящена юридической ответственности за нарушения информационной безопасности при учёте граждан, лишённых права управления транспортными средствами. Рассматриваются три разных по последствиям вида нарушений: раскрытие персональных данных, неправомерное изменение учётных сведений и ограничение доступа к ним. На основе законодательства 2024–2026 годов анализируются дисциплинарные, административные, уголовные и гражданско-правовые механизмы ответственности. Особое внимание уделено правовому статусу нарушителя и оператора данных. Предложены способы фиксации действий пользователей, проверки обоснованности исправлений и установления обстоятельств инцидента.

Ключевые слова:

информационная безопасность, персональные данные, Госавтоинспекция, лишение права управления, учётные сведения, юридическая ответственность, неправомерный доступ.

Chitakh Y.A.

3st year Master's student at the Faculty of Law

Scientific supervisor: Veresov V.N.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Kherson Technical University

Genichesk, Russian Federation

LEGAL LIABILITY FOR BREACHES OF INFORMATION SECURITY REQUIREMENTS IN MAINTAINING RECORDS OF PERSONS DISQUALIFIED FROM DRIVING

Abstract:

The article addresses legal liability for information security violations in records of individuals deprived of the right to drive. It examines three distinct types of incidents: disclosure of personal data, unauthorized alteration of records, and disruption of access to information. Disciplinary, administrative, criminal, and civil liability are considered in the context of Russian legislation amended in 2024–2026. Particular attention is paid to the legal status of the offender and the data controller. The article also suggests ways to record user activity, verify the grounds for corrections, and establish the circumstances of an incident.

Keyword:

information security, personal data, State Traffic Inspectorate, disqualification from driving, record keeping, legal liability, unlawful access.

На первый взгляд учёт граждан, лишённых права управления транспортными средствами, может показаться сугубо технической задачей. Однако от корректности сведений в системе зависят вполне конкретные правовые последствия. Неверная запись способна помешать выдаче водительского удостоверения, а необоснованное удаление сведений - затруднить выявление

человека, продолжающего управлять автомобилем вопреки судебному постановлению. Значит, защищать необходимо не только данные от посторонних: не менее важны их достоверность, сохранность и возможность своевременно получить к ним доступ. При решении вопроса об ответственности приходится учитывать, какую именно обязанность нарушили, кто совершил действие, с какой формой вины и к чему оно привело.

Рассматривать эту проблему удобнее, исходя из того, что информация сама по себе является объектом правового регулирования. Как отмечается в предисловии к учебнику под редакцией С.Е. Чаннова (2024), «Информационное право в самом широком смысле - право об информации, являющейся важным объектом правоотношений в современном обществе». Применительно к сведениям о лишении права управления это особенно заметно: значение имеет не только итоговая запись, но и весь путь информации - от поступления судебного постановления до внесения, уточнения, проверки и законного предоставления данных [1, с. 14].

Отправная точка правового регулирования - статья 17 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции». Она позволяет полиции обрабатывать информацию, необходимую для выполнения её полномочий, и одновременно требует исключать неправомерный и случайный доступ. Закон прямо затрагивает сведения о лицах, совершивших административные правонарушения, и о гражданах, получивших водительские удостоверения. Но одной этой нормы недостаточно: порядок обращения с соответствующей информацией нужно соотносить с правилами исполнения наказания в виде лишения специального права [3;4].

Насколько существенной бывает одна учётная запись, видно из Административного регламента МВД России, утверждённого приказом от 20 февраля 2021 года № 80. Согласно пункту 197.2, сведения о лишении права управления либо права заниматься деятельностью, непосредственно связанной с

управлением транспортными средствами, могут стать основанием для отказа в выдаче удостоверения. Иными словами, состояние базы данных отражается на решении по конкретному человеку. При этом важно не смешивать запись с судебным постановлением: исчезновение сведений из системы не означает прекращения назначенного наказания [6].

Особой внимательности требует определение срока лишения. Было бы ошибкой отсчитывать его исключительно от даты, когда сотрудник внёс информацию в базу. Статья 32.7 КоАП РФ связывает начало течения срока со вступлением постановления в законную силу, а при уклонении от сдачи удостоверения предусматривает прерывание этого срока. Его дальнейшее течение зависит, в частности, от сдачи или изъятия документа либо поступления заявления об утрате. Поэтому изменение даты в учёте должно опираться на проверку именно этих событий и подтверждающих их документов [4].

Если сведения позволяют определить конкретного водителя, речь идёт о персональных данных. Для исполнения законных полномочий государственному органу не всегда требуется получать отдельное согласие гражданина на их обработку. Но здесь проходит принципиальная граница: законное ведение учёта не даёт сотруднику свободы распоряжаться информацией по личному усмотрению. Например, передача выписки знакомому не становится правомерной лишь потому, что у работника имелся служебный доступ к системе. Основание для обработки данных и основание для их распространения - разные юридические вопросы [5].

Понять характер возможных нарушений помогает принятое в информационной безопасности разграничение конфиденциальности, целостности и доступности. На эти три свойства обращает внимание и И. С. Бондаренко в учебнике «Информационная безопасность» (2023). В рассматриваемом учёте каждое из них имеет собственное практическое значение: раскрытие сведений затрагивает конфиденциальность, неправомерное исправление - целостность, а невозможность получить необходимую запись вовремя - доступность.

Соответственно, различаются и риски для законного исполнения наказания [2, с. 21].

Таблица 1

Нарушения безопасности при ведении учёта

Охраняемое свойство	Пример нарушения	Возможное последствие
Конфиденциальность	Передача выписки лицу без законного основания	Раскрытие персональных данных водителя
Целостность	Изменение срока лишения или удаление записи без основания	Ошибочное решение по результатам проверки
Доступность	Уничтожение данных либо блокирование их получения	Задержка проверки правового положения водителя

Из таблицы видно, что нарушение информационной безопасности далеко не всегда означает утечку. Допустим, кто-то без законного основания изменил дату окончания срока лишения. Никакие сведения могли не попасть к посторонним, однако результат проверки водителя уже окажется искажённым. Эти примеры приведены для анализа возможных ситуаций; они не являются изложением обстоятельств конкретных судебных дел.

Начнём с дисциплинарной ответственности. Для сотрудника органов внутренних дел она возникает при виновном нарушении служебной дисциплины, в том числе правил работы с учётными сведениями. Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ предусматривает целый ряд взысканий: от замечания и выговора до строгого выговора, предупреждения о неполном служебном соответствии, перевода на нижестоящую должность и увольнения. Однако выбирать меру необходимо с соблюдением предусмотренной процедуры. Было бы неправильно рассматривать любую техническую ошибку как безусловное основание для увольнения [8].

Здесь возникает важный вопрос: можно ли за то же нарушение сразу назначить сотруднику административный штраф? Ответ зависит прежде всего от его статуса. По части 1 статьи 2.5 КоАП РФ сотрудники органов внутренних дел,

имеющие специальные звания, за правонарушения, не перечисленные в части 2 указанной статьи, отвечают в дисциплинарном порядке. Статьи 13.11 и 13.14 в этом перечне не названы. Следовательно, предусмотренные ими административные штрафы нельзя без дополнительной правовой оценки переносить на такого сотрудника. Иная ситуация возможна в отношении гражданского работника или другого участника обработки данных [4].

Административно-правовые нормы охватывают неодинаковые по своему содержанию действия. Так, статья 13.11 КоАП РФ касается нарушений требований законодательства о персональных данных, включая отсутствие надлежащего основания обработки и неисполнение определённых обязанностей оператора. Статья 13.14 посвящена разглашению информации с ограниченным доступом лицом, узнавшим её при исполнении служебных либо профессиональных обязанностей, с учётом законных исключений. Поэтому сначала необходимо выяснить, какой именно состав образуют установленные действия. Автоматическое сложение санкций за один эпизод разглашения не заменяет юридическую квалификацию [4].

После изменений, внесённых Федеральным законом от 30 ноября 2024 года № 420-ФЗ, вопрос ответственности за нарушения при обращении с персональными данными приобрёл дополнительное значение. С 30 мая 2025 года действуют новые составы, связанные, в частности, с неправомерной передачей информации и нарушением порядка уведомления. Для исследования учёта в Госавтоинспекции важно отдельно рассмотреть размеры санкций, предусмотренных для должностных лиц государственного органа. Примеры приведены в таблице 2 [10].

Таблица 2

Отдельные санкции статьи 13.11 КоАП РФ

Часть статьи	Основание ответственности	Штраф для должностного лица
11	Неуведомление или несвоевременное уведомление о передаче данных, нарушившей права субъектов	400–800 тыс. руб.
12	Неправомерная передача данных 1–10 тыс.	200–400 тыс. руб.

Часть статьи	Основание ответственности	Штраф для должностного лица
	субъектов и (или) 10–100 тыс. идентификаторов	
13	Неправомерная передача данных 10–100 тыс. субъектов и (или) 100 тыс.–1 млн идентификаторов	300–500 тыс. руб.
14	Неправомерная передача данных более 100 тыс. субъектов и (или) более 1 млн идентификаторов	400–600 тыс. руб.

При чтении таблицы легко упустить существенные оговорки. Примечания 2 и 3 к статье 13.11 КоАП РФ разграничивают должностных лиц государственных и муниципальных органов и операторов - юридических лиц, для которых предусмотрены штрафы по частям 10–18. Государственные органы и некоммерческие организации исключены из последнего определения. Кроме того, продолжает действовать специальное правило статьи 2.5 КоАП РФ о сотрудниках, имеющих специальные звания. Поэтому приведённые суммы не следует воспринимать как штраф, который обязательно налагается на любого работника Госавтоинспекции [4, с. 13].

Уголовно-правовая оценка требует ещё большей точности: недостаточно назвать поведение опасным или недопустимым, необходимо доказать признаки определённого состава преступления. Статья 272 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, если он повлёк её уничтожение, блокирование, изменение либо копирование, с учётом установленного исключения для статьи 272.1. Даже наличие личной служебной учётной записи не означает, что любые действия пользователя разрешены. Следует выяснить объём его полномочий и фактические последствия доступа. Без такой проверки говорить о состоявшемся преступлении преждевременно [7].

Отдельного внимания заслуживает статья 272.1 УК РФ, появившаяся благодаря Федеральному закону от 30 ноября 2024 года № 421-ФЗ. Она касается незаконных действий с компьютерной информацией, содержащей персональные данные, если такие сведения получены через неправомерный доступ, вмешательство в работу

средств обработки либо другим незаконным способом. Например, при передаче массива учётных данных понадобится установить не только факт передачи, но и незаконное происхождение информации, а также конкретные действия виновного. По этой причине случайно отправленную выписку нельзя автоматически квалифицировать по данной статье [7; 11].

Если должностное лицо сознательно искажает сведения учёта, возникает вопрос и о преступлениях против государственной службы. Статья 292 УК РФ связывает служебный подлог с внесением заведомо ложных сведений в официальный документ или искажающих исправлений при корыстной либо иной личной заинтересованности. Но прежде следует определить, обладает ли конкретная электронная запись признаками официального документа. Для применения статьи 285 УК РФ, в свою очередь, требуются доказательства использования служебных полномочий вопреки интересам службы, предусмотренной законом заинтересованности и существенного нарушения охраняемых прав или интересов [7].

Не каждое небрежное действие с учётной записью образует уголовно наказуемую халатность. При обращении к статье 293 УК РФ необходимо установить, что лицо является должностным, какую обязанность оно не исполнило, имеется ли причинная связь и наступили ли последствия, указанные в законе. Аналогичной осторожности требует разглашение данных: статья 137 УК РФ применима, когда затронута именно личная или семейная тайна и доказаны остальные признаки состава, с учётом исключения для статьи 272.1. Персональные данные и сведения о личной либо семейной тайне - не тождественные понятия [7].

Наряду с наказанием виновного остаётся вопрос о восстановлении нарушенных прав гражданина. Здесь действует гражданско-правовая ответственность. По статье 1069 ГК РФ вред от незаконных действий или бездействия государственных органов и их должностных лиц возмещается за счёт соответствующей казны. Значит, требование о возмещении не обязательно

предъявляется непосредственно работнику, допустившему ошибку. Однако самого факта неверной записи ещё недостаточно, чтобы считать доказанным имущественный ущерб: нужно подтвердить вред и причинную связь между ним и незаконным действием. Это касается, например, заявлений о якобы утраченном заработке [9].

Особое правило установлено статьёй 24 Закона о персональных данных: нарушение прав субъекта и требований к обработке или защите информации может повлечь возмещение морального вреда независимо от имущественного. Получается, что меры ответственности решают разные задачи. Взыскание в отношении сотрудника не исправляет ошибочную запись автоматически, а привлечение к уголовной ответственности само по себе ещё не означает возмещения вреда гражданину [5].

Как установить, что именно произошло с записью и кто за это отвечает? Прежде всего необходимо сохранить возможность проследить каждое изменение. Для этого при проверке следует сопоставлять судебное постановление, дату его вступления в силу, документы о сдаче либо изъятии удостоверения, историю корректировок и сведения о действиях пользователей. Если несколько работников используют одну учётную запись, определить исполнителя значительно труднее. Представляется обоснованным разделять права на просмотр и редактирование, сохранять предыдущие значения полей и требовать документального основания для каждого исправления. При этом технические записи помогают восстановить последовательность событий, но не подменяют доказательство вины.

Безопасность такой системы нельзя обеспечить одним лишь запретом на доступ посторонних. Статья 19 Закона о персональных данных предусматривает выявление угроз, обнаружение несанкционированного доступа, восстановление изменённой или утраченной информации, регистрацию действий пользователей и контроль защитных мер. Для учёта лишённых права управления отсюда следует вполне практический вывод: необходимо проверять возможность восстановления

из резервных копий и обеспечивать сохранность журнала изменений, в том числе от вмешательства лица, действия которого проверяются. Выбор технических мер должен соответствовать требованиям к конкретной информационной системе [5].

Значение имеет и скорость реагирования на инцидент. По части 3.1 статьи 21 Закона о персональных данных при выявлении неправомерной либо случайной передачи данных, повлёкшей нарушение прав граждан, оператор обязан уведомить Роскомнадзор. Первое уведомление направляется в течение 24 часов, а сведения о результатах внутреннего расследования - в течение 72 часов с момента выявления нарушения. Дожидаться завершения служебной проверки, чтобы начать отсчёт этих сроков, нельзя. Если выявлена неточность данных, статья 21 предусматривает их уточнение в течение семи рабочих дней после представления необходимых сведений [5].

При этом нельзя забывать о правах самого гражданина. Часть 6 статьи 17 Закона о полиции предусматривает возможность ознакомиться со сведениями, непосредственно затрагивающими его права, и добиваться исправления неточностей. Но возникает и обратный вопрос: должны ли сведения о лишении исчезать сразу после окончания срока наказания? Само по себе истечение срока такого вывода не позволяет. Нужно оценивать, сохраняется ли законная цель обработки, поскольку часть 8 этой статьи связывает уничтожение информации с достижением цели либо утратой необходимости в её достижении [3].

Таким образом, при нарушениях информационной безопасности в учёте лиц, лишённых права управления транспортными средствами, необходимо различать действия конкретного работника и обязанности государственного органа как оператора данных. Юридическая оценка начинается с установления характера сведений, основания доступа, полномочий пользователя, совершённых действий и их последствий. Особенно важно учитывать специальный статус сотрудников органов внутренних дел: общие представления о штрафах за утечки здесь могут привести к неверным выводам. С практической точки зрения наиболее

убедительный способ снизить риск нарушений - обеспечивать документальную подтвержденность записей, сохранять историю корректировок и своевременно устранять выявленные ошибки.

Список использованной литературы:

1. Информационное право: учебник / под ред. С. Е. Чаннова. — М.: Норма : ИНФРА-М, 2024. — 448 с. — ISBN 978-5-00156-366-2. — Электронная публикация предисловия и содержания. — Режим доступа: https://norma-verlag.com/book/17205 (дата обращения: 01.10.2026).

2. Бондаренко И. С. Информационная безопасность: учебник. — М.: Издательский Дом НИТУ МИСИС, 2023. — 254 с. — ISBN 978-5-907560-71-0. — Электронная копия. — Режим доступа: https://dokumen.pub/207baedcbb481711f9db8791a67dbc84.html (дата обращения: 01.10.2026).

3. О полиции : федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ : ред. от 04.08.2026 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 01.10.2026).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30.12.2001 № 195-ФЗ : ред. от 04.08.2026 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.10.2026).

5. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ : ред. от 26.07.2026 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 01.10.2026).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 04.08.2026 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.10.2026).

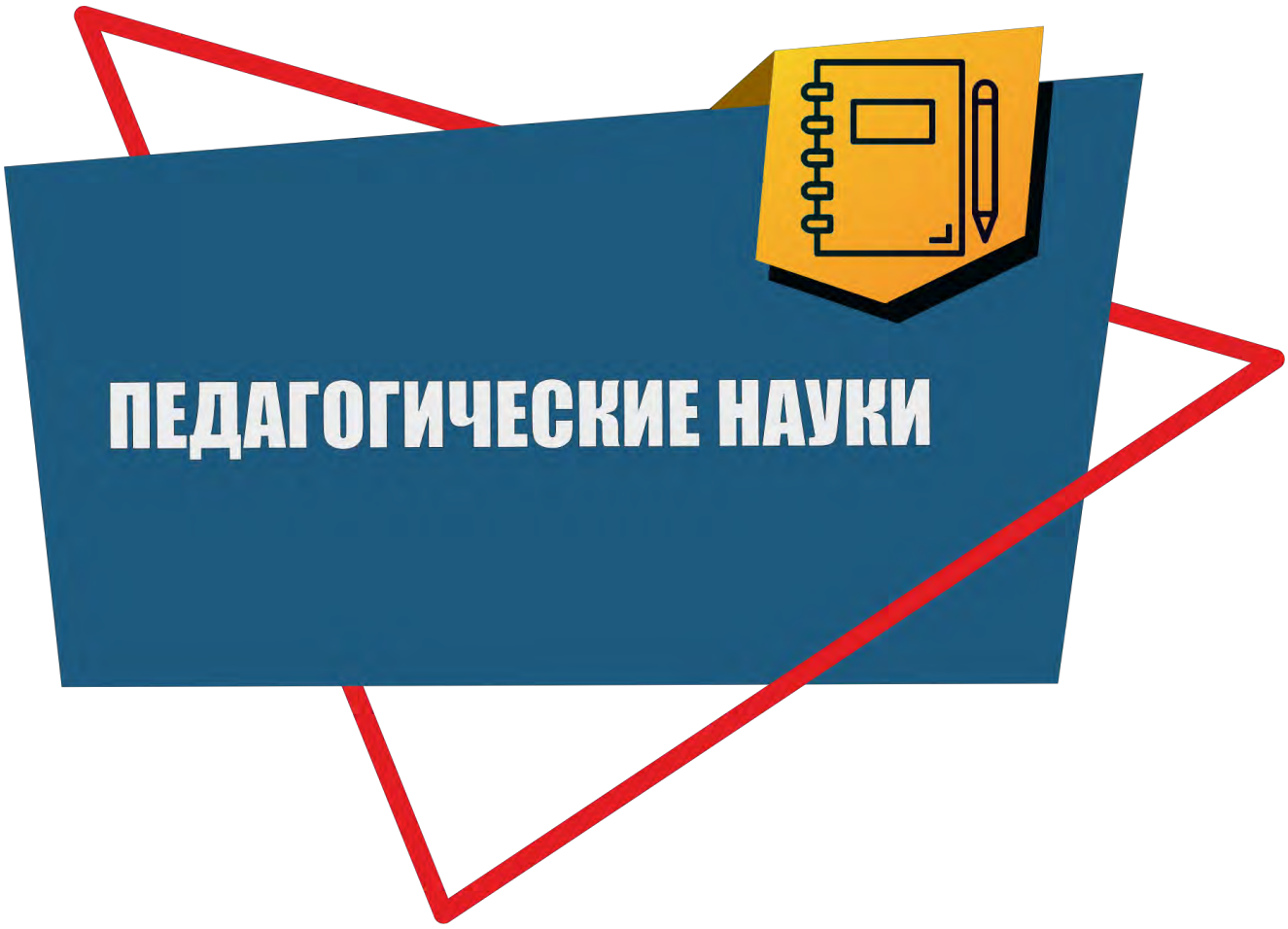
8. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ: ред. от 04.08.2026 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/ document/ cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 01.10.2026).9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26.01.1996 № 14-ФЗ: действующая редакция на 01.10.2026 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 01.10.2026).

10. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ: ред. от 23.05.2025 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491932/ (дата обращения: 01.10.2026).

11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. — Опубл. 30.11.2024. — Режим доступа: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411300012 (дата обращения: 01.10.2026).

© Читах Ю.А., 2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.14

Астафьева И.А.

канд. экон. наук, доцент ФГБОУ ВО ГГУ

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРАНТОВ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию влияния социального проектирования на образовательный процесс студентов бакалавриата и магистратуры. На основе анализа теоретических подходов и эмпирических данных рассматриваются преимущества внедрения социально-ориентированных проектов в учебный процесс, включая развитие профессиональных компетенций, гражданской позиции и социальной ответственности. Представлены результаты статистических исследований, подтверждающие эффективность социального проектирования в повышении мотивации и вовлеченности студентов. На основе полученных данных предложены рекомендации по оптимальному внедрению этого метода в образовательные программы.

Ключевые слова:

образование, социальное проектирование, бакалавриат, магистратура, профессиональные компетенции, гражданская позиция, вовлеченность студентов.

Современное высшее образование находится в состоянии активной трансформации под влиянием глобализации, технологического прогресса и растущих социальных требований. Сегодня университеты сталкиваются с необходимостью подготовки специалистов, обладающих не только глубокими знаниями в профессиональной области, но и развитым критическим мышлением, коммуникативными навыками, способностью к междисциплинарной работе и

социальной ответственности [3]. В этом контексте формирование у студентов навыков решения социальных проблем становится важнейшим образовательным приоритетом.

Социальное проектирование представляет собой метод, интегрирующий образовательный процесс и практическую деятельность студентов, направленную на решение актуальных социальных задач. Оно позволяет реализовать междисциплинарный подход, где студенты применяют теоретические знания на практике, взаимодействуют с внешними организациями и разрабатывают реальные социальные инициативы [6].

Включение социального проектирования в учебные программы бакалавриата и магистратуры способствует повышению мотивации, вовлеченности и профессионального становления студентов. Участие в таких проектах развивает лидерские качества, навыки командной работы, критическое мышление и способность к самостоятельному принятию решений. Более того, социальные проекты формируют у студентов этические и ценностные ориентиры, способствуя формированию гражданской позиции и социальной ответственности [5].

Несмотря на растущую популярность социального проектирования в образовательной практике, существует недостаток систематизированных эмпирических данных о его эффективности. Целью статьи является изучение влияния социального проектирования на образовательный процесс бакалавров и магистрантов, выявление его преимуществ и формулировка практических рекомендаций по его внедрению.

Социальное проектирование в образовательном контексте рассматривается как педагогическая технология, направленная на интеграцию учебного процесса и практической деятельности студентов, ориентированной на решение социальных проблем [4]. Основой данного подхода является деятельностная концепция, согласно которой обучение становится эффективным, если студент вовлечен в активную творческую деятельность с конкретным результатом, имеющим социальное значение [7].

Цели социального проектирования включают:

1. **Развитие профессиональных компетенций.** Студенты применяют теоретические знания в практических ситуациях, развивая навыки анализа, планирования, оценки результатов и принятия решений.

2. **Формирование социальных и личностных компетенций.** В ходе проектной деятельности развиваются навыки командной работы, разрешения конфликтов, коммуникации и взаимодействия с различными социальными группами.

3. **Развитие гражданской позиции.** Проектная деятельность способствует формированию социальной ответственности, пониманию актуальных проблем общества и готовности студентов участвовать в их решении.

4. **Повышение мотивации к обучению.** Реализация проектов позволяет студентам видеть значимость своей деятельности и практическую ценность знаний, что положительно сказывается на вовлеченности и учебной мотивации [1].

Теоретические подходы к социальному проектированию интегрируют идеи проблемного обучения, проектной педагогики и социальной педагогики. Согласно исследованиям, участие студентов в социальных проектах способствует не только усвоению учебного материала, но и развитию критического мышления, самостоятельного поиска информации и адаптации к изменениям [2].

Важной особенностью социального проектирования является его междисциплинарный характер: успешная реализация проекта требует знания смежных областей, умения работать с разными источниками информации и взаимодействовать с внешними организациями. Таким образом, социальное проектирование выступает не только инструментом обучения, но и платформой для формирования комплексного профессионального и социального опыта студентов.

Для эмпирического подтверждения эффективности социального проектирования был проведён количественный анализ с использованием

анкетирования студентов бакалавриата и магистратуры. В исследовании приняли участие более 300 студентов пяти ведущих российских университетов, представляющих различные направления обучения (гуманитарные, социально-экономические, инженерные и педагогические). Анкетирование включало 25 закрытых и открытых вопросов, касающихся восприятия социального проектирования, мотивации, развития навыков и социальной ответственности.

Результаты исследования показали значительные положительные эффекты участия студентов в социальных проектах, что отображено на рис.1.:

1) **повышение мотивации к обучению:** 81% респондентов отметили, что участие в социальном проекте увеличило их интерес к учебному процессу, позволило видеть практическое применение теоретических знаний и стимулировало к активной учебной деятельности.

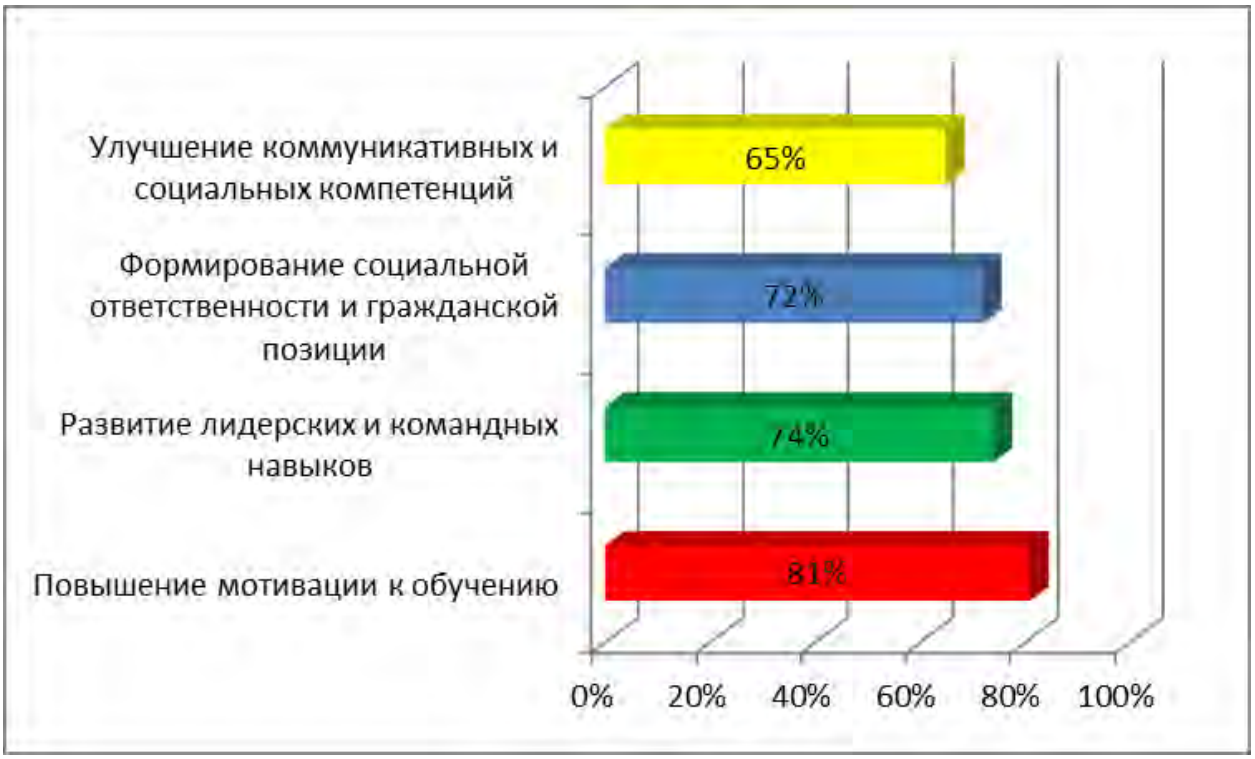

Рисунок 1 – Результаты эмпирического подтверждения эффективности социального проектирования (составлено автором)

2) **развитие лидерских и командных навыков:** 74% студентов заявили о значительном улучшении своих навыков командной работы и лидерства, что

подтверждает гипотезу о том, что проектная деятельность формирует управленческие компетенции и умение координировать работу группы.

3) **улучшение коммуникативных и социальных компетенций:** 72% участников отметили развитие навыков межличностного общения, разрешения конфликтов и умения взаимодействовать с разнообразными социальными группами. Это подтверждает теоретические положения о социальной ценности проектной деятельности в образовательной среде.

4) **формирование социальной ответственности и гражданской позиции:** 65% респондентов отметили, что участие в социальных проектах способствовало развитию этических и ценностных ориентиров, что отражает принцип формирования гражданской компетенции через активное вовлечение в социальные инициативы.

Анализ полученных данных также показал статистически значимую корреляцию между количеством реализованных проектов и уровнем развития профессиональных и социальных компетенций (коэффициент корреляции $r = 0,68$, $p < 0,01$). Это указывает на *прямую зависимость между активным участием в социальных проектах и качеством формирования ключевых навыков*.

Кроме того, анализ открытых вопросов показал, что *студенты наиболее ценят возможность*:

– реализовать свои идеи в конкретных социальных инициативах;

– видеть практический результат своей работы;

– взаимодействовать с внешними партнёрами (НКО, бизнес, государственные структуры);

– развивать навыки планирования и самоуправления.

Данные подтверждают, что социальное проектирование влияет на образовательный процесс комплексно: оно не только формирует практические навыки, но и стимулирует личностное развитие и профессиональное становление студентов.

Полученные эмпирические данные позволяют сделать несколько ключевых выводов о роли социального проектирования в образовательном процессе.

Во-первых, социальное проектирование способствует интеграции теоретических знаний с практическим опытом. Традиционное обучение часто ограничивается передачей знаний в абстрактной форме, что снижает мотивацию студентов и уменьшает способность к применению знаний на практике. Реализация социальных проектов позволяет студентам видеть реальный результат своей деятельности, что повышает вовлечённость и удовлетворённость учебным процессом.

Во-вторых, проектная деятельность формирует у студентов межличностные и лидерские навыки. Работа в команде над проектом требует эффективной коммуникации, распределения ролей, принятия совместных решений и разрешения конфликтов. Это особенно важно для бакалавров и магистрантов, поскольку такие навыки востребованы в профессиональной среде и существенно повышают конкурентоспособность выпускников на рынке труда.

В-третьих, социальное проектирование способствует формированию активной гражданской позиции. В ходе реализации проектов студенты сталкиваются с реальными социальными проблемами и учатся разрабатывать практические решения. Это формирует чувство социальной ответственности, развивает ценностные ориентиры и готовит студентов к роли граждан, способных инициировать положительные изменения в обществе.

В-четвёртых, эмпирические данные показывают, что регулярное участие в социальных проектах положительно влияет на развитие профессиональных компетенций. Студенты осваивают навыки планирования, анализа, оценки результатов и презентации проектов. Кроме того, они учатся работать с внешними организациями и заинтересованными сторонами, что расширяет их профессиональный опыт и формирует практическую компетентность.

Таким образом, социальное проектирование не только повышает мотивацию

к обучению и развивает личностные навыки, но и интегрирует образовательный процесс с реальной социальной практикой. Это делает образование более прикладным, актуальным и ценностно ориентированным.

На основе теоретического анализа и эмпирического исследования можно выделить несколько ключевых выводов относительно роли социального проектирования в образовательном процессе бакалавров и магистрантов:

1. ***Социальное проектирование как инструмент формирования компетенций.*** Участие в социальных проектах способствует развитию у студентов профессиональных, межличностных и лидерских навыков. Эмпирические данные показывают, что активное вовлечение в проектную деятельность положительно коррелирует с улучшением профессиональных и социальных компетенций.

2. ***Рост мотивации и вовлечённости*.** Студенты, участвующие в социальных проектах, демонстрируют более высокий уровень мотивации к обучению, чем те, кто ограничивается традиционными формами учебной работы. Они отмечают значимость практического применения знаний и ощущение влияния на реальные социальные процессы.

3. ***Формирование социальной ответственности и гражданской позиции.*** Социальные проекты создают условия для развития этических ориентиров и гражданской позиции у студентов. Они учатся анализировать социальные проблемы, предлагать решения и взаимодействовать с различными общественными институтами, что соответствует современным требованиям к специалистам.

4. ***Интеграция теории и практики.*** Социальное проектирование позволяет объединять академические знания с практической деятельностью. Это создаёт образовательную среду, в которой студенты могут видеть прямую связь между учебным процессом и социальными результатами, что способствует лучшему усвоению материала и развитию критического мышления.

5. ***Междисциплинарный подход.*** Участие в проектах требует

взаимодействия с различными дисциплинами и внешними организациями, что формирует у студентов комплексный профессиональный опыт и умение работать в междисциплинарных командах.

На основе полученных данных можно предложить следующие рекомендации, которые отражены в табл.1.

Таблица 1

Рекомендации для внедрения социального проектирования в образовательный процесс (составлено автором)

№ п/п	Наименование	Пояснение
1.	***Интеграция социальных проектов в учебные программы***	Социальное проектирование должно стать обязательной частью образовательных программ бакалавриата и магистратуры. Это позволит системно развивать ключевые компетенции студентов и обеспечивать практическую направленность обучения
2.	***Разработка методических материалов и образовательных инструментов***	Преподавателям следует предоставить готовые методические рекомендации, инструкции и учебные материалы, которые помогут эффективно реализовывать социальные проекты и контролировать результаты их выполнения
3.	***Создание платформ для обмена опытом***	Университеты могут организовать межвузовские платформы для обмена успешными проектами, совместной разработки социальных инициатив и обсуждения результатов. Это способствует расширению образовательных возможностей и повышению качества проектной работы
4.	***Системный мониторинг и оценка эффективности***	Для объективной оценки результатов социального проектирования необходимо внедрять системы мониторинга, включая количественные и качественные показатели (уровень вовлеченности, развитие компетенций, социальное воздействие проекта). Такой подход позволит корректировать образовательные программы и повышать их эффективность
5.	***Привлечение внешних партнёров***	Важным элементом является сотрудничество с органами власти, бизнесом, некоммерческими организациями и социальными институтами. Это позволяет студентам реализовывать проекты в

№ п/п	Наименование	Пояснение
		реальных условиях, получать опыт взаимодействия с различными заинтересованными сторонами и видеть реальные социальные результаты
6.	***Стимулирование долгосрочного участия студентов***	Университеты могут внедрять систему поощрений и признания достижений студентов в социальных проектах (сертификаты, дипломы, дополнительные баллы), что будет мотивировать их к постоянной активности и развитию компетенций
7.	***Развитие исследовательской компоненты проектов***	Включение исследовательских элементов в социальные проекты (анализ проблем, сбор и обработка данных, оценка результатов) способствует развитию научного мышления, критического анализа и навыков принятия решений.

Социальное проектирование в образовательном процессе бакалавров и магистрантов является высокоэффективным инструментом формирования профессиональных, личностных и социальных компетенций. Оно позволяет интегрировать теоретические знания с практической деятельностью, повышает мотивацию студентов и развивает их гражданскую позицию. Эмпирические данные подтверждают положительное влияние участия в социальных проектах на уровень профессиональных и межличностных навыков, а также на способность студентов решать социальные проблемы.

Внедрение системного социального проектирования в университетах требует разработки методических рекомендаций, организации межвузовских платформ, привлечения внешних партнёров и создания системы мониторинга эффективности. Реализация этих мер обеспечит более качественное образование, подготовку конкурентоспособных специалистов и формирование у студентов активной позиции в обществе.

Список использованной литературы:

1. Johnson D., Johnson R. Cooperative Learning and Social Responsibility in Education. // Journal of Educational Psychology, 2019. https://www.researchgate.net/ publication/

260596923_Johnson_D_W_Johnson_R_T_2013_The_impact_of_cooperative_competitive_and_individualistic_learning_environments_on_achievement_In_J_Hattie_E_Anderman_Eds_International_handbook_of_student_achievement_372 (дата обращения: 27.10.2025)

2. Астафьева И.А. Социальное проектирование в системе высшего образования: значение, особенности и реализация через программу «Обучение служением»// Сетевой электронный научный журнал «Вестник ГГУ», Педагогика № 4, 18.09.2025, С.284-292 http://lp009.flfm.ru/vestnik_ggu (дата обращения: 8.11.2025)

3. Ищенко Т.Н., Акимова М.О., Бардаков А.В., Вчерашняя О.Э. Социальное проектирование как средство развития личности обучающихся в образовательном процессе вуза // МНКО. 2018. №6 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-proektirovanie-kak-sredstvo-razvitiya-lichnosti-obuchayuschihsya-v-obrazovatelnom-protsesse-vuza (дата обращения: 29.10.2025).

4. Калинина С.Б. Роль социального проектирования в формировании профессиональных компетенций студентов // ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕР. Сборник научных статей. Витебск, 2021, С.24-27

5. Смалюга А.И., Агеенков В.В. СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК НОВЫЙ МЕТОД ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ // Развитие личности средствами искусства. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/sotsialnoe-proektirovanie-kak-novyy-metod-vzaimodeystviya-studentov-pedagogicheskih-napravleniy (дата обращения: 28.10.2025)

6. Чайкина Ж.В., Смирнова Ж.В., Швецова Ю.В., Антонова Е.В. Социальное проектирование как средство активизации образовательной деятельности обучающихся высшей школы // Мир науки. Педагогика и психология. 2018. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-proektirovanie-kak-sredstvo-aktivizatsii-obrazovatelnoy-deyatelnosti-obuchayuschihsya-vysshey-shkoly (дата обращения: 28.10.2025)

7. Шульмин М.П. Социальное проектирование: системный подход, методы, опыт, (формирование профессиональной идентичности в вузовской среде): Учебное пособие [Электронный ресурс] / М.П. Шульмин, В.И. Зиновьева, М.В. Берсенев. — Томск: ТУСУР, 2014. — 108 с. — Режим доступа: https://edu.tusur.ru/ publications/ 4376 (дата обращения: 5.11.2025)

© Астафьева И.А., 2026

УДК 37

Демьянова И.В.

тьютор

МБОУ СОШ №43 г. Белгорода

г. Белгород, РФ

Леонтьева А.А.

тьютор

МБОУ СОШ №43 г. Белгорода

г. Белгород, РФ

ФОРМИРОВАНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ УМЕНИЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ШКОЛЬНОГО КУРСА ГЕОГРАФИИ

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования картографических умений у обучающихся с расстройствами аутистического спектра (РАС) на уроках географии. Раскрываются специфические трудности: абстрактность картографических символов, перегруженность карт визуальными стимулами, сложности пространственной ориентации. Обосновывается необходимость адаптации картографического материала с опорой на сильные стороны учащихся с РАС. Предлагается система методических приёмов: поэтапное упрощение карт, пиктограммы и схемы, интерактивные цифровые карты, сенсорные материалы, тьюторское сопровождение.

Ключевые слова:

картографические умения, расстройства аутистического спектра, инклюзивное образование, школьная география, визуальные опоры, интерактивная карта, пространственное мышление, тьюторское сопровождение.

Географическая карта — «второй язык географии», универсальное средство хранения, передачи и анализа пространственной информации [5]. Формирование картографических умений — одна из приоритетных задач школьного географического образования, поскольку эти умения метапредметны и востребованы в повседневной жизни [10]. Однако для обучающихся с РАС овладение картографической грамотностью сопряжено с трудностями, обусловленными особенностями когнитивного развития, сенсорного восприятия и коммуникации [1; 3]. Согласно адаптированным программам, география для детей с РАС имеет коррекционно-развивающую направленность [1]. Специфических трудностей при изучении географии у них не отмечается, но неравномерность развития требует адаптации учебного материала [2].

Картографические умения — это освоенные способы деятельности, позволяющие понимать язык карты, извлекать информацию, анализировать её и применять для решения задач [3]. Обучающиеся с РАС часто испытывают затруднения с абстракцией и интерпретацией [5]. Карта требует одновременной интеграции условных знаков, легенды, масштаба и направлений, что может вызывать когнитивную перегрузку [6]. Основные трудности: избыточность визуальной информации [5]; абстрактность картографического языка [6]; сложности пространственной ориентации («север — юг», «право — лево») [5; 7]; трудности установления причинно-следственных связей [7]. Вместе с тем сильные стороны учащихся с РАС — развитое визуальное восприятие, способность к структурированию, потребность в предсказуемости [7]. География может стать ресурсной дисциплиной, если материал адаптирован с учётом этих особенностей [5].

Эффективность формирования картографических умений обеспечивается постепенным усложнением и упрощением материала [1; 5]. На начальном этапе используются карты с минимальным числом элементов: границы, две-три реки, два-три города. Затем вводятся горы, озёра, регионы. Это снижает нагрузку на

рабочую память [1]. Далее применяются пиктограммы и визуальные опоры: замена текстовых подписей условными изображениями города, реки, гор, леса, моря. Единая цветовая кодировка формирует устойчивые ассоциации [6]. Схематизация помогает понять пространственные закономерности: например, природные зоны России в виде горизонтальных полос. Постепенно схемы усложняются до реальных карт [8]. Интерактивные цифровые карты (LearningApps.org, Google Earth, Яндекс.Карты) позволяют работать в удобном темпе, получать обратную связь, переключать слои и контролировать уровень стимуляции [2; 7]. Сенсорные материалы — объёмные макеты островов, полуостровов, гор — развивают пространственные представления и понимание картографии как формы коммуникации [6].

Роль тьютора велика: он помогает удерживать алгоритм работы с картой, разбивает задание на шаги, обеспечивает визуальную поддержку инструкций [1; 3]. При формировании сложных умений тьюторское сопровождение сохраняет актуальность [3]. Тьютор также содействует переносу умений в повседневную жизнь — например, при ориентировании с помощью картографических приложений [4]. Практико-ориентированный характер обучения важен: знания должны применяться в быту [1]. Составление плана школьного двора или маршрута от дома до школы с условными знаками показывает практическую значимость картографических умений [1; 4].

Процесс формирования картографических умений у обучающихся с РАС целесообразно выстраивать поэтапно [5; 8]: ориентировочный этап — знакомство с условными знаками через сенсорные материалы и пиктограммы [6]; этап пространственной ориентации — работа со схемами и простейшими планами [8]; этап чтения карты — упрощённые карты с постепенным увеличением элементов, поиск объектов по легенде [1; 5]; этап элементарного анализа — сравнение двух карт, установление простейших связей [7]; этап практического применения — интерактивные карты, наложение тематических слоёв, собственные картосхемы [2; 7]. На каждом этапе необходимы визуальная поддержка, предсказуемость заданий

и многократное повторение [1; 3]. Тьютор и учитель совместно планируют урок: какие элементы карты использовать, какие инструкции упростить, какая сенсорная поддержка нужна [3; 4].

Таким образом, формирование картографических умений у обучающихся с РАС — сложный, но решаемый процесс. Опорой служат их сильные стороны: визуальное мышление, структурирование, потребность в упорядоченности [7]. Ключевые условия эффективности — поэтапное упрощение материала, пиктограммы и схемы, интерактивные цифровые карты, сенсорные средства и систематическое тьюторское сопровождение [1; 5; 6]. Эти умения вносят вклад в жизненные компетенции обучающихся с РАС, расширяют возможности ориентироваться в мире и использовать пространственную информацию для решения практических задач [4].

Список использованной литературы:

1. Адаптированная рабочая программа по предмету «География» для обучающихся с расстройством аутистического спектра (вариант 8.2). 9 класс / МБОУ «СОШ №43» г. Белгорода. Белгород, 2026.

2. Амвросьева Л.В. Вопросы методики преподавания географии в школе: приемы работы с географической картой // Калининградский вестник образования. 2019. № 1. С. 40–46.

3. Берлянт А.М. Картография. М.: Аспект Пресс, 2002. 336 с.

4. Горева Е.С. Интерактивная география: использование виртуальных туров и онлайн-карт в обучении школьников // Калининградский вестник образования. 2025. № 3 (27). С. 111–119.

5. Баранский Н.Н. Методика преподавания экономической географии. М.: Просвещение, 1990. 303 с.

6. Баранов А.С., Суслов В.Г., Шейнис А.И. Компьютерные технологии в школьной географии. М.: ГЕНЖЕР, 2004. 80 с.

7. Симонова Н.А., Козлова Н.Т. Особенности организации работы с

географическими картами в школе // Вестник Удмуртского университета. 2006. № 2. С. 58–65.

8. Репринцева Ю.С. География: формирование личностных образовательных результатов на уроках географии: 5–9 классы. М.: Вентана-Граф, 2016. 96 с.

9. Смирнова М.С., Таможняя Е.А., Душина И.В. Методика обучения географии. М.: Юрайт, 2019. 321 с.

10. Отто О.В., Редькин А.Г. О картографической грамотности школьников и парадоксах географического образования // Интеркарто. Интергис. 2017. Т. 23, № 3. С. 258–264.

©Демьянова И.В., Леонтьева А.А., 2026

УДК 37

Керимова Дж.Х.

преподаватель педагогической школе имени Амана Кекилова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

Русский язык является одним из самых популярных и распространенных языков в мире, что делает изучение и преподавание этого языка крайне важным. В настоящее время существует необходимость в изучении современных тенденций в методике преподавания русского языка, чтобы эффективно соответствовать потребностям учащихся и преподавателей. Это исследование стремится рассмотреть актуальные вопросы и вызовы, с которыми сталкиваются преподаватели русского языка, а также предложить решения для улучшения процесса обучения.

Ключевые слова:

современные тенденции, методика преподавания, русский язык, инновационные технологии, образовательные подходы, коммуникативная компетенции.

Современная методика преподавания русского языка претерпевает значительные изменения, отражающие не только развитие педагогической теории, но и потребности общества, образовательные вызовы и технологические инновации. В последние десятилетия наблюдается существенная трансформация подходов к обучению, что связано с изменениями в социальных и культурных контекстах, а также с развитием информационных технологий. В этой статье рассмотрим ключевые современные тенденции методики преподавания русского языка, опираясь на работы российских исследователей и педагогов.

Одной из главных тенденций является переход от традиционного грамматико-

переводного метода к коммуникативному подходу, который акцентирует внимание на способности ученика использовать язык для общения в реальных жизненных ситуациях. В рамках коммуникативного подхода преподавание сосредоточено не только на грамматических правилах, но и на развитии умений и навыков, необходимых для эффективного общения. "Коммуникативный подход ориентирован на живую речь, взаимодействие с окружающим миром, а не на механическое усвоение грамматических форм" [1,

с. 34]. Важное место занимает активное использование языка в различных ситуациях, включая ролевые игры, дебаты, дискуссии и проекты.

С развитием информационных технологий образовательный процесс становится более гибким и многогранным. Цифровые средства и ресурсы, такие как онлайн-платформы, виртуальные классы, интерактивные задания и мультимедийные учебные материалы, открывают новые возможности для преподавания русского языка. "Цифровые ресурсы позволяют создавать адаптируемые условия для изучения языка, а технологии, такие как искусственный интеллект, помогают автоматизировать процессы, такие как проверка письменных работ и развитие лексических и грамматических навыков" [1, с. 45]. Кроме того, использование информационных технологий позволяет учителям эффективно интегрировать различные формы активности, такие как тесты, онлайн-уроки и тренажеры для самостоятельной работы. Это не только улучшает вовлеченность студентов, но и создает возможности для индивидуализации обучения, соответствующие потребностям и интересам каждого ученика.

Современные образовательные подходы акцентируют внимание на потребностях каждого ученика. Инклюзивное образование, которое учитывает различия в способностях, интересах и образовательных потребностях, становится важной частью педагогической практики. В преподавании русского языка это проявляется в индивидуализированном подходе, использовании дифференцированных заданий и поддержке студентов с различными языковыми и когнитивными особенностями.

Учителя играют роль не только проводников знаний, но и наставников, которые помогают учащимся достигать успеха, преодолевая различные трудности. "Современная методика преподавания русского языка предполагает активное использование дифференцированных заданий, что позволяет учитывать особенности каждого ученика и эффективно поддерживать его в образовательном процессе" [2, с. 112].

Еще одной важной тенденцией является рост интереса к проектному обучению. Проектная деятельность позволяет учащимся исследовать различные аспекты русского языка через решение реальных задач, что способствует развитию критического мышления, исследовательских навыков и самостоятельной работы. В последние годы активно внедряется межпредметный подход, который предполагает сочетание языковых навыков с другими областями знания, такими как история, литература, культура. Это помогает ученикам увидеть язык в более широком контексте и понять его значение для общения, научных исследований и личной жизни.

Как отмечает Л.В. Данилова, "проектное обучение способствует развитию самостоятельности и исследовательских навыков у студентов, а также позволяет интегрировать знания из разных областей" [3, с. 78].

Список использованной литературы:

1. Агафонова И.В. Современные подходы к преподаванию русского языка в школе: от традиций к инновациям. – М.: Просвещение, 2019. – 168 с.

2. Гаврилова Н.В. Дифференциация и индивидуализация в преподавании русского языка в школе. – М.: Просвещение, 2021. – 160 с.

3. Данилова Л.В. Проектная деятельность в школьном обучении: теория и практика. – СПб.: Питер, 2022. – 190 с.

© Керимова Дж.Х., 2026

УДК 37.016:811.11:37.015.3

Кузнецова Е.В.,
преподаватель ОГАПОУ «СТАКС»
г. Старый Оскол, РФ

ОТ «НАДО» К «ХОЧУ И МОГУ»: МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация

В статье рассматривается проблема трансформации роли ученика из пассивного объекта воздействия в активного субъекта образовательного процесса на уроках иностранного языка. На основе практического опыта автор предлагает методологию постепенного делегирования ответственности с учетом специфики языкового обучения. Особое внимание уделяется преодолению языкового барьера, психологическим барьерам, как со стороны педагогов, так и со стороны обучающихся, и путям их преодоления. Анализируются диагностические инструменты для мониторинга уровня сформированности субъектности и языковых компетенций.

Ключевые слова:

субъектность, академическая самостоятельность, делегирование ответственности, зона ближайшего развития, внутренняя мотивация, коммуникативная компетенция, языковой барьер.

За годы практики я убедилась: «удобный», пассивный ученик чаще всего тревожен или демотивирован. Традиционная модель «учитель-источник, ученик-сосуд» исчерпала себя. Моя статистика подтверждает: более 60% выпускников после 8 лет обучения не способны к реальной коммуникации, оставаясь лишь

объектами педагогического воздействия.

Главный страх учителя при передаче ответственности — потеря контроля. Однако, опираясь на идеи Выготского и Леонтьева, контроль должен стать не внешним надзором, а внутренним навигатором. Делегирование — это не анархия, а выстраивание «строительных лесов» (scaffolding), которые постепенно убираются по мере роста самостоятельности ученика.

Нейропедагогика (Д. Соуса, Дж. Уиллис, С. Крашен) доказывает: язык усваивается эффективно только в условиях психологической безопасности. Страх ошибки активирует миндалевидное тело, блокируя языковые центры мозга и закрывая «аффективный фильтр». Напротив, право выбора активизирует префронтальную кору и дофаминовую систему. Как отмечает Дж. Уиллис, в рамках task-based learning языковые структуры усваиваются имплицитно через решение лично значимых задач, а не через механическое заучивание.

Таким образом, развитие субъектности — это не дань ФГОС, а нейрофизиологическая необходимость для эффективного языкового развития.

Практический кейс: Метод «Образовательного контракта» на уроках английского

Одним из самых эффективных инструментов, который я применяю в своей практике, является метод образовательного контракта. Делегирование ответственности и использование образовательного контракта полностью отвечает требованиям ФГОС СПО в части формирования метапредметных компетенций и развития самостоятельности обучающихся.

Алгоритм внедрения:

1. Совместная постановка цели. В начале изучения крупного тематического блока (например, «Travel and Tourism») мы не просто озвучиваем тему и список лексики, а формулируем конечный коммуникативный продукт. Что мы должны уметь в конце? Какой проект создать? Какую реальную проблему обсудить на английском?

2. Разработка контракта. Я предлагаю ученикам два уровня сложности и формата работы на выбор:

- Базовый (A2-B1): составление словаря по теме, написание короткого эссе (100-140 слов), пересказ текста с опорой на план. Этот трек выбирают ученики, которым нужна структура и четкие инструкции, а также те, кто испытывает высокий уровень тревожности.

- Продвинутый (B1-B2): создание инфографики или презентации с аудио-сопровождением, написание рецензии на фильм/книгу, подготовка имитации интервью с носителем языка. Этот формат привлекает тех, кто хочет проявить креативность и готов к более сложной лексике.

В зависимости от уровня подготовки студентов, возможно использование и творческо-исследовательского формата, но к сожалению пока до этого уровня в рамках одного года обучения иностранному языку в количестве 144 часа в СПО еще не доходил никто. Тем не менее не много расскажу о нем теоретически.

- Творческо-исследовательский (B2-C1): создание подкаста на английском, организация дебатов, написание статьи, подготовка мини-исследования с анализом аутентичных источников. Это подходит тем, кто готов к максимальной самостоятельности и языковой смелости.

3. Фиксация обязательств. Ученик выбирает формат работы и мы обговариваем не только его обязательства по срокам, качеству языкового продукта и использованию целевой лексики, но и мои обязательства (языковая поддержка, предоставление аутентичных материалов, обратная связь на английском с элементами русского при необходимости).

4. Промежуточные точки контроля. Работа предусматривает не только финальную сдачу проекта, но и промежуточные точки контроля. Например, на середине пути ученик должен показать черновик эссе, провести репетицию устного выступления в малой группе или презентовать промежуточный результат на английском. Это позволяет вовремя скорректировать траекторию и оказать языковую поддержку.

5. Итоговая рефлексия. После сдачи работы ученик заполняет рефлексивный лист: что было легко, что вызвало трудности, какие новые слова и конструкции усвоил, какую помощь получил, что сделал бы иначе в следующий раз.

Результат: Ученик становится соавтором своего языкового развития. Он сам выбрал темп и форму. Моя роль смещается от лектора-транслятора к тьютору и модератору коммуникативной среды. За два года использования этого метода средний балл по предмету не снизился, но качество знаний существенно выросло.

Диагностика и мониторинг субъектности на уроках английского

Как понять, что работа по развитию субъектности дает результаты именно на уроках английского? Я использую несколько диагностических инструментов:

1. Анкетирование «Локус контроля» и «Языковая самооценка». Раз в семестр студенты заполняют адаптированную анкету, которая позволяет определить, насколько они чувствуют себя хозяевами своего языкового обучения, насколько уверены в своих силах при общении на английском.

2. Наблюдение за речевым поведением на уроке. Инициативные вопросы на английском, предложения по улучшению урока, самостоятельный выбор тем для speaking, рефлексивные высказывания, переход на английский язык в неформальных ситуациях (перемена, начало урока).

3. Анализ домашних заданий и проектов. Если ученик начинает выполнять задания не «от звонка до звонка», а проявляет творчество, выходит за рамки обязательного минимума, использует дополнительную лексику, обращается к аутентичным источникам — это верный признак роста субъектности и языковой мотивации.

4. Самооценка студента по языковым компетенциям. В конце каждого семестра студенты заполняют лист самооценки (Self-assessment grid), где анализируют свой прогресс не только в знаниях грамматики и лексики, но и в самостоятельности, ответственности, умении планировать свое языковое развитие, готовности к коммуникации.

Эти данные позволяют мне корректировать свою стратегию, вовремя оказывать языковую поддержку тем, кто застрял, и усложнять задачи тем, кто готов к большему.

Таким образом, превращение студента в соавтора образовательного процесса на уроках английского языка — это болезненный, но необходимый процесс становления языковых компетенций студентов. Делегируя ответственность, мы не снимаем ее с себя; мы берем на себя ответственность более высокого порядка — ответственность за создание иноязычной среды, в которой ребенок сможет обнаружить свою субъектность и преодолеть языковой барьер.

Субъектность — это потенциал, который есть в каждом ребенке. Наша задача — не подавить его гиперопекой, авторитаризмом и страхом перед ошибкой, а создать условия для его расцвета. И когда мы видим, как вчерашний пассивный слушатель, боящийся произнести слово на английском, становится активным участником дискуссии, как он начинает задавать вопросы о нюансах языка, на которые мы сами не всегда знаем мгновенный ответ, — мы понимаем, что наш труд не напрасен. Мы не просто учим иностранному языку. Мы учим быть Человеком, способным к диалогу с миром.

Список использованной литературы:

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. — М.: Педагогика-Пресс, 1991. — 480 с.

2. Крашен С. Д. (Krashen S. D.) Principles and Practice in Second Language Acquisition. — Oxford: Pergamon Press, 1982. — 198 p.

3. Соуса Д. (Sousa D. A.) Как объясняет мозг. Что вам нужно знать об обучении и памяти. — М.: Эксмо, 2020. — 320 с.

4. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций. — М.: Просвещение, 2008. — 239 с.

5. Уиллис Дж. (Willis J.) A Framework for Task-Based Learning. — Harlow: Longman, 1996. — 160 p.

© Кузнецова Е.В., 2026

УДК 376.37

Мельникова Н.С.,
учитель-логопед
МБДОУ д/с №19,
г. Белгород, Россия
Елиференко Н.В.,
учитель-логопед
МБДОУ д/с №19,
г. Белгород, Россия

СИСТЕМА КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ РЕЧИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗАИКАНИЕМ

Аннотация

В статье анализируются вопросы коррекции просодических нарушений у детей с заиканием. Обосновывается значимость раннего логопедического воздействия на просодику как фундаментального условия для гармонизации речевой системы ребенка в целом.

Ключевые слова:

заикание, просодика, логопедическая коррекция,
логоритмика, дошкольный возраст.

Просодическая организация речи играет ключевую роль в коммуникации, обеспечивая смысловое членение высказываний и передачу эмоционально-экспрессивной окраски. Просодика — это комплекс компонентов, которые делают речь выразительной: темп, ритм, мелодика, логическое ударение, паузы, сила и высота голоса, тембр и является базовым средством общения, развивающимся еще до становления вербальной речи. При заикании эти элементы часто нарушены из-

за судорог в речевом аппарате и сопутствующего эмоционального напряжения. Как показала диагностика, нарушения просодической стороны речи у дошкольников с заиканием характеризуются определенными особенностями::

- Монотонность и интонационная невыразительность. Речь часто звучит однообразно, лишена эмоциональной окраски. Детям сложно менять высоту голоса, что ограничивает их способность передавать отношение к высказыванию. Они нередко используют застывшие интонационные шаблоны, не умеют гибко варьировать голос для выражения вопроса, восклицания или завершённости фразы.

- Нарушения темпа и ритма. Темп речи часто бывает ускоренным: ребёнок стремится успеть сказать необходимое до появления судороги. Однако этот быстрый темп постоянно прерывается вынужденными паузами, что дезорганизует весь речевой поток. Ритм речи (чередование ударных и безударных слогов) также страдает: интервалы между запинками сильно варьируются, даже когда судорог нет.

- Проблемы с паузированием. Характерно обилие пауз, причём многие из них возникают внутри слов, а на границах смысловых отрезков (синтагм) паузы часто отсутствуют. Такие паузы могут заполняться повторами, пролонгациями звуков или эмболами (лишними словами-паразитами).

- Нарушения голосовых модуляций. Детям трудно произвольно менять силу, высоту и тембр голоса. Голос может быть слабым, тихим, иссякающим в процессе высказывания, напряжённым, форсированным, иногда глухим или хриплым.

- Ослабленность речевого дыхания: короткий речевой выдох, сбои дыхательного ритма во время речи. Это напрямую влияет на плавность речи и способность модулировать голос.

Для устранения выявленных нарушений была разработана система упражнений по развитию просодических компонентов речи у детей с заиканием, способствующая развитию плавности связной речи,.

Разработанная система коррекционно-педагогического воздействия была интегрирована в образовательный процесс детского сада и внедрялась на занятия х логопеда, воспитателей, музыкального и физкультурного руководителей. Коррекционная программа включает три этапа:

На подготовительном этапе акцент делался на логоритмических упражнениях с использованием контрастной музыки, способствующей развитию навыков переключения. Отработка речевого материала (от слогов до связных текстов) ведется в сочетании с двигательной активностью (хлопки, работа с мячом, ритмическая ходьба). При реализации этого этапа все упражнения мы выполняли под музыку, причем подбирали музыку таким образом, чтобы была яркая смена музыкальных отрывков, темпов, ритмов, характера и силы звука, поскольку такая музыка помогает ребенку научиться переключаться с одного движения на другое. Дети последовательно воспроизводили без заикания слоги, слова, словосочетания, предложения, тексты в ритмических упражнениях сочетанием с движением, хлопки, притопы, шагистика, отстукивания, работа с мячом, передавали ритмический рисунок с заданных слов.

Основной этап был направлен на осознанное восприятие и воспроизведение ритмики речи. Осуществляется постепенный переход к самостоятельным высказываниям через использование сопровождающей, завершающей и предваряющей речи. Дети учились, осознано воспринимать и воспроизводить ритмический рисунок речи. Предусматривались рассказы детей, их вопросы и ответы о своей деятельности, высказывания по собственному желанию.

На заключительном этапе осуществлялась работа по автоматизации навыков в свободной связной речи. В качестве основного инструмента были выбраны театрализованная деятельность и сюжетно-ролевые игры, которые выступают мостом между игровым пространством и повседневным общением. Такой подход способствует не только развитию речи, но и формированию социально-личностных компетенций, а также навыков эффективной коммуникации.

Результаты апробации подтвердили высокую эффективность предложенной системы: зафиксирована положительная динамика по всем ключевым показателям. Уровень просодической стороны речи значительно повысился: полностью исключены показатели ниже среднего, а часть детей достигла высокого уровня развития.

Список использованной литературы:

1. Артемова Е.Э. Особенности формирования просодики у дошкольников с речевыми нарушениями: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.03; Пед. академия последипломного образования. – Москва, 2003. – 27 с.

2. Визель Т.Г. Коррекция заикания у детей. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009. – 222, [2] с.

3. Власова Н.А. О заикании детей дошкольного возраста // Педиатрия. – 1974. - №7. – С. 82-85.

4. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. – СПб.: Детство-Пресс, 2007. – 470 с.

© Мельникова Н.С., Елиференко Н.В., 2026

УДК 371.263

Перепелкина К.А.

Магистрант 3 курса факультета математики и естественнонаучного образования педагогического института

Научный руководитель: Цецорина Т.А.

канд. пед. наук, доцент

НИУ «БелГУ»,

г. Белгород, РФ

МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЦИФРОВЫМ ЗАДАНИЯМ ФОРМИРУЮЩЕГО ОЦЕНИВАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ (УГЛУБЛЕННЫЙ УРОВЕНЬ)

Аннотация

В статье рассмотрены методические требования к проектированию цифровых заданий формирующего оценивания при обучении математике старшеклассников на углубленном уровне. Авторы обосновывают необходимость перехода в профильной школе от контролирующего оценивания к формирующему. Сформулированы четыре требования. К ним относятся пошаговая содержательная обратная связь, опора на типичные ошибки, технологическое ветвление траектории и прозрачность критериев. На примере решения уравнений с параметром показано, как эти требования реализуются.

Ключевые слова:

формирующее оценивание, цифровые образовательные ресурсы, углубленный уровень математики, обратная связь, методические требования, старшеклассники, профильное обучение.

METHODOLOGICAL REQUIREMENTS FOR DIGITAL FORMATIVE ASSESSMENT TASKS IN TEACHING MATHEMATICS TO UPPER SECONDARY SCHOOL STUDENTS (ADVANCED LEVEL)

Abstract

The article examines methodological requirements for designing digital formative-assessment tasks in advanced mathematics instruction for upper secondary school students. It substantiates the need to shift from summative to formative assessment in advanced-track schools. The study sets out four requirements: stepwise feedback on subject content, a basis in common student errors, digital branching of the learning pathway, and transparent assessment criteria. An example shows how these requirements apply when students solve equations with a parameter.

Keywords:

formative assessment, digital educational resources, advanced level of mathematics, feedback, methodological requirements, upper secondary school students, advanced-track education.

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (ФГОС СОО) задает жесткие требования к математической подготовке старшеклассников, особенно при профильном обучении [6]. Углубленный курс математики в 10–11 классах развивает системное мышление, способность к математическому моделированию и умение строго доказывать утверждения; одного воспроизведения алгоритмов для этого недостаточно. Итоговый контроль фиксирует лишь конечный результат. Такой контроль недостаточен для обеспечения подлинного качества образования, поскольку не позволяет учителю вовремя диагностировать когнитивные дефициты ученика и выстраивать индивидуальную траекторию коррекции. Альтернативой служит формирующее оценивание, которое в педагогической науке понимают как непрерывный процесс:

педагог собирает данные об обучении, чтобы адаптировать учебный процесс и предоставлять содержательную обратную связь [5, с. 18].

Цифровая среда расширяет дидактические возможности оценивания, но несет методические риски. И. В. Роберт справедливо указывает, что механический перенос бумажных тестов на экран монитора не создает подлинной цифровой дидактики [7, с. 84]. Цифровые образовательные ресурсы поддерживают интерактивность, ветвление логики и мгновенную обработку данных, но в профильной математике их часто используют лишь для автоматической проверки заданий базового уровня с выбором ответа. Г. С. Ковалева подчеркивает, что оценивание должно помогать управлять качеством образования и поддерживать учебное продвижение, смещая фокус от фиксации незнания к помощи ученику [1, с. 5]. Для математики углубленного уровня нужны цифровые задания, которые анализируют ход рассуждений ученика и учитывают корректность его итогового числового или алгебраического ответа.

Специфика углубленного курса задает особые условия для разработки цифровых заданий, поскольку, как отмечает А. Г. Мордкович, методические проблемы профильной школы связаны с обучением учащихся эвристическим приемам, работе с нестандартными ситуациями и решению задач с параметром [3, с. 6]. Стандартные тестовые оболочки не позволяют проверять такие задания без утраты методической глубины. Если ученик ошибается при нахождении области допустимых значений (ОДЗ) в логарифмическом уравнении с параметром, система с бинарной логикой фиксирует лишь неверный ответ. При формирующем оценивании цифровая среда должна распознавать тип ошибки и давать адресную подсказку, которая побуждает обучающегося к рефлексии.

Мы проанализировали нормативные документы и современные исследования в области цифровой дидактики [2, с. 96; 8, с. 24], а затем сформулировали систему методических требований, которым должны соответствовать цифровые задания формирующего оценивания в профильной

математике.

Первое требование касается пошаговой и содержательной обратной связи. Цифровое задание повышенной сложности следует разделить на логически завершенные этапы. Сообщение об ошибке не должно ограничиваться фразой «ответ неверный». Система должна давать точную подсказку, которая указывает на конкретный пробел в рассуждении. Например, если при решении стереометрической задачи на нахождение угла между скрещивающимися прямыми ученик неверно выбирает вектор нормали, система предлагает проверить правильность составления системы уравнений для координат вектора нормали к плоскости и дает ссылку на соответствующий теоретический блок.

Второе требование связывает проектирование заданий с типичными ошибками старшеклассников и зонами их ближайшего развития, выявленными эмпирически. Авторы заданий опираются на анализ реальных работ учащихся, когда подбирают дистракторы (неверные варианты ответов) и задают триггеры для подсказок. Е. В. Смирнова и А. П. Иванов пишут, что эффективное цифровое формирующее задание «ожидает» типичные методические ловушки, например потерю корней при переходе к равносильным системам или игнорирование геометрического смысла производной в прикладных задачах на оптимизацию [8, с. 26]. Среда должна распознавать эти математические ошибки.

Третье требование касается технологической адаптивности и ветвления образовательной траектории. В основе задания лежит условная логика, при которой введенный учащимся промежуточный результат определяет индивидуальный следующий шаг в образовательной траектории. При верном ответе система предлагает перейти к более сложному этапу доказательства теоремы. При ошибке она возвращает учащегося к повторению базового свойства с измененными числовыми данными. О. Н. Петрова указывает, что нелинейность сценария отличает формирующий цифровой инструмент от контролирующего [4, с. 115].

Четвертое требование связано с прозрачностью критериев и развитием рефлексии. Перед тем как приступить к заданию, учащийся должен видеть четкие дескрипторы, то есть критерии успешности каждого шага. Система выдает итоговый балл и аналитическую сводку, в которой подробно описывает сильные и слабые стороны решения. Такая обратная связь способствует развитию навыков самоконтроля, требуемых ФГОС СОО [6].

Структура цифрового формирующего задания по теме «Уравнения и неравенства с параметром» показывает, как эти требования работают на практике. Эта тема входит в число наиболее сложных в курсе 11 класса углубленного уровня.

Таблица 1

Структура цифрового формирующего задания по теме «Уравнения с параметром»

Этап решения	Действие ученика	Реакция цифровой системы (формирующая обратная связь)	Реализуемое методическое требование
1. Анализ условия	Ввод условия существования корней (например, $D \geq 0$)	При ошибке: «Ты верно начал решать, но для существования действительных корней квадратного уравнения необходимо условие $D \geq 0$. Пересчитай дискриминант». Ссылка на краткую теоретическую справку	Пошаговая обратная связь, опора на типичную ошибку
2. Графическая интерпретация	Выбор графика, соответствующего семейству кривых	При верном ответе: «Верно. Перейди к анализу взаимного расположения графика и прямой $y = a$». При ошибке: «Обрати внимание на знак коэффициента при x^2. Попробуй найти координаты вершины параболы»	Технологическая адаптивность и ветвление
3. Итоговый вывод	Ввод множества значений параметра 'a'	Генерация итоговой сводки: «Задача решена верно. Ты успешно применил графический метод. Рекомендация: обрати внимание на строгость неравенств в граничных точках»	Критериальная прозрачность, формирование рефлексии

Логика работы такого задания наглядно показывает механизм адаптивной обратной связи. Для иллюстрации в статье предлагается использовать блок-схему.

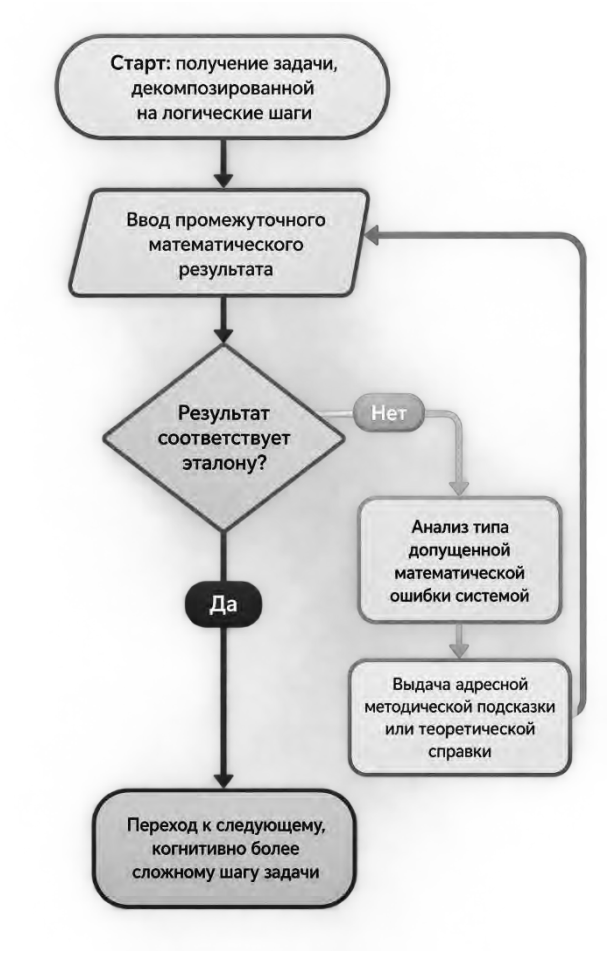

Рисунок 1 – Алгоритм реализации формирующего оценивания в цифровой среде при решении задачи повышенной сложности

Предложенная архитектура цифрового задания меняет роль обучающегося, переводя его из пассивного объекта контроля в активного субъекта познавательной деятельности. Ошибка перестает служить поводом для санкций и превращается в диагностический сигнал, запускающий самокоррекцию. Такой подход согласуется с концепцией оценивания для обучения, где педагог и цифровая среда создают условия, чтобы каждый учащийся преодолевал собственные когнитивные барьеры. Ранжирование по уровню достижений не становится их главной целью [5, с. 22].

Интеграция цифровых инструментов в контроль качества математической подготовки старшеклассников требует большего, чем простой перенос

традиционных контрольных работ в электронную форму. Сформулированные методические требования задают строгие рамки для проектирования цифровых заданий, учитывающих специфику углубленного курса математики. При соблюдении этих требований цифровая среда выходит за рамки административного контроля и поддерживает учебный процесс, помогая повышать предметные результаты и развивать универсальные учебные действия, связанные с самоконтролем и рефлексией. В дальнейшем предстоит эмпирически проверить эффективность предложенных требований при разработке конкретных цифровых модулей для разных разделов курса алгебры и начал математического анализа, а также изучить влияние адаптивной цифровой обратной связи на снижение уровня математической тревожности у старшеклассников.

Список использованной литературы:

1. Ковалева, Г. С. Оценивание как инструмент управления качеством образования / Г. С. Ковалева // Педагогические измерения. – 2020. – № 2. – С. 3–12.

2. Методические рекомендации по оцениванию предметных результатов освоения основной образовательной программы среднего общего образования (математика) / под ред. Г. С. Ковалевой. – Москва: Просвещение, 2023. – 96 с.

3. Мордкович, А. Г. Методические проблемы изучения математики в профильной школе / А. Г. Мордкович // Математика в школе. – 2022. – № 5. – С. 3–9.

4. Петрова, О.Н. Методические требования к цифровым диагностическим заданиям по математике для старшеклассников / О.Н. Петрова // Вестник педагогических наук. – 2025. – № 2. – С. 112–118.

5. Пинская, М.А. Формирующее оценивание: оценивание для обучения : практическое руководство для учителей / М. А. Пинская. – Москва: Университетская книга: Логос, 2021. – 128 с.

6. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 542 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» // Официальный интернет-портал правовой

информации. – 2021. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/View/ 0001202107050001 (дата обращения: 22.10.2026).

7. Роберт, И. В. Цифровые образовательные ресурсы в дидактике: монография / И. В. Роберт. – Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2021. – 214 с.

8. Смирнова Е.В. Цифровые инструменты формирующего оценивания на уроках математики в старшей школе / Е.В. Смирнова, А. П. Иванов // Математика в школе. – 2024. – № 3. – С. 22–28.

© Перепелкина К.А., 2026

УДК 37

Сапаргельдиева Лейли,
старший преподаватель
Туркменской национальной консерватории им. Маи Кулиевой
Ашхабад, Туркменистан

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация

Формирование основ музыкальной культуры у младших школьников представляет собой ключевую задачу современного начального общего образования, направленную на целостное эстетическое, эмоциональное и интеллектуальное развитие личности ребенка. В условиях цифровизации и трансформации социокультурной среды подрастающее поколение часто сталкивается с фрагментарным и хаотичным восприятием музыкального искусства. Настоящая статья посвящена научно-теоретическому и методическому анализу комплексных педагогических условий, обеспечивающих эффективное становление музыкальной культуры у учащихся начальных классов. В работе рассматриваются теоретические основы эстетического воспитания, дидактические принципы активности и наглядности, а также интегративные методы музыкально-практической деятельности. Особое внимание уделено роли эмоционально-осознанного восприятия, межпредметных связей, современных аудиовизуальных технологий и творческого самовыражения младших школьников. Раскрывается структура комплексной модели, включающей мотивационный, когнитивный, эмоционально-ценностный и деятельностный компоненты. Анализируются системные трудности реализации данных условий в образовательном процессе и предлагаются научно обоснованные рекомендации по обновлению содержания и

методологии начального музыкального образования.

Ключевые слова:

музыкальная культура, младшие школьники, начальное образование, эстетическое воспитание, педагогические условия, музыкальное восприятие, творческая самореализация

Introduction

Музыкальное искусство выступает мощным фактором гармоничного развития личности в младшем школьном возрасте, когда происходят интенсивное формирование эмоционально-чувственной сферы, ценностных ориентиров и эстетических потребностей ребенка. Современная социокультурная ситуация характеризуется засильем низкопробного медийного контента и клиповым восприятием информации, что нередко приводит к деформации эстетических вкусов подрастающего поколения. В связи с этим перед системой начального образования стоит критически важная задача — сформировать у младших школьников устойчивый базис музыкальной культуры, способный служить надежным ориентиром в многообразном мире звуков и художественных образов. Полноценная музыкальная культура включает в себя не только сумму академических знаний о музыке или исполнительские навыки, но и развитое музыкальное восприятие, эмпатию, способность к эстетической оценке и потребность в творческом самовыражении.

Теоретико-методологический фундамент исследования педагогических условий формирования музыкальной культуры учащихся базируется на концепциях эстетического воспитания, теории деятельностного подхода и психологии детского художественного творчества. В трудах выдающихся педагогов и музыковедов подчеркивается, что младший школьный возраст является наиболее сензитивным периодом для эмоционального освоения искусства, поскольку детское восприятие отличается синкретичностью, высокой отзывчивостью и ярко выраженной

образностью. Эффективность данного процесса напрямую зависит от того, насколько системно и целенаправленно создаются дидактические и воспитательные условия, стимулирующие переход от пассивного слушания к глубокому, осознанному переживанию и осмыслению музыкального произведения. Учитель начальных классов и педагог-музыкант выступают не просто трансляторами искусствоведческих фактов, а фасилитаторами духовного развития ребенка, организующими живой диалог между учеником и музыкальным искусством.

Main Part

Реализация педагогических условий формирования основ музыкальной культуры младших школьников требует внедрения многокомпонентной образовательной модели, сочетающей разнообразные виды музыкально-практической деятельности. Первостепенным условием является погружение учащихся в полноценную эмоционально-развивающую среду через систематическое слушание шедевров классической, народной и высокохудожественной современной музыки. Процесс восприятия организуется на основе метода проблемного поиска и диалогических обсуждений, когда ребенок стимулируется к вербализации своих чувств, ассоциаций и мыслей, возникающих под воздействием музыкальных образов. Важнейшим элементом выступает интеграция слушания с активным интонированием, пластическим интонированием, ритмическими движениями и элементарным музицированием на детских шумовых и орф-инструментах, что обеспечивает полимодальное освоение звукового материала.

Анализ практики применения интегративных педагогических условий показывает существенные положительные сдвиги в когнитивном, эмоциональном и личностном развитии младших школьников. Внедрение межпредметных связей музыки с изобразительным искусством, литературой, ритмикой и окружающим миром позволяет сформировать у детей целостную художественную картину мира

и синтетическое мышление. Использование современных интерактивных и аудиовизуальных технологий — мультимедийных презентаций, виртуальных экскурсий в концертные залы и обучающих музыкально-компьютерных программ — существенно повышает учебную мотивацию и облегчает усвоение абстрактных музыкальных понятий. Экспериментальные исследования подтверждают, что систематическое создание ситуаций успеха в творческой деятельности (хоровом пении, импровизации, инсценировке песен) способствует снижению тревожности, повышению самооценки и укоренению устойчивого интереса к музыкальному искусству.

Вместе с тем процесс формирования музыкальной культуры младших школьников сталкивается с рядом системных барьеров и организационно-методических трудностей. К ним относятся недостаточная материально-техническая оснащенность школьных кабинетов музыки, дефицит специализированных наглядных и цифровых пособий, а также формальный подход к оцениванию результатов художественно-эстетической деятельности учащихся. Кроме того, наблюдается разрыв между музыкальным содержанием, предлагаемым традиционными школьными программами, и реальным социокультурным опытом ребенка вне школы. Преодоление данных проблем требует комплексной модернизации программно-методического обеспечения, проведения систематических курсов повышения квалификации для педагогов, активного применения критериального оценивания творческих достижений и развития партнерских связей школы с филармониями, театрами и детскими школами искусств.

Conclusion

Создание и научно обоснованная реализация комплексных педагогических условий формирования основ музыкальной культуры у младших школьников представляют собой неоспоримый приоритет современности, обеспечивающий духовное и эстетическое становление подрастающего поколения. Отказ от

узкопрагматических и сугубо вербальных методов обучения в пользу эмоционально-деятельностных, интерактивных и полихудожественных технологий позволяет превратить урок музыки в динамичное пространство личностного роста и творческого поиска. Научные данные и педагогический опыт убедительно доказали, что глубокое освоение музыкального искусства в начальной школе закладывает прочную основу для эмоционального интеллекта, критического мышления, коммуникативной культуры и общей эстетической воспитанности человека на всю жизнь. Хотя организация полноценной музыкально-образовательной среды требует от школы ресурсных вложений, профессионализма педагогов и методической гибкости, долгосрочный социальный и личностный эффект оправдывает затраченные усилия.

В перспективе дальнейшее совершенствование системы начального музыкального образования будет связано с гармоничной интеграцией традиционных академических методик и современных цифровых технологии. Развитие технологий виртуальной реальности, адаптивных образовательных платформ и сетевых проектов открывает новые возможности для индивидуализации обучения и расширения эстетического кругозора учащихся. Тем не менее ключевой смысловой доминантой музыкальной педагогики остается живое эмоциональное общение, учительское мастерство и уважение к уникальности внутреннего мира каждого ребенка. Образовательные организации, органы управления образованием и педагогическое сообщество должны объединить усилия для создания благоприятной эстетической среды, гарантирующей каждому младшему школьнику доступ к богатейшему духовному наследию музыкальной культуры.

Список использованной литературы:

1. Музыкальное воспитание в школе, Кабалевский, Д.Б., Москва, Россия: Просвещение, 1981.

2. Методика музыкального воспитания в начальной школе, Абдуллин, Э.Б., &

Николаева, Е.В., Москва, Россия: Академия, 2006.

3. Психология музыкальной деятельности: Теория и практика, Цыпин, Г.М., Москва, Россия: Академия, 2003.

4. Развитие музыкального слуха и восприятия у детей, Теплов, Б.М., Москва, Россия: Педагогика, 1985.

5. Эстетическое воспитание и развитие творческой активности учащихся, Радынова, О.П., Москва, Россия: Владос, 2002.

© Сапаргельдиева Л., 2026

УДК 81'373.231:398.9(=161.1:=512.105)

Сатдарова Мая,
преподаватель
Ягмуров Бегенч,
студент 2 курса
Туркменского педагогического института имени Сейитназара Сейди,
г. Туркменабад.

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ИМЕНА В РУССКИХ И ТУРКМЕНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному лингвокультурологическому анализу функционирования мужских и женских личных имен (антропонимов) в русских и туркменских пословицах и поговорках. Паремиологический фонд рассматриваемых языков отражает специфику национального мировосприятия, гендерные стереотипы, морально-этические нормы и социально-бытовые роли мужчин и женщин. На основе богатого языкового материала выявляются общие сходства и этнокультурные различия в использовании прецедентных имен, оцениваются их оценки, рифмообразующие и обобщающе-типизирующие функции. Особое внимание уделяется христианскому и мусульманскому культурным пластам, формирующим специфику антропонимикона паремий.

Ключевые слова:

мужские и женские имена, русские пословицы, туркменские поговорки, лингвокультурология, паремиология, гендерные стереотипы, антропонимика, сопоставительный анализ.

Введение

Пословицы и поговорки представляют собой важнейшую часть паремиологического фонда любого языка, аккумулируя многовековой жизненный опыт, духовные ценности и национально-специфическое мировосприятие народа. Будучи устойчивыми, воспроизводимыми афористическими изречениями, паремии отражают национальный характер, этико-эстетические нормы и особенности быта. Особое место в паремиологической системе занимают антропонимы — личные имена людей, которые служат не только средством номинации и индивидуализации, но и мощным выразительным инструментом лингвокультурной оценки, создания ярких обобщенных типов и реализации рифмообразующего потенциала народной речи.

Сопоставительное изучение антропонимов в русском и туркменском паремиологических фондах позволяет выявить как общечеловеческие, универсальные черты в восприятии гендерных ролей, так и специфические этнокультурные различия, обусловленные историческим путем развития, религиозными традициями (христианство в русской культуре и ислам в туркменской), социально-экономическим укладом и традиционным семейным строем.

В русской паремиологии мужские и женские имена встречаются с высокой частотой. Мужские имена (*Иван, Фома, Ерема, Федот, Макар, Степан*) традиционно выступают символами обобщенного человека, крестьянина или труженика. Часто они несут набеденную смысловую и этностереотипную нагрузку: *«Иван, не помнящий родства»*, *«Я ему про Фому, а он мне про Ерему»*, *«Навредил Макар, а отвечают все»*. Женские имена (*Марья, Алена, Арина, Матрена, Варвара*) в русской традиции нередко ассоциируются со сметливостью, домовитостью, но иногда — с чрезмерной любопытностью или легкомыслием: *«Любопытной Варваре на базаре нос оторвали»*, *«Какова Матрена, такова и ее ядрена»*, *«Маланья-болтунья»*. Важным фактором бытования имен в русских

пословицах является наличие народного календаря (святцев), где имя связывалось со сроками сельскохозяйственных работ (*«Пришел Петр — опал лист с ветки»*).

В туркменской паремиологии использование антропонимов характеризуется иной традицией. Личные имена часто носят прецедентный характер, восходя к историческим, фольклорно-эпическим или религиозно-коранического персонажам (*Аяз-хан, Лукман, Мяне баба, Искандер, Магтымгулы*). Мужские имена и титульно-именные формы (*Бай, Бек, Сеид, Ходжа*) символизируют мужество, социальный статус или жизненную мудрость: *«Аяз-хан, гляди на свои чарыки!»* (призыв к скромности и помнению своих корней), *«Болезнь неизлечима — и Лукман бессилен»* (Лукман как символ врачевания). Женские имена (*Лейли, Ширин, Гуль, Биби*) традиционно выражают идеалы женственности, красоты, верности, а также отражают сложную систему семейно-родственных отношений (*невестка, свекровь, мать*): *«Разлученный с Лейли плачет семь лет»*.

Сравнительный анализ показывает, что в паремиях обоих народов мужчина и женщина наделяются четко разделенными социальными и бытовыми функциями. В русском фольклоре ключевое значение имеют трудолюбие, находчивость, хозяйственность, тогда как в туркменском — почитание старших, верность семье, гостеприимство, сохранение чести и достоинства рода. Изучение функционирования мужских и женских имен в составе русских и туркменских паремий обогащает современную лингвокультурологию, этнолингвистику и теорию межкультурной коммуникации, способствуя глубже понятому национально-культурному коду двух народов.

Список использованной литературы:

1. Атаев Б. А. Туркменские пословицы и поговорки. — Ашхабад: Ылым, 2018.

2. Даль В. И. Пословицы русского народа. — Москва: Эксмо, 2021.

3. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. — Москва: Русский язык — Медиа, 2020.

© Сатдарова М., Ягмуров Б., 2026

УДК 37

Толстова Ю.Ю.,

тьютор,

МОУ «Начальная школа п. Дубовое»

Ткачева С.А.

учитель,

МОУ «Начальная школа п. Дубовое»

ПЕРЕМЕНКА БЕЗ СЛЕЗ: КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ДОСУГ РЕБЕНКА РАС СРЕДИ НЕЙРОТИПИЧНЫХ СВЕРСТНИКОВ

Аннотация

Статья посвящена проблеме организации перемены для ребенка с расстройством аутистического спектра в среде нейротипичных сверстников. Рассматриваются причины стрессового поведения во время свободного времени, стратегии подготовки ребенка к перемене, роль тьюторского сопровождения и способы превращения хаотичного перерыва в структурированную и безопасную часть школьного дня. Предложены практические рекомендации по созданию «зон покоя» и вовлечению одноклассников в совместную деятельность.

Перемена для обычного школьника — это долгожданный выплеск энергии, гул голосов, беготня и возможность наконец расслабиться после урока. Для ребенка с расстройством аутистического спектра эта же перемена часто становится самым тяжелым испытанием за весь день. Резкая смена деятельности, потеря структуры, громкие крики, случайные прикосновения в толпе и отсутствие понятных социальных правил создают идеальный шторм для сенсорной и эмоциональной перегрузки. Именно поэтому фраза «пойди отдохни» для такого ученика звучит как угроза, а перемена нередко заканчивается слезами, криком или полной изоляцией в углу коридора.

Чтобы перемена перестала быть зоной риска, нам нужно изменить сам подход к её организации. Первое и главное правило: перемена для ребенка с РАС не должна быть временем полной свободы. Свобода в хаотичной среде для него равносильна потере опор. Нам необходимо внести в это время ту же структуру, которую мы создаем на уроке, просто в иной форме. Это не лишение ребенка отдыха, а создание безопасного маршрута в мире шума и суеты.

Начинать подготовку стоит задолго до звонка. За две-три минуты до окончания урока я рекомендую использовать визуальное предупреждение — например, показать карточку с изображением звонка или людей, гуляющих в коридоре. Это снижает тревогу от внезапности. Затем мы проговариваем короткий сценарий: «Сейчас звонок. Мы выходим из класса. Я беру тебя за руку. Мы идем в коридор. Там шумно, но мы с тобой вместе». Такой ритуал дает ребенку чувство предсказуемости, а значит, контроля над ситуацией.

Критически важным элементом является наличие у ребенка четкого места назначения. Бесцельное болтание в толпе — главный враг. У нас должно быть две опции: либо мы идем в конкретную, заранее оговоренную «зону покоя» (библиотека, сенсорный уголок в рекреации, кабинет психолога), либо мы направляемся в тихую часть коридора, где мало людей. Если такой зоны нет, её нужно создать физически — например, поставить ширму или большой стул с высокими спинками в углу, который ребенок будет воспринимать как свое личное пространство на перемене.

Однако полное уединение — это лишь половина задачи. Наша цель — не изолировать ребенка, а постепенно приобщить его к миру сверстников. Здесь отличным инструментом становятся так называемые структурированные игры с четкими правилами, которые понятны всем. Вместо того чтобы бросать ребенка в стихийную возню, предложите ему и одному-двум спокойным одноклассникам настольную игру с крупными фишками или складывание пазла. Визуальный контакт здесь минимален, правила статичны, а рядом есть знакомое лицо. Это идеальная

ступенька для мягкого входа в социальное взаимодействие во время перемены.

Большая роль в этом процессе отводится тьютору или ассистенту. Его задача на перемене — не стоять рядом молча, а быть живым «регулятором громкости». Важно научиться считывать ранние сигналы перегрузки: учащенное дыхание, появление стереотипных движений, расширение зрачков или закрывание ушей. В этот момент нельзя ждать, пока ребенок сорвется. Нужно предложить ему выбор: «Мы можем постоять у окна две минуты или пойти попить воды». Даже такая простая дилемма возвращает ребенку ощущение агентности и предотвращает истерику до того, как она начнется.

Отдельного внимания заслуживает работа с нейротипичными одноклассниками. Дети очень быстро адаптируются, если им понятна ситуация. За несколько дней до того, как такой ребенок появится в классе, проведите короткий урок доброты. Объясните, что Саше трудно, когда вокруг шумно, и что если он закрывает уши, это не значит, что он злится. Попросите детей не трогать его неожиданно и не бегать рядом с ним. Когда сверстники получают роль «защитников» или «помощников», они перестают воспринимать тихого одноклассника как чужого, и переменная атмосфера становится теплее.

Но что делать, если сенсорная перегрузка все же произошла и слез избежать не удалось? Самая большая ошибка — пытаться успокоить ребенка словами в тот момент, когда его слуховая система уже заблокировалась от стресса. Выключите речь. Включите тактильное давление — плотно, но не больно обнимите или накройте плечи тяжелым пледом, если он у вас есть. Переведите ребенка в горизонтальное положение или, наоборот, дайте возможность сильно оттолкнуться от стены руками, чтобы сбросить напряжение через мышцы. Тишина и тяжесть работают лучше любых уговоров. И только когда тело успокоится, мы возвращаемся к речи.

Важно помнить, что «успешная перемена» не измеряется тем, играл ли ребенок со всеми или сидел в углу. Успех — это когда ребенок дошел до звонка на

следующий урок без потери навыков саморегуляции. Иногда лучший отдых для аутичного ребенка — это возможность постоять спиной к стене и понаблюдать за миром со стороны. И это нормально. Мы не должны заставлять его быть «как все» в перерыве, мы должны дать ему возможность восстановить силы, чтобы он смог вернуться в класс и снова учиться. Не требуйте от ребенка на перемене того, что вы не требуете на уроке — сверхконцентрации на социуме.

Постепенно, когда ребенок привыкнет к маршруту и правилам, мы начинаем расширять его социальное пространство. Сегодня он стоит рядом с одноклассником у окна, завтра он передает мяч в игре, а через месяц он сам просит пойти в шумный зал, потому что знает: у него есть «тихое убежище», куда можно вернуться в любой момент. Это путь длиною в месяцы, но каждый маленький шаг на этой перемене без слез — это гигантский прорыв в его школьной жизни.

И помните: наша задача не сделать перемену идеально веселой. Наша задача сделать её безопасно предсказуемой. В спокойном уголке, с четким планом и добрым соседом, перемена перестает быть хаосом и становится тем, чем она должна быть для любого ребенка, — временем для дыхания. И если сегодня на перемене не было слез, значит, этот день мы прожили не зря.

Список использованной литературы:

1. Карпенкова И.В., Самсонова Е.В., Алехина С.В., Кутепова Н.Е. Тьюторское сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования: методическое пособие. - М.: МГППУ 2017. - с. 53.

2. Козорез А. Ресурсный класс. Опыт организации обучения и внеурочной деятельности детей с аутизмом в общеобразовательной школе: практ. пособие. М.: АНО Ресурсный класс, 2015. 360 с.

© Толстова Ю.Ю., Ткачева С.А., 2026

УДК 37

Худобина М.А.

Воспит. МБДОУ «Детский сад «Колобок»

с. Засосна, РФ

Хмара О.А.

Воспит. МБДОУ «Детский сад «Колобок»

с. Засосна, РФ

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ С РОДИТЕЛЯМИ В СТАРШЕЙ ГРУППЕ

Аннотация

Партнёрство детского сада и семьи — основа успешного развития ребёнка. Нетрадиционные формы работы помогают выстроить диалог на равных, превратить родителей из «слушателей» в активных участников, а также учесть реальные запросы семей.

Ключевые слова:

формы работы, дети, дошкольники, взаимодействие, эффективность.

Нетрадиционные формы помогают уйти от формальных собраний и выстроить партнёрские, доверительные отношения с семьями. Их цель — вовлечь родителей в образовательный процесс, повысить их педагогическую грамотность и укрепить связь «семья — детский сад». Семья и детский сад стоят у истоков нашего будущего, но зачастую не всегда им хватает взаимопонимания, такта, терпения, чтобы понимать друг друга и слышать.

- Игры, проекты и неформальные встречи снимают напряжение и помогают родителям открыто говорить о сложностях.
- Вместо теории — разбор реальных ситуаций, мини-тренировки, обмен опытом.

• Родители видят, как устроен образовательный процесс, а воспитатели лучше понимают особенности каждого ребёнка.

• В игровой и проектной форме сложные темы усваиваются легче и быстрее.

Нетрадиционные формы взаимодействия с родителями направлены на привлечения родителей к ДОУ, установления неформальных контактов.

К формам общения педагога с родителями относятся:

• информационно-аналитические формы,

• досуговые формы,

• познавательные формы,

• наглядно- информационные формы. [1, с. 264].

Информационно-аналитические: чтобы услышать родителей и выявить запросы. Цель этих форм — понять, что волнует семьи, и выстроить работу точечно.

Досуговые и совместные творческие: чтобы укрепить эмоциональный контакт. Такие мероприятия делают родителей и детей союзниками, а сад — дружелюбным пространством.

Познавательные: чтобы дать родителям знания и навыки. Здесь акцент на практику и обмен опытом, а не на лекцию.

Наглядно-информативные: чтобы информация была живой и полезной. Вместо длинных текстов — визуал, интерактивы, цифровые форматы.

Чтобы новые формы прижились, важно действовать системно:

1. Начинайте с малого. Выберите 1–2 формы в месяц и чередуйте их с привычными.

2. Заранее информируйте родителей. Расскажите о цели, формате и времени, предложите выбрать тему голосованием.

3. Собирайте обратную связь. После каждого мероприятия предлагайте короткую анкету: «Что понравилось?», «Что было полезно?», «Что изменить?».

4. Фиксируйте результаты. Сохраняйте фото, отзывы, итоговые продукты (альбомы, газеты). Это пригодится для портфолио группы и отчётов.

5. Поддерживайте регулярность. Лучше проводить одно мероприятие в месяц стабильно, чем раз в полгода масштабно. [4, с. 224].

Эффективность можно оценивать по простым критериям: рост посещаемости встреч, количество вопросов в «ящике доверия», активность в обсуждениях, число семей, участвующих в проектах.

Нетрадиционные формы работы с родителями — это эффективный инструмент построения партнёрских отношений между семьёй и детским садом. В отличие от привычных собраний и формальных консультаций, такие форматы делают родителей не пассивными слушателями, а полноценными участниками воспитательно-образовательного процесса. [3, с. 176].

Ключевыми преимуществами нетрадиционных форм являются:

- Повышение вовлечённости семей. Интерактивные форматы (деловые игры, педагогические гостиные, «гость группы») снимают напряжение и делают общение более открытым.
- Практическая польза. Родители получают не абстрактные рекомендации, а готовые идеи и техники, которые можно сразу применять дома.
- Укрепление эмоциональной связи. Досуговые и творческие мероприятия (выставки, мини-спектакли, «дни добрых дел») помогают родителям увидеть ребёнка в коллективе и лучше понять его потребности.
- Гибкость и вариативность. Формы можно адаптировать под запросы конкретной группы: например, активнее привлекать пап через «мужские» мастер-классы или делать упор на развитие речи через семейные проекты. [2, с. 80].

Важным условием успеха остаётся системный подход: формы стоит чередовать, заранее информировать родителей, собирать обратную связь и фиксировать результаты. Это позволяет не только поддерживать интерес семей, но и обоснованно планировать дальнейшую работу, а также грамотно отражать достижения в отчётной документации воспитателя.

Использование нетрадиционных форм работы — не разовая акция, а выстраивание устойчивой культуры сотрудничества «семья — детский сад». При грамотной организации такие практики становятся значимым ресурсом для полноценного развития ребёнка и повышения качества дошкольного образования.

Список использованной литературы:

1. «Педагогические знания — родителям» 264 с. © Антонова Е.П. 2002 г.

2. «Общение педагога с родителями в ДОУ» 80 с. © Зверева О.Л., © Кротова Т.В. 2005 г.

3. «Работа с семьёй — необязательные инструкции». «Линка – Пресс», 176 с. © Свирская Л. 2007г.

4. «Методы обогащения воспитательного опыта». «Линка – Пресс», 224с. © Васильева М.А. 2001г.

© Худобина М.А., Хмара О.А., 2026

УДК 37

Ширяева Е.Н.,

Учитель начальных классов структурного подразделения “Школа”

Дмитриевский аграрный колледж

Россия, Дмитриевка

МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Введение

Современный этап развития начального образования характеризуется переходом от репродуктивной модели обучения к деятельностной, где центральное место занимает личность самого ученика. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО) ставит перед педагогами ключевую задачу — сформировать у младших школьников универсальные учебные действия, среди которых особое место занимает самостоятельность. Развитие инициативности, умения ставить цели и планировать свою деятельность в условиях стремительно меняющегося информационного общества становится базовым требованием к результатам обучения.

Однако в реальной педагогической практике обнаруживается явное противоречие. С одной стороны, школа обязана воспитывать независимого, мыслящего и способного к самоорганизации человека. С другой стороны, в начальных классах по-прежнему преобладают традиционные методы обучения, ориентированные на простое воспроизведение готовых знаний и жесткий пошаговый контроль со стороны учителя. Младшие школьники часто оказываются не готовыми к проявлению автономии в учебе из-за отсутствия адекватных педагогических инструментов, стимулирующих их внутреннюю активность.

Одним из наиболее эффективных средств разрешения данного противоречия выступает метод проектов. Данная технология позволяет сместить фокус с пассивного усвоения информации на активную самостоятельную деятельность ребенка — от зарождения идеи до презентации готового продукта.

Цель данной статьи — теоретически обосновать потенциал метода проектов и определить эффективные педагогические условия его реализации для развития самостоятельности у учащихся начальных классов.

Теоретические основы исследования

В психолого-педагогической науке самостоятельность младшего школьника рассматривается как интегративное качество личности. Оно выражается в способности без посторонней помощи ставить учебные цели, находить пути их решения и оценивать результаты. В структуре этого качества выделяют три компонента: *мотивационный* (желание действовать), *волевой* (умение планировать и контролировать себя) и *процессуальный* (наличие знаний и навыков). Младший школьный возраст идеален для развития автономии, однако она формируется только в активной деятельности, когда учитель постепенно передает функции управления самому ребенку.

Эффективным инструментом такой передачи выступает метод проектов, основанный на идеях прагматической педагогики Дж. Дьюи и развитый в трудах Е. С. Полат. В начальной школе этот метод представляет собой организованный комплекс действий, который обязательно завершается созданием осязаемого продукта (макета, альбома, доклада).

Связь проектной деятельности и самостоятельности носит системный характер. Метод проектов меняет роль учителя: из транслятора знаний он превращается в консультанта. Вместо репродуктивного копирования ребенку предлагается алгоритм «замысел — планирование — поиск информации — реализация — презентация». На каждом из этих этапов младший школьник вынужден совершать осознанный выбор, преодолевать трудности и

координировать свои действия. Таким образом, проектная технология переводит ученика из пассивного объекта обучения в позицию активного и независимого субъекта деятельности.

Практическая реализация метода проектов в начальной школе

Организация проектной деятельности младших школьников включает три ключевых этапа, на каждом из которых доля самостоятельности учеников возрастает:

1. Поисковый этап. Учитель направляет дискуссию, но дети сами выбирают тему и формулируют проблему. Например, в рамках курса «Окружающий мир» учащиеся ставят вопрос: *«Как снизить объемы пластикового мусора в школе?»*.

2. Технологический этап. Это ядро самостоятельной работы. Ученики в группах планируют шаги, распределяют роли, ищут информацию и проводят мини-исследования. Педагог выступает исключительно в роли консультанта.

3. Заключительный этап. Дети создают продукт (памятку, макет) и публично защищают его. Здесь формируются навыки самоанализа: ученики оценивают, что они смогли сделать полностью сами.

Успешным примером стал краткосрочный проект *«Тайны школьного портфеля»*. Ученики самостоятельно разделились на группы, изучили вес своих рюкзаков, сопоставили его с медицинскими нормами и оформили буклет с рекомендациями для первоклассников. Опыт показал, что главными критериями роста самостоятельности детей стали снижение потребности в пошаговом контроле учителя и их инициатива при решении возникающих трудностей.

Заключение

Таким образом, метод проектов выступает как одно из наиболее эффективных дидактических средств развития самостоятельности у младших школьников. Переход от пассивного усвоения готовых знаний к активному проектированию позволяет успешно реализовать требования ФГОС НОО. В ходе работы над проектом — от зарождения идеи до публичной защиты продукта — учащиеся

проходят все этапы самостоятельного действия: целеполагание, планирование, поиск информации и рефлексию.

Опыт практической реализации показал, что для достижения максимального эффекта педагогу необходимо соблюдать ряд условий. Важно дозировать учительскую помощь, уходить от пошагового контроля, поощрять детскую инициативу и создавать ситуацию успеха для каждого ребенка. Перспективой дальнейших исследований в данном направлении может стать изучение преемственности применения метода проектов при переходе учащихся из начальной школы в среднее звено.

Список использованной литературы:

1. Выготский, Л. С**.** Психология развития человека / Л. С. Выготский. — М. : Изд-во Эксмо, 2005. — 1136 с.

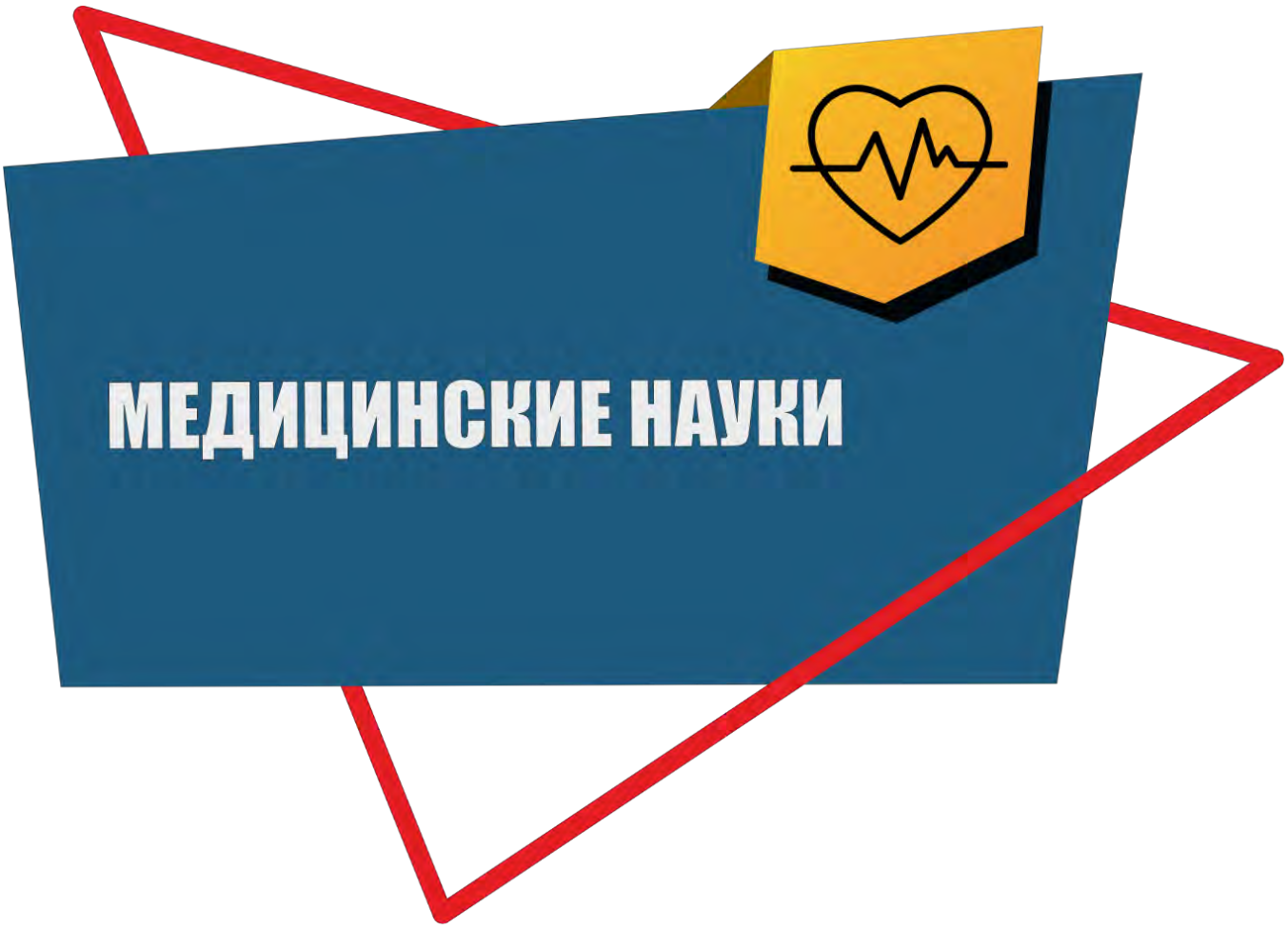
2. Давыдов, В.В**.** Теория развивающего обучения / В.В. Давыдов. — М.: ИНТОР, 1996. — 544 с.

3. Полат, Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров; под ред. Е. С. Полат. — 4-е изд., стер. — М.: Академия, 2009. — 272 с.

4. Пономарева, Е. А. Метод проектов в начальной школе как средство реализации ФГОС НОО / Е. А. Пономарева // Начальная школа. — 2019. — № 4. — С. 28–32.

5. Цукерман, Г.А. Развитие учебной самостоятельности / Г.А. Цукерман, А.Л. Венгер. — М.: ОИЦ «Академия», 2010. — 432 с.

© Ширяева Е.Н., 2026

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 61

Аллаярова Рейхан,

студентка

Государственный медицинский университет Туркменистана

имени Мырата Гаррыева.

Ашхабад, Туркменистан

ОКАЗАНИЕ ПЕРВОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ НЕОТЛОЖНЫХ СОСТОЯНИЯХ

Аннотация

Оказание первой медицинской помощи при неотложных состояниях является жизненно важным звеном в системе защиты здоровья населения, определяющим выживаемость пациентов и снижающим риск развития тяжелых инвалидизирующих осложнений до прибытия квалифицированных медицинских специалистов. В условиях современной динамичной социальной и производственной среды правильная организация теоретической и практической подготовки различных категорий обучающихся приобретает статус фундаментальной педагогической и общественно значимой задачи. Настоящая статья посвящена научно-методическому и деонтологическому анализу алгоритмов первой помощи при терминальных, травматических, кардиогенных и токсикологических состояниях. В работе подробно рассматриваются структура клинических стандартов (включая базовую сердечно-легочную реанимацию, временную остановку кровотечений и иммобилизацию), психологические барьеры спасателей, а также педагогические условия формирования устойчивых алгоритмизированных навыков. Особое внимание уделено интеграции симуляционных технологий, тренажеров-манекенов и интерактивных кейсов в образовательный процесс. Раскрываются организационно-методические сложности подготовки и предлагаются научно обоснованные рекомендации по

повышению качества обучения первой помощи.

Ключевые слова:

первая медицинская помощь, неотложные состояния, сердечно-легочная реанимация, первая помощь, симуляционное обучение, алгоритмы спасения, деонтология.

Introduction

Неотложные состояния представляют собой внезапно возникшие патологические процессы или травматические повреждения, представляющие прямую угрозу жизни человека либо способные привести к необратимым нарушениям функций жизненно важных органов без немедленного внешнего вмешательства. В клинической практике и экстремальной медицине существует понятие «золотого часа» — временного интервала, в течение которого оказание корректной помощи обеспечивает максимальный уровень выживаемости и минимизирует риски летального исхода. Однако первая помощь чаще всего оказывается не в условиях специализированного стационара, а на месте происшествия лицами, оказавшимися рядом, или сотрудниками экстренных служб. В связи с этим перед системой общего, профессионального и педагогического образования стоит критически важная задача по формированию у населения устойчивых, четко отработанных и юридически грамотных навыков первой помощи.

Теоретико-методологической основой обучения оказанию первой помощи выступают стандартизированные международные и национальные протоколы реанимации, концепция стрессоустойчивости и современные педагогические теории деятельностного обучения. Процесс оказания помощи при критических состояниях требует от спасателя не только глубокого понимания биомеханики травм и физиологии дыхания и кровообращения, но и способности сохранять самообладание в условиях дефицита времени и высокой психоэмоциональной

нагрузки. Необходимость оперативного принятия решений исключает долгое теоретизирование на месте происшествия: действия оказывающего помощь должны быть доведены до автоматизма. Системное исследование методических подходов к преподаванию первой помощи и разбор ключевых жизнеспасающих манипуляций являются залогом повышения общей безопасности общества и готовности граждан к действиям в чрезвычайных ситуациях.

Main Part

Алгоритм оказания первой помощи при неотложных состояниях строится на строгой последовательности действий, начинающейся с оценки безопасности окружающей среды для самого спасателя и пострадавшего. Первоочередной задачей является диагностика жизненно важных функций — сознания, дыхания и кровообращения. При отсутствии признаков жизни немедленно запускается протокол базовой сердечно-легочной реанимации (СЛР), включающий компрессии грудной клетки и искусственную вентиляцию легких в соотношении 30:2, а также применение автоматического наружного дефибриллятора (АНД) при его наличии. При травматических повреждениях критически важным этапом становится быстрая остановка наружного артериального или венозного кровотечения с помощью жгута, давящей повязки или пальцевого прижатия, поскольку острая кровопотеря способна привести к гиповолемическому шоку и смерти за считанные минуты.

Анализ педагогической практики показывает, что наилучшие результаты в освоении навыков первой помощи достигаются при использовании высокореалистичного симуляционного обучения. Использование современных тренажеров-симуляторов с обратной связью позволяет обучающимся объективно оценивать глубину и частоту компрессий при СЛР, отрабатывать навыки восстановления проходимости дыхательных путей при обструкции (прием Геймлиха) и правильность наложения транспортных шин при переломах. Регулярный разбор клинических сценариев и участие в ситуационных тренингах снижают уровень страха перед нанесением вреда пострадавшему и вырабатывают

психологическую готовность к реальным экстремальным ситуациям. Важным элементом обучения выступает правильная организация коммуникации — умение четко и аргументированно передать информацию диспетчеру скорой медицинской помощи.

Вместе с тем процесс массового обучения первой помощи сталкивается с рядом организационных, законодательных и психолого-педагогических трудностей. Одной из основных проблем является юридическая неграмотность населения и страх ответственности за возможные негативные последствия при попытке спасения человека. Кроме того, наблюдается быстрый угасание практических навыков, если они регулярно не освежаются: исследования подтверждают, что без повторных тренингов качество выполнения СЛР существенно снижается уже через 3–6 месяцев после прохождения курса. Преодоление данных барьеров требует систематической актуализации нормативно-правовой базы, защиты прав спасателей-добровольцев, внедрения обязательных периодических курсов первой помощи на предприятиях и в учебных заведениях, а также расширения сети доступных симуляционных центров.

Conclusion

Системный подход к обучению и оказанию первой медицинской помощи при неотложных состояниях доказывает, что владение базовыми навыками спасения является не просто профессиональной компетенцией, а неотъемлемым элементом общей культуры и гражданской ответственности каждого человека. Отказ от формального слушания лекций в пользу интенсивных практических тренингов на симуляционном оборудовании позволяет сформировать у обучающихся высокую готовность к эффективным действиям в критических ситуациях. Научные данные и опыт службы катастроф убедительно подтверждают, что своевременно и грамотно оказанная первая помощь на месте происшествия в разы повышает шансы на успешное выздоровление пациентов и сохраняет тысячи человеческих жизней ежегодно.

В перспективе дальнейшее совершенствование системы подготовки по первой помощи будет связано с широкомасштабной интеграцией цифровых технологий, мобильных приложений навигации спасателей и виртуальной реальности (VR) для имитации условий чрезвычайных ситуаций. В этой новой технологической реальности определяющее значение сохранит личная готовность человека прийти на помощь, его эмпатия и четкость практических навыков. Образовательные учреждения, медицинские ассоциации и государственные структуры должны объединить усилия для непрерывного развития и популяризации программ обучения первой помощи, гарантируя высокую безопасность и взаимовыручку в обществе.

Список использованной литературы:

1. Первая помощь при неотложных состояниях, Назаренко, Г. И., & Сухоруков, В. П., Москва, Россия: Медицина, 2012.

2. Международные рекомендации по сердечно-легочной реанимации и неотложной помощи кардиологическим больным, Европейский совет по реанимации (ERC), Брюссель, Бельгия: ERC Guidelines Publications, 2021.

3. Атлас первой помощи при чрезвычайных ситуациях, Бубнов, В.Г., & Бубнова, Н. В., Москва, Россия: АСТ, 2019.

4. Основы реаниматологии и интенсивной терапии, Мороз, В.В., & Рябов, Г.А., Москва, Россия: ГЭОТАР-Медиа, 2015.

5. Психология экстремальных ситуаций и первая помощь, Шойгу, Ю.С., Санкт-Петербург, Россия: Питер, 2018.

© Аллаярова Р., 2026

УДК 69

Гуллыева А. М.,
доцент
Государственный медицинский университет Туркменистана
имени Мырата Гаррыева
г. Ашхабад, Туркменистан

АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕКА: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация

Анатомия человека представляет собой фундаментальную медицинскую науку, изучающую форму, строение и происхождение человеческого тела в тесной связи с его функциями. Эта дисциплина объединяет многовековой опыт визуальных наблюдений с передовыми достижениями современных технологий визуализации и клеточной биологии. Понимание структурной организации организма служит основой для клинической практики, хирургии и профилактической медицины. Развитие анатомии позволяет глубже осознать законы эволюционного развития человека.

Ключевые слова:

анатомия человека, опорно-двигательный аппарат, сердечно-сосудистая система, нервная система, пищеварительная система, дыхательная система, мочевыделительная система, эндокринная система, компьютерная томография, структура и функция.

Опорно-двигательный аппарат человека образует сложную биомеханическую систему, обеспечивающую защиту внутренних органов, движение и поддержание вертикальной позы. Кости скелета обладают уникальной архитектурой,

сочетающей прочность и легкость благодаря микроскопическому строению костной ткани. Суставной аппарат, связки и скелетные мышцы работают в строгом синергизме под управлением нервной системы. Изучение биомеханики суставов помогает разрабатывать эффективные методы лечения травм и ортопедических заболеваний.

Сердечно-сосудистая система выполняет критически важную транспортную функцию, доставляя кислород и питательные вещества ко всем тканям организма. Анатомическое строение сердца включает четыре камеры и сложную клапанную систему, обеспечивающую однонаправленный ток крови. Сеть кровеносных сосудов пронизывает все органы, образуя большой и малый круги кровообращения с разной интенсивностью нагрузки. Современные методы ангиографии позволяют детально изучать сосудистое русло в условиях живого организма.

Нервная система координирует деятельность всех органов и систем, обеспечивая быструю адаптацию человека к меняющимся условиям внешней среды. Центральный отдел включает головной и спинной мозг, защищенные костями черепа и позвоночника от механических повреждений. Периферическая нервная система пронизывает каждую ткань, передавая импульсы от рецепторов к центрам анализа. Анатомические исследования проводящих путей головного мозга открывают новые горизонты в понимании высшей нервной деятельности.

Пищеварительная система обеспечивает расщепление сложных органических соединений до простых молекул, пригодных для усвоения клетками тела. Каждый отдел желудочно-кишечного тракта обладает специализированным клеточным строением, адаптированным к определенному этапу переработки пищи. Печень и поджелудочная железа выделяют необходимые ферменты и биологически активные вещества для расщепления белков, жиров и углеводов. Анатомические особенности строения слизистой оболочки кишечника обеспечивают максимальную площадь всасывания питательных веществ.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что анатомия человека

остается вечно актуальной наукой, объединяющей фундаментальные знания и передовые технологии. Глубокое понимание структурно-функциональных особенностей организма служит основой для развития клинической медицины и фармакологии. Сохранение преемственности классических анатомических исследований и современных цифровых методов гарантирует дальнейший прогресс в изучении человеческого тела. Анатомические знания составляют надежный фундамент для сохранения здоровья и продления жизни людей.

Список использованной литературы:

1. Сапин, М. Р. Анатомия человека. Москва: Медицина, 2021.

2. Колесников, Л.Л. Анатомия человека: учебник. Москва: Издательство ГЭОТАР-Медиа, 2022.

3. Привес, М. Г. Анатомия человека. Санкт-Петербург: Издательство Химия, 2023.

© Гуллыева А.М., 2026

УДК 544.18:615.277

Гылыджова М. Дж.

Преподаватель кафедры медицинской химии

Государственный медицинский университет Туркменистана

имени Мырата Гаррыева

Ашхабад, Туркменистан

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ (IN SILICO / QSAR) В ДИЗАЙНЕ ПРОТИВООПУХОЛЕВЫХ СРЕДСТВ

Аннотация

В статье рассматривается роль современных методов компьютерного моделирования (*in silico*), включая количественные соотношения «структура-активность» (QSAR), молекулярный докинг и виртуальный скрининг, в разработке инновационных противоопухолевых препаратов. Описаны основные этапы дизайна лекарственных средств, направленные на повышение селективности действия соединений, снижение их системной токсичности и преодоление лекарственной резистентности опухолевых клеток. Особое внимание уделено интеграции методов искусственного интеллекта и машинного обучения в процесс поиска и оптимизации потенциальных фармацевтических субстанций.

Ключевые слова:

компьютерное моделирование, in silico, qsar, дизайн лекарств, противоопухолевые средства, молекулярный докинг, виртуальный скрининг, таргетная терапия.

Введение

Современная онкология находится на этапе масштабной трансформации, обусловленной стремительным развитием молекулярной биологии, геномики и

вычислительных технологий. Традиционный процесс разработки лекарственных препаратов, основанный на эмпирическом синтезе и длительном биологическом скрининге огромных библиотек химических соединений, характеризуется колоссальными финансовыми затратами, высокой степенью риска неудач на клинических этапах и значительными временными затратами (в среднем от 10 до 15 лет). В условиях острой необходимости создания высокоэффективных противоопухолевых средств, способных селективно поражать злокачественные новообразования без повреждения здоровых тканей организма, ключевое значение приобретают методологии *in silico*, объединяющие вычислительную химию, биоинформатику и фармакологию.

Методологическая база компьютерного моделирования позволяет существенно сократить пространство химического поиска за счет использования виртуальных библиотек молекул и мощных алгоритмов фильтрации. Центральное место в этом арсенале занимают методы QSAR (*Quantitative Structure-Activity Relationships*), основанные на математическом описании зависимости между физико-химическими свойствами или пространственным строением молекул и их биологической активностью. Развитие классических двумерных QSAR-подходов привело к созданию трехмерных (3D-QSAR) и четырехмерных (4D-QSAR) моделей, учитывающих конформационную гибкость лигандов и динамику их взаимодействия с биологическими мишенями. Это позволяет с высокой точностью прогнозировать аффинность новых синтетических производных к ключевым онкобелкам — киназам, факторам роста и рецепторам, играющим критическую роль в патогенезе опухолевого процесса.

Не менее важным инструментом современного drug design является метод молекулярного докинга, который моделирует пространственную ориентацию и термодинамику связывания низкомолекулярного лиганда с активным центром биомакромолекулы (например, фермента или ДНК). Совместно с методами молекулярной динамики докинг дает возможность исследовать стабильность

образовавшихся комплексов в условиях, приближенных к физиологическим, оценивать энергию связывания и выявлять структурные детерминанты специфичности. Виртуальный скрининг миллионов соединений из баз данных позволяет исследователям в сжатые сроки отбирать наиболее перспективные лидерные структуры для дальнейшего экспериментального синтеза и биологического тестирования *in vitro* и *in vivo*.

Особую актуальность компьютерное моделирование приобретает в контексте преодоления приобретенной и первичной лекарственной резистентности опухолей, а также при разработке таргетных препаратов и конъюгатов антител с лекарственными средствами. Моделирование мутаций в мишенях опухолевых клеток позволяет заранее прогнозировать потерю эффективности существующих препаратов и проектировать новые молекулы, способные связываться с измененными сайтами белков. Таким образом, интеграция методов *in silico* и QSAR в процесс создания противоопухолевых средств не только оптимизирует материальные и временные ресурсы фармацевтической индустрии, но и открывает принципиально новые горизонты в персонализированной медицине и рациональной фармакотерапии онкологических заболеваний.

Список использованной литературы:

1. Потапов В.А. Компьютерное моделирование в современной фармакологии. — Москва: Наука, 2021.

2. Иванов С.Н., Петрова Е.В. QSAR-анализ и виртуальный скрининг биологически активных соединений. — Санкт-Петербург: Лань, 2020.

3. Кузнецов Д.Л. Молекулярное моделирование в дизайне лекарственных средств. — Москва: Бином. Лаборатория знаний, 2019.

4. Трофимов А.И. Фармацевтическая химия и компьютерный дизайн лекарств. — Новосибирск: Наука, 2022.

5. Protein Data Bank (PDB). URL: https://www.rcsb.org (дата

© Гылыджова М., 2026

УДК 615.012:547

Ёлдашова М.Т.

Преподаватель кафедры медицинской химии

Государственный медицинский университет Туркменистана

имени Мырата Гаррыева

Ашхабад, Туркменистан

МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ БИОСОВМЕСТИМОСТИ И АКТИВНОСТИ ПРИ СИНТЕЗЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СОЕДИНЕНИЙ

Аннотация

В статье рассматриваются современные химические, физико-химические и технологические подходы к направленному изменению структуры лекарственных веществ с целью оптимизации их фармакологических свойств. Особое внимание уделено методам химической модификации молекул, использованию систем доставки на основе наночастиц, полимерных конъюгатов и пролекарств (prodrugs). Анализируются ключевые факторы, влияющие на биодоступность, снижение токсичности и пролонгацию терапевтического действия синтезируемых соединений.

Ключевые слова:

биосовместимость, фармацевтический синтез, фармакологическая активность, химическая модификация, наноносители, пролекарства, биодоступность, направленная доставка.

Введение

Современная фармацевтическая химия и медицинская биотехнология сталкиваются с фундаментальной задачей: создание высокоэффективных лекарственных средств при одновременном минимизации их системной

токсичности и побочных эффектов. Большинство вновь синтезируемых биологически активных молекул обладают высокой терапевтической потенцией in vitro, однако на этапе клинических испытаний или in vivo исследований они часто демонстрируют неудовлетворительную фармакокинетику, низкую растворимость в биологических жидкостях, быструю ферментативную деградацию или неспецифическое распределение в органах и тканях.

В связи с этим разработка и внедрение инновационных методов повышения биосовместимости и фармакологической активности при синтезе лекарственных соединений приобретают критическое значение. Биосовместимость в данном контексте понимается как способность химического соединения или его лекарственной формы выполнять свои терапевтические функции без вызова нежелательных иммунных, токсических или воспалительных реакций организма. Повышение активности достигается не только за счет оптимизации сродства лиганда к биологической мишени (рецептору, ферменту, нуклеиновой кислоте), но и за счет преодоления гистогематических барьеров, защиты молекулы от преждевременной метаболической инактивации и обеспечения пролонгированного высвобождения.

Одним из наиболее классических и эффективных путей модификации является концепция пролекарств (prodrug design). Этот метод заключается в химическом связывании исходного активного вещества с липофильными или гидрофильными фрагментами через биолабильные связи. Синтезированное пролекарство само по себе может быть неактивным или малоактивным, но в организме под действием ферментов (например, эстераз, фосфатаз) или специфических физико-химических условий (например, кислой среды опухолевых тканей) оно претерпевает деструкцию с высвобождением исходной терапевтической молекулы. Это позволяет кардинально улучшить всасывание в желудочно-кишечном тракте, увеличить период полувыведения в системном кровотоке и направить препарат в зону поражения.

Другим мощным инструментом современной науки является пегилирование

(PEGylation) и конъюгация с биосовместимыми полимерами. Ковалентное присоединение полиэтиленгликоля (ПЭГ) или синтез полимерных мицелл и дендримеров маскируют лекарственное вещество от распознавания макрофагами ретикулоэндотелиальной системы, снижают иммуногенность и существенно увеличивают гидродинамический радиус молекулы, предотвращая её быструю фильтрацию почками.

Кроме того, стремительное развитие нанотехнологий открыло эру супрамолекулярного синтеза, где лекарственные соединения инкорпорируются в липосомы, твердые липидные наночастицы, углеродные нанотрубки или металлические каркасные структуры (MOF). Такие гибридные наноконструкции не только обеспечивают защиту чувствительных пептидных и нуклеиновых структур, но и позволяют реализовать концепцию адресной доставки (targeted delivery) с использованием векторов распознавания (антитец, аптамеров, фолатов), что многократно повышает локальную концентрацию препарата в очаге патологии и снижает общую токсическую нагрузку на здоровые ткани.

Таким образом, комплексное применение методов направленного синтеза, химического экранирования, конъюгации с полимерами и наноструктурирования формирует новую методологию создания безопасных, стабильных и высокоактивных фармакологических агентов нового поколения.

Список использованной литературы:

1. Беликов, В. Г. Фармацевтическая химия: учебник / В. Г. Беликов. — 5-е изд., стер. — Москва: МЕДпресс-информ, 2020. — 616 с.

2. Арзамасцев, А. П. Фармацевтическая химия / А.П. Арзамасцев. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2019. — 588 с.

3. Миронов, А.Н. Руководство по проведению доклинических исследований лекарственных средств / А.Н. Миронов. — Москва: Грифин и Ко, 2020. — 944 с.

4. Рабинович, В.А. Нанотехнологии и наномедицина в синтезе лекарственных препаратов / В. А. Рабинович, И. С. Петрова. — Санкт-Петербург: Лань, 2021.— 320 с.

© Ёлдашова М., 2026

УДК 61

Какабаев Шаназар,

студент

Государственный медицинский университет Туркменистана

имени Мырата Гаррыева.

Ашхабад, Туркменистан

ПРАВИЛА НАЗНАЧЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЛЕКАРСТВ

Аннотация

Лекарственная терапия представляет собой один из ключевых и наиболее ответственных компонентов современной клинической медицины и фармации, требующий от специалистов высокого уровня фундаментальных знаний, строгого соблюдения нормативно-правовых регламентов и клинической дисциплины. В условиях расширения спектра фармакологических препаратов, активного внедрения высокоактивных синтетических соединений и возрастания риска фармакотерапевтических ошибок особый научно-практический интерес приобретает системная организация процессов назначения, хранения и применения лекарственных средств. Настоящая статья посвящена деонтологическому, фармакологическому и организационно-педагогическому анализу правил рационального обращения с медикаментами в лечебно-профилактических учреждениях. В работе рассматриваются нормативные требования к оформлению рецептурных бланков, алгоритмы соблюдения холодовой цепи и режимов хранения фармацевтической продукции, а также научно обоснованные правила персонального администрирования препаратов пациентам. Особое внимание уделено роли квалифицированного медицинского персонала в предотвращении полипрагмазии, снижении частоты побочных реакций и формировании приверженности больных к назначенной терапии.

Ключевые слова:

лекарственные средства, рациональная фармакотерапия, правила назначения, режим хранения, применение лекарств, фармацевтический порядок, безопасность пациентов

Introduction

Безопасность и efficiency лечебно-диагностического процесса в современном здравоохранении напрямую зависят от четкости функционирования системы обращения лекарственных средств на всех этапах их движения от производителя до конечного потребителя. Лекарственный препарат является не просто химическим или биологическим соединением с целевой фармакологической активностью, но и объектом повышенного риска, непредусмотрительное или некорректное использование которого может привести к тяжелым iatrogenic осложнениям и ухудшению состояния здоровья пациента. В связи с этим в медицинской практике сформировался строго регламентированный фармацевтический порядок, объединяющий юридические, фармакологические, биоэтические и организационные нормы. Обучение будущих медицинских работников и фармацевтов правилам назначения, учета, хранения и введения лекарств составляет фундаментальную основу их профессиональной подготовки.

Теоретико-методологической базой рационального назначения и применения лекарственных средств выступают принципы доказательной фармакотерапии, фармакокинетический и фармакодинамический анализ, а также концепция персональной безопасности пациента. Назначение медикаментов требует от врача не только глубокого понимания патофизиологических механизмов заболевания, но и учета индивидуальных особенностей больного, таких как возраст, сопутствующие патологии, функциональное состояние печени и почек, а также возможная аллергическая отягощенность. Переход современного здравоохранения на стандартизированные клинические протоколы и электронное рецептурное

оформление значительно снижает риск субъективных ошибок, однако определяющим фактором остается личностная ответственность и профессиональная компетентность специалиста. Понимание правил хранения и администрирования препаратов позволяет сохранить их исходную биодоступность и предотвратить физико-химическую инактивацию действующих веществ.

Main Part

Процесс назначения лекарственных средств начинается с формулирования индивидуальной фармакотерапевтической стратегии на основе установленного клинического диагноза и актуальных стандартов оказания медицинской помощи. Врач обязан аргументированно подбирать дозировку, кратность и способ введения препарата, избегая нерациональной комбинированной терапии и полипрагмазии. Оформление рецептурного бланка или электронной назначения является юридическим документом, в котором фиксируются международное непатентованное наименование (МНН), форма выпуска, точная доза и подробные инструкции для пациента или процедуры введения процедурной сестрой. Критически важным этапом является предварительный информированный диалог с пациентом, в ходе которого разъясняются цели терапии, возможные побочные эффекты и необходимость строгого соблюдения времени и условий приема препарата.

Надежность и фармакологическая полноценность медикаментозного лечения во многом предопределяются неукоснительным соблюдением правил хранения лекарственных средств в аптеках и медицинских организациях. Хранение фармацевтических продуктов организуется с учетом их физико-химических свойств, токсикологических групп (наркотические, психотропные, сильнодействующие вещества) и требований к температурно-влажностному режиму. Лекарственные средства, чувствительные к воздействию света, влаги, высокой или низкой температуры, размещаются в специализированных шкафах, холодильниках и светонепроницаемой таре с непрерывным мониторингом

параметров внешней среды. Оборот наркотических и учетных препаратов подлежит строгому количественному учету в сейфах с ограниченным доступом, что исключает возможность их нецелевого использования и гарантирует абсолютную прозрачность фармацевтического учета.

Применение и прямое администрирование лекарственных средств пациенту выступает завершающим и самым ответственным этапом фармакотерапии, осуществляемым средним медицинским персоналом под контролем врача. При выполнении инъекционных, пероральных, трансдермальных или ингаляционных назначений строго соблюдается «правило пяти Т» (тот пациент, то лекарство, та доза, тот путь введения, то время). Ошибки на этапе применения нередко возникают из-за человеческого фактора, высокой нагрузки на персонал или некорректной идентификации больных, что требует внедрения цифровых систем штрихкодирования и алгоритмов двойного контроля при введении высокорисковых препаратов (например, инсулинов или антикоагулянтов). Повышение уровня квалификации медицинских сестер, проведение систематических аудитов соблюдения санитарно-эпидемиологического и фармацевтического режимов позволяют свести к минимуму операционные риски и сформировать устойчивую культуру безопасности в клинике.

Conclusion

Системный анализ правил назначения, хранения и применения лекарственных средств доказывает, что соблюдение фармацевтического порядка является неотъемлемым условием высокой эффективности и безопасности современного здравоохранения. Отказ от формального отношения к заполнению документации и соблюдению условий хранения в пользу строгой, научно обоснованной дисциплины позволяет защитить здоровье пациента и предотвратить серьезные медико-социальные последствия фармакотерапевтических ошибок. Научные исследования и клиническая практика убедительно подтверждают, что внедрение современных технологий контроля — от автоматизированных систем дозирования

до цифрового учета температурного режима — в сочетании с высокой деонтологической культурой персонала служит надежным заслоном на пути лекарственных осложнений.

В перспективе дальнейшее совершенствование системы обращения лекарственных средств будет связано с гармоничной интеграцией цифровых технологий, персонализированной фармакогенетики и интеллектуальных систем поддержки принятия врачебных решений. В этой новой технологической реальности фундаментальное значение сохранит профессионализм медицинского работника, способного глубоко понимать фармакологические процессы, ответственно относиться к каждому назначению и соблюдать высокие этические стандарты. Образовательные учреждения, фармацевтические ассоциации и органы управления здравоохранением должны непрерывно развивать и актуализировать программы подготовки кадров, гарантируя подготовку компетентных специалистов, способных обеспечить безупречный уровень лекарственной безопасности населения.

Список использованной литературы:

1. Клиническая фармакология: Учебник, Кукес, В. Г., Москва, Россия: ГЭОТАР-Медиа, 2018.

2. Правила надлежащей аптечной практики (Good Pharmacy Practice), Всемирная организация здравоохранения, Женева, Швейцария: ВОЗ, 2012.

3. Фармацевтическая технология и организация фармацевтического дела, Быков, В. А., Москва, Россия: Академия, 2010.

4. Безопасность лекарственной терапии в клинической практике, Мурашко, М. А., Москва, Россия: Медицина, 2021.

5. Основы деонтологии и фармацевтического порядка, Смулевич, А. Б., Москва, Россия: Медицинская книга, 2015.

© Какабаев Ш., 2026

УДК 547.7/.8:615.281

Мяликгулыева Г. А.

Преподаватель кафедры медицинской химии

Государственный медицинский университет Туркменистана

имени Мырата Гаррыева

Ашхабад, Туркменистан

ДИЗАЙН И СИНТЕЗ НОВЫХ АНТИБАКТЕРИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ НА ОСНОВЕ ГЕТЕРОЦИКЛИЧЕСКИХ СОЕДИНЕНИЙ

Аннотация

В статье рассмотрены актуальные проблемы современной медицинской химии и фармакологии, связанные с ростом резистентности патогенных микроорганизмов к традиционным антибиотикам. Особое внимание уделено методам направленного дизайна (drug design) и химического синтеза новых биологически активных веществ на основе гетероциклических каркасов (производных пиррола, пиридина, тиазола, кумарина и азолов). Проанализированы ключевые аспекты «структура — биологическая активность» (SAR), механизмы взаимодействия синтезированных молекул с мишенями бактериальной клетки, а также перспективы их внедрения в клиническую практику для преодоления лекарственной устойчивости.

Ключевые слова:

гетероциклические соединения, антибактериальные средства, направленный дизайн лекарств, антибиотикорезистентность, медицинская химия, органический синтез, механизм действия.

Введение

Проблема глобального распространения устойчивости патогенных бактерий к существующим антибактериальным препаратам представляет собой одну из

наиболее серьезных угроз для системы здравоохранения XXI века. Бесконтрольное и зачастую нерациональное применение классических антибиотиков привело к селекции полирезистентных штаммов микроорганизмов, таких как метициллинрезистентный *Staphylococcus aureus* (MRSA), ванкомицинорезистентные энтерококки и карбапенеморезистентные энтеробактерии. В этих условиях традиционные подходы к поиску новых антимикробных агентов путем модификации уже существующих классов антибиотиков исчерпывают свой потенциал. Возникает острая необходимость в разработке принципиально новых классов химических соединений, способных преодолевать существующие механизмы резистентности и обладающих уникальными механизмами действия на бактериальные мишени.

Особое место в арсенале современной медицинской химии занимают гетероциклические соединения. Гетероциклы составляют основу подавляющего большинства известных лекарственных препаратов, поскольку они обладают высокой липофильностью, способностью образовывать прочные водородные связи, ионные и гидрофобные взаимодействия с активными центрами ферментов и рецепторов бактериальных клеток. Наличие атомов азота, кислорода, серы или фосфора в циклической структуре придает молекулам электронную гибкость и фармакофорное разнообразие. В частности, азотсодержащие гетероциклы (индолы, пиридины, хинолины, триазолы, тетразолы) и серосодержащие системы (тиазолы, тиофены) демонстрируют широкий спектр биологической активности, включая выраженные антибактериальные, противогрибковые и противовирусные свойства.

Современный этап развития фармацевтической науки характеризуется переходом от эмпирического скрининга к методам рационального дизайна лекарственных средств (*Rational Drug Design*). С использованием перестигающих методов компьютерного моделирования (*in silico*), включая докинг (molecular docking), скрининг виртуальных библиотек молекул и QSAR-анализ (количественные соотношения «структура — активность»), исследователи могут с

высокой точностью прогнозировать аффинность и селективность синтезируемых гетероциклических молекул к ключевым ферментам бактерий (например, ДНК-гиразе, топоизомеразам IV, ферментам биосинтеза клеточной стенки или рибосомальным субъединицам). Это позволяет существенно сократить временные и финансовые затраты на многоступенчатый органический синтез и первичное биологическое тестирование.

Химический синтез новых гибридных молекул, объединяющих в своей структуре два или более фармакофорных гетероциклических фрагмента, открывает новые горизонты в создании синергетических антибактериальных агентов. Такие гибридные структуры способны одновременно атаковать несколько мишеней в бактериальной клетке, что радикально снижает вероятность формирования мутаций резистентности у патогенов. Кроме того, варьирование заместителей в гетероциклическом ядре позволяет тонко настраивать фармакокинетические свойства соединений: улучшать их биодоступность, проницаемость через клеточные мембраны и снижать общую цитотоксичность по отношению к клеткам макроорганизма.

Целью данной работы является систематизация современных достижений в области направленного дизайна и лабораторного синтеза перспективных гетероциклических соединений, обладающих выраженной антибактериальной активностью, а также анализ взаимосвязи между их пространственным строением и микробиологическим профилем действия.

Список использованной литературы:

1. Грандберг, И. И. Органическая химия: учебник для вузов / И. И. Грандберг, Н. Л. Нам. — 6-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань, 2020. — 668 с.

2. Пожарский, А. Ф. Теоретические основы химии гетероциклических соединений / А. Ф. Пожарский, В. А. Аверин, Ю. В. Карпачев. — Москва : Химия, 2019. — 480 с.

3. Машковский, М. Д. Лекарственные средства / М. Д. Машковский. — 16-е изд., перераб. и доп. — Москва: Новая Волна, 2021. — 1224 с.

© Мяликгулыева Г., 2026

УДК 615.32:547.9

Нурмухаммедова А.Б.

Преподаватель кафедры медицинской химии

Государственный медицинский университет Туркменистана

имени Мырата Гаррыева

Ашхабад, Туркменистан

ПОЛУЧЕНИЕ НОВЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ВЕЩЕСТВ НА ОСНОВЕ ПРИРОДНЫХ РАСТИТЕЛЬНЫХ ЭКСТРАКТОВ И ИССЛЕДОВАНИЕ ИХ ХИМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Аннотация

В статье рассматриваются современные методы экстракции, разделения и глубокого анализа биологически активных соединений растительного происхождения с целью создания инновационных лекарственных средств. Особое внимание уделено методам химического и физико-химического исследования (высокоэффективная жидкостная хроматография, ЯМР-спектроскопия, масс-спектрометрия), позволяющим устанавливать точную пространственную структуру выделенных метаболитов. Показана ключевая роль растительного сырья в современной фармакотерапии и перспективы разработки отечественных фитопрепаратов с заданными фармакологическими свойствами.

Ключевые слова:

растительные экстракты, лекарственные вещества, химическая структура, фитохимия, хромато-масс-спектрометрия, биологически активные соединения, фармакологическая активность.

Введение

Интерес к лекарственным средствам растительного происхождения в последние десятилетия переживает новый мощный виток развития. Несмотря на

колоссальные успехи синтетической органической химии и появление высокотехнологичных методов комбинаторного синтеза, природа остается неисчерпаемым источником уникальных по своему структурному разнообразию и биологической активности молекул. Растительные организмы в процессе длительной эволюции выработали сложные защитные механизмы, адаптационные стратегии и сигнальные системы, в основе которых лежит биосинтез тысяч вторичных метаболитов. Эти соединения — алкалоиды, флавоноиды, терпеноиды, сапонины, полифенолы и гликозиды — обладают высокой специфичностью взаимодействия с биологическими мишенями в живом организме, что делает их ценными прототипами для создания принципиально новых лекарственных препаратов.

Традиционные методы фитотерапии и эмпирического использования травяных сборов сегодня уступают место строгой научной методологии, объединяющей достижения современной аналитической химии, фармакогнозии, молекулярной биологии и фармакологии. Процесс разработки лекарственных веществ на основе растительного сырья — это многоэтапный, технологически сложный и наукоемкий процесс. Он начинается с целенаправленного поиска сырья, ботанической идентификации и правильного сбора растений, продолжается оптимизацией процессов экстракции для максимального извлечения целевых компонентов без их деструкции, и завершается глубоким хроматографическим разделением, выделением индивидуальных веществ в чистом виде и полным установлением их химической структуры.

Особую сложность в исследовании растительных экстрактов представляет их многокомпонентный состав и сложная матрица, где целевое биологически активное вещество часто находится в микроконцентрациях на фоне сопутствующих балластных соединений (смол, таннинов, пигментов, углеводов). В связи с этим ключевое значение приобрела разработка эффективных ресурсосберегающих и «зеленых» технологий экстракции, таких как сверхкритическая флюидная

экстракция диоксидом углерода, микроволновая и ультразвуковая экстракция. Эти методы позволяют минимизировать термическую деградацию термолабильных соединений, повысить выход целевых субстанций и существенно снизить экологическую нагрузку химического производства.

Не менее важной задачей на пути к созданию эффективного лекарственного средства является установление точной химической структуры выделенных соединений. Без детального пространственного описания молекулы, включая определение конфигурации асимметрических центров, положения функциональных групп и характера гликозидных или эфирных связей, невозможно прогнозировать фармакокинетический профиль, уровень токсичности и точный механизм фармакологического действия. Современный арсенал физико-химических методов анализа — высокоэффективная жидкостная хроматография в сочетании с масс-спектрометрией (ВЭЖХ-МС), спектроскопия ядерного магнитного резонанса, рентгеноструктурный анализ и инфракрасная спектроскопия — позволяет решать эти фундаментальные задачи с микрометрической и атомной точностью. Таким образом, комплексные междисциплинарные исследования растительных объектов открывают широкие перспективы для создания эффективных, безопасных и таргетных лекарственных препаратов нового поколения.

Список использованной литературы:

1. Георгиевский, В. П. Биологически активные вещества лекарственных растений / В. П. Георгиевский, Н. Ф. Комиссаренко, С. Е. Дмитрук. — Новосибирск : Наука, 2020. — 352 с.

2. Самылина, И. А. Фармакогнозия: атлас : учебное пособие / И. А. Самылина, О. А. Баландина. — Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2021. — 488 с.

3. Ковалев, В. Н. Практикум по фармакогнозии и химии природных соединений / В. Н. Ковалев, Н. В. Попова. — Санкт-Петербург : Проспект науки, 2020. — 264 с.

© Нурмухаммедова А., 2026

УДК 61

Нурмырадов Ысхак,

студент

Государственный медицинский университет Туркменистана

имени Мырата Гаррыева.

Ашхабад, Туркменистан

ПРОФЕССИЯ ВРАЧА. ЛИЧНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

Аннотация

Профессия врача занимает уникальное место в системе общественного разделения труда, объединяя в себе высокое академическое наукоемкое знание, сложнейшие технические навыки и глубокий гуманистический потенциал. В условиях стремительного развития медицинских технологий, внедрения искусственного интеллекта и цифровизации здравоохранения требования к компетенциям медицинского работника претерпевают существенные качественные трансформации. Настоящая статья посвящена системному научно-педагогическому анализу личных и профессиональных качеств врача, определяющих эффективность лечебно-диагностического процесса и качество оказываемой медицинской помощи. В работе детально рассматриваются структура клинического мышления, коммуникативные компетенции (hard and soft skills), биоэтические принципы и механизмы эмоциональной саморегуляции. Особое внимание уделено педагогическим условиям формирования профессиональной идентичности, деонтологической культуры и психофизиологической устойчивости будущих специалистов в процессе непрерывного медицинского образования. Анализируются системные риски профессионального выгорания и предлагаются научно обоснованные модели гармоничной интеграции высокотехнологичной

медицины и деонтологического гуманизма.

Keywords

профессия врача, медицинский работник, личностные качества, профессиональные компетенции, врачебная этика, клиническое мышление, эмоциональное выгорание.

Introduction

Профессия врача исторически является одной из наиболее ответственных, сложных и социально значимых сфер человеческой деятельности, в которой научные знания непосредственно смыкаются с высокими морально-этическими ценностями. Социальный статус и миссия врача выходят далеко за рамки простой ремесленной или технологической функции, поскольку предметом профессионального воздействия выступают высшие ценности — жизнь, физическое и психическое здоровье человека. В современном мире под влиянием научно-технического прогресса происходит усложнение лечебно-диагностических технологий, что выдвигает качественно новые требования к подготовке специалистов здравоохранения. При этом фундаментом врачебного искусства остается личность самого медицинского работника, его способность к эмпатии, глубокому аналитическому мышлению и принятию решений в условиях высокой неопределенности и экстренности.

Формирование квалифицированного врача представляет собой сложный непрерывный процесс, сочетающий освоение фундаментальных биомедицинских дисциплин, формирование узкоспециализированных мануальных навыков и развитие высокого уровня этической культуры. Теоретико-методологической основой анализа врачебной профессии выступают биоэтические концепции, теория профессионального развития личности и современные модели компетентностного подхода в медицинском образовании. В современных условиях, когда медицинский работник сталкивается со значительными

психоэмоциональными нагрузками и возрастающими запросами общества, становится очевидным, что высокий уровень сугубо технических знаний не может компенсировать дефицит личностной зрелости, деонтологической грамотности и коммуникативной пластичности. В связи с этим системное исследование структуры личных и профессиональных качеств врача приобретает ключевое значение для совершенствования программ высшего и постдипломного медицинского образования.

Main Part

Комплексная характеристика медицинского работника включает в себя неразрывное единство фундаментальных профессиональных и личностных качеств, определяющих его клиническую успешность и деонтологическую надежность. Ключевым профессиональным качеством является развитое клиническое мышление — особый тип научно-практического интеллекта, позволяющий врачу на основе анализа симптомов, анамнеза и лабораторно-инструментальных данных синтезировать целостную картину болезни и выстраивать оптимальную стратегию лечения. В сочетании с непрерывным стремлением к обновлению знаний в рамках концепции обучения в течение всей жизни (life-long learning), высочайшей дисциплиной и владением современными медицинскими технологиями, профессионализм врача образует прочный базис для оказания высококвалифицированной медицинской помощи. Не менее значимой составляющей выступает умение работать в interprofessional (междисциплинарных) командах, передавать клинический опыт и строго следовать международным и национальным протоколам диагностики и терапии.

Вместе с тем эффективность клинической практики решающим образом предопределяется личными качествами и эмпатическим потенциалом медицинского работника. Эмпатия, милосердие, искреннее уважение к личности пациента и стремление облегчить его страдания формируют атмосферу доверия, которая сама по себе обладает выраженным психотерапевтическим эффектом и

повышает комплаентность (приверженность к лечению). Специфика врачебного труда требует от специалиста высокой стрессоустойчивости, эмоциональной саморегуляции, самообладания и решительности при принятии критических решений в экстремальных ситуациях. Коммуникативные навыки, умение грамотно и деликатно выстраивать диалог как с пациентом и его родственниками, так и с коллегами, являются базовым инструментом предотвращения профессиональных ошибок, конфликтных ситуаций и биоэтических нарушений.

Несмотря на очевидную значимость гармоничного сочетания личностных и профессиональных качеств, современная система здравоохранения и медицинское образование сталкиваются со сложными системными вызовами. Высокая интенсивность труда, колоссальная эмоциональная нагрузка, бюрократизация лечебного процесса и постоянный контакт со человеческим страданием создают высокие риски развития синдрома эмоционального выгорания и профессиональной деформации врачей. Кроме того, существует риск перекоса в сторону «технократизации» медицины, когда за цифровыми показателями и результатами сложных анализов теряется целостный образ пациента. Преодоление данных проблем требует внедрения в программы подготовки врачей специальных тренингов по коммуникативным навыкам (например, по протоколу SPIKES), психопрофилактических программ, курса биоэтики и балинтовских групп, а также оптимизации условий труда и социальной защиты медицинских работников.

Conclusion

Системный анализ профессии врача и структуры его ключевых качеств убедительно доказывает, что современный медицинский работник должен являться гармоничным синтезом высококлассного исследователя-клинициста, технически грамотного специалиста и гуманного, эмпатичного педагога-наставника. Отказ от узкотехнократического взгляда на медицину в пользу биопсихосоциальной модели позволяет восстановить фундаментальную ценность врачебного искусства, где личность врача выступает важнейшим фактором

выздоровления пациента. Научные данные и практика современного здравоохранения подтверждают, что целенаправленное развитие как hard skills (профессионально-предметных навыков), так и soft skills (надпрофессиональных и коммуникативных качеств) в процессе медицинского образования напрямую коррелирует со снижением врачебных ошибок, повышением удовлетворенности пациентов и сохранением психофизического здоровья самих врачей.

В перспективе дальнейшее развитие врачебной профессии будет определяться успешностью адаптации медицинских специалистов к условиям высокотехнологичной медицины будущего, включающей генетические технологии, робот-ассистированную хирургию и цифровые системы поддержки принятия решений. В этой новой реальности личностные качества врача — эмпатия, интуиция, моральная ответственность и человеческое тепло — станут еще более уникальным и незаменимым ресурсом, который не сможет воспроизвести ни один алгоритм искусственного интеллекта. Образовательные учреждения, органы управления здравоохранением и профессиональные врачебные ассоциации должны объединить усилия для создания целостной системы поддержки, развития и воспитания врачебных кадров, способных с честью выполнять свою благородную миссию.

Список использованной литературы:

1. Записки врача, Вересаев, В. В., Москва, Россия: Правда, 1986.

2. Введение в биоэтику, Юдин, Б.Г., & Тищенко, П.Д., Москва, Россия: Progress-Tradition, 1998.

3. Деонтология в медицине, Петросян, Е.А., & Сергиенко, В. И., Москва, Россия: Медицина, 2004.

4. Психология лечебного процесса, Харди, И., Будапешт, Венгрия: Издательство Академии наук Венгрии, 1981.

5. Профессиональное выгорание медицинских работников, Водопьянова, Н.Е., & Старченкова, Е. С., Санкт-Петербург, Россия: Питер, 2008.

© Нурмырадов Ы., 2026

УДК 615.45:620.3

Сапарова Х.Д.

Преподаватель кафедры медицинской химии

Государственный медицинский университет Туркменистана

имени Мырата Гаррыева

Ашхабад, Туркменистан

НАНОСТРУКТУРИРОВАННЫЕ НОСИТЕЛИ ДЛЯ НАПРАВЛЕННОЙ ДОСТАВКИ И КОНТРОЛИРУЕМОГО ВЫСВОБОЖДЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация

В статье рассматриваются современные достижения в области создания и применения наноструктурированных систем доставки лекарственных препаратов. Особое внимание уделено механизмам таргетной (направленной) доставки, кинетике контролируемого высвобождения активных фармакологических субстанций и преодолению биологических барьеров организма. Проанализированы перспективы использования липосом, полимерных наночастиц, дендримеров и неорганических наноструктур в фармакотерапии онкологических, инфекционных и генетических заболеваний.

Ключевые слова:

нанотехнологии, направленная доставка лекарств, контролируемое высвобождение, наночастицы, липосомы, фармакокинетика, биосовместимость.

Введение

Современная фармакология и биомедицинская наука находятся на этапе масштабной трансформации, обусловленной стремительным развитием нанотехнологий. Традиционные методы фармакотерапии, несмотря на их многовековую историю и доказанную эффективность, часто сталкиваются с

фундаментальными ограничениями: низкой биодоступностью лекарственных веществ, быстрой деградацией активных молекул в системном кровотоке, отсутствием селективности действия и, как следствие, выраженными системными токсическими эффектами на здоровые органы и ткани. Особенно остро эта проблема проявляется при лечении онкологических заболеваний, тяжелых инфекций и патологий центральной нервной системы, где терапевтическая доза препарата часто близка к его токсическому порогу.

Решением этих проблем стало развитие принципиально нового направления — создания наноструктурированных носителей для доставки лекарственных веществ. Данный подход базируется на инкапсулировании, сорбции или ковалентном связывании фармакологически активных соединений с наноразмерными контейнерами, размеры которых обычно варьируются в диапазоне от 1 до 100 нанометров. Такие системы способны не только защитить лекарство от преждевременной ферментативной деградации и элиминации ретикулоэндотелиальной системой, но и обеспечить его избирательное накопление в патологическом очаге.

Ключевым преимуществом наноносителей является феномен повышенной проницаемости и удерживания (Enhanced Permeability and Retention effect — EPR-эффект), характерный для опухолевых тканей, который позволяет наночастицам пассивно аккумулироваться в зоне новообразования за счет дефектности новообразованных кровеносных сосудов. Более того, функционализация поверхности наночастиц специфическими лигандами (антителами, пептидами, аптамерами) открывает возможности для активного таргетинга — распознавания и связывания исключительно с рецепторами клеток-мишеней.

Не менее важной задачей, решаемой с помощью нанотехнологий, является контролируемое (пролонгированное) высвобождение лекарственных веществ. Варьируя физико-химические свойства матрикса носителя (степень сшивания полимера, толщину липидного бислоя, пористость неорганической каркасной

структуры), можно запрограммировать профиль высвобождения препарата: обеспечить немедленный терапевтический всплеск или поддерживать постоянную терапевтическую концентрацию действующего вещества в крови на протяжении нескольких дней или даже недель. Это позволяет минимизировать колебания концентрации лекарства в плазме, снизить частоту введения доз и уменьшить риск возникновения побочных реакций.

Разнообразие классов наноструктурированных носителей впечатляет. Липосомы и твердые липидные наночастицы первыми доказали свою клиническую состоятельность благодаря высокой биосовместимости. Полимерные наночастицы и мицеллы привлекают возможностью тонкой настройки деградации и высокой емкостью по отношению к гидрофобным субстанциям. Дендримеры с их строго определенной ветвящейся структурой предоставляют уникальные платформы для конъюгации множества функциональных групп. В свою очередь, неорганические наночастицы (на основе золота, оксидов железа или мезопористого кремнезема) открывают перспективы для тераностики — одновременного сочетания визуализации (диагностики) и адресного терапевтического воздействия под действием внешних физических стимулов (магнитного поля, ультразвука или лазерного излучения).

Таким образом, разработка наноструктурированных систем доставки открывает эру персонализированной и высокоточной медицины, переводя фармакотерапию на качественно новый уровень эффективности и безопасности.

Список использованной литературы:

1. Гельперін, М.Б. Нанотехнології в фармації та медицині / М.Б. Гельперін. — Київ: Здоров'я, 2021. — 312 с.

2. Сергеев, Г.Б. Нанохимия / Г.Б. Сергеев. — Москва: Издательство МГУ, 2020. — 336 с.

3. Ремнев, Б.Е. Системы доставки лекарственных веществ на основе наночастиц / Б. Е. Ремизов, В.А. Кузнецов. — Санкт-Петербург: СпецЛит, 2019. — 245 с.

© Сапарова Х., 2026

УДК 61

Хыдырова Г.Ч.

преподаватель кафедры, Государственный медицинский университет Туркменистана имени М.Г аррыева, г. Ашгабат

РЕГИОНАРНАЯ АНЕСТЕЗИЯ

Аннотация

Вид местной анестезии, при котором происходит прерывание импульсации проксимально от области операции. К регионарной анестезии можно отнести: проводниковую (стволовую), плексусную (нервных сплетений), спинальную, эпидуральную, сакральную, внутрикостную, внутривенную регионарную.

Ключевые слова:

инфильтрационная анестезия.

Проводниковой анестезией называют регионарную анестезию, достигаемую подведением раствора местного анестетика к нервному стволу проксимально от операционной области, которую он иннервирует.

Анестетик можно вводить в пространство вокруг нерва (периневрально). В основе проводниковой анестезии лежит блокада проведения импульса по нервному стволу с помощью концентрированных растворов анестетиков. Техника анестезии требует хорошего знания топографии нервных стволов

и сосудов. Иглу к нерву подводят без шприца. Появление у пациента чувства «удара тока» свидетельствует о прикосновении к стволу нерва. При эндоневральном введении обезболивание наступает через 2–5 мин, при периневрально — через 5–15 мин. Положительной чертой проводниковой анастезии является принципиальная возможность одной инъекцией обезболивающего раствора добиться обезболивания обширной зоны операции.

Существенными недостатками практического использования этого метода являются трудность определения локализации нервных стволов, которая весьма вариабельна, возможность их травмы и опасность осложнений, связанных с попаданием концентрированных растворов местных анестетиков в сосудистое русло через поврежденные артерию или вену с последующей интоксикацией. Преодолеть эти недостатки можно при досконального знании анатомии нервных стволов и сосудов.

В общей хирургии и травматологии используются следующие основные методы проводниковой анестезии:

- анестезия пальцевых нервов по Лукашевичу–Оберсту;
- анестезия локтевого нерва;
- анестезия срединного нерва;
- анестезия лучевого нерва;
- анестезия бедренного нерва;
- анестезия седалищного нерва;
- анестезия запирательного нерва;
- анестезия межреберная.

Анестезия нервных сплетений производится путем введения анестетика в область сплетений, иннервирующих конечность, например, плечевого сплетения при операции на руке или шейного сплетения при операции на плечевом поясе и на руке.

Эпидуральная (перидуральная) анестезия. Метод сводится к блокаде спинномозговых нервов и их корешков раствором, введенным в эпидуральное пространство. Пункция производится через межпозвонковые промежутки, при одной из разновидностей эпидуральной пункции — сакральной — через hiatus sacralis. Эпидуральное пространство заключено в позвоночном канале и представляет собой узкую щель между внутренним листком твердой мозговой оболочки и стенкой позвоночного канала, выстланной наружным листком твёрдой мозговой оболочки.

Эпидуральное пространство заполнено жировой клетчаткой и рыхлой соединительной тканью, где проходят нервные корешки, артерии, вены, лимфатические сосуды. Эпидуральный мешок связан со всех сторон со стенками позвоночного канала при помощи фиброзных пучков (связок твёрдой мозговой оболочки). Нервные корешки (вентральные и дорсальные), окруженные твердой мозговой оболочкой, пересекают эпидуральное пространство и соединяются в межпозвонковых отверстиях, формируя спинномозговые нервы. Обычно эпидуральное пространство находится на глубине 4–4,5 см от поверхности кожи, но может и варьировать от 3 до 9 см.

Показания:

1. Наиболее важным показанием к проведению эпидуральной пункции и катетеризации является проведение эпидуральной анестезии (одна из разновидностей местной анестезии). Обеспечивает блокаду афферентных и эфферентных нервных волокон, а также преганглионарных волокон симпатической нервной системы. Благодаря действию на афферентное звено предупреждается развитие патологических рефлекторных реакций, минимизируются сдвиги в деятельности систем организма.

2. Послеоперационное обезболивание. Для этого обычно катетеризируют эпидуральное пространство. Обезболивание можно проводить растворами наркотических анальгетиков или местных анестетиков. Местные анестетики используют в концентрациях более низких, чем для эпидуральной анестезии при операциях, что позволяет избирательно блокировать чувствительные волокна при сохранении двигательной иннервации, что способствует ранней активизации больных и профилактике послеоперационных осложнений.

3. Купирование стойких болевых синдромов, не поддающихся другим методам лечения (онкологические заболевания).

1. Обезболивание в родах Диагностические эпидуральные блокады, например, для дифференциальной диагностики артериальной и венозной

окклюзии сосудов конечностей, прогнозирования эффективности симпатэктомии при облитерирующем эндартериите и т. д.

2. Эпидурография — методика контрастирования эпидурального пространства для рентгенологического выявления объемных процессов в позвоночном канале.

Список использованной литературы:

1. Koller, C. On the use of cocaine for producing anes thesia on the eye / C. Koller // The Lancet. — 1884. — № 6. — P. 990—992.

2. Bier, A. Versuche uber Cocainisirung des Ruckenmarkes /

A. Bier // Deuthsch Zeitschrift fur Chirugie. —1899. — Vol. 51. —

P. 361—369.

3. Cathelin, M. F. Soc. Biol., Paris 53. — 1901. — P. 452—453.

© Хыдырова Г.Ч., 2026

УДК 61

Чурменов Аннасахет,

студент

Государственный медицинский университет Туркменистана

имени Мырата Гаррыева.

Ашхабад, Туркменистан

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАЦИЕНТА. АНАЛИЗЫ, ДИАГНОСТИКА И ПОСТАНОВКА ДИАГНОЗА

Аннотация

Медицинское обследование пациента представляет собой фундаментальную основу всей клинической практики, объединяющую классические методы физикального осмотра, высокотехнологичную лабораторную диагностику и современную визуализацию. В условиях стремительного развития медицинских технологий и цифровизации здравоохранения структурированный подход к сбору анамнеза, проведению лабораторно-инструментальных исследований и формированию клинического мышления приобрел критическое значение для снижения диагностических ошибок. Настоящая статья посвящена системному научно-педагогическому и методологическому анализу этапов медицинского обследования, принципам интерпретации лабораторных анализов и алгоритмам постановки обоснованного диагноза. В работе детально рассматриваются вопросы дифференциальной диагностики, деонтологические аспекты взаимодействия врача и пациента, а также механизмы снижения когнитивных искажений в принятии клинических решений. Особое внимание уделено педагогическим условиям подготовки будущих специалистов к работе в условиях междисциплинарной интеграции и использования цифровых систем поддержки принятия решений.

Ключевые слова:

медицинское обследование, диагностика, постановка диагноза, лабораторные анализы, клиническое мышление, дифференциальная диагностика, деонтология

Introduction

Медицинское обследование пациента — это сложный, многоэтапный гносеологический процесс, в ходе которого врач трансформирует субъективные жалобы больного и объективные клинические симптомы в точную нозологическую формулировку. Исторически диагностический поиск строился преимущественно на мастерстве непосредственного контакта: подробном расспросе, пальпации, перкуссии и аускультации. Однако современная медицина перешла на этап глубокой технологической интеграции, когда физикальные данные дополняются высокочувствительными лабораторными биомаркерами, молекулярно-генетическими тестами и трехмерными визуализационными системами. В связи с этим перед профессиональным медицинским образованием стоит задача научить специалиста не просто назначать широкий спектр исследований, а выстраивать из них логически завершенную и экономически обоснованную диагностическую гипотезу.

Теоретико-методологическим фундаментом клинической диагностики выступают принципы доказательной медицины, теория вероятностного распределения патологий и биоэтические нормы общения с пациентом. Процесс постановки диагноза требует от врача высокого уровня развития клинического мышления, умения синтезировать противоречивые данные и вовремя распознавать диагностические риски. Неуклонный рост объема медицинских знаний делает невозможным шаблонный подход к обследованию: любой аналитический тест или инструментальное исследование должны иметь четкие показания и задавать конкретный клинический вопрос. Системное исследование структуры медицинского обследования и методики обучения будущих врачей

алгоритмам диагностики является залогом повышения качества медицинской помощи и сохранения здоровья населения.

Main Part

Алгоритм медицинского обследования начинается с тщательного сбора анамнеза и физикального осмотра, которые остаются главным инструментом первичной ориентации врача. На основе первичных данных формулируется предварительный диагноз, определяющий вектор последующего лабораторно-инструментального поиска. Лабораторная диагностика — включая общеклинические, биохимические, иммунологические и молекулярно-генетические анализы — обеспечивает объективную оценку гомеостаза, степени воспалительного ответа и функции внутренних органов. Инструментальные методы (УЗИ, КТ, МРТ, эндоскопия) дают возможность визуализировать анатомические и морфологические изменения. Ключевая задача врача на данном этапе заключается в правильной интерпретации полученных лабораторных и инструментальных значений с учетом индивидуальных особенностей пациента, физиологических колебаний и возможных лабораторных погрешностей.

Процесс синтеза собранной информации в финальный клинический диагноз строится по законам дифференциальной диагностики. Врач сопоставляет выявленный у пациента симптомокомплекс с эталонными клиническими картинами сходных заболеваний, последовательно исключая альтернативные гипотезы. Этап формирования окончательного диагноза включает формулирование основного заболевания, его осложнений и сопутствующей патологии согласно актуальной международной классификации болезней. Внедрение компьютерных систем поддержки принятия решений и искусственного интеллекта значительно ускоряет анализ больших массивов данных, однако окончательная моральная и юридическая ответственность за точность диагноза всегда остается за квалифицированным специалистом.

Несмотря на высокий уровень оснащенности современных клиник, процесс

диагностики сталкивается с существенными системными и психолого-педагогическими трудностями. Одной из главных проблем является переоценка роли инструментально-лабораторных тестов в ущерб личному контакту с пациентом и качественному физикальному осмотру, что нередко приводит к «гипердиагностике» и ненужным обследованиям. Кроме того, врачи регулярно сталкиваются с когнитивными искажениями — такими как предвзятость подтверждения или предвзятость доступности — при анализе сложных и атипично протекающих клинических случаев. Преодоление данных барьеров требует непрерывного совершенствования программ медицинского образования, применения методов симуляционного обучения, разбора клинических кейсов (PBL) и формирования глубокой деонтологической культуры специалиста.

Conclusion

Системный научно-педагогический подход к процессу медицинского обследования и постановки диагноза доказывает, что высококлассная диагностика — это союз клинического искусства, строгой науки и гуманного отношения к пациенту. Отказ от формального назначения лабораторных анализов в пользу осознанного, поэтапного и доказательного диагностического поиска позволяет оптимизировать ресурсы здравоохранения и существенно повысить точность выявления заболеваний на ранних стадиях. Научные данные и практика современного здравоохранения убедительно подтверждают, что развитое клиническое мышление и способность к дифференциальному анализу служат лучшим защитным механизмом от врачебных ошибок в эпоху информационного изобилия.

В перспективе дальнейшее совершенствование диагностического процесса будет связано с гармоничной интеграцией персоналом клиник новейших цифровых технологий, мультиомиксных анализов и систем искусственного интеллекта с классическими традициями врачебного осмотра. В этой новой технологической реальности определяющая роль будет принадлежать врачу, способному не только

правильно проинтерпретировать сложнейшие лабораторные данные, но и установить с пациентом доверительный диалог. Образовательные учреждения и медицинские ассоциации должны систематически развивать и поддерживать высокие стандарты преподавания пропедевтики и клинической диагностики, гарантируя подготовку компетентных специалистов, способных эффективно решать самые сложные задачи здравоохранения.

References List:

1. Пропедевтика внутренних болезней, Мухин, Н.А., & Моисеев, В.С., Москва, Россия: ГЭОТАР-Медиа, 2014.

2. Клиническая лабораторная диагностика, Кишкун, А.А., Москва, Россия: ГЭОТАР-Медиа, 2010.

3. Основы клинической диагностики и дифференциального диагноза, Василенко, В. Х., Москва, Россия: Медицина, 1989.

4. Врачебная этика и деонтология, Грандо, А. А., Киев, Украина: Выща школа, 1988.

5. Принятие решений в клинической медицине: доказательный подход, Власов, В. В., Москва, Россия: Медиа Сфера, 2001.

© Чурменов А., 2026

УДК 61

Шакулиев С. А.

Преподаватель кафедры урологии и андрологии

Государственного Медицинского университета Туркменистана

имени Мырата Гаррыева

Туркменистан, Ашхабад

ОСТРЫЙ ПАРАНЕФРИТ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ВОЗМОЖНЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ И МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ

Аннотация

Острый паранефрит — это острое воспаление околопочечной жировой клетчатки, окружающей почку. Заболевание чаще имеет инфекционную природу и может развиваться как осложнение пиелонефрита, инфекции мочевыводящих путей или распространения инфекции из соседних тканей.

Ключевые слова:

острый перинефрит, перинефральный абсцесс, почечная инфекция, пиелонефрит, бактериальная инфекция, осложнения, антибиотики, хирургическое дренирование.

Shakuliev S. A.

Lecturer of the Department of Urology and Andrology

State Medical University of Turkmenistan named after Myrata Garryeva

Turkmenistan, Ashgabat

ACUTE PERINEPHRITIS: CAUSES, POSSIBLE COMPLICATIONS AND TREATMENT METHODS

Abstract

Acute perinephritis is an inflammatory condition affecting the fatty tissue

surrounding the kidney. It commonly develops as a result of the spread of bacterial infection from the kidney or other infectious foci. This article discusses the main causes, clinical manifestations, possible complications, diagnostic methods, and treatment approaches. Particular attention is given to perinephric abscess formation, sepsis, appropriate antibiotic therapy, and the role of surgical drainage. Early diagnosis and timely treatment are essential for preventing complications and preserving kidney function.

Keywords:

acute perinephritis, perinephric abscess, kidney infection, pyelonephritis,bacterial infection, complications, antibiotics, surgical drainage.

Важно: острый паранефрит может сопровождаться образованием гнойника (абсцесса) и распространением инфекции на окружающие ткани, поэтому при подозрении на это заболевание необходима срочная медицинская оценка.1. Определение и причины возникновения острого паранефрита

Острый паранефрит — воспалительное заболевание околопочечной клетчатки, которое преимущественно развивается вследствие распространения бактериальной инфекции из почки. Основными возбудителями являются кишечная палочка (Escherichia coli), стафилококки, клебсиеллы и другие условно-патогенные микроорганизмы. Инфекция может проникать в околопочечную клетчатку контактным путём из воспалённой почки либо гематогенным путём из отдалённых очагов инфекции. Предрасполагающими факторами являются острый и хронический пиелонефрит, мочекаменная болезнь, нарушение оттока мочи, сахарный диабет, травмы поясничной области и снижение иммунной защиты. Заболевание может протекать с образованием гнойного очага, требующего хирургического вмешательства.

Клинические проявления заболевания. Клиническая картина острого паранефрита обычно характеризуется выраженными симптомами воспаления и

интоксикации. У пациента повышается температура тела, появляются озноб, слабость, потливость и снижение аппетита. Характерным признаком является боль в поясничной области, чаще с одной стороны, которая может усиливаться при движении и пальпации. Иногда боль распространяется на живот, паховую область или бедро. Возможны тошнота, учащённое сердцебиение и ограничение подвижности из-за болезненности. При сопутствующей инфекции мочевыводящих путей возникают учащённое и болезненное мочеиспускание. Выраженность симптомов зависит от распространённости воспаления и наличия гнойного процесса.

Возможные осложнения острого паранефрита

При отсутствии своевременного лечения острый паранефрит может приводить к серьёзным осложнениям. Одним из наиболее опасных является образование паранефрального абсцесса — ограниченного скопления гноя в околопочечной клетчатке. Инфекция также может распространяться на поясничные мышцы, забрюшинное пространство и соседние анатомические структуры. При проникновении бактерий в кровоток возможно развитие бактериемии, сепсиса и септического шока. Сопутствующая обструкция мочевыводящих путей способна ухудшать течение инфекции и нарушать функцию почки. При тяжёлом и длительном воспалительном процессе повышается риск повреждения почечной ткани и развития почечной недостаточности. Своевременная диагностика и адекватное лечение существенно снижают вероятность этих осложнений.

Диагностика острого паранефрита

Список использованной литературы:

1. Wein A. J., Kavoussi L. R., Partin A. W., Peters C. A., eds. Campbell-Walsh-Wein Urology. 12th ed. Philadelphia: Elsevier, 2020.

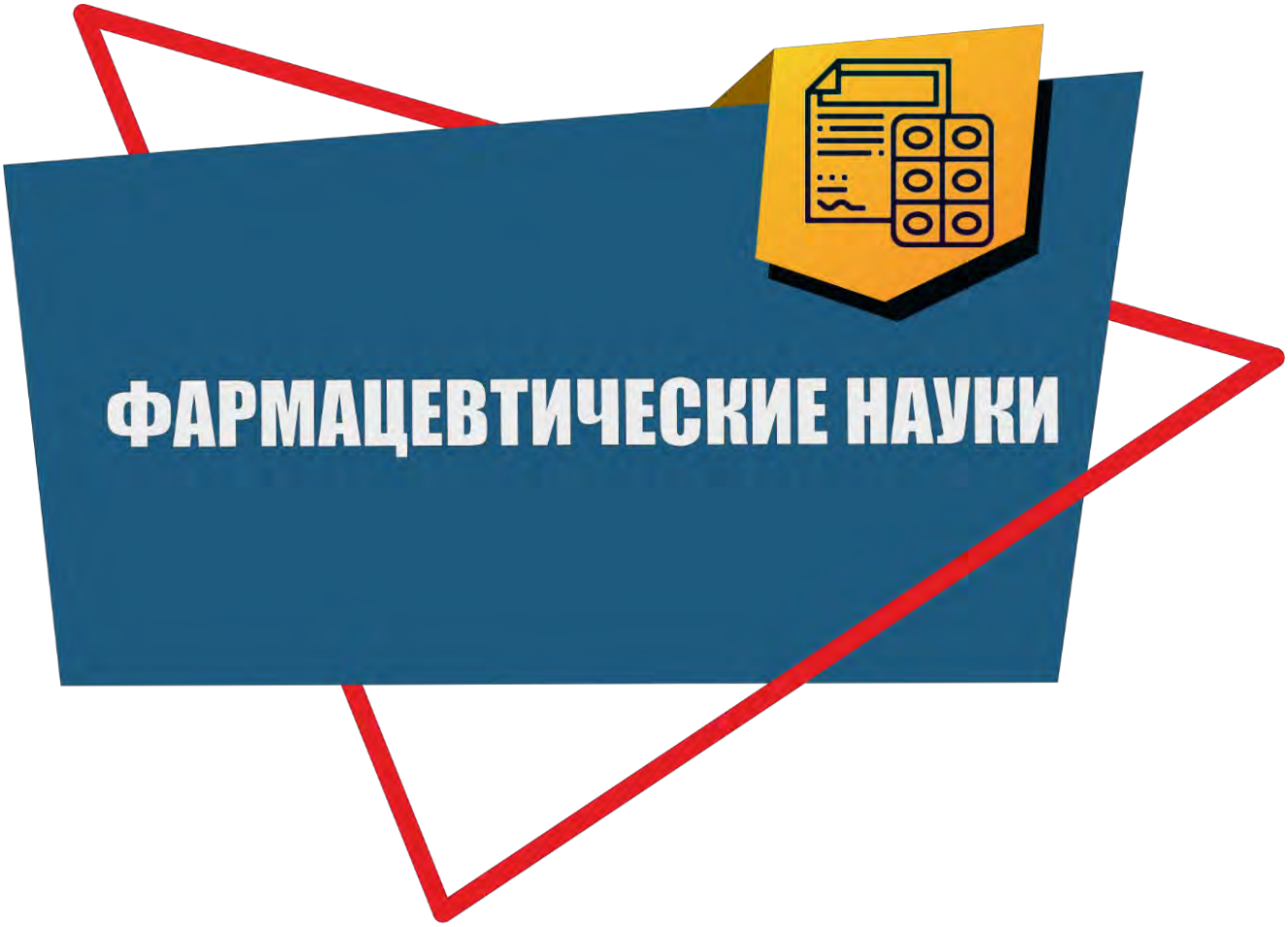
2. Jameson J. L., Fauci A. S., Kasper D. L., Hauser S. L., Longo D. L., Loscalzo J., eds. Harrison’s Principles of Internal Medicine. 21st ed. New York: McGraw Hill, 2022.

3. Okafor C. N., Onyeaso E. E. Perinephric Abscess. In: StatPearls. Treasure Island (FL):

StatPearls Publishing. Available at: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK536936/

4. Министерство здравоохранения Российской Федерации. Клинические рекомендации «Острый пиелонефрит». 2024. Доступно: https://base.garant.ru/411241815/

© Шакулиев С.А., 2026

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 658.7.011.1

Белова С.Г.

Магистрант 1 курса НИУ БелГУ

г. Белгород, Российская Федерация

Научный руководитель: Сагалаева И.В.

Доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации

НИУ БелГУ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОСТАВОК СЫРЬЯ И МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: РИСКИ, АДАПТАЦИЯ ЦЕПОЧЕК И СИСТЕМА КВАЛИФИКАЦИИ ПОСТАВЩИКОВ

Аннотация

В данной статье рассматриваются вызовы, с которыми столкнулась российская фармацевтическая промышленность в отношении поставок сырья и материалов в условиях санкционного давления. Проанализированы меры для обеспечения бесперебойных поставок сырья и материалов.

Ключевые слова:

фармацевтическая промышленность, поставки, санкции, качество, риск, импорт.

Belova S. G.,

Student of the Institute of Pharmacy, Chemistry and Biology

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,

Sagalaeva I. V.,

Ph.D. in Pedagogy,

Associate Professor of the Department of Foreign Languages

and Professional Communication,

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

ENSURING THE SUPPLY OF RAW MATERIALS AND COMPONENTS FOR PHARMACEUTICAL MANUFACTURING UNDER SANCTIONS-RELATED RESTRICTIONS: RISKS, SUPPLY CHAIN ADAPTATION, AND SUPPLIER QUALIFICATION SYSTEMS

Abstract

This article examines the challenges faced by the Russian pharmaceutical industry regarding the supply of raw materials and other inputs amidst sanctions pressure. Analyze measures to ensure uninterrupted supplies of raw materials and supplies.

Keywords:

pharmaceutical industry, supply, sanctions, quality, risk, imports.

The pharmaceutical sector is characterized by a significant reliance on foreign supplies, making it highly sensitive to shifts in the external economic environment. Although Western sanctions in 2022 did not include direct restrictions on the pharmaceutical industry, their impact was felt indirectly—in the form of difficulties in securing the necessary raw materials and supplies for manufacturing facilities. According to the analytical company RNC Pharma, approximately 80% of the volume of Russian medicinal products is manufactured using foreign pharmaceutical substances [1]. In 2021, imports of substances amounted to 15.8 thousand tonnes, valued at 195.4 billion rubles; 76.7% of these supplies came from China and India, while 20.3% originated from EU countries.

The domestic pharmaceutical industry has been most significantly affected by restrictions that have hindered access to raw materials/components, equipment, and the materials required for its operation. The situation is further complicated by decisions from foreign companies to suspend their operations in Russia or to cease funding for ongoing projects. Russian pharmaceutical manufacturers were forced to seek alternative sources of supply and restructure their logistics chains, the disruption of which also led to restrictions on the import of pharmaceutical substances, not only from the EU but also

from China and India. By the end of 2022, the range of countries supplying pharmaceutical substances to the Russian market had narrowed significantly.

At the same time, a number of foreign manufacturers of equipment and components for the pharmaceutical industry—despite the absence of direct sanctions targeting their products—have ceased cooperation with Russian companies. This has led to the suspension of existing production lines, as well as the halting of plans to launch new manufacturing capacity. For instance, a number of foreign manufacturers have ceased supplying technological equipment to the Russian market: among the German companies are Syntegon, GEA, Merck, and Macherey-Nagel, while among the American companies are Cytiva, Agilent Technologies, Waters, and Phenomenex. [3]

In this challenging situation, manufacturers are compelled to take various measures to ensure the uninterrupted supply of raw materials and supplies.

Creating safety stocks helps smooth out short-term supply disruptions and avoid production line downtime. At the same time, it is critically important to follow stock rotation principles (FIFO/FEFO) and monitor expiration dates, in accordance with GMP requirements for the storage of materials. The creation of safety stocks must also be formalized: it is necessary to identify critical raw material items, establish target safety stock levels—taking into account shelf lives and the projected duration of potential supply disruptions—and implement mechanisms for regularly updating these figures.

For a given raw material or item, it is necessary to calculate a specific safety stock level. In the practice of many companies, risk management involves the use of matrices that allow each potential event to be assessed based on two parameters: the probability of its occurrence and the degree of its impact (or the severity of its consequences). [4]

Proposed principle for calculating safety stock:

Severity of the risk	Safety stock, % of requirements for the production plan
Minor	20
Low	40
Medium	60
High	80
Critical	100

Proposed principle for calculating risk severity:

Severity of the risk = probability of missing delivery deadlines (1-5) x impact on the production plan (1-5)

20–25 – critical risk level;

15–20 – high risk level;

10–15 – medium risk level;

5–10 – low risk level;

0–5 – minor risk level

The localization of production is a strategic direction that reduces long-term dependence on imports and enhances the resilience of the industry. Local suppliers are subject to the same rigorous qualification requirements as foreign ones, with due consideration given to the specific aspects of quality control and traceability. Localization of production is viewed as a long-term strategy that requires assessing the technological readiness of potential local suppliers, their possession of a quality system that meets GMP requirements, and their ability to ensure stable supply volumes. As part of the Strategy for the Development of the Pharmaceutical Industry of the Russian Federation until 2030 (“Pharma-2030”), establishing domestic production of active pharmaceutical ingredients (APIs) has been identified as a key priority. This entails more than just superficial import substitution; the goal is to achieve full technological sovereignty, extending to the implementation of a complete synthesis cycle for active substances. Given that Russian enterprises are objectively at a disadvantage compared to major manufacturers from China and India in terms of scale and costs, it is extremely difficult for them to reach a comparable level on their own. This is precisely why the "Pharma-2030" strategy focuses on systematic state support for domestic pharmaceutical producers—an approach intended to bridge the gap in competitive conditions and establish a foundation for the sustainable development of the industry.

Supplier qualification is a crucial quality assurance tool when changing sources of supply. The procedure should include documentary qualification, an audit of production

and storage conditions, a trial shipment for incoming inspection and sample testing, inclusion in the list of approved suppliers, and the monitoring of quality metrics throughout the ongoing business relationship. In accordance with ICH Q9 recommendations, the depth and frequency of inspections should be commensurate with the level of risk. To objectively assess risk, it is advisable to use a comprehensive set of criteria:

- the impact of the material on quality (API — high risk; excipients and packaging — medium/low risk);

- the complexity and uniqueness of the material (availability of alternative sources, stability during storage and transport);

- the supplier's quality profile (number of deviations, complaints, and audit findings);

- geographical and logistical factors (distance, supply stability, and potential regulatory constraints).

This approach makes it possible to manage risks systematically and maintain consistent product quality amidst changing external conditions.

Under these conditions, the resilience of pharmaceutical manufacturing can be ensured only through a comprehensive, risk-based approach to supply chain management.

References:

1. Import substitution with complications: What might result from pharmaceutical sovereignty https://www.kommersant.ru/doc/6199802;

2. The pharmaceutical industry has hit a roadblock regarding equipment // Kommersant 2022 (22 сентября). URL: https://www.kommersant.ru/doc/5571889;

3. «Kommersant» reports a shortage of equipment for pharmaceutical companies RBK. 2022. 08 June. URL: https://www.rbc.ru/business/08/06/2022/62a028139a7 9475ac70997ee;

4. Article by T. Yu. Shemyakina, "Supply Chain Risk Management Issues," in the journal

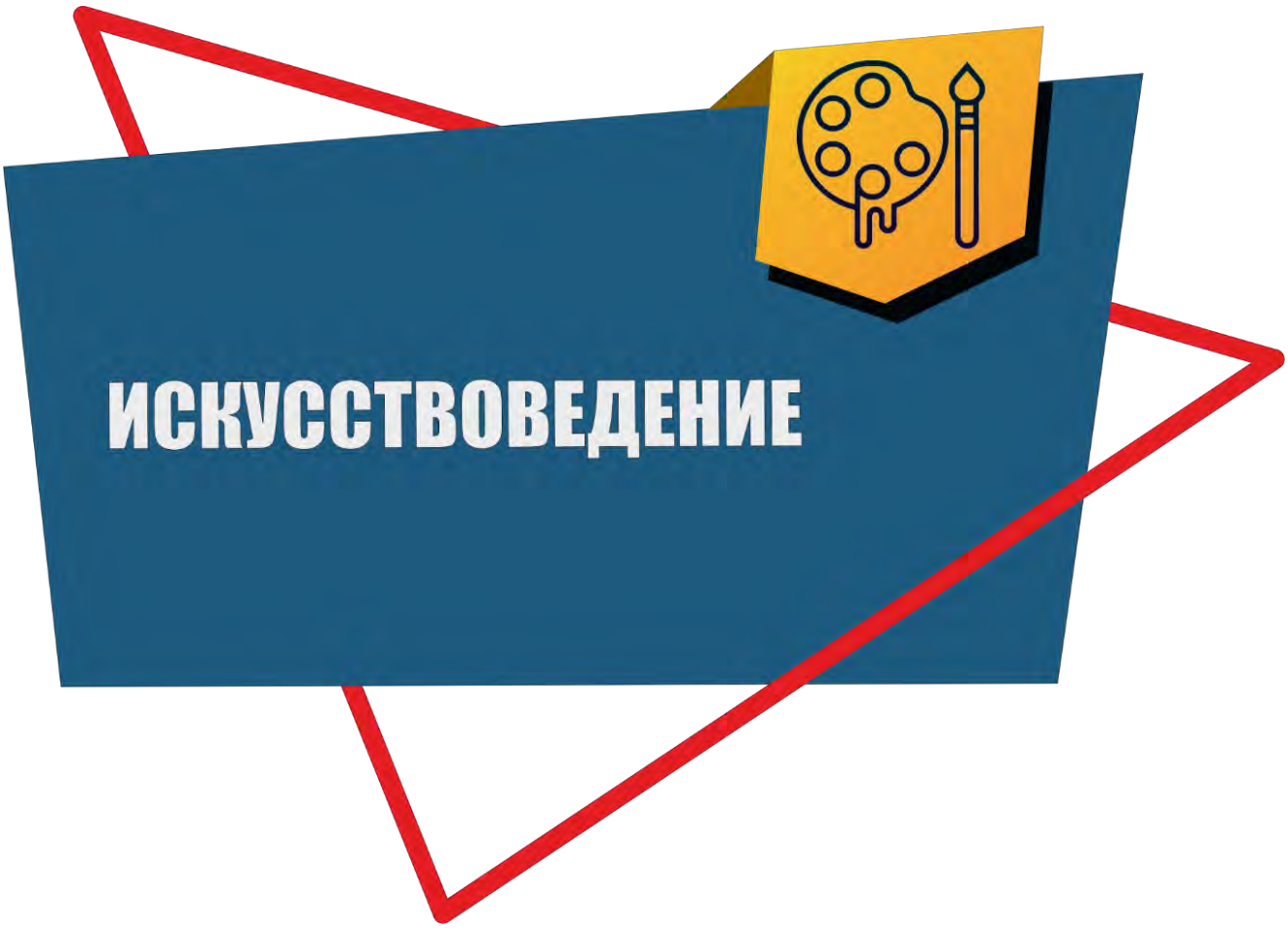
Issues in Risk Analysis (2023, Vol. 20, No. 4, pp. 78–86);

5. Embrace the Local. Issue 1 (1) 2025 URL: https://naecz.ru/journal/prinimaj-lokalnoe/

6. ICH Q9: Quality Risk Menegement;

7. GMP ЕАЭС (Supplier Management)

© Белова С.Г., 2026

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 7

Зайкова А. А.

Магистрант, Хореографическое искусство, Московский государственный институт культуры,

Химки, Московская область, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИК ТАНЦА МОДЕРН КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО МАСТЕРСТВА ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация

В статье рассматриваются особенности основных техник танца модерн и возможности их применения в процессе формирования исполнительского мастерства детей среднего школьного возраста, актуальность исследования определяется востребованностью современной хореографии в системе дополнительного образования и необходимостью методически обоснованного отбора танцевального материала с учетом возрастных, физических и творческих возможностей обучающихся. Исполнительское мастерство рассматривается как комплексное качество, включающее техническую подготовленность, координацию, музыкальность, пространственную ориентировку, владение динамикой движения, пластическую выразительность и способность к самостоятельной художественной интерпретации, особое внимание уделяется техникам Марты Грэхем, Хосе Лимона и Мерса Каннингема. Анализируются принципы contraction и release, работа с дыханием, весом тела, падением и восстановлением, suspension и succession, координация движений корпуса и ног, изменение направления, ритмическая точность и освоение пространства, показано, что педагогически целесообразно не механически соединять различные школы модерна, а использовать их как взаимодополняющие способы развития исполнительских навыков. Обосновывается необходимость сочетания технически

регламентированных упражнений с импровизационными и творческими заданиями, сделан вывод о том, что вариативное освоение техник модерна позволяет формировать у детей не только устойчивые двигательные навыки, но и индивидуальную исполнительскую манеру, осознанность движения и способность раскрывать художественный образ средствами пластики.

Ключевые слова:

танец модерн, современная хореография, исполнительское мастерство, дети среднего школьного возраста, техника Марты Грэхем, техника Хосе Лимона, техника Мерса Каннингема, импровизация, пластическая выразительность, хореографическое образование.

FEATURES OF MODERN DANCE TECHNIQUES AS A MEANS OF DEVELOPING PERFORMANCE SKILLS IN MIDDLE SCHOOL-AGE CHILDREN

Abstract

The article examines the distinctive features of major modern dance techniques and their potential for developing performance skills in middle school-age children. The relevance of the study is determined by the growing role of contemporary choreography in supplementary education and by the need for a methodologically grounded selection of dance material that takes into account students' age, physical condition and creative abilities. Performance skill is viewed as an integrated quality combining technical proficiency, coordination, musicality, spatial awareness, dynamic control, plastic expressiveness and the ability to interpret an artistic image independently. Particular attention is paid to the techniques associated with Martha Graham, José Limón and Merce Cunningham. The article analyses contraction and release, the relationship between movement and breathing, work with body weight, fall and recovery, suspension and succession, coordination of torso and legwork, changes of direction and rhythmic accuracy. It is argued that different schools of modern dance should not be mechanically

combined but used as complementary means of developing specific performance qualities. The study also substantiates the importance of combining structured technical exercises with improvisational and creative tasks. The author concludes that a varied approach to modern dance techniques can develop not only stable motor skills but also an individual performance style, conscious movement, artistic independence and the ability to express choreographic meaning through the body.

Keywords:

Modern dance, contemporary choreography, performance skills, middle school-age children, Martha Graham technique, José Limón technique, Merce Cunningham technique, improvisation, plastic expressiveness, dance education.

Современная хореография характеризуется многообразием исполнительских систем, которые сформировались в результате авторского поиска хореографов XX века, в отличие от единой академической модели, развитие танца модерн происходило через создание индивидуальных школ, каждая из которых предлагала собственное понимание природы движения, отношения тела к пространству, дыханию, силе тяжести и эмоциональному импульсу. В. Ю. Никитин отмечает, что языки М. Грэхем, Д. Хамфри и Х. Лимона, М. Каннингема представляют собой существенно различные способы организации движения, хотя все они исторически относятся к пространству современной хореографии [6], именно это многообразие позволяет рассматривать техники модерна не только как исторически сложившиеся системы, но и как педагогический ресурс для комплексной подготовки исполнителя.

Для настоящего исследования принципиально важно разграничивать понятия «техника» и «исполнительское мастерство», техника характеризует способы организации и выполнения движения, тогда как исполнительское мастерство представляет более широкий комплекс способностей, оно проявляется в точности и координации движений, музыкальности, владении телом и пространством,

способности изменять динамику, распределять мышечное усилие, взаимодействовать с партнёром и передавать художественный смысл, следовательно, технически правильное выполнение комбинации ещё не является достаточным показателем мастерства: движение должно становиться осознанным и выразительным.

Такой подход особенно значим в работе с детьми среднего школьного возраста, в программах современной хореографии данный период часто определяется границами 11-16 лет, присланная программа «Джаз-модерн танец» рассчитана именно на эту возрастную категорию и предусматривает развитие двигательной координации, гибкости, музыкальности, самостоятельной творческой деятельности, сценической уверенности и эмоциональности [3]. Одновременно подростковый возраст связан с усилением интереса ребёнка к собственной индивидуальности и потребностью в самовыражении, К. В. Нестерова подчёркивает, что современный танец обладает исследовательской направленностью, а движение в нём становится способом выражения внутреннего состояния и формирования индивидуальной хореографической лексики [5].

Одной из наиболее разработанных систем модерна является техника Марты Грэхем, её основой выступает взаимосвязь contraction и release - сжатия и последующего высвобождения, существенную роль при этом играет дыхание: contraction связывается с активной работой мышц центра и выдохом, release - с раскрытием и восстановлением движения, в методической разработке «Искусство в движении» работа над contraction начинается с более простых положений и постепенно переносится на различные уровни и в более сложные комбинации [4].

Для формирования исполнительского мастерства школьника этот принцип важен сразу в нескольких отношениях, во-первых, ребёнок учится осознавать центр тела и контролировать движение позвоночника, во-вторых, соединение движения и дыхания позволяет избежать чисто внешнего копирования формы, в-третьих, противопоставление напряжения и высвобождения знакомит учащегося с

контрастной динамикой, исполнитель должен не просто выполнить изгиб корпуса, а почувствовать последовательность возникновения и продолжения движения, тем самым развивается качество, которое можно определить как пластическую осознанность.

Е. Л. Озджевиз отмечает, что в технике Грэхем заметное мышечное напряжение превращается в выразительный элемент, а contraction и release составляют основу её пластического языка [7], в отличие от академической установки на внешнюю лёгкость движения, модерн допускает видимость усилия и использует его как часть художественного образа, в педагогической практике это позволяет показать ребёнку, что выразительность рождается не только из амплитуды или сложности элемента, но и из качества внутреннего движения.

При этом техника Грэхем не должна осваиваться сразу в сложных сценических формах, в среднем школьном возрасте целесообразна последовательность от простого контроля дыхания и корпуса к работе в партере, затем к упражнениям на середине зала и только после этого - к пространственным комбинациям, в присланной методической разработке урок модерна подразделяется на floor work, centre work и moving in space, партерная часть включает работу с позвоночником, дыханием, contraction, curve, arch и release, после чего материал переносится в вертикальное положение и в перемещение [4], такая структура помогает постепенно усложнять координационную задачу, не отделяя технический элемент от общей организации тела.

Иной комплекс исполнительских качеств формируется при обращении к принципам Хосе Лимона, здесь большое значение имеют вес человеческого тела, воздействие силы тяжести, дыхание, падение и возвращение, состояние suspension, последовательная передача импульса - succession, в программе «Джаз-модерн танец» отдельно выделены fall, rebound, suspension и succession, а практическая работа предполагает их соединение в комбинации и танцевальные этюды [3]. Современная José Limón Dance Foundation также определяет таз как

естественный центр тяжести и подчёркивает связь техники с дыханием, весом, импульсом и свободой верхней части корпуса.

Педагогическая ценность принципов Лимона заключается в формировании у ребёнка способности не бороться с собственным весом, а управлять им, падение становится не потерей контроля, а организованным переходом; восстановление требует своевременного перераспределения опоры; suspension учит удерживать момент между продолжением и завершением движения, благодаря этому развивается чувство импульса и логики танцевальной фразы, исполнитель начинает понимать движение как процесс, в котором одно состояние тела естественно порождает следующее.

Для детей среднего школьного возраста это особенно полезно при переходе от отдельных элементов к целостным комбинациям, ученик, освоивший только фиксированные положения, может технически воспроизводить движения, но испытывать сложности в переходах между ними, принципы Лимона, напротив, заставляют обращать внимание именно на течение движения, это способствует формированию непрерывности пластического высказывания, более органичной смене уровней и осмысленному использованию инерции.

Другую сторону исполнительского мастерства раскрывает техника Мерса Каннингема, в её основе лежат ясность формы, активная работа позвоночника и ног, сложная координация, пространственная вариативность и ритмическая точность, по материалам Merce Cunningham Trust, корпус и ноги могут действовать как согласованно, так и в противопоставлении друг другу; упражнения предполагают многочисленные изменения направления, а работа с различными метрами и темпами формирует ритмическую точность [9].

В образовательной работе это позволяет развивать координационную независимость частей тела, если техника Грэхем акцентирует внутренний импульс, дыхание и взаимодействие напряжения с освобождением, а система Лимона - вес и последовательность движения, то подход Каннингема предъявляет повышенные

требования к пространственной и ритмической организации, ученик должен сохранять качество исполнения при смене направления, быстро перестраивать координацию и воспринимать пространство не только фронтально, Merce Cunningham Trust подчёркивает, что в более сложных заданиях разные части тела могут одновременно направляться в разные стороны [9].

Такой материал может использоваться как средство развития сценической собранности, ребёнок постепенно освобождается от привычки ориентироваться только на зеркало или педагога перед собой, учится удерживать рисунок в разных направлениях и быстрее воспринимать пространственную задачу, одновременно возрастает значение ритмической памяти: комбинация должна сохраняться при изменении темпа и характера движения.

Различия между рассмотренными техниками не следует воспринимать как противоречие, наоборот, именно их несходство представляет значительный педагогический интерес, техника Грэхем преимущественно развивает осознанную работу центра, позвоночника, дыхания и динамического контраста; принципы Лимона - ощущение веса, инерции, падения, восстановления и непрерывности; техника Каннингема - координационную независимость, пространственную ориентацию и ритмическую точность, в результате их последовательное освоение расширяет двигательный диапазон исполнителя.

Вместе с тем разнообразие техник не должно превращаться в бессистемное соединение движений, каждая школа имеет собственную внутреннюю логику, если педагог выбирает отдельный элемент только по внешней привлекательности, не объясняя принцип его исполнения, возникает опасность поверхностного подражания, поэтому важной задачей является знакомство детей не только с формой, но и с механизмом движения: откуда возникает импульс, как распределяется вес, что происходит с позвоночником, в какой момент используется вдох или выдох, куда направлено внимание исполнителя.

При работе с детским коллективом необходимо учитывать и пределы

технической сложности, А.И. Дубовицкая отмечает необходимость соотносить современный хореографический материал с возрастом, физическими возможностями, уровнем выносливости, подготовленностью и навыками импровизации конкретных исполнителей [2]. Следовательно, формирование мастерства не должно оцениваться количеством сложных элементов, более существенным показателем является качество выполнения доступного материала: контроль корпуса, устойчивость, координация, музыкальная точность, выразительность и способность сохранять художественную задачу.

Важное место в такой системе занимает импровизация, техническая подготовка предоставляет ребёнку своеобразный пластический словарь, а импровизация учит пользоваться им самостоятельно, Нестерова связывает современный танец с возможностью индивидуализации обучения и развития творческого самовыражения подростков [5]. При этом импровизационное задание должно соответствовать уровню подготовки: на начальном этапе педагог может ограничивать пространство, качество движения, темп или набор изученных элементов, постепенно расширяя свободу выбора.

Современные исследования педагогики танца подтверждают необходимость баланса между прямым обучением и самостоятельной активностью ученика, в систематическом обзоре 2026 года, включившем 38 исследований, ученико-центрированные элементы - рефлексия, диалог, сотрудничество, наблюдение и выбор - чаще были связаны с благоприятными когнитивными, личностными и социальными результатами, однако доказательства их превосходства в отношении чисто технических показателей оказались неоднозначными [10], авторы отдельно отмечают, что в технически ориентированном обучении структурированное руководство педагога сохраняет важную роль для точности, безопасности и освоения стилевых особенностей.

Для обучения модерну это означает, что исполнительское мастерство целесообразно формировать через сочетание двух взаимосвязанных режимов, в

технической части урока педагог задаёт точный способ выполнения движения, контролирует положение тела, последовательность усилия и безопасность, в творческой части ребёнок получает возможность применять освоенные принципы самостоятельно: изменять направление, темп, амплитуду, соединять движения, создавать небольшой этюд или реагировать пластически на музыку, благодаря этому техника перестаёт существовать отдельно от сценического образа.

Исполнительское мастерство ребёнка в таком случае может оцениваться не только по правильности отдельных элементов, но и по совокупности признаков: устойчивости двигательного навыка, способности изменять качество движения, координационной свободе, музыкальности, владению пространством, выразительности, осознанности и самостоятельности, именно переход от воспроизведения движения к управлению им свидетельствует о качественном росте исполнителя.

Таким образом, разнообразие техник танца модерн представляет собой значимый ресурс формирования исполнительского мастерства детей среднего школьного возраста, разные системы развивают неодинаковые, но взаимодополняющие стороны танцевальной подготовки, техника Марты Грэхем формирует работу центра, дыхательную и динамическую выразительность; принципы Хосе Лимона развивают ощущение веса, импульса и непрерывности; система Мерса Каннингема способствует совершенствованию координации, пространственной ориентации и ритмической точности, их методически последовательное применение позволяет расширить пластический диапазон ребёнка и одновременно сохранить индивидуальность его исполнения. Наиболее продуктивной представляется модель обучения, в которой техническая точность сочетается с осмыслением движения, импровизацией и самостоятельным художественным поиском, в этом случае освоение модерна становится не накоплением отдельных элементов, а процессом формирования исполнителя, способного управлять своим телом, понимать логику движения и создавать убедительный сценический образ.

Список использованной литературы:

1. Горбунова Н. А., Молявко Г. П., Овчаренко Е. Б., Перлина Л. В. Культурно-эстетические аспекты обучения многообразию хореографического искусства // Мир науки, культуры, образования. — 2016. — № 6 (61). — С. 211–213.

2. Дубовицкая А. И. Особенности работы балетмейстера на основе современного танца в детском хореографическом коллективе // Санкт-Петербургский образовательный вестник. — 2016. — № 2 (2). — С. 61–64.

3. Жидких Г. В. Дополнительная общеразвивающая программа художественной направленности по хореографии «Джаз-модерн танец». — Кемерово, 2019. — 36 с.

4. Кувшинская С.В., Каргина В.С., Иванова В.С., Орлова Н.А. Методика преподавания танца модерн: методическая разработка к дополнительной общеразвивающей программе «Искусство в движении». — Санкт-Петербург, 2025. — 39 с.

5. Нестерова К.В. Современный танец как средство развития творческой индивидуальности подростков // Наука и школа. — 2010. — № 5. — С. 113–116.

6. Никитин В. Ю. Современный танец или Contemporary dance? // Academia: Танец. Музыка. Театр. Образование. — 2016. — № 4. — С. 77–96.

7. Озджевиз Е.Л. Модерн и постмодерн в танцевальной культуре: учебно-методическое пособие. — Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2015. — 95 с. 1364

8. José Limón Dance Foundation. Training Programs: Limón Technique & Style [Электронный ресурс]. — URL: сайт José Limón Dance Foundation (дата обращения: 05.10.2026). José Limón

9. Merce Cunningham Trust. Cunningham Technique® [Электронный ресурс]. — URL: сайт Merce Cunningham Trust (дата обращения: 05.10.2026).

10. Silang R., Zhou W., Gao X. Learner-centered versus teacher-centered dance pedagogy and dance learning and related outcomes: a systematic review // Frontiers in Psychology. — 2026. — Vol. 17. — DOI: 10.3389/fpsyg.2026.1840900.

© Зайкова А.А., 2026

УДК 69

Сытдыхов Якупмурат,

старший преподаватель,

Туркменская национальная консерватория имени Маи Кулиевой

г. Ашхабад, Туркменистан

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО НА КАНУНЕ

Аннотация

История возникновения, конструктивные особенности и академическое исполнительство на кануне представляют собой уникальный пласт музыкального наследия, соединяющий древние традиции Востока с требованиями современной исполнительской школы. Канун является одним из древнейших струнных щипковых инструментов, игравшим ключевую роль в формировании модальной системы макамата и классической восточной музыки. На протяжении столетий этот инструмент эволюционировал от простейшей цитры до сложнейшего академического инструмента с богатейшими выразительными возможностями. Глубокое изучение его истории, устройства и исполнительских методик позволяет по-новому оценить вклад восточной цивилизации в мировую инструментальную культуру.

Ключевые слова:

канун, история возникновения, конструктивные особенности, академическое исполнительство, макам, мандалы, струнные инструменты, музыкальная теория, исполнительская техника, микротоновость, тембр, музыкальное наследие, консонанс, сольное исполнительство, оркестровая практика.

Исторические корни кануна уходят в глубокую древность, а его происхождение связывают с культурой Древнего Ближнего Востока и Месопотамии. В средневековых трактатах великих ученых и теоретиков музыки, таких как Аль-Фараби и Ибн Сина, канун описывается как важнейший инструмент для демонстрации теоретических интервалов и звукорядов. Само название инструмента происходит от греческого слова «канон», что означает «правило» или «эталон», подчеркивая его фундаментальную роль в настройке других инструментов и иллюстрации музыкальной теории. Со временем канун распространился по всему Ближнему Востоку, Центральной Азии, Северной Африке и Балканам, став неотъемлемой частью классических ансамблей.

Конструктивные особенности кануна отражают высокую степень мастерства народных и академических мастеров-изготовителей. Инструмент имеет форму плоской трапеции, корпус которой изготавливается из ценных пород древесины, таких как орех, клен или палисандр, обеспечивающих резонансные свойства и долговечность. Правая часть верхней деки обтягивается специальной кожаной мембраной из кожи рыб или животных, на которую опирается подставка для струн, придавая инструменту характерный тембр. Струны, расположенные хорами по три для каждой ноты, изготавливаются из современного нейлона или флюорокарбона, обеспечивая яркое, полетное и длительное звучание.

Важнейшей инновацией в конструкции кануна, произошедшей в двадцатом веке, стало внедрение специального рычажного механизма — мандалов. Маленькие металлические рычажки, расположенные на колковом поле под каждой группой струн, позволяют мгновенно изменять высоту звучания струны на микроинтервалы (коммы) непосредственно во время игры. Это техническое усовершенствование расширило диапазон инструмента и дало возможность исполнителям свободно переходить между различными ладовыми структурами и микротоновыми нюансами. Появление мандалов трансформировало канун из статичного инструмента в динамичный и маневренный академический объект.

Эволюция конструкции кануна продолжается и в XXI веке благодаря применению новых материалов и технологий компьютерного моделирования акустики. Использование углепластика для деки, эксперименты с электронными датчиками и создание гибридных электроканунов открывают новые звуковые пространства для экспериментов в области этно-джаза и фьюжн. При этом мастера бережно сохраняют традиционную форму и дух инструмента, балансируя между аутентичностью и новейшими трендами. Технологический прогресс дает новый импульс развитию инструментального искусства.

Список использованной литературы:

1. Иванов, П.С. История и теория восточных струнных инструментов. Москва: Музыка, 2022.

2. Петров, А.В. Конструктивные особенности и акустика традиционных инструментов. Санкт-Петербург: Лань, 2023.

3. Смирнова, Е.Н. Академическое исполнительство на кануне: история, методика, репертуар. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024.

© Сытдыхов Я., 2026

АРХИТЕКТУРА

УДК 69

Гылычтаганова Бахаргуль,
преподаватель-стажёр,
Туркменский государственный архитектурно-строительный институт
г. Ашхабад, Туркменистан

ИНЖЕНЕРНАЯ ГРАФИКА И СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ В АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

Аннотация

Инженерная графика и сопротивление материалов в архитектурно-строительном проектировании образуют фундаментальную теоретическую и практическую основу для создания безопасных, надежных и эстетически совершенных зданий и сооружений. Любой архитектурный замысел от первоначального эскиза до детального рабочего проекта требует строгого математического обоснования и точного графического воплощения. Синтез пространственного воображения инженера и строгих законов механики твердого тела позволяет трансформировать смелые творческие идеи в устойчивые физические объекты. Системное владение этими дисциплинами гарантирует высокое качество и долговечность возводимых строительных объектов.

Ключевые слова:

инженерная графика, сопротивление материалов, архитектурно-строительное проектирование, начертательная геометрия, строительные конструкции, прочность материалов, деформации, напряжения, информационное моделирование, расчет на прочность, устойчивость сооружений, строительные чертежи, механические свойства, безопасность зданий, оптимизация конструкций.

Инженерная графика выступает универсальным международным языком

технической коммуникации, с помощью которого архитекторы и конструкторы передают свои замыслы строителям и экспертам государственных инспекций. Точное соблюдение государственных стандартов оформления чертежей, схем и строительных планов исключает любые разночтения при чтении проектной документации. Современные методы начертательной геометрии обеспечивают достоверное проецирование пространственных объектов на плоскость с сохранением всех пропорций и масштабных соотношений. Владение графическими правилами является обязательным профессиональным навыком каждого специалиста строительной отрасли.

Развитие цифровых технологий привело к тому, что традиционные бумажные чертежи уступили место сложным компьютерным трехмерным моделям и виртуальным макетам зданий. Программные комплексы автоматизированного проектирования позволяют моделировать каждый элемент будущего сооружения с миллиметровой точностью, интегрируя архитектурные формы с несущим каркасом. Цифровое визуальное представление помогает на ранних стадиях выявлять возможные коллизии между инженерными коммуникациями и несущими конструкциями. Визуализация архитектурных решений облегчает согласование проектов с заказчиками и городскими инстанциями.

Начертательная геометрия и методы проекционного черчения предоставляют инструменты для создания уникальных криволинейных поверхностей и сложных пространственных куполов современных зданий. Архитекторы используют сложные геометрические построения для реализации футуристических фасадов, оболочек и висячих систем покрытия. Точное графическое описание кривых линий и поверхностей необходимо для последующей разметки строительных элементов на заводе изготовителе. Математическая точность чертежей гарантирует идеальную стыковку всех элементов во время монтажа на строительной площадке.

Заключение

Практическое применение сопротивления материалов напрямую связано с

проектированием железобетонных, металлических, каменных и деревянных конструкций зданий. Бетон прекрасно сопротивляется сжатию, но плохо работает на растяжение, поэтому введение стальной арматуры в растянутые зоны позволяет создавать прочные монолитные перекрытия. Металлические конструкции требуют тщательного расчета на устойчивость тонкостенных элементов от потери формы при сжатии. Каждые строительные материалы обладают уникальной механической спецификой, которую необходимо учитывать в расчетах.

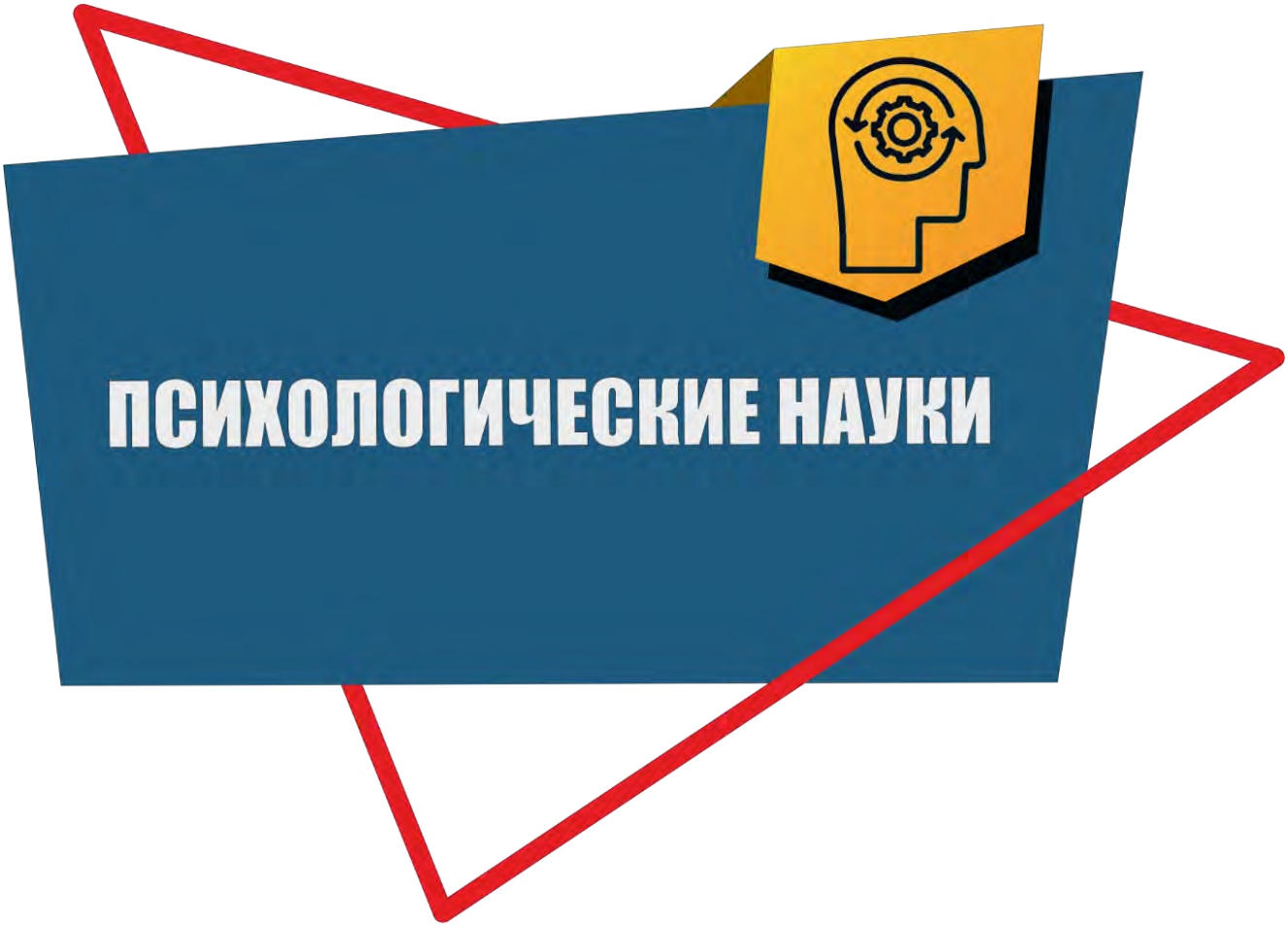
Список использованной литературы:

1. Иванов, П.С. Инженерная графика и основы строительного черчения. Москва: Архитектура-С, 2022.

2. Петров, А. В. Сопротивление материалов в строительном проектировании. Санкт-Петербург: Лань, 2023.

3. Смирнов, Д.К. Расчет строительных конструкций и основы теории упругости. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024.

© Гылычтаганова Б., 2026

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК-1

Лубинец О.А.,
педагог-психолог,
МБДОУ д/с № 19, г. Белгород, Россия
Елиференко Н.В.,
педагог-психолог
МБДОУ д/с № 19, г. Белгород, Россия

АЗБУКА ЧУВСТВ: КАК НАУЧИТЬ ОСОБОГО РЕБЁНКА (С ОВЗ) ПОНИМАТЬ СВОИ И ЧУЖИЕ ЭМОЦИИ

Аннотация

Рассматривается формирование эмоционального интеллекта у детей с ОВЗ. Обосновывается пропедевтический этап — «азбука чувств», где закладываются предпосылки распознавания, понимания и выражения эмоций. Представлены адаптированные методы: визуальные опоры, игровые технологии, социальные истории, арт-терапия и телесно-ориентированные упражнения. Материал адресован педагогам, психологам, дефектологам и родителям.

Ключевые слова:

эмоциональный интеллект, дети с ОВЗ, азбука чувств, алекситимия, распознавание эмоций, коррекционная педагогика, инклюзивное образование, теория разума.

Актуальность и теоретические основания

Рост доли детей с ОВЗ и развитие инклюзии требуют научно обоснованных методик социальной адаптации. По ФГОС и ФАОП социально-коммуникативное развитие — ключевая компетенция. Однако у детей с ЗПР, РАС, ТНР, синдромом Дауна часто наблюдается дефицит эмоциональной грамотности: затруднено

распознавание мимики и просодики, снижена номинация переживаний.

Центральные понятия — эмоциональный интеллект (идентификация, понимание и регуляция эмоций) и алекситимия (трудности распознавания и вербализации состояний). Важен также концепт теории разума, дефицит которой характерен для детей с РАС.

Методологическая основа:

- онтогенетическая последовательность (от базовых эмоций к сложным);
- полимодальность (зрительный, слуховой, кинестетический каналы);
- внешняя опосредованность (перевод абстрактного в наглядное);
- единство диагностики и коррекции.

Постановка проблемы

Типичные запросы родителей: «он дерётся, когда радуется», «она плачет, если резко сказали „нет“», «ребёнок не понимает, что мама устала». Это отражает дефицит эмоциональной регуляции и распознавания, а не нарушение произвольности.

При сохранной внутренней чувствительности внешние проявления эмоций могут не считываться. Абстрактные номинации («боль», «обида», «стыд») не наполняются чувственным содержанием. Обучение эмоциональной грамоте должно идти по дидактическим законам: от простого к сложному, с повторением, наглядностью и игрой.

Этап «азбуки чувств»: три ступени

Ступень I. Базовые эмоции

Материал ограничивается четырьмя состояниями: радость, грусть, гнев, спокойствие; для старших — страх и удивление.

Приёмы:

- пиктограммы эмоций на стаканчиках, упражнение «Покажи такое же»;
- зеркальное моделирование мимических паттернов по речевой инструкции;
- «кубик эмоций» — выпавшая грань задаёт эмоцию для изображения и номинации.

Ступень II. Телесный и действенный компонент

Эмоция — целостное психосоматическое состояние. У детей с ОВЗ снижена интероцептивная чувствительность, поэтому агрессия может быть следствием нераспознанного напряжения.

Упражнения:

- «Снеговик и лужа» — дифференциация напряжения и расслабления;
- «Сдуваем шарик» — регуляция дыхания, перенос ладони на живот взрослого для телесного эталона выдоха;
- карточки-пиктограммы (кулак — «я злюсь», слеза — «мне грустно», руки вверх — «я радуюсь») как средства альтернативной коммуникации.

Ступень III. Распознавание эмоций другого

Связана с развитием теории разума.

Задания:

- «Фотоальбом» — анализ связи «событие → эмоция → причина»;
- «Что будет дальше?» — прогнозирование реакций персонажей;
- «Чтение эмоций в мультфильмах» — просмотр без звука с интерпретацией и аргументацией.

Коррекция негативных состояний

При ауто- и гетероагрессии в основе лежит аффект без вербального опосредования. Алгоритм «СТОП»:

1. Сообщить — маркировка состояния: «Я вижу, ты злишься. Тело напряглось».
2. Техника — безопасное отреагирование: разрывание бумаги, ритмичные движения.
3. Объяснить — запрет с альтернативой: «Бить людей нельзя. Можно бить подушку».
4. Пожалеть — подкрепление конструктивного поведения.

При РАС вербальное извинение нецелесообразно; его заменяет действие (подать платок, погладить, налить воды).

Роль взрослого

Дети с ОВЗ чувствительны к неконгруэнтности взрослого: телесные и просодические сигналы считываются точнее вербальных. Поэтому необходима рефлексивная практика — вербализация собственных состояний («я устала и злюсь; я вздохну и успокоюсь»), дающая модель саморегуляции.

Список использованной литературы:

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2024 .

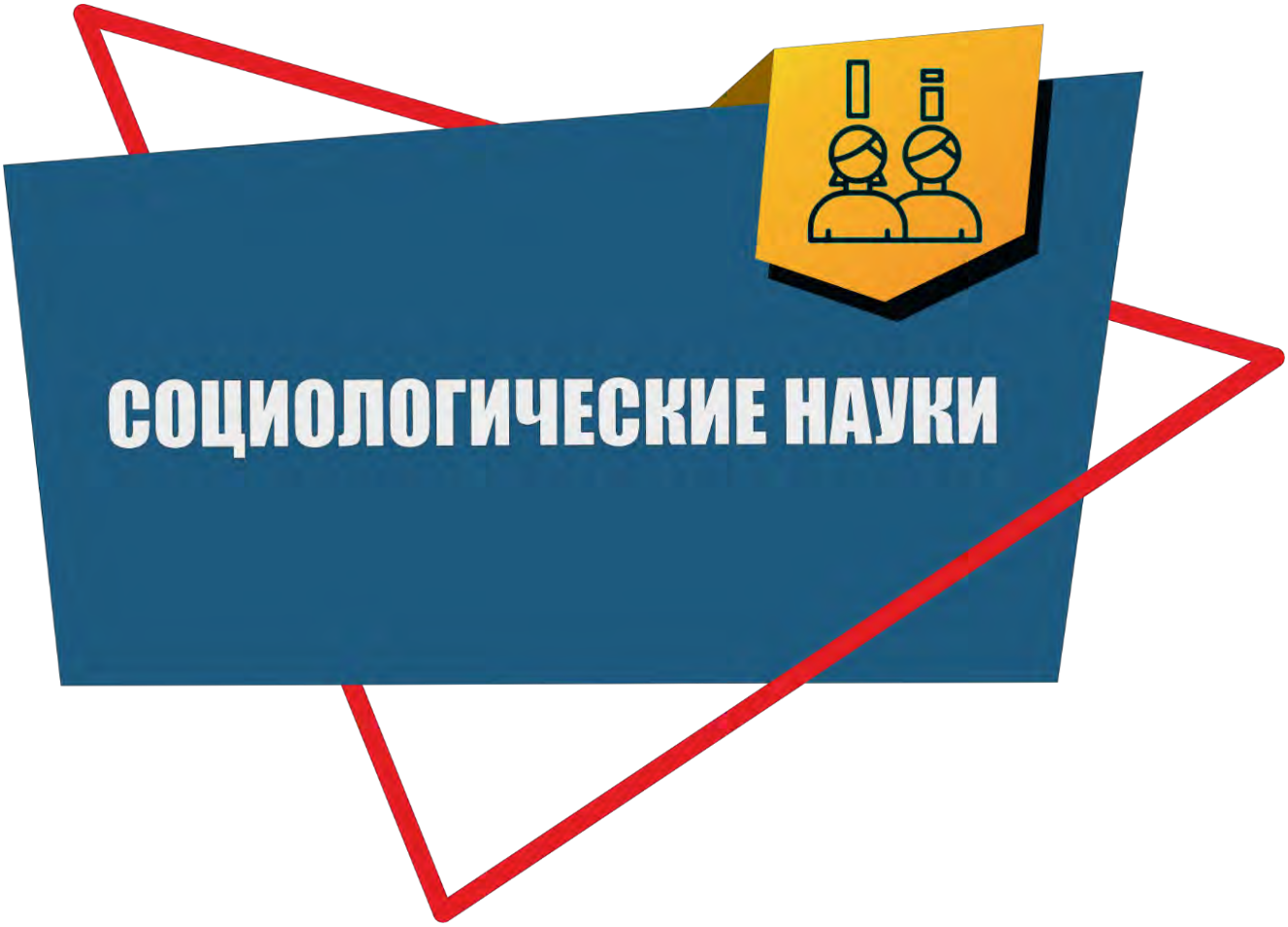
2. Сигел Д. Дж., Брайсон Т. П. Навигатор детских эмоций. 12 революционных стратегий для развития эмоционального интеллекта ребенка от 0 до 12 лет. — М.: Эксмо, БОМБОРА, 2025 .

3. Кампелло Дж. Что я чувствую сегодня. — М.: Эксмо, 2025 .

4. Трясорукова Т. П. Эмоциональный интеллект. Развитие базовых эмоций: Рабочая тетрадь. — Ростов н/Д: Феникс, 2026.

5. Форчун Д. 15 минут игры. Простые и эффективные занятия для развития эмоционального интеллекта ребенка. 0–7 лет. — М.: Эксмо, БОМБОРА, 2024 .

© Лубинец О.А., Елиференко Н.В., 2026

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 36

Рожков Е.В.

Специалист АО АКИБ «Почтобанк», г. Пермь

ГДЕ МОЖНО СИСТЕМАТИЧЕСКИ ЗАНИМАТЬСЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ПЕРМИ)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с ведением здорового образа жизни населением города Перми. Представлена информация по доступности спортивных сооружений (стадионов, крытых манежей) для бесплатного занятия на них бегом. Автором самостоятельно определён показатель «Увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом» для жителей муниципального образования город Пермь.

Ключевые слова:

бег, стадион, крытый манеж, физическая культура и спорт, систематические занятия, здоровье.

До 2030 года, в соответствии с постановлением Правительства России от 30.09.21 № 1661 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта»» необходимо привлечь до 70% населения, для регулярным занятием спортом (спортивные клубы и секции, бассейн и т.д.), общефизической подготовкой и здоровым образом жизни [1].

По мнению автора статьи, эта цель не достижима. Т.к. на местном уровне (на муниципальном), все считают деньги и на бесплатной основе, заниматься общефизической подготовкой населения никто не желает, не смотря на то, что Минспортом России утверждена программа, в соответствии с которой необходимо повысить доступность спортивной инфраструктуры (делать их удобными для всех).

Понятно, что под доступностью подразумевается, что спортивную инфраструктуру могут посещать люди с ограниченными возможностями и пожилые люди (пенсионеры). Но, для таких людей важно не только зайти в какое-нибудь спортивное сооружение, но и посещать его регулярно на бесплатной основе.

Соответственно, чтобы каждый человек стал делать зарядку по утрам, а по выходным заниматься спортом (посещать спортивный или фитнес клуб, спортивную секцию, ходить в бассейн, заниматься бегом на стадионе, зимой бегать на лыжах, играть в футбол или хоккей с шайбой (хоккей с мячом), играть в баскетбол или волейбол, играть в большой теннис и т.д.), сдавать нормы ГТО и заниматься своим здоровьем, необходимо новое указание Президента России или новое постановление Правительства России, в котором будет говориться, о том, что руководители муниципальных образований персонально отвечают за количество людей, которые регулярно занимаются спортом.

И этот вопрос необходимо в первую очередь обсуждать с депутатами Государственной Думы на уровне мировых тенденций. Например, в Хартии Европейского спорта (1975) нашло признание масштабное общеевропейское движение «Спорт для всех». Различные физические нормативы сдают в разных странах, например в Германии, сдают «Золотой Немецкий Спортивный Значок», в Австрии - «Спортивный значок OSTA», в Белоруссии - нормы ГТО [2]. Второй вопрос, который должен быть более подробно прописан в новом нормативно-правовом акте, это словосочетание «регулярные занятия».

Методика, определяющая регулярность занятий физической культурой должна чётко разъяснять её критерии (один раз в день, один раз в неделю, один раз в месяц или один раз в год), т.е. должны учитываться времена года и место географического положения региона, который будет направлять свою ежегодную отчётность в Минспорта России. В такой Методике должен быть прописан возраст людей, по которым будет вестись отчётность и их пол. Разные люди, в разном возрасте могут заниматься разными видами спорта, например, до 20 лет, это может

быть и плавание и бег на лыжах и игра в футбол, а в возрасте, старше 70 лет, это - игра в шахматы и «скандинавская» ходьба [3].

Сегодня в нашей стране имеются несколько целей подготовки людей к сдаче норм ГТО: обратить внимание людей разных возрастов к собственному здоровью; увеличить количество людей систематически занимающихся физической культурой; привлечь работодателей любой формы собственности к организации физкультурно – спортивных мероприятий в своих коллективах [4].

Рассмотрим эту проблему более подробно, на примере города Перми. Количество людей в муниципалитете в разном возрасте сильно отличается (табл. 1 и табл. 2.).

Таблица 1

Общее количество населения в городе Перми

(2020 – 2024 годы)*(в тыс. чед.)

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Численность (в тыс. чел.)	1055	1049	1032	1027	1026

* - составлено по: [5].

Как видно из данных таблицы 1, количество населения города Перми в последние годы снижается и во многом это зависит от здоровья людей.

Таблица 2

Распределение населения Перми (в 2024 году) по возрасту

№ п/п	Возрастная группа	Всего	девочки, девушки, женщины	мальчики, юноши, мужчины
1	до 5 лет	61816	30330	31486
2	5-9	72674	35539	37135
3	10-14	69035	34023	35012
4	15-19	64601	32027	32574
5	20-24	52377	26754	25623
6	25-29	48319	25357	22962
7	30-34	75475	39689	35786
8	35-39	95328	50653	44675
9	40-44	80596	43218	37378
10	45-49	75558	41472	34086

№ п/п	Возрастная группа	Всего	мальчики, юноши, мужчины	девочки, девушки, женщины
11	50-54	65008	36130	28878
12	55-59	55044	31416	23628
13	60-64	61583	37226	24357
14	65-69	56837	36849	19988
15	70-79	72331	50494	21837
16	80-84	17493	13714	3779
17	85-89	11485	9423	2062
18	90-94	3212	2709	503
19	95-99	575	504	71
20	100 и старше	27	22	5
Итого:		**1 026 912**		

* - составлено по: [5].

Как видно из данных таблицы 2, количество женщин всегда больше чем мужчин одной возрастной группы, начиная уже с 20 лет. И, если до 50 лет количество населения по каждому возрасту снижается не значительно и плавно, то людей старшего возраста становится всё меньше катастрофически быстро. При этом, количество мужчин уменьшается гораздо быстрее чем женщин. Об этом говорит возрастная группа от 95 до 99 лет, в которой в 2024 году было 575 человек, и женщин из них – 504 человека, а мужчин, соответственно, всего – 71.

Жители города Перми сами, самостоятельно организуют различные забеги, собираются в беговых клубах и сообществах. В Перми существуют такие клубы, как: «Techno Run Team», школа бега «Люблю Бег», «Первое Пермское Беговое», «Run Factory», «клуб Вита» и т.д. Также, к ним можно отнести людей, регулярно бегающих в парке «Балатово» определённые дистанции, а именно, каждое третье воскресенье месяца - 2 мили (для детей до 13 лет - 700 метров) - под названием «Самопревосхождение 59» и каждую субботу - 5 км - под названием «5 вёрст»[6].

В соответствии с требованием Министерства спорта России, в городе Перми должно быть не менее 10 городских и межрайонных стадионов с трибунами от 1500 человек и 32 других спортивных объектов, включая крытые спортивные объекты с искусственным льдом, манежи, лыжные базы, биатлонные комплексы,

бассейны и т.д.[7]. В настоящее время, в Перми, можно отнести несколько таких спортивных объекта (табл. 3).

Таблица 3

Спортивные сооружения и объекты Перми*

№ п/п	Наименование	Примечание
1	Стадион «Локомотив»	закрыт
2	Стадион «Трудовые резервы»	закрыт, ведётся реконструкция
3	Стадион «Молот»	закрыт, ведётся реконструкция
	ДС «Молот»	вход только для профессиональных спортсменов
4	Стадион «Химик»	заброшен
5	Стадион «Кама»	заброшен
6	Стадион «Авангард»	требуется реконструкция
7	Манеж ДЮСШ № 1	вход только для профессиональных спортсменов
8	Манеж «Спартак»	вход платный
9	Стадион «Динамо»	вход платный
10	Стадион «Звезда»	вход платный
11	Стадион «Юность»	вход платный
12	Стадион «Гайва»	работает
13	Стадион «Прикамье»	работает
14	Стадион «Молния»	работает
15	Стадион «Спутник»	работает
16	Стадион «Бумажник»	работает
17	Многофункциональный спортивный комплекс «Энергия»	работает, бассейн платно
18	Спортивный комплекс с манежем им. Сухарева	вход платный
19	Спорткомплекс «Победа» с ледовой ареной	вход платный
20	Ледовый дворец спорта «Орлёнок»	вход платный
21	Футбольный манеж «Пермь Великая»	вход только для профессиональных спортсменов
22	Футбольный стадион (со зрительскими местами на 15000 зрителей)	строительство
23	Многофункциональная спортивная арена (ледовая площадка на 10000 зрителей и тренировочная на 500 зрителей)	строительство
24	Лыжная база «Пермские медведи»	работает
25	Лыжная база «Прикамье» и лыжероллерная трасса (3 км)	работает
26	Лыжная база «Южный»	работает
27	Лыжная база «Динамо»	работает
28	СШОР «Летающий лыжник»	вход только для профессиональных

№ п/п	Наименование	Примечание
		спортсменов
29	Спортивная арена «Красная машина» (два ледовых поля и дорожка для кёрлинга)	вход только для профессиональных спортсменов
30	Спорткомплекс «Юг-спорт» (с бассейном, длина дорожки 50 м)	вход платный
31	Бассейн «Олимпия»	вход платный
32	Бассейн «БМ»	вход платный

*- составлено автором.

Как видно из данных, представленных в таблице 1, стадионы с численностью более 1500 посадочных мест для зрителей, сегодня в Перми отсутствуют.

Сегодня, в рамках достижения национальной цели развития Российской Федерации «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей», приказом Минспорта России от 06.06.22 № 498 утверждена Методика расчёта целевого показателя «Увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70 процентов». Попробуем самостоятельно определить такой показатель для жителей города Перми - ___ человек (на начало 2026 года). Это показатель (Да)

Показатель Да = (Чд х ПКд + Чсс х ПКс + (Чсп + Чсв + Час) + ((Чмс + Чцс) х ПКв) / (ЧН –Чос – Чом) х 100%.

Чд = 206,310 тыс. чел. (*мнение автора*) численность детей и молодёжи, занимающихся физической культурой и спортом (воспитанников дошкольных образовательных организаций, учащихся общеобразовательных организаций, обучающихся по программам среднего профессионального образования); ПКд - поправочный коэффициент, устанавливающий долю Чд в периоды: сентябрь – июнь = 0,8 или июль – август = 0,6; Чсс = 52,377 тыс. чел. (*мнение автора*) – численность студентов, занимающихся физической культурой и спортом, обучающихся в организациях высшего образования; ПКс = 0,5 - поправочный коэффициент, устанавливающий долю Чсс вследствие того, что занятия физической культурой и спортом являются обязательными для студентов только младших

курсов; Чсп = 0,100 тыс. чел. (*мнение автора*) – численность граждан, занимающихся на этапах спортивной подготовки в возрасте от 18 лет и старше; Чсв = 0,100 тыс. чел. (*мнение автора*) – численность граждан, занятых по специальностям (профессиям, имеющим требования к уровню физической подготовки в соответствии с действующими профессиональными стандартами); Час = 0,100 тыс. чел. (*мнение автора*) – численность граждан, занимающихся адаптивной физической культурой и спортом, в возрасте от 19 лет и старше; Чмс = 3,0 тыс. чел. (*мнение автора*) – численность граждан, систематически занимающихся физической культурой и массовым спортом, в возрасте от 19 лет и старше; Чцс = 1,0 тыс. чел. (*мнение автора*) – численность граждан, подтверждающих самостоятельные занятия физической культурой и спортом; ПКв = 0,8 – поправочный коэффициент, устанавливающий долю граждан в возрасте от 19 лет и старше, систематически занимающихся физической культурой и спортом, нивелирующий возможное задвоение данных; ЧН = 1026,912 тыс. чел. – численность населения на начало отчётного года в соответствии с официальной статистической информацией; Чос = 40,0 тыс. чел. + 39,912 тыс. чел. = 79,912 тыс. чел – численность населения на начало отчётного года в возрасте от 0 до 3-х лет, а также старше 78 лет; Чом – 1,0 тыс. чел. (*мнение автора*) – численность инвалидов, состоящих на учёте в медицинской организации, имеющих противопоказания для занятий физической культурой и спортом.

Показатель Да = (Чд х ПКд + Чсс х ПКс + (Чсп + Чсв + Час) + ((Чмс + Чцс) х ПКв) / (ЧН –Чос – Чом) х 100% = (206,310 х 0,8 + 52,377 х 0,5 + (0,1 + 0,1 + 0,1) + ((3,0 + 1,0) х 0,8) / (1026,912 - 79,912 - 1,0) х 100 % = 20,5 %.

Как видим из приведённых автором расчётов, количество людей занимающихся своим здоровьем в городе Перми на сегодняшний день составляет – 20,5 %. Понятно, что большинство людей находятся в возрасте от 4-х лет до 24-х лет и связано это в первую очередь с тем, что когда дети, девушки и молодые люди находятся на обучение в учебном заведении (дошкольная образовательная

организация, общеобразовательная организация, обучающихся в учебном заведении по программам среднего и высшего профессионального образования) их заставляют регулярно сдавать нормы ГТО, заниматься физической культурой и спортом.

Не смотря на то, что коэффициент Чос включает людей до 78 лет, т.е. подразумевается, что население, более старшего возраста своим здоровьем не занимается. Необходимо отметить из личного примера – после окончания учебного заведения, ещё несколько лет, т.е. примерно до 25 - 30 лет, молодые люди стараются обращать внимание на своё здоровье. Но уже после 30 лет, количество занимающихся физической культурой и спортом ежегодно уменьшается с геометрической прогрессией.

Также, кроме возраста людей, необходимо учитывать половую принадлежность, занимающихся систематически своим здоровьем, т.е. (по личному опыту автора) после 50 лет, количество женщин составляет примерно 30 %, а мужчин 25 %; после 60 лет, количество женщин составляет примерно 25 %, а мужчин 20 %; после 70 лет, количество женщин составляет примерно 15 %, а мужчин 10 % и после 78 лет количество женщин может составлять не более 10 % от общего количества, соответственно, количество мужчин – не более 5 % от общего количества. Соответственно, спортивная инфраструктура в большей степени должна быть ориентирована на женщин, чем на мужчин.

Для увеличения количества людей, которых можно привлечь в городе Перми для систематического занятия физической культурой и спортом, по мнению автора статьи, необходимо сделать следующее: обеспечить бесплатное посещение стадионов для населения всех возрастов; возобновить бесплатные тренировки по бегу с 1 июня по 31 августа в 12-15 локациях на территории города в разных микрорайонах под контролем тренера (профессионального спортсмена). И, этим тренерам, в течении 3-х месяцев, за их работу платить минимальную заработную плату (официально, по заключённому трудовому договору с местными органами власти).

Кроме бега (которым занимается автор статьи), к занятиям физической культурой можно привлекать население и через другие виды спорта. Также, необходимо усилить внимание занятиям спортом и сдаче норм ГТО на предприятиях и в организациях с численностью более 50 человек.

Список использованной литературы:

1. Рожков Е.В. Сдать нормы ГТО на «золото» и стать Чемпионом России – это по нашему! // Академическая публицистика. 2026. № 8-2. С. 163-168.

2. Рожков Е.В. Решение по имеющимся проблемам сдачи норм ГТО (на примере муниципального образования) // Научно-спортивный вестник Урала и Сибири. № 4(36), 2022. С. 37-46.

3. Рожков Е.В. Регулярное занятие физической культурой – это участие в спортивных клубах (на примере города Перми) // Академическая публицистика. 2024. № 9-2. С. 497-502.

4. Медведев Ю.М., Рожков Е.В. Проблемы сдачи норм ГТО (для мужчин 8 возрастной группы) в городе Перми // VII Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. 1-2 декабря 2020 года г. Пермь». ПГУ, 2020. С. 35-40.

5. Статотчётность 2025 г. / Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю [Электронный ресурс]. – http: / w.w.w. permstat.gks.ru (дата обращения: 19.09.2026).

6. Рожков Е.В. Пермь - «марафонская» столица России // Академическая публицистика. 2025. № 9-2. С. 281-286.

7. Рожков Е.В. К вопросу о стадионах (на примере Перми) // Академическая публицистика. 2023. № 2-1. С. 109-112.

© Рожков Е.В., 2026

УДК 364-78

Сергазиев А.О.

Магистрант 3 курса института

психолого-педагогического и социального образования

Научный руководитель: Калачев А.В.

канд. пед. наук, доцент

ВГСПУ

г. Волгоград, РФ

МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В АСПЕКТАХ ИНТЕГРАЦИИ УЧЕБНЫХ МИГРАНТОВ

Аннотация

В статье анализируются основные характеристики учебных мигрантов при реализации стратегий социальной работы. Исследование основано на особенностях принимающего общества, культуры учебных мигрантов и процесса интеграции. Выделяется значимость текущих стратегий социальной работы в формировании всей социальной сферы, и в разработке аспектов новой миграционной политики.

Ключевые слова:

миграция, мигранты, миграционная политика, социальная работа, интеграция, адаптация.

Процесс интеграции мигрантов воспринимается в современном мире как круговое движение различных культур самих мигрантов и принимающего общества, и как метод решения вопросов взаимоотношений межнациональных традиций, норм и ценностей, первоначально действующих в разных направлениях, а может и вовсе в противовес друг к другу. Успешным результатом интеграции

мигрантов считается их ассимиляция, что означает полностью завершенное растворение нового населения в структурах принимающей страны. Но сама интеграция это достаточно длительный, требующий особого внимания процесс, он может захватить промежуток времени сразу нескольких поколений мигрантов, а может и просто не завершиться до конца.

На государственном уровне интеграция мигрантов признается одной из приоритетных основ миграционной политики. Стоит обратить внимание, что интеграция это не просто формальное вовлечение учебных мигрантов в образовательную сферу и обеспечение их экономическими и социальными правами в рамках действующего законодательства. Это больше совместный процесс объединения местного населения и мигрантов в условиях новой социальной и культурной среды, сохраняющий основные параметры социально-культурной идентичности обеих сторон, при небольшом превосходстве культуры принимающего общества [3, с. 7].

В основном применятся стратегии управления, с помощью которых происходит ускорение и упрощение процесса интеграции учебных мигрантов в новую для них образовательную, социальную и культурную сферу. Наиболее распространенные из них это ориентирование и инструктаж. Стратегия ориентирования – ускоренное ознакомление человека с его новым окружением, традициями, ценностями, нормами и направлениями культурной группы. Стратегия инструктажа позволяет расширить взгляды на возникающие проблемы и помогает мигранту сосредоточить свои усилия на определенные одиночные аспекты процесса интеграции в новом окружении. Данные стратегии главным образом ориентированы на обмен важной информацией между мигрантами и специалистами, в тоже время их успешное усвоение плавно переходит на второй план. Также в стратегиях управления интеграцией могут использоваться особенные педагогические технологии. Наставничество в образовательном учреждении – это учебный метод интеграции мигрантов в новую социальную и культурную среду с

помощью взаимодействия с более опытным и взрослым человеком, который уже продолжительное время находится в данной среде. Технология наставничества расширяет возможности культурной адаптации и интеграции, предлагая обширный инструментарий для работы с учебными мигрантами, гарантируя их индивидуальное развитие. Наставничество может быть направленно лично для одного мигранта или же на целую группу. Самым распространенным вариантом наставника считается более взрослый и уже адаптированный учебный мигрант, который единолично взаимодействует со свои «учеником» [4, с. 9].

Специалистам, применяющим стратегии контроля учебными мигрантами важно учитывать их текущее психологическое состояние, принимать во внимание наличия у них травмирующего опыта, который мог появиться в результате плохих обстоятельств, таких как война, политические или социальные перестановки в странах исхода. Также необходимо предполагать, что смена жительства может состояться не по собственной воле и нести за собой стрессовые воспоминания. По этой причине для достижения приемлемых результатов стратегии контроля нужно использовать рекомендации социальных психологов и подходить к реализации данных стратегий разумно и постепенно.

Ведущую роль в определении результатов стратегии управления учебными мигрантами играют методики контроля и оценки. Педагогическое наблюдение и педагогическая беседа это главные механизмы позволяющие оценить степень эффективности применяемой стратегии управления [2, с. 12]. Метод педагогического наблюдения – это процесс восприятия поведения и деятельности мигранта, что в дальнейшем помогает проследить динамику развития личности мигранта и возникающие изменения в его действиях. Наблюдение может быть открытым и скрытым, непрерывным и дискретным, и каждый из этих видов позволяет преподавателям получить реальное представление о своих студентах. Необходимо фиксировать и категорировать каждый результат наблюдения, из этого строиться конечная оценка используемого метода, для этого разрабатывают

журналы наблюдения, которые содержат в себе технологии индивидуальной работы со студентом и мониторинг достигнутых результатов. Педагогическое наблюдение выявляет сложности в развитии, социальной интеграции, адаптации и образовательной деятельности учебного мигранта.

Метод педагогической беседы с учебными мигрантами помогает специалистам выявить текущую информированность студента по разным актуальным вопросам, и причины возникновения отклонений от общественных норм. Использование анкет и опросов раскрывает отношение студентов к различным аспектам их жизни, что позволяет преподавателю скорректировать весь воспитательный процесс мигранта. Положительными результатами метода педагогической беседы являются предотвращение любых проявлений противоправного и не дисциплинарного поведения, развитие возможностей межкультурного взаимодействия, рефлексии и образовательной грамотности, раскрытие внутреннего потенциала, индивидуальности и преимуществ личности учебного мигранта [1, с. 90]. Можно утверждать о том, что применение методик контроля и оценки предоставляют возможность специалистам правильно управлять процессом интеграции учебных мигрантов и добиваться необходимого результата. Не каждая современная методика способна учитывать в своей деятельности личные чувства клиента, его психологическое состояние, его тактику поведения в обществе и его приверженность к определенной культуре. Нужно понимать особенности каждой методики и технологии и уметь их комбинировать, чтобы получить возможность обрести полную картину личности учебного мигранта.

В заключение становится понятно, что стратегии управления интеграцией учебных мигрантов может оказывать большое влияние на миграционную политику Российской Федерации, она становится фактором развития большого поля деятельности государства в миграционных вопросах. Постепенно привлекая в образовательную систему новых учебных мигрантов, стратегия получает возможность контролировать их культурную, социальную и профессиональную

деятельность. Она дает шанс образовательным учреждениям построить свою интегративную социальную среду, это способствует самореализации мигранта в условиях межнационального сотрудничества и равноправия. Одновременно оказывая влияние на местное общество, формируя дружелюбную, современную и открытую среду, стратегия помогает принимающему обществу сделать шаг навстречу людям из другой страны. По-настоящему успешной стратегия интеграции учебных мигрантов становится в случае полного включения мигрантов в новое общество, сохраняя при этом их культурные особенности, ценности и нормы. Мигранты неспособны добиться всего этого без специальной помощи, и только правильная стратегия деятельности может предоставить им возможность стать полноправными во всех аспектах членами общества.

Список использованной литературы

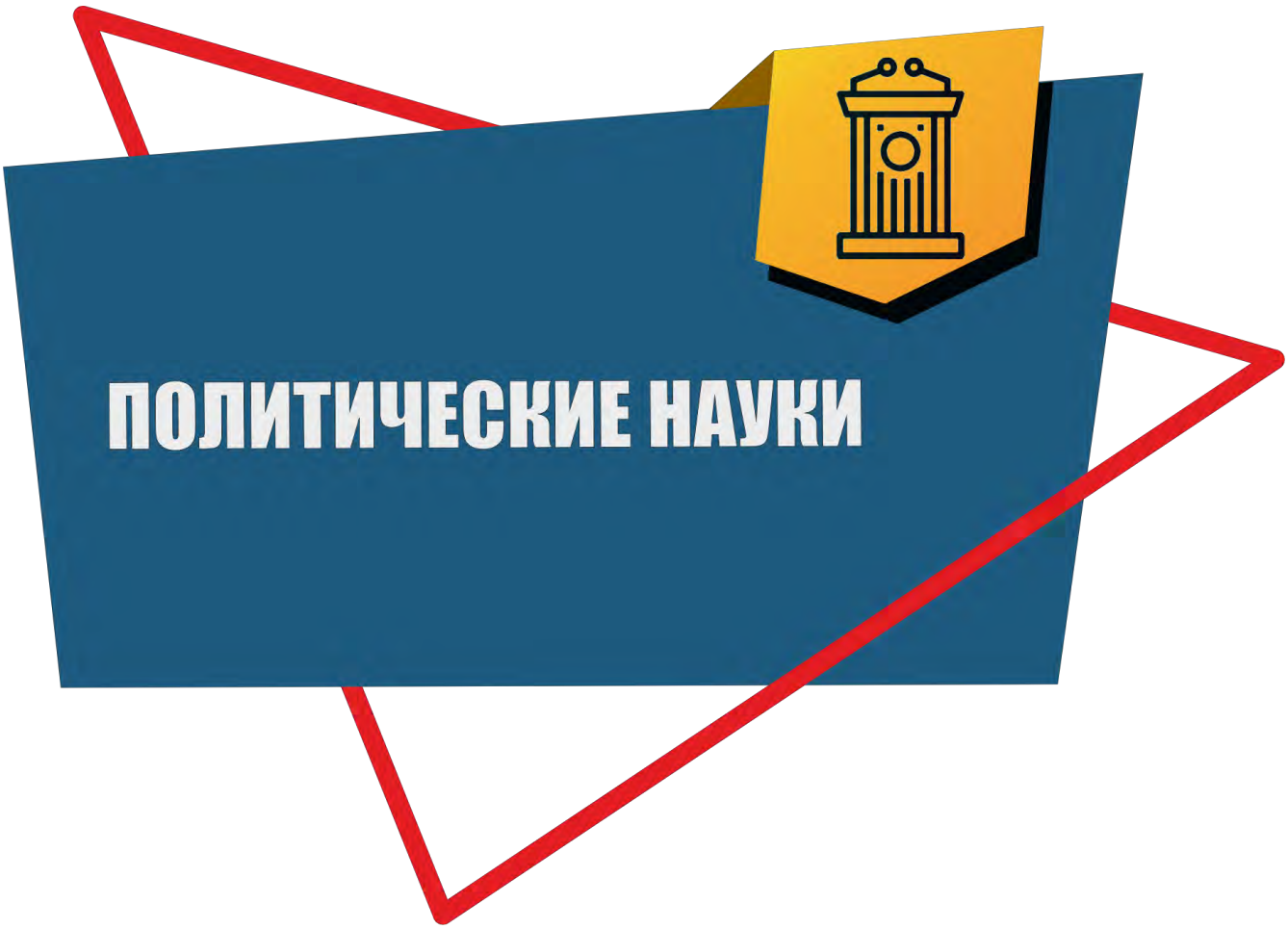
1. Лебедева Т.В. Адаптация и интеграция учебных мигрантов: теоретические аспекты и практические подходы // Миграция и социально-экономическое развитие. 2019, Т.4. №2. С. 83-104. [Электронный ресурс]. URL: https://1economic.ru/lib/41335 (дата обращения: 02.08.2026)

2. Нестерова А.А. Конструктивистский и социально-психологический подходы к изучению факторов жизнеспособности и адаптации мигрантов: монография. – Москва: Дашков и К, 2015. – 219 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iprbookshop.ru/60240.html (дата обращения: 12.09.2026)

3. Ольховая Т.А., Хемраева А.Р., Парамонов В.Б. Анализ стратегий российских университетов по привлечению иностранных студентов // Современные проблемы науки и образования. 2021, №3. – 11 с. [Электронный ресурс]. URL: https://science-education.ru/article/view?id=30802 (дата обращения: 13.09.2026).

4. Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М., Чибисова М.Ю. Интеграция мигрантов в образовательной среде: социально-психологические аспекты // Психологическая наука и образование. 2013, №18(3). С. 5–17. [Электронный ресурс]. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2013_n3/63355 (дата обращения: 02.09.2026)

© Сергазиев А.О., 2026

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 63

Hajymuhammedov Isa,

lecturer

Institute of Telecommunications and Informatics of Turkmenistan.

Ashgabat, Turkmenistan

PEDAGOGICAL MODELS, TECHNICAL CAPACITY BUILDING, AND HUMAN CAPITAL INTEGRATION AT THE TURKMENISTAN INVESTMENT FORUM (TIF 2026) IN ASHGABAT

Abstract

The Turkmenistan Investment Forum (TIF 2026), convened on October 1–2, 2026, at the Ýyldyz Hotel in Ashgabat, marked a pivotal international milestone in aligning Central Asian macroeconomic expansion, global foreign direct investment (FDI), and industrial diversification with modern technical education and vocational pedagogy. Grounded in human capital theory, technological spillovers, and vocational skill-matching frameworks, this article analyzes the strategic role of advanced instructional methodologies and pedagogical architectures in supporting large-scale international investments across Central Asia. The paper examines how the integration of industry-oriented vocational training, public-private educational partnerships, and digital skill-acquisition models bridge the critical gap between international capital allocation and domestic labor force readiness. Furthermore, systemic implementation hurdles—such as curriculum adaptation lags, vocational instructor professional development gaps, infrastructure expenditures, and international qualification standardization—are critically evaluated alongside evidence-based strategies for sustainable economic and educational alignment. Ultimately, embedding structured pedagogical systems into international investment frameworks transforms physical infrastructure funding into a self-reinforcing engine of long-term economic development and human capacity.

Keywords:

Turkmenistan Investment Forum, TIF 2026, Vocational Pedagogy, Human Capital Development, Foreign Direct Investment, Technical Training, Capacity Building.

Introduction

The execution of high-level international economic summits, such as the Turkmenistan Investment Forum held on October 1–2, 2026, in Ashgabat under the organization of the Ministry of Finance and Economy and the Ministry of Foreign Affairs, underscores the deep structural interdependence between global capital inflows and national human resource development. Historically, macroeconomic development models prioritized physical infrastructure financing, natural resource monetization, and heavy machinery acquisition while treating workforce preparation as a secondary, administrative outcome. However, modern economic and pedagogical science demonstrates that foreign direct investment cannot yield maximum productivity or local economic absorption without a concurrent, highly sophisticated vocational training framework. As Ashgabat hosted international investors, policy architects, and industry leaders from over 45 countries to explore multi-sector investments in green transition, transport logistics, industrial modernization, and digital technologies, the necessity of building an adaptable, technically proficient workforce emerged as a core pillar of sustainable economic policy.

From an educational and macroeconomic perspective, human capital theory asserts that the long-term return on investment of physical infrastructure depends directly on the cognitive, technical, and diagnostic capabilities of the local labor force. When international enterprises introduce state-of-the-art technological systems, automated manufacturing lines, and advanced logistics networks, domestic educational systems must rapidly supply specialists trained under modern active-learning paradigms. Modern vocational pedagogy transitions from static, passive instruction toward dynamic, competence-based training engineered around real-world industrial workflows, digital

simulation testbeds, and cognitive apprenticeship. By aligning the strategic outcomes of TIF 2026 with modernized technical and higher educational curricula, Turkmenistan establishes a robust framework wherein international economic partnerships directly empower local youth, technical specialists, and educational institutions.

Main Part

Implementing human capital development strategies aligned with the investment outcomes of TIF 2026 requires a structured, multi-stage pedagogical design workflow that connects international industrial standards with classroom execution. A central mechanism is the establishment of public-private vocational incubation partnerships, where foreign investors and national educational authorities co-engineer specialized training centers. In these modernized technical modules, learning is structured around problem-based learning (PBL) and simulation-based task execution, enabling technicians and engineering students to interact with industrial automation software, renewable energy management platforms, and advanced supply chain networks. By utilizing interactive virtual testbeds and project-based assignments, educational institutions ensure that graduates acquire certified, operational competencies directly requested by international investment projects.

The empirical literature evaluating technical capacity building in emerging and industrializing economies demonstrates profound cognitive, economic, and structural benefits when vocational training is integrated into national investment strategies. Research consistently confirms that countries aligning foreign investment inflow with targeted vocational curriculum reform achieve significantly higher technology transfer rates, faster industrial productivity gains, and superior long-term employment rates for young professionals. By shifting vocational training from abstract theoretical lectures toward hands-on, scenario-driven problem solving, educational systems reduce extraneous cognitive load, enabling learners to master complex diagnostic and technical skills in accelerated timeframes. Furthermore, collaborative industry-academy projects foster vital cross-functional skills, including technical English proficiency, safety protocol

compliance, and adaptive problem-solving within multinational work environments.

Despite these clear economic and educational advantages, operationalizing specialized vocational training programs aligned with global investment forums presents notable structural, financial, and institutional challenges. Technical universities and vocational colleges frequently encounter curriculum update delays, as bureaucratic approval processes lag behind the rapid technological evolution of enterprise equipment. Additionally, there remains a critical need for continuous professional development for vocational instructors, who must master cutting-edge industrial technologies alongside active learning teaching methodologies. From an evaluation perspective, measuring industrial readiness requires shifting away from conventional written exams toward rubric-based performance assessments and international occupational certifications. Overcoming these barriers demands sustained institutional coordination, dedicated workforce training funds within investment contracts, and continuous faculty exchange programs.

Conclusion

The strategic alignment of vocational pedagogy with international economic platforms like the Turkmenistan Investment Forum (TIF 2026) represents an indispensable structural evolution in modern educational and economic planning. Reallocating traditional passive instructional hours toward industry-integrated simulation, active problem-solving, and international technical certification directly connects national educational goals with international economic expansion. The evidence clearly demonstrates that when national investment initiatives are backed by modern, student-centered vocational training systems, economies achieve unprecedented levels of industrial productivity, technology retention, and sustainable workforce resilience. While acquiring modern training technologies, updating curricula, and developing faculty demand continuous institutional commitment, the long-term economic, social, and human capital dividends far outweigh the operational challenges.

Looking toward the future of Central Asian economic development, refining

vocational education frameworks will remain vital for maintaining regional competitiveness, economic diversification, and technological sovereignty. As renewable energy integration, smart logistics corridors, and digital economy platforms continue to reshape regional trade following TIF 2026, educational institutions must continually adapt their instructional toolkits to mirror cutting-edge industrial practices. However, the core of effective technical pedagogy remains fundamentally human-centered: utilizing capital investments and advanced technologies not merely to build physical facilities, but to empower individuals, cultivate intellectual capability, and mentor adaptable problem-solvers. Educational leaders, government policymakers, and international investors must therefore prioritize sustained, ethically grounded investments in vocational education, ensuring that economic forums like TIF 2026 remain transformative catalysts for human advancement.

References List:

1. Human Capital and Global Investment Dynamics, Becker, G. S., New York, NY: Columbia University Press, 1993.

2. Vocational Pedagogy and Technical Capacity Building in Developing Economies, Lucas, B., Spencer, E., & Claxton, G., London, UK: City & Guilds Centre for Skills Development, 2012.

3. Foreign Direct Investment, Technology Transfer, and Human Capital Growth, Borensztein, E., De Gregorio, J., & Lee, J. W., Washington, D.C.: International Monetary Fund, 1998.

4. Problem-Based Learning and Simulation in Technical Vocational Training, Barrows, H. S., & Tamblyn, R. M., San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2004.

5. Economic Transformation and Human Capital Development in Central Asia, World Bank, Washington, D.C.: World Bank Publications, 2023.

© Hajymuhammedov I., 2026

УДК 32

Ovezova Jeren,

lecturer

International University of Industrialists and Entrepreneurs

Ashgabat, Turkmenistan

PEDAGOGICAL STRATEGIES, VOCATIONAL ENGAGEMENT, AND HUMAN CAPITAL INTEGRATION IN YOUTH POLICY FRAMEWORKS

Abstract

Youth policy constitutes a fundamental structural pillar for national socio-economic stability, technological innovation, and demographic development across modern societies. Traditional youth engagement programs that rely on passive administrative directives or isolated youth initiatives often fail to cultivate the active civic participation, entrepreneurial resilience, and specialized vocational competencies required in rapidly changing global markets. Grounded in human capital theory, social constructivism, and positive youth development (PYD) models, this article examines the structural design, operational mechanics, and educational efficacy of youth policy within technical and vocational education systems. The paper analyzes how state-led youth initiatives, youth incubation programs, vocational mentorship networks, and digital civic engagement platforms bridge policy objectives with real-world youth empowerment. Furthermore, systemic implementation hurdles—such as youth labor market mismatches, regional participation disparities, pedagogical alignment challenges, and resource allocation constraints—are critically evaluated alongside evidence-based strategies for sustainable policy integration. Ultimately, embedding structured pedagogical frameworks into state youth policy transforms young citizens into proactive catalysts of economic diversification and social cohesion.

Keywords:

Youth Policy, Youth Development, Vocational Pedagogy, Human Capital, Civic Engagement, Youth Empowerment, Workforce Integration.

Introduction

Youth policy serves as a vital strategic mechanism through which state institutions, educational organizations, and civic entities shape the personal, professional, and civic trajectories of the rising generation. Historically, state youth programs often operated under protective or administrative frameworks, viewing young people primarily as passive beneficiaries of welfare or regulatory measures. However, contemporary socio-economic developments—driven by rapid technological shifts, dynamic labor market demands, and global economic transitions—demand a fundamental paradigm shift toward active youth engagement. Modern youth policy conceptualizes young people not merely as recipients of public support, but as active partners, innovators, and primary drivers of national human capital development.

From an educational and pedagogical perspective, effective youth policy requires strong integration with vocational training and higher education systems. Grounded in Urie Bronfenbrenner's ecological systems theory and Albert Bandura's social learning theory, youth development thrives when educational environments provide structured opportunities for agency, leadership, and skill acquisition. In a modernized youth policy framework, youth organizations and educational institutions work synchronously to foster critical thinking, digital literacy, dynamic career planning, and social responsibility. The educator and youth mentor transition from authoritative directors to facilitators of youth initiatives, helping young specialists navigate professional pathways and actively contribute to their communities. By aligning youth policy objectives with rigorous vocational training, societies build a resilient, forward-looking generation capable of sustaining long-term socio-economic progress.

Main Part

Implementing comprehensive youth policy within vocational and professional education requires a deliberate, multi-stage pedagogical design workflow that connects public policy initiatives directly with institutional learning environments. A core operational mechanism is the establishment of youth innovation labs, student councils, and vocational entrepreneurship hubs within technical colleges and universities. In these structured environments, young people engage in project-based learning, community service initiatives, and collaborative problem-solving modules that address real-world local and regional challenges. Instructors and policy facilitators guide students through leadership workshops, career guidance mentorships, and interdisciplinary team projects, ensuring that youth participation extends beyond abstract theory into practical civic and economic action.

The empirical literature evaluating youth policy and positive youth development across developing and industrializing nations demonstrates substantial socio-economic and personal benefits. Research consistently confirms that young individuals who participate in structured state youth programs, leadership incubators, and vocational youth organizations exhibit significantly higher levels of self-efficacy, civic responsibility, and long-term career adaptability compared to unengaged peers. By offering active platforms for skill application and decision-making, comprehensive youth policies reduce social isolation and mitigate youth employment friction. Furthermore, youth-led initiatives foster essential soft skills, including cross-cultural communication, conflict resolution, project management, and ethical leadership, which are increasingly prioritized by modern employers.

Despite these clear societal advantages, operationalizing effective youth policy across diverse educational and regional sectors presents notable structural and institutional challenges. Public administration bodies and educational institutions frequently face implementation gaps caused by bureaucratic delays, uneven resource distribution between urban and rural areas, and insufficient training for youth workers

and educators. Additionally, aligning formal academic curricula with dynamic, informal youth activities requires institutional flexibility that traditional educational systems often lack. From an evaluation standpoint, assessing the real impact of youth policy demands nuanced, long-term qualitative and quantitative frameworks rather than superficial participation metrics. Overcoming these obstacles requires sustained public-private funding, continuous capacity building for youth mentors, decentralized regional youth centers, and active youth representation in policy design.

Conclusion

The systematic alignment of youth policy with modern pedagogical frameworks represents an indispensable structural evolution in public governance and education, offering a proven pathway to unlock human potential and foster economic resilience. Reallocating traditional top-down administrative routines toward youth-led project incubators, vocational mentorship networks, and active civic participation directly connects youth aspirations with national development goals. The evidence clearly demonstrates that when state youth policy is engineered around robust, inclusive, and student-centered pedagogical models, young citizens achieve exceptional levels of professional competence, social responsibility, and civic initiative. While establishing specialized youth infrastructure, modernizing policy frameworks, and training facilitators demand continuous state investment, the long-term societal and economic dividends far outweigh the operational costs.

Looking toward the future of global youth development, refining youth policy frameworks will remain vital for maintaining social stability and technological competitiveness in an era of continuous global change. As digital governance platforms, green transitions, and international economic cooperation reshape labor markets, youth policies must continuously adapt to equip young people with modern digital and vocational competencies. However, the core of effective youth policy remains human-centered: creating opportunities that inspire self-confidence, cultivate ethical leadership, and empower the rising generation to take ownership of their future.

Educational leaders, policymakers, and civic institutions must therefore prioritize sustained, strategic investments in youth policy, ensuring that young people remain vibrant, empowered, and transformative leaders of society.

References List:

1. Positive Youth Development: Theory, Research, and Applications, Lerner, R. M., & Lerner, J. V., New York, NY: Wiley & Sons, 2011.

2. Youth Policy and Human Capital Development in Emerging Economies, World Bank, Washington, D.C.: World Bank Publications, 2019.

3. Ecological Models of Human Development, Bronfenbrenner, U., Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.

4. Vocational Pedagogy and Youth Workforce Integration, Lucas, B., Spencer, E., & Claxton, G., London, UK: City & Guilds Centre for Skills Development, 2012.

5. Youth Civic Engagement and Public Policy, United Nations, New York, NY: United Nations Publications, 2020.

© Ovezova J., 2026

УДК 32

Rejepmuradova Nurjahan, lecturer
Institute of Telecommunications and Informatics of Turkmenistan.
Ashgabat, Turkmenistan

TURKMENISTAN INVESTMENT FORUM (TIF 2026) IN ASHGABAT

Abstract

The Turkmenistan Investment Forum (TIF 2026), held on October 1–2, 2026, in Ashgabat, marked a pivotal milestone in aligning regional macroeconomic growth, foreign direct investment, and structural economic diversification with modern technical education and vocational pedagogy. Grounded in human capital theory, technological spillovers, and vocational skill-matching frameworks, this article analyzes the strategic role of advanced instructional methodologies and pedagogical architectures in supporting large-scale international investments across Central Asia. The paper examines how the integration of industry-oriented vocational training, public-private educational partnerships, and digital skill-acquisition models bridge the critical gap between international capital allocation and domestic labor workforce readiness. Furthermore, systemic implementation hurdles—such as curriculum adaptation lags, vocational instructor professional development gaps, infrastructure expenditures, and international qualification standardization—are critically evaluated alongside evidence-based strategies for sustainable economic and educational alignment. Ultimately, embedding structured pedagogical systems into international investment frameworks transforms physical infrastructure funding into a sustainable, self-reinforcing engine of long-term economic development and human capacity.

Keywords

Turkmenistan Investment Forum, TIF 2026, Vocational Pedagogy, Human Capital Development, Foreign Direct Investment, Technical Training, Capacity Building.

Introduction

The execution of high-level international economic summits, such as the Turkmenistan Investment Forum held on October 1–2, 2026, in Ashgabat, underscores the deep structural interdependence between global capital inflows and national human resource development. Historically, macroeconomic development models prioritized physical infrastructure financing, natural resource monetization, and industrial equipment acquisition while treating workforce preparation as a secondary, administrative outcome. However, modern economic and pedagogical science demonstrates that foreign direct investment (FDI) cannot yield maximum productivity or local economic absorption without a concurrent, highly sophisticated vocational training framework. As Ashgabat hosted international investors, policy architects, and industry experts to explore multi-sector investments in energy, transport, agriculture, and digital infrastructure, the necessity of building an adaptable, technically proficient workforce emerged as a core pillar of sustainable economic policy.

From an educational and macroeconomic perspective, human capital theory asserts that the long-term ROI of physical infrastructure depends directly on the cognitive, technical, and diagnostic capabilities of the local labor force. When international enterprises introduce state-of-the-art technological systems, automated manufacturing lines, and advanced logistics networks, domestic educational systems must rapidly supply specialists trained under modern active-learning paradigms. Modern vocational pedagogy transitions from static, passive instruction toward dynamic, competence-based training engineered around real-world industrial workflows, digital simulation testbeds, and cognitive apprenticeship. By aligning the strategic outcomes of TIF 2026 with modernized technical and higher educational curricula, Turkmenistan establishes a robust framework wherein international economic partnerships directly empower local youth, technical specialists, and educational institutions.

Main Part

Implementing human capital development strategies aligned with the investment

outcomes of TIF 2026 requires a structured, multi-stage pedagogical design workflow that connects international industrial standards with classroom execution. A central mechanism is the establishment of public-private vocational incubation partnerships, where foreign investors and national educational authorities co-engineer specialized training centers. In these modernized technical modules, learning is structured around problem-based learning (PBL) and simulation-based task execution, enabling technicians and engineering students to interact with industrial automation software, green energy management platforms, and advanced supply chain networks. By utilizing interactive virtual testbeds and project-based assignments, educational institutions ensure that graduates acquire certified, operational competencies directly requested by international investment projects.

The empirical literature evaluating technical capacity building in emerging and industrializing economies demonstrates profound cognitive, economic, and structural benefits when vocational training is integrated into national investment strategies. Research consistently confirms that countries aligning foreign investment inflow with targeted vocational curriculum reform achieve significantly higher technology transfer rates, faster industrial productivity gains, and superior long-term employment rates for young professionals. By shifting vocational training from abstract theoretical lectures toward hands-on, scenario-driven problem solving, educational systems reduce extraneous cognitive load, enabling learners to master complex diagnostic and technical skills in accelerated timeframes. Furthermore, collaborative industry-academy projects foster vital cross-functional skills, including technical English proficiency, safety protocol compliance, and adaptive problem-solving within multinational work environments.

Despite these clear economic and educational advantages, operationalizing specialized vocational training programs aligned with global investment forums presents notable structural, financial, and institutional challenges. Technical universities and vocational colleges frequently encounter curriculum update delays, as bureaucratic approval processes lag behind the rapid technological evolution of enterprise

equipment. Additionally, there remains a critical need for continuous professional development for vocational instructors, who must master cutting-edge industrial technologies alongside active learning teaching methodologies. From an evaluation perspective, measuring industrial readiness requires shifting away from conventional written exams toward rubric-based performance assessments and international occupational certifications. Overcoming these barriers demands sustained institutional coordination, dedicated workforce training funds within investment contracts, and continuous faculty exchange programs.

Conclusion

The strategic alignment of vocational pedagogy with international economic platforms like the Turkmenistan Investment Forum (TIF 2026) represents an indispensable structural evolution in modern educational and economic planning. Reallocating traditional passive instructional hours toward industry-integrated simulation, active problem-solving, and international technical certification directly connects national educational goals with international economic expansion. The evidence clearly demonstrates that when national investment initiatives are backed by modern, student-centered vocational training systems, economies achieve unprecedented levels of industrial productivity, technology retention, and sustainable workforce resilience. While acquiring modern training technologies, updating curricula, and developing faculty demand continuous institutional commitment, the long-term economic, social, and human capital dividends far outweigh the operational challenges.

Looking toward the future of Central Asian economic development, refining vocational education frameworks will remain vital for maintaining regional competitiveness, economic diversification, and technological sovereignty. As renewable energy integration, smart logistics corridors, and digital economy platforms continue to reshape regional trade after TIF 2026, educational institutions must continually adapt their instructional toolkits to mirror cutting-edge industrial practices. However, the core of effective technical pedagogy remains fundamentally human-centered: utilizing capital

investments and advanced technologies not merely to build physical facilities, but to empower individuals, cultivate intellectual capability, and mentor adaptable problem-solvers. Educational leaders, government policymakers, and international investors must therefore prioritize sustained, ethically grounded investments in vocational education, ensuring that economic forums like TIF 2026 remain transformative catalysts for human advancement.

References List:

1. Human Capital and Global Investment Dynamics, Becker, G. S., New York, NY: Columbia University Press, 1993.

2. Vocational Pedagogy and Technical Capacity Building in Developing Economies, Lucas, B., Spencer, E., & Claxton, G., London, UK: City & Guilds Centre for Skills Development, 2012.

3. Foreign Direct Investment, Technology Transfer, and Human Capital Growth, Borensztein, E., De Gregorio, J., & Lee, J. W., Washington, D.C.: International Monetary Fund, 1998.

4. Problem-Based Learning and Simulation in Technical Vocational Training, Barrows, H. S., & Tamblyn, R. M., San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2004.

5. Economic Transformation and Human Capital Development in Central Asia, World Bank, Washington, D.C.: World Bank Publications, 2023.

© Rejepmuradova N., 2026

УДК 69

Акмаммедова А.С.,

магистрант,

Академия Государственной службы при Президенте Туркменистана

г. Ашхабад, Туркменистан

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация

Современные модели государственного управления в условиях цифровой трансформации представляют собой фундаментальный процесс смены парадигмы публичного администрирования. Переход от традиционной жесткой бюрократии к адаптивным, прозрачным и ориентированным на человека (human-centric) формам управления становится ключевым условием устойчивого социально-экономического развития. Цифровая трансформация выходит далеко за рамки простой переводной оцифровки бумажного документооборота, формируя единые киберфизические экосистемы взаимодействия власти, гражданского общества и бизнеса. Внедрение инновационных подходов позволяет государствам оперативно реагировать на глобальные вызовы, оптимизировать бюджетные расходы и обеспечивать высокое качество жизни населения.

Ключевые слова:

модели государственного управления, цифровая трансформация, государство как платформа, GovTech, принятие решений на данных, Agile в госсекторе, цифровой двойник, блокчейн, смарт-контракты, проактивные суперсервисы, электронная демократия, кибербезопасность, суверенитет данных,
цифровые компетенции, эффективный госаппарат.

Концепция «Государство как платформа» (GovTech) образует базовую архитектуру современной цифровой модели публичного управления. В рамках этой модели органы власти функционируют как единый технологический комплекс, предоставляющий доступ к общим данным, цифровым сервисам и инфраструктурным модулям. Сервисно-ориентированный подход смещает фокус с ведомственных интересов на конечные потребности человека и коммерческих структур. Единая среда межведомственного электронного взаимодействия устраняет дублирование функций и существенно ускоряет административные процедуры.

Использование данных как главного актива управления (Data-Driven Governance) позволяет переходить от запоздалой реакции к предиктивному планированию государственной политики. Обработка гигантских массивов информации с помощью систем искусственного интеллекта и машинного обучения обеспечивает глубокий анализ социально-экономических процессов в режиме реального времени. Наличие объективных цифровых метрик снижает уровень субъективизма при принятии политических решений и позволяет моделировать последствия законодательных инициатив до их вступления в силу. Принятие решений на основе данных повышает общую эффективность государственного аппарата.

Применение гибких методологий управления (Agile, Scrum, Kanban) в государственном секторе кардинально меняет подход к реализации публичных проектов и цифровых реформ. Традиционные долгосрочные каскадные модели уступают место поэтапному созданию продуктов с постоянным тестированием промежуточных результатов и сбором обратной связи от пользователей. Формирование кросс-функциональных команд из числа госслужащих, IT-специалистов и аналитиков позволяет оперативно адаптировать государственные сервисы под меняющиеся условия среды. Гибкое управление ускоряет вывод качественных цифровых решений в эксплуатацию.

Развитие систем цифрового участия (e-Democracy) и краудсорсинговых платформ стимулирует формирование нового уровня гражданской ответственности и прозрачности власти. Граждане получают возможность напрямую участвовать в формировании партисипаторного бюджета, голосовать за проекты городского благоустройства и контролировать качество ремонта инфраструктурных объектов. Интерактивные платформы обратной связи позволяют органам власти оперативно реагировать на локальные проблемы и запросы населения. Электронный диалог укрепляет общественное согласие и легитимность принимаемых решений.

Список использованной литературы:

1. Смирнов, П.А. Цифровая трансформация и современные модели государственного управления. Москва: Альпина Паблишер, 2022.

2. Иванов, В.С. Государство как платформа: технологии, данные и сервисы. Санкт-Петербург: Лань, 2023.

3. Кузнецова, Е.М. Инновационные модели и механизмы публичного администрирования в цифровой эре. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024.

© Акмаммедова А.С., 2026